

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2011
№ 7

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров, П.В. Святенков,
А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Константин Крылов

«Земля наша велика и обильна» 3

Егор Холмогоров

Право на земли 17

Антон Сусов

Сепаратизмофобия 22

Олег Неменский

Панрусизм 34

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Национальная революция: сущность, движущие силы, русский опыт.

Круглый стол «Вопросов национализма» 44

Олег Неменский

Бархатные национальные революции: революции в общественном сознании 59

Павел Святенков

Национальны ли оранжевые революции? 63

Елена Галкина

Революция в Египте: «Братья-мусульмане» как матрица гражданского общества .. 67

ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: АРМИЯ

Евгений Морозов

Военная реформа как национальная проблема 87

Александр Храмчихин

Новое вино и старые мехи 100

ПЕРЕВОДЫ

Грегори Глисон

Многополярность, американская исключительность
и переосмысление истории 112

Пьер Илляр

Косово и геополитика Балкан 120

ШТУДИИ

Дмитрий Лабаури

Национальные символы, идеи и мифы в развитии болгарского национального
движения в Македонии и Фракии в 1894—1903 гг. 124

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Дмитрий Крылов

Азбука этнопсихологии 137

ОПОЗДАВШИЕ НАЦИИ

Александр Севастьянов

Гонка цивилизаций: секрет лидерства. Статья третья 159

ЭКОНОМИКА

Иван Русаков

Деколлективизация как «дорожная карта» модернизации. Статья вторая 176

ПОЛЕМИКА

Димитрий Саввин

Национализм: этнический, имперский или этнический и имперский? 194

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Александр Севастьянов

I. Долгие проводы — лишние слёзы. II. Православный социализм:
моделирование прошлого? 207

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Книжное обозрение 233

Авторы номера 239

Summary 240

Константин Крылов

«ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА»

Территориальная целостность как ценность

Одним из самых распространённых обвинений, которые традиционно предъявляют националистам вообще и национал-демократам в особенности разного рода «охранители», «патриоты» и «крепкие государственники», является то, что-де русский национализм, реализуя свои чаяния, непременно вызовет «раскол страны».

Когда обвинителей спрашивают, как они себе представляют этот раскол, те обычно объясняют, что речь идёт об уменьшении территории России, в пределе — «до Московской области». Доказательствами того, что будет именно так, противники националистов себя обычно не утруждают, отделяясь фразами «это всем нормальным людям очевидно и обсуждать тут нечего — кто против России, те враги», после чего продолжают повторять на разные лады исходное утверждение, вдалбливая тезис в головы паствы, на уровне «кто за сохранение России — друг, друг, друг, кто за уменьшение России — враг, враг, враг».

Если в человека, талдычащего про «границы Московской области», всё же вцепиться и потребовать хоть каких-то обоснований, он, после долгих мучений, скажет, что «если русские чего-то себе захотят, тогда татары отделятся» и «мы потеряем Кавказ». На вопрос о том, наш ли сейчас Кавказ

и куда денутся отделившиеся татары, обычно следует ответ, что Кавказ является святыней и краеугольным камнем российской государственности, а татары уж такие хитрые, что найдут, куда деться и как навредить.

Но это бы ладно. Непонятно другое: почему сами националисты зачастую ведутся на навязываемый им тезис. То есть — начинают либо оправдываться, уверяя, что они и в мыслях не имели посягать на «территориальную целостность России», либо, наоборот, начинают «говорить назло», в стиле — «хорошо, если так, то отдайте нам нашу Московскую область». Но само утверждение, что охранители, имперцы и государственники охраняют и берегут «территориальную целостность России», никем не оспаривается, а принимается как данность.

В результате в голове благонамеренного обывателя возникает такая картинка. С одной стороны — русские националисты, желающие свобод, прав, хорошей и спокойной жизни и прочего «национального эгоизма». А с другой — суровые и мужественные Защитники Земли Русской. Которые защищают грудью просторы Родины. И, естественно, защитники просторов выигрывают в глазах публики. Просто потому, что порядка и хорошей жизни на Руси никогда не было, а просторы — вот они. Получается, что русские националисты хотят обменять то, что уже есть, на то, чего нет и неизвестно, будет ли. От добра добра не ищут. Пусть нас, русских, давят, пусть у них на шее сидят, свесив ножки, братские

народцы с ножичками, пусть у русских нет элементарных прав и свобод, пусть нищета, пусть безнадёга. Ведь так было всегда, правда? Зато у нас где-то есть область, которая по территории равняется четырём Франциям. Это хоть как-то утешает в нашей горькой нужде. А националисты хотят у нас отнять последнюю гордость и утешение. Ну не гады ли?

Меж тем стоит разобраться, что же на самом деле защищают защитники «территориальной целостности» и так ли уж сильно они любят нашу землю.

Если речь идёт о «нерушимости границ России», сообщаю проспавшим последние тридцать лет, что за эти годы оные границы неоднократно менялись, причём исключительно в сторону уменьшения. Власть, которая сейчас сидит в Кремле, села туда ценой потери трети территорий страны, в том числе населённых русскими людьми. Потом она неоднократно отрезала от страны кусочки и эти кусочки отдавала другим государствам. Отдавали, отдают и собираются и дальше отдавать. При этом наши «имперцы», «патриоты» и «крепкие государственники» продолжают поддерживать существующий режим, а если его и критикуют, то не за это. Досадают — да, но не более того. Многие даже говорят, что небольшие территориальные уступки только укрепили российскую государственность и ту самую территориальную целостность, так как сняли противоречия с сильными государствами типа того же Китая, который теперь умиротворён и на российские просторы больше не покусится. Не будем спорить с этим сомнительным тезисом, а пока просто зафиксируем: нерушимость границ, «ни пяди родной земли врагу» — к пресловутой «территориальной целостности» прямого отношения не имеет, разве что опосредованное.

Возникает логичное предположение: может быть, у нас имеются какие-то особо священные земли, которые

отдавать нельзя, потому что это убьёт душу и гордость нации, и наши государственники заботятся именно о них? Есть земля, которую можно отдавать, и есть земля, которую отдавать нельзя? Вот имеется у нас такое «русское Косово», и его мы не отдадим никогда и ни за что, любой ценой удержим... Хорошо, но в таком случае покажите мне это наше «русское Косово». Впрочем, я знаю одну такую территорию — Курилы. Они стали «вопросом принципа», да. Но как раз Курилы-то... сами знаете, что позиция российского руководства по этому вопросу как минимум двусмысленная. То есть «острова наши, но торг уместен». Это, может, и лучше, чем «берите сколько унесёте», однако про «святую землю» рассуждать в таком контексте несколько неудобно.

С другой стороны, некоторые части Российской Федерации — Кавказ, например — не являются частью единого российского пространства. На этих территориях не действуют российские законы, на некоторых из них нельзя жить русским, потому что их там истребляют или холопят. Российское присутствие на этих территориях сводится к выплате этим территориям чудовищной по размерам дани, а также исполнению воли проживающих там народов. В обмен на это местные царьки говорят, что их государства являются «частью Российской Федерации». Хотя я с ходу могу назвать несколько куда более пристойных государств, которые в обмен на аналогичные блага тоже будут делать такие заявления. Да вот Приднестровье хотя бы лежит бесхозное. Предложите людям довольствие и права, аналогичные тому пакету, который дали кавказцам, — они ж в Россию войдут, причём не шутейно, а по-настоящему. 4136 квадратов, прекрасный климат, лояльное население, чем плохо-то? Но нет, не берут-с. И не потому, что «далеко и границы нет». С калининградским анклавом тоже границы нет, но его пока держат.

Теперь — самое интересное. Все предыдущие рассуждения касались в основном темы границ. И совершенно не касались того, что лежит в этих границах. Скорее всего, дорогой читатель даже не обратил на это внимания, поскольку он приучен — всё теми же патриотами — принимать одно за другое.

То есть. Патриоты всё время беспокоятся о ГРАНИЦАХ российских земель. Возникает вопрос — а как они относятся к САМОЙ ЗЕМЛЕ? Любят ли они её, ценят ли, вообще — придают ли они ей хоть какое-нибудь значение?

Логично предположить, что люди, которым дорог каждый сантиметр российской границы, считают то, что заключено в этих границах, чрезвычайно ценным. Наверное, они любят родную землю — каждую речку, каждый ручеёк, каждую малую деревеньку? И, конечно же, они хотят, чтобы вся наша земля была «светло светлой и красно украшенной»? Наверняка наши охранители стоят в первых рядах экологических движений, они же — активисты обществ охраны памятников архитектуры, они рекультивируют наши истощённые земли и водоёмы, восстанавливают разрушенные монументы? Или хотя бы — постоянно говорят об этом?

Увы. Наши охранители границ проявляют редкостное равнодушие к тому, что эти границы окружают. Их совершенно не волнует СОСТОЯНИЕ той самой земли, за которую они так цепляются.

Например, практически все «охранители» открыто восхищаются советским методом хозяйствования, предполагающим разорение и уродование земли вообще и в особенности русской земли, земель Среднерусской равнины. Никто из них не возвысил свой голос по поводу *подлинно потерянных* русских земель — например, затопленных земель в долинах Дона и Волги. «Прощание с Матёрой» написал не имперец, дрожащий над каждым сантиметром драгоценной

границы, а писатель-«деревенщик», относящийся к этим самым границам без всякого интереса.

Или вот. Имперцы-землелюбцы, например, всю восхищаются советской атомной программой. Между тем «советский мирный атом» использовался в атомной войне против русской природы: в Советском Союзе практиковались так называемые «мирные ядерные взрывы», проводившиеся в основном на русских землях для «природоустройства». На территории СССР было произведено 124 «мирных» подземных ядерных взрыва, причём 81 из них прогремели на территории РСФСР, которую не щадили абсолютно. Мирным и военным атомом также долбили Казахстан, тогда ещё русский. Все ситуации, когда ядерные взрывы повлекли за собой официально признаваемые государством «аварийные ситуации» (то есть ядерное заражение местности), произошли на территории России. Это потерянная земля в буквальном смысле слова. А ведь советская власть имела большие планы на атомное природопользование. Например, пресловутые повороты рек: так, «советское руководство намеревалось при помощи 250 взрывов прорыть канал и соединить русла рек Печора и Кама, чтобы перевести попадающие в Северный Ледовитый океан воды Печоры в южные части страны, в Каспийское море». 250 ядерных взрывов на русской территории — это фактически ядерная война.

Если уж заговорили о поворотах, стоит вспомнить знаменитый «поворот сибирских рек», предполагавший коренное изменение самой природы России. Результатом которого должно было стать засушивание традиционных русских земель Севера и Центра. Этим «проектом века», остановленным, в том числе, ранними русскими националистами, большая часть наших «охранителей» не только не возмущается, но и восторгаются этим проектом — и говорят, что «из геополитических

соображений» к нему неплохо было бы вернуться, чтобы хотя бы через это «вернуть себе Среднюю Азию» или хотя бы покрепче её к себе привязать.

Прошу заметить: сейчас я не обсуждаю народохозяйственную, коммерческую или пропагандистскую ценность всех этих замечательных проектов. Я хочу подчеркнуть лишь одно: реализация подобных планов нанесла бы значительный ущерб русской земле — той самой священной Территории, ни пядью которой наши охранители не готовы поступиться и в торговле которой они обвиняют своих противников. По идее, у любого охранителя-землелюбца на стене должна висеть карта России с указанием зон радиоактивного заражения, мест открытой добычи полезных ископаемых, зон экологического бедствия и так далее. Ведь это всё — прямой ущерб той самой территориальной целостности, за которую они готовы отдать всё, включая жизнь и свободу русского народа. Ну что толку от области, равной четырём Франциям, если половина её состоит из бывшего ядерного полигона?

Но нет, наших имперцев это вовсе не беспокоит. Более того, они готовы оправдывать любые преступления против русской земли «государственной необходимостью». «Надо было взрывать бомбы», «нужно электричество», «стране надо угля». Впрочем, когда дело доходит до земель нерусских, населённых другими народами, они становятся более отзывчивы: например, когда речь идёт о повороте рек, они готовы озаботиться судьбой Аральского моря. Но вот территорию *русской России*, особенно «Нечерноземье», они готовы целиком и полностью пустить на хозяйственные нужды, «на электричество».

Создаётся впечатление, что наши охранители любят не столько нашу землю, сколько её границы. Их волнует исключительно целостность колючей проволоки и контрольно-следовой полосы.

Впрочем, как уже было сказано, и этими сокровищами они готовы поступиться. И к *реальным* территориальным потерям, внутренним (когда часть страны становится непригодной для проживания) и внешним (когда начальство по своей прихоти отдаёт куски земли другим странами) они относятся, в общем-то, *с пониманием*, ну или, по крайней мере, за сердце не хватаются. Как они хватаются за сердце, когда речь идёт о перспективах строительства русского национального государства.

Что же тогда они охраняют? И, кстати, от кого?

Разделённые государства и их судьба

Если внимательно послушать и почитать речи наших защитников территориальной целостности, то выясняется, что они боятся не уменьшения наших земель, внутреннего или даже внешнего, а РАСКОЛА СТРАНЫ. То есть — появления на «наших землях» ДРУГОГО ГОСУДАРСТВА. Населённого людьми, которые когда-то были российскими гражданами, но переставшими ими быть.

Однако если речь идёт именно об этом, то раскол страны у нас уже типа состоялся и бояться его уже как бы поздно. Причём не первый раскол. При большевиках Россия потеряла Польшу и Финляндию, после большевиков — всё остальное, за что столько боролась и на что положила столько сил. Россия окружена государствами, которые когда-то были её частью, и, соответственно, «бывшими нашими народами». Которые теперь от этой самой России только плюются и знать её, проклятую, не желают. Чего уж теперь-то блажить про целостность?

На это можно ответить следующее. Ну да, распад Российской Империи и потом Советского Союза — великие геополитические катастрофы. Но Россия хотя бы сохранила ядро: земли, населённые русскими. Пусть не все — по-

скольку русские теперь стали крупнейшим разделённым народом, и многие территории, русские даже по крови, теперь за кордоном, Но всё-таки большая часть русских осталась в России. И надо держаться за территориальную целостность государства руками, ногами и зубами, чтобы предотвратить раскол именно русской общности. Ибо если русский народ разделится на разные государства — это будет окончательная гибель всему и вся. На русской истории можно будет ставить крест.

Так ли это? Давайте посмотрим на пример государств, которые и в самом деле были (или даже остаются) расколотыми. В самом прямом смысле — когда государство, населённое одним народом, разделено на несколько частей, и ни у кого нет никаких сомнений в том, что это именно части единого целого. То есть когда раскол вызван чисто политическими причинами, а не, скажем, этническими, языковыми или религиозными.

Классический пример расколотого государства — Китай. Это государство в течение долгого времени было разделено на несколько частей. Во-первых, существует Тайвань, точнее, Китайская Республика, в 1949 г. отделившаяся от Китая. Китай время от времени угрожающе смотрит в его сторону, но остров защищают американцы. Во-вторых, в течение значительного времени на территории Китая существовала британская колония Гонконг, которая сейчас формально воссоединена с Китаем, но имеет очень значительную степень автономии. Вот вам, пожалуйста, расколота страна.

Понятное дело, центральное китайское правительство отнюдь не в восторге от того, что оно не контролирует часть своей территории. Тема воссоединения Гонконга и Тайваня с «большим Китаем» никогда не снималась с повестки дня. Гонконг даже и вернули. Скорее всего, и Тайвань когда-нибудь вернут.

Однако в период, когда материко-

вый Китай жил под властью коммунистов (то есть впроголодь), Тайвань и Гонконг совершили прорыв в будущее, построив у себя процветающую современную экономику. При этом Тайвань умудрился не только разбогатеть, но и осуществить переход от гоминьдановской диктатуры к умеренной демократии, избежав социальных потрясений. Постепенно разрешалось участие в выборах негоминьдановцев, в 1986 г. появилась вторая партия. В 1996 г. были введены прямые президентские выборы, а в 2000-м — на выборах победил кандидат от оппозиции.

Теперь зададимся вопросом: как повлияло существование Тайваня на общекитайскую ситуацию?

Очень долго «весь цивилизованный мир» считал китайцев народом-неудачником, историческим лузером. Так считали и сами китайцы. Получившие европейское образование потомки мандаринов смотрели на своих соплеменников с жалостью и презрением: они видели свой народ дряхлым, вырождающимся, слабым и никчёмным, прозябающим под гнётом иноплеменников и ищущим утешения исключительно в трубке с опиумом... Дальше последовал период смуты, уничтоживший остатки китайской государственности. А коммунистическая власть должна была бы окончательно убить всякую надежду на то, что китайцы способны жить по-человечески. Умные головы кивали бы: что ж поделывать, пять тысяч лет авторитаризма и загнивания — это уже в генах сидит, да-да-да.

Но — существовал Тайвань. Существовал Гонконг. Существовал Сингапур, по сути китайский. Великие Азиатские Тигры, которые вместе с Южной Кореей, тоже разделённой страной, доказали миру, что «узкоглазые» МОГУТ. Страны, ставшие локомотивами мирового экономического прогресса, а теперь уже и прогресса как такового. Это знали все — как западные капиталисты, жадные до при-

были, так и китайские коммунистические руководители, которые морочили ширнармассы пропагандой, но себя-то не обманывали.

Сейчас многие думают: почему коммунистический Китай так легко вышел из страшного тупика, в котором он оказался при Мао, и сумел провести свои знаменитые реформы? Между тем ответ на это животрепещущий вопрос имеет самое прямое отношение к нашей теме.

Во-первых, Китай имел перед собой ОБРАЗЕЦ, даже несколько образцов успешного капиталистического развития. Было у кого учиться, с кого брать пример, кому подражать и на чьих ошибках учиться. Более того, один из этих образцов — Гонконг — вошёл в состав Китая, сохранив при этом свои порядки, и, по сути, оставшись образцово-показательным капиталистическим государством. Реформы Дэн Сяопина откровенно копировали то, что делали «тигры».

Важно было и то, что этот образец был убедителен для всех. Реформаторы сумели выиграть внутривластную борьбу, потому что у и противников не было того убийственного аргумента, который всегда слышат, скажем, российские реформаторы: «западный опыт нам не подходит, народ у нас не тот». Абсолютно все знали, что тот самый народ уже построил великолепно функционирующую современную экономику западного типа.

Наконец, западные «большие люди» (в том числе те, которые принимали решение о налаживании отношений с Китаем и превращении его в полноценного партнёра Запада) точно знали, что на китайцев можно положиться. Это не негры, которые не сумели построить ни одного процветающего африканского государства. Китайцы — лошадь, на которую можно ставить.

В результате реформ Китай стал гипердержавой, которой боится и которой завидует весь мир. И, что характерно — величие Китая было до-

стигнуто не ценой благосостояния китайского народа. Китайские руководители не держат китайцев в искусственной нищете. И хотя большинство китайцев живёт небогато и сами это осознают, но тем не менее по потреблению товаров класса люкс современный Китай уступает только США и Японии. А счастливые жители Шанхая, который полвека назад мечтали о лишней плошке риса, теперь считают мясо едой бедняков.

Наши отечественные мечтатели о «великих империях» и «грандиозных свершениях» должны молиться на Китай как на образец сверх-супергиперуспешного Большого Проекта. И при этом не забывать, что китайский триумф связан, среди всего прочего, и с тем фактом, что Китай был и остаётся разделённой страной.

На это мне могут возразить: пример с Китаем слишком специфичен. Возьмите нормальную страну, а не этих «узкоглазых». Вот, скажем, Германия: страна, всю свою историю страдавшая именно от раздробленности. Пока великие державы укреплялись и наливались силой, немцы прозябали в мелких княжествах и курфюршествах, неспособные к великим делам и побиваемые всеми, кому не лень. Впрочем, по большей части они воевали друг с другом. Лишь Бранденбургско-Прусское государство и Бисмарк, который «железом и кровью» связал немецкие земли, решили эту проблему. И, что характерно, в ту эпоху никто, решительно никто из честных и вменяемых немцев не говорил, что раздробленность немецких земель — благо... Впрочем, это было давно и неправда. Хорошо, посмотрим на новейший раздел Германии, которую всё в том же «распилочном» сорок девятом году тоже разделили на две части. Принесло ли хоть какую-то пользу немецкому народу почти полувековое существование ГДР? Что такого замечательного получили немцы от этого эксперимента, кроме загубленных жизней, нереализованных планов,

а теперь ещё и непомерных расходов, бремя которых несёт объединившееся немецкое государство?

Что ж, отличный пример, давайте его разберём.

Как известно, раскол Германии произошёл не по внутренним причинам, а по внешним. Попросту — немцы проиграли войну, и победители оккупировали всю территорию Германии. Правда, победители быстро перессорились, и в результате каждый откусил себе тот кусок, который смог уцепить.

Страна лежала в руинах, в буквальном смысле слова: двадцать процентов жилого фонда в Западной Германии было разрушено, ещё двадцать — приведено в негодность. От довоенного промышленного производства осталась треть, от транспорта — половина, а сельское хозяйство было отброшено на тридцать лет назад. Производство было устаревшим и нерентабельным. Каждый второй немец был безработным, зато по всей Германии бродили толпы беженцев — страна лишилась четверти территории, и лишние люди не знали, куда себя деть. Деньги не имели цены: все немецкие банки были закрыты, немецкие счета за рубежом ликвидированы. На чёрном рынке расплачивались кофе и сигаретами, а немецкие девушки отдавались американцам за пару чулок. В общем, достаточно было законсервировать такое положение дел, не дав немцам провести эффективные экономические реформы, чтобы о Германии можно было забыть надолго. Что и ожидалось: западные специалисты прогнозировали (читай — планировали), что Германия восстановит довоенный уровень не раньше чем через тридцать-сорок лет, а возможно, и позже.

Однако «холодная война» и раздел Германии резко изменил ситуацию. И западный, и восточный блок боялись, что если доставшаяся им часть немецкой земли и немецкого народа будет лежать в руинах, а за забором наступит процветание, то немцы восстанут.

Больше, правда, боялся Запад — поскольку коммунизм казался опасным и успешным врагом, захватившим пол-Европы. «Левые» настроения в Западной Германии были очень сильны. Поэтому союзники уже в 1948 г. дали отмашку на проведение успешных рыночных реформ и накачали Германию деньгами, необходимыми для восстановления хозяйства. За двенадцать лет полностью разрушенная страна поднялась и вышла в лидеры мировой экономики.

Сейчас все восторгаются гением Эрхарда и Мюллера-Армака, вытащивших немецкую экономику за волосы из болота. Однако не следует забывать, что и приход к власти кабинета Аденауэра, и его политика зависели от оккупационной администрации. Если бы не страх перед «левым поворотом», то, скорее всего, Эрхарду не удалось бы сделать очень много (например, снятия налогового бремени, установленного именно оккупационной администрацией в целях сдерживания немецкой экономики). С другой стороны, всё та же угроза «левого поворота» уберегла немецких реформаторов от «пиночетовщины-гайдаровщины», то есть от демонстративного пренебрежения социальными требованиями в угоду экономической эффективности. Немцам пришлось совершить невозможное — строить рыночную экономику одновременно с социальным государством, а не вместо его.

А что получила ГДР? Да, разумеется, по сравнению со своей западной сестрой, ФРГ, «первое в мире немецкое государство рабочих и крестьян» жило небогато. Но советская власть боялась бесчинствовать на немецкой земле, так как ГДР считалась «витриной социализма». Именно потому, что рядом была ФРГ, что у большинства немцев были родственники по ту сторону границы, что сравнение обоих немецких государств происходило постоянно. В результате в ГДР не было коллективизации, армия была устроена так, что

выходные солдаты проводили дома в семье, люди жили в собственных домах, улицы были покрыты плиткой и обсажены розовыми кустами, и на них царила чистота, невиданная в Советском Союзе, а уровень безопасности жизни был, возможно, одним из самых высоких в мире.

Зададимся вопросом: какова была бы судьба немецкого народа, если бы вся Германия досталась Западному или Восточному блоку? С большой долей вероятности можно предположить, что она была бы куда менее завидной, причём в обоих вариантах. Ситуация «соревнования витрин» оказалась чрезвычайно выгодной для немецкого народа.

Впрочем, у немцев в этом отношении имеется немалый опыт. Стоит напомнить, что великая немецкая культура возникла как культура «расколотой нации».

Но немцы — сложный народ, к тому же от нас далековатый. Можно ли привести примеры разделённых государств поближе к нам, к нашей истории и нашим границам?

Да, можно. Посмотрим на бывшие советские республики. Среди них выделяются две страны, которые могут похвастаться как экономическими успехами, так и впечатляющим прогрессом в деле госстроительства. Это Грузия, знаменитая своими реформами, и Азербайджан, лидер СНГ по темпам экономического роста. По странной прихоти судьбы, обе эти страны считают себя разделёнными. Я говорю «считают», поскольку, в отличие от «химически чистого» китайского или немецкого случая, здесь вступает в силу этнический фактор. Тем не менее именно факт разделённости стран сыграл известную роль в успехе обоих государств. Так, Саакашвили, возродивший Грузию буквально из ничего, пришёл к власти в том числе на волне общегрузинского стремления вернуть потерянные земли. В этом он пока не преуспел (если не считать возвра-

щения Аджарии), но результаты его реформ буквально потрясли мир и перевернули все представления о Грузии и грузинах... Что касается Азербайджана, управляемого семейством Алиевых, то необходимость поддерживать государство в дееспособном (читай — боеспособном) состоянии предохранило её от «туркменизации», в ином случае вполне вероятной.

Дочитав до этого места, даже самый благожелательный читатель будет вправе сердито воскликнуть: ну, Крылов, ты и заврался, совсем за дураков нас держишь! Ты нам пытаешься вкрутить такую идейку — стоит разрезать страну напополам, и на одной из её частей обязательно случится процветание. И при этом ты ещё делаешь вид, что забыл про самую разделённую из всех разделённых постсоветских стран, про злополучных румын, поколотых и так и этак. Много ли счастья обрели румыны?

И читатель будет прав. Третье разделённое государство на территории СНГ, Молдова, если чем и прославилась, так это невероятными масштабами трудовой миграции, а также тем фактом, что в 2008 г. Международный банк признал её беднейшей страной Европы. Отделившееся Приднестровье тоже, мягко говоря, не шикает. А Румыния, с большим основанием претендующая на Молдову как на свою законную территорию, населённую тем же самым народом, — ныне беднейшая страна Евросоюза, где половина населения живёт на грани бедности. В общем, все мучаются.

Что ж, так оно и есть. Но я и не собирался отстаивать ту точку зрения, что любой раздел любой страны в любой исторической ситуации непременно приведёт к расцвету. Это, конечно же, чушь собачья. Разделение единой страны — это всегда её ослабление, причём не «вдвое», а на порядок. И, разумеется, национальная травма, которая изживается долго и мучительно. Так что страдания румынского наро-

да — типичны, а китайский или корейский успехи — нетипичны и нуждаются в объяснении.

Для того чтобы раскол страны принёс стране и народу какую-то пользу, необходимо, чтобы страна, от которой откололся кусок, сама находилась в сложном положении. Если называть вещи своими именами — в положении, когда её естественное развитие ИСКУССТВЕННО СДЕРЖИВАЕТСЯ. Например, в Китае того времени установился малопривлекательный режим, который мы называем «китайским коммунизмом» или «маоизмом», когда народ заставляли то выплавлять чугуны в глиняных печах, то убивать воробьёв, то разбивать головы образованным людям. Германия была попросту оккупирована, и выгоды разделения были связаны с тем, что в такой ситуации два хозяина — особенно ненавидящие друг друга — лучше одного. То же самое мы могли бы сказать и про Корею, с той поправкой, что Северу ну очень сильно не повезло. И так далее: любые «позитивные» стороны разделения той или иной страны всегда связаны исключительно с тем обстоятельством, что со страной что-то очень сильно не в порядке. Тогда соображения типа «пусть спасётся хоть кто-нибудь и потом вытащит остальных» становятся и в самом деле осмысленными. И то: гораздо лучше спасаться всем вместе, единой страной, если к тому есть хоть малейшая возможность. Увы, она не всегда имеется в наличии.

Признавая всё это (ибо это очевидные вещи), мы всё же должны признать: в некоторых ситуациях разделение может иметь позитивные стороны. Которые не отменяют негативных (ибо, повторяем, раскол единого народа и единой страны всегда является национальной трагедией), но и не обращать на них внимания тоже глупо. «Не было бы счастья, да несчастье помогло» — такое бывает и в жизни наций. Из чего, конечно, не следует, что нужно звать несчастье на свою голову.

Сделав эти тривиальные, но необходимые пояснения, вернёмся к теме территориальной целостности России. Из каких же соображений её защищают наши патриоты?

От кого охраняют Россию наши охранители? От русских!

Элита любого государства, что благополучного, что нет, всегда озабочена территориальной целостностью своей страны. Население — тоже. Потеря части территории и населения сделает государство намного слабее, народ — травмирует, а элита лишится части ресурсов и влияния в мире. Соответственно, элита и сама дорожит единством страны и учит тому же самому население. Учит разными способами, начиная от рациональных аргументов и кончая внушением и пропагандой.

Но благополучное государство беспокоится о своём единстве ТОЛЬКО по этим причинам. Элита же государства неблагополучного — типа маоистского Китая или современной Северной Кореи — имеет, кроме этих понятных резонансов, ещё и другие, не столь почтенные. А именно, *страх перед конкуренцией*, страх перед тем, что другое государство, населённое тем же самым народом, продемонстрирует впечатляющие успехи и тем самым наглядно докажет, что избранная «основным» государством политико-экономическая модель порочна, а элита — неадекватна своим задачам и не имеет законного права на власть.

Каковы же мотивации российских элит? Увы, они не лишены указанной выше двусмысленности. Причём началось это не сегодня и даже не вчера.

Есть такая историческая загадка. **Почему у России никогда не было заморских колоний?**

У всех европейских государств они были, даже у мелких, вроде Бельгии с Голландией. А кому не досталось африканской земли или тихоокеанского острова — те о них мечтали и пытались ну хоть что-нибудь откусить от

шарика. Например, Австро-Венгрия, которую часто сравнивают с Российской Империей, не имела заморских колоний, но всё время пыталась влезть хоть куда-нибудь. «Сухопутная» империя Габсбургов готова была взять под своё крыло Никобарские острова (откуда их попросили англичане), почти получила Северное Борнео (это многообещающее мероприятие пресекли, судя по всему, британские спецслужбы), потом пыталась купить у испанцев Западную Сахару, присматривалась к Соломоновым островам и так далее. Впрочем, экспансия австрийцев шла и в северном направлении — как вы думаете, кому принадлежала и в чью честь была названа Земля Франца-Иосифа?

Но Россия заморских колоний не имела и даже не мечтала о них. Более того, когда предприимчивые русские люди (как правило, против воли российского правительства) пытались обустроиться где-нибудь за морем, российское правительство их порыв решительно пресекало. Аляска была продана американцам буквально за гроши. Конкретно — за 7,2 миллиона долларов, что эквивалентно нынешним 104 миллионам долларов. То есть Аляску продали по цене *менее пяти долларов за квадратный километр*. В цену сделки входило и всё движимое и недвижимое имущество, находящееся на территории Аляски. Оплата проводилась не золотом, а безналичными долларами. Были ли эти деньги получены российским правительством, неизвестно — похоже, что нет. И, разумеется, правление Российско-Американской Компании ничего не знало о приготовлениях правительства к продаже Аляски: сделка готовилась тайно.

Повторимся: **пять долларов за квадратный километр — вот она, красная цена «территориальной целостности».**

Понятно, что русские поселения в Калифорнии были, как сейчас выражаются, «свёрнуты», а Российско-

Американская Компания — та самая, которая спонсировала Крузенштерна — ликвидирована.

Впрочем, на это можно хотя бы сказать, что Россия отчаянно испугалась могущественной Америки, а Аляска была «ну такая пустая и холодная». Но когда наивный Миклухо-Маклай предложил Александру III создать в Новой Гвинее «свободную русскую колонию» (в противовес Германии), его с таким предложением пнули из царского кабинета с такой силой, что он приземлился аж в Австралии. В Сиднее он устроился более чем замечательно, но вернулся в Россию и снова вышел с тем же предложением на высочайший уровень — с тем же результатом.

Так было всегда. Все предложения русских энтузиастов на тему освоения каких-либо оторванных от материнской территории земель наталкивались на абсолютно жёсткое «нет». Россия в лице её высшего руководства отпихивалась от заморских владений. Зато огромные силы и средства вбухивались в Польшу, Финляндию, Грузию. Эти необычайно ценные приобретения обошлось России очень дорого, причём во всех смыслах. На возню с поляками и чухонцами положили столько сил, жизней и ресурсов, что хватило бы на полноценную колониальную экспансию.

Причина столь решительного отказа от райских островов может быть только одна. Страх. Осознанный и ясный страх российского правительства перед тем, что райские острова придётся заселять русскими. Которые впоследствии могут *отложиться от империи* и создать хоть маленькое, но своё государство. Могущее, в свою очередь, послужить «смутительным примером» для остальных.

Похоже, что именно поэтому колониальную эпоху — самую блестящую в истории Запада, заложившую основы его могущества, сделавшую Европу абсолютным мировым лидером — Россия даже не проспала, а променжевала.

Огромная страна, полная сил, сидела, скорчившись в мёрзлом углу, пока народы Европы ковали своё будущее в тропиках, под огромными южными звёздами. Российские же властители боялись и глаза поднять на чудесные земли Юга. «Не надо нам, не надо ни золота, не серебра, ни каучука, ни шоколада, ни обезьян, ни попугаев, ни рабов».

Кстати о рабах. Сейчас Россия может гордиться, что русские цари не держали в рабстве ни один «чужой» народ. Однако с точки зрения государственной пользы, на которую так любят ссылаться разного рода «имперцы», завоз рабов в Россию был бы выгодным делом. Например, освоение Сибири и Дальнего Востока примерно теми же методами, которые применялись в США или Великобритании, шло бы куда быстрее. Тем не менее чёрных рабов в России не было. Завезли, правда, прадеда Пушкина — и то не в качестве раба, а в качестве хозяина русских рабов... Впрочем, возможно, российские власти опасались, что теплолюбивые чернокожие поимерзнут. Но в рабство можно было бы обращать и местное население — что, повторяем, вполне соответствовало тогдашним европейским нравам. Однако нет: с местными племенами обращались далеко не самым лучшим образом, но вот покупали и продавали только русских крестьян. Более того, на Урале, в Сибири и тем более на Дальнем Востоке люди были свободнее, чем в Центральной России: там не было крепостного права. Напоминаем, что в Европе всё было наоборот — именно на новоосвоенных территориях широко применялось рабство, причём рабами были прежде всего туземцы... Но русским ни в коем случае нельзя было давать повод почувствовать себя *господами над иными народами* — наоборот, русские всегда должны были склоняться перед любыми чужаками, а господствовать разве что над другими русскими. Русскому помещику дозволено было

иметь русских крепостных, нерусскому — тем более, но вот чтобы *русский господствовал над нерусскими*, пусть даже над самыми убогими и примитивными, — этого было «нельзя давать и понюхать». «Чтобы и прецедента такого не случилось».

При этом желание и способность господствовать у русских были. Позволю себе только одну цитату:

«Нередкими становились случаи захвата не только земли, но и скота, что приводило к вытеснению казахов на новые места или даже за пределы Российской империи. “Обмануть киргиза, подстрелить его — самое обыкновенное для переселенца дело”, — писал будущий известный историк Е. Шмурло. Русские крестьяне, признавал Г.К. Гинс [чиновник Переселенческого управления], часто относятся к казахам с высокомерием и даже с жестокостью. “Это презрение доходит иногда до полного отрицания в киргизах человеческой личности. Бывают на этой почве случаи бесчеловечной и бессмысленной жестокости: крестьяне безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести... *Русские мужики, заражаясь духом завоевателей, нередко теряют здесь своё исконное добродушие, а с ним и ту детскую добродушную улыбку, которую так любил Л.Н. Толстой...* Они заражаются столь распространённой на окраинах с полудиким населением жадной наживы, привыкают к эксплуатации, отвыкают от гостеприимства, — они часто делаются неузнаваемы”» (Анатолий Ремнёв, Наталья Суворова. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой, или «Сомнительные культуртрегеры» // Изобретение империи: Языки и практики. М., 2011. С. 180)¹.

Однако российская власть сделала всё, чтобы сохранить на лице русского народа детскую добродушную улыбку

¹ Источник цитаты: <http://sm-sergeev.livejournal.com/2011/06/30/>.

ку — мужичкам не давали «хозяйничать». Не давали до того, что в русском языке само слово «хозяйничать» (быть хозяином) имеет резко негативную окраску: «хозяйничать» означает «самоуправствовать», и обязательно «дурно и незаконно, не по праву». Что и естественно — ведь хозяйничать русским нельзя!

Зато отдать русских под власть каких-нибудь инородцев, господствующих и угнетающих, — на это российская власть всегда соглашалась, с охотой или без охоты. Более того — она терпела (или даже поощряла) инородческое угнетение русских на собственной территории. Например, в Прибалтике, где русских угнетали *всю дорожку*, и без царя, и добезцаря — только добезцаря это делали не эстонцы с латышами, а остзейские немцы, которым доброе российское правительство выписало огромные привилегии и всячески их ублажало, умасливало и возвышало. Когда же Юрий Самарин описал сложившуюся практику унижения русских в своих «Письмах из Риги», государь император Николай I потребовал у крамольного автора личных объяснений, после чего чуток подержал его в кутузке, а потом вышвырнул в Симбирск. Объяснил, так сказать, наглядно.

Теперь мы несколько лучше понимаем суть заботы о «территориальной целостности». Она состоит совсем не в охране каждого сантиметра российской земли. Российское начальство всегда смотрело на территорию без особенного трепета. Это *всего лишь земля*, на которую наша власть смотрит не просто как на ресурс, а как на ресурс не слишком ценный. Мало где к своей земле относились с таким демонстративным пренебрежением, как в России.

Это и неудивительно. Россия расширялась не столько благодаря усилиям центральной власти, сколько вопреки им. Люди бежали от угнетающей власти, а та их догоняла, тем самым рас-

ширяя пределы отечества. Расширяя без охоты, по необходимости.

Известно, что первым деянием, положившим начало расширению России до её нынешних пределов, было завоевание Сибири. Однако инициатива исходила не от московского правительства. Причиной завоевания было то, что сибирский хан Кучум задел интересы купцов Строгановых, которые снарядили экспедицию Ермака Тимофеевича. Московская власть была буквально втянута в сибирскую авантюру — когда уже стало очевидным, что русские в Сибирь пойдут, под рукой московского царя или без неё. Страх перед созданием Сибирской Руси заставил московских царей войти в дело. «Не можешь воспрепятствовать — возглавь».

Что ж касается завоевательных планов самого государства, то они были направлены на совершенно другие земли — прежде всего западные и южные: Польша, Прибалтика, Украина. Более того, чем менее «русской» была земля, тем привлекательнее она казалась. Бесконечная возня с Польшей, Прибалтикой и Финляндией тому подтверждение.

В настоящее время Россия полностью все эти территории, за обладание которыми было пролито столько крови и заплачено столько золота, утратила. Причём на этих территориях не возникло русских государств, как возникли «британские» государства в Америке, Австралии и Новой Зеландии. Эти территории не пополнили собой русский мир, а стали оплотом мира антирусского.

Нет, мы не хотели бы демонизировать российскую власть *in toto*. Но мы можем с основанием говорить о том, что власть в России всегда осознавала свою *отчуждённость от русского народа* и всегда понимала, что любая другая власть была бы более популярна. «Русским ты мил не будешь, — знал за собой любой владыка земли Русской, — разве только насильно». Со-

ветская власть была антирусской по определению, и, соответственно, отчетливо понимала, что держаться она может только за счёт безальтернативности: русские не должны даже и видеть иного мира, кроме советской сермяги.

А что представляет из себя наш нынешний российский патриотизм?

Чтобы это понять, достаточно послушать любого нашего патриота — из тех, кто особенно озабочен «территориальной целостностью» России. Я мог бы приводить соответствующие высказывания страницами, но пощаду терпение читателя и ограничусь всего лишь одним-единственным примером: патриотическими выступлениями известного телеведущего Максима Шевченко, который отличается в этом отношении особой приверженностью делу защиты территориальной целостности России.

В своём недавнем выступлении в Общественной палате господин Шевченко призвал к принятию законов, запрещающих даже обсуждение темы распада России: *«тех общественных деятелей, которые официально с экранов телевизоров, по радио или в статьях призывают отделить какую-либо часть российской территории, нужно считать преступниками, посягающими на территориальную целостность страны»*. В качестве меры пресечения подобного мыслепреступления он предложил двадцатилетнее тюремное заключение. Не останавливаясь на этом, он предлагает и иные средства сохранения территориальной целостности Российской Федерации, включая, к примеру, такие, как «разбавление» русского населения России азиатами и скорейшее предоставление азиатам всех возможных прав и привилегий:

«Я считаю, что приток в страну азиатского населения — это позитивное явление. Он увеличивает дистанцию между нами и Евросоюзом, а стало быть, служит фактором сохра-

нения территориальной целостности РФ.

С востока России никогда ничего не угрожало со времен монголов. Да и то вопрос, было их появление угрозой территориальной целостности или же фактом преодоления территориальной раздробленности. Потому что именно монголы создали огромное государство, подчиненное единому политическому центру.

Европа сегодня является мировым центром сатанизма и проповедует всё противное человеческой природе — браки содомитов, превосходство денег над здравым смыслом, запрет религиозным людям на предписанную им одежду и т.д. Поэтому всё общение с Западом нужно ограничить форматом внятных экономических, политических и социальных отношений, в остальном же в интересах России предельное отдаление. С этой точки зрения я приветствую возвращение к статусу огромной евразийской державы как союза народов. Только к руководству этой страной нельзя допускать элиты, органически враждебные народам этого пространства. Наши элиты должны быть делегированы самими народами как субъектами истории для того, чтобы эту историю созидать. А вовсе не олигархами, представляющими отдельные этнические группы.

Приток азиатского населения очень позитивно скажется на будущей судьбе моей страны. Только не в рабском униженном виде, как это происходит сейчас, а в качестве полноценных граждан, осознающих свою гражданскую позицию, свои гражданские права и свою гражданскую ответственность. Чем больше в России будет азиатского населения, тем дальше мы будем отходить от Запада, от так называемого «золотого миллиарда».

Здесь всё проговорено настолько ясно, насколько это вообще возможно. И нетрудно понять, чем именно продиктованы эти слова, — всё тем же страхом. Страхом перед русским на-

родом. Страхом, который шепчет, что **российская власть неспособна управлять русскими, какие они есть, и нуждается в качестве подданных в покорных азиатах**, которые будут «носить предписанную им одежду» и не петюкать.

Разумеется, не все столь же откровенны. Но даже тогда, когда наш патриот пытается воззвать к чему-то позитивному — например, когда начинает объяснять, что если Россия расколется, то её осколки станут слабыми, ничтожными, подвластными чужому влиянию, будут поглощены иными государствами — то за каждым его словом, как правило, прячется всё тот же страх. Ведь боится-то он именно того, что какому-нибудь кусочку расколовшейся России удастся УСТРОИТЬСЯ. И весь мир — в том числе и русские по всему миру — увидят, что проклятие российской истории, вечное-бесконечное «земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет», может быть преодолено.

И, понятное дело, охранительство такого толка провоцирует самый натуральный сепаратизм. Многие неглупые люди, столкнувшись с «шевченковской» любовью к Родине, говорят себе: уж если эти гады, мечтающие сажать нас в тюрьмы, а нашу землю отдать азиатам, так боятся раскола страны — пусть же она поскорее расколется на сто частей! Хоть кому-то да повезёт,

хоть какие-нибудь русские (может, в Калининграде, может, во Владивостоке) сумеют зажить по-человечески. А там, глядя на них, и остальные подтянутся. И да здравствует Остров Крым, и Локотьская республика, и непременно, чтобы объявить Новгород вольным городом!

Я к этим мечтаниям отношусь скептически, о чём, наверное, напишу в отдельной статье: не стоит смешивать темы. Пока же подведём промежуточные итоги.

Территориальная целостность страны — несомненно, ценность. Но не россиянином «имперцам» о ней рассуждать. Когда они блажат о «единстве страны» и воют-сокрушаются о её неизбежном-де крахе в случае реализации русскими своих прав, они беспокоятся не о сохранности наших территориальных приобретений, а об удержании русских в униженном и подчинённом положении. Они готовы шантажировать нас распадом страны, пугать, стращать, корчиться, лишь бы не дать русским даже и подумать о том, кому наша великая и обильная земля принадлежит.

Так вот. Цель русских — **ВЕРНУТЬ ЭТУ ЗЕМЛЮ СЕБЕ**. Целиком или частями — как получится. Но в любом случае этот вопрос мы будем решать без самозванных охранителей нашей земли от нас самих.

Егор Холмогоров

ПРАВО НА ЗЕМЛИ

Основной вопрос российской государственности на сегодняшний момент формулируется так: **почему народ, учредивший Российское государство, строивший его и составляющий в нем большинство, лишен каких-либо признаков политической субъектности?**

Государство в целом не представляет его, поскольку оно конституционно многонационально. Регионы не представляют его, поскольку они «просто области и края», а автономные республики не представляют его, поскольку они представляют другие народы России, которые имеют право на политическое представительство.

Все 2000-е годы русские жили надеждой, что их интересы будет представлять федеральный центр, и именно поэтому поддерживали предельную централизацию, отмену выборности губернаторов, отмену одномандатных округов и сосредоточение политического процесса в руках «партий», которые либо плевали на русский народ, либо его «кидали». Мы поддерживали сосредоточение всей власти в одних руках, хотя это де-факто лишало нас каких-либо рычагов воздействия на политическую систему снизу.

Все это шло в обмен на надежду получить единое русское, «квазимонархическое» государство в лице федерального центра.

Закончилось это все грандиозным обманом. Когда центр сосредоточил всю власть в своих руках, он прежде всего перестал обращать внимание на интересы именно русских. Напротив, по отношению к этносам не столь стоворчивым, не желавшим отказаться от своей автономности и этноцентризма и показывавшим зубы, центр

шел на всевозможные уступки, которые к прошлому году стали невыносимы. По сути, перед нами был ползучий Хасавюрт, который оказался по своим последствиям куда страшнее Хасавюрта исторического.

Декабрь 2010 г. обозначил определенный исторический рубикон. Русский народ:

а) осознал, что совершенно лишен каких-либо рычагов представительства своих интересов;

б) осознал, что центральная государственная власть сама по себе не хочет и не может представлять эти интересы, не имеет даже мысли об этом в горизонте возможного;

в) начал искать формы и способы политического представительства.

* * *

Путь к представительству в виде политической партии для русских оказался закрыт. Поскольку совершенно понятно, что любая независимая националистическая партия сразу соберет треть электората, то ни одна из существующих политических сил просто не допустит ее появления.

На региональном уровне выяснилось, что нынешняя асимметричная федерация дальше существовать не может. *Либо ее начнут раскалывать, пытаться вытолкнуть наиболее агрессивные источники дерусификации современной России.* А надо отчетливо осознавать, что главная причина, по которой настроения «отделить Кавказ» стали популярны в известной части политсообщества настолько, что даже Путин, Медведев и Сурков вынуждены вести с этими настроениями *публичную* полемику, состоит в том, что

именно на Северном Кавказе расположены основные источники дерусификации РФ, центры силы, давление которых вынуждает центр все дальше и дальше сдвигаться от русских, все более и более подчеркнуто демонстрировать пренебрежение интересами русских.

Проблема в том, что на Кавказе расположены **субъекты федерации** (еще в некотором количестве они есть в Поволжье), а в Центральном, Северо-Западном, Южном, Уральском, Сибирском и Дальневосточном округах имеются почти исключительно **объекты федерации**. Желание объектов выкинуть из системы крайне агрессивные субъекты может быть и примитивно, но вполне объяснимо законами физики, логики, биологии, психологии и социологии.

Либо «центральная ось» федерации должна сдвигаться в сторону русского большинства. Но и здесь, в поиске способов этого сдвига, существует дефицит решений. Причем в этом дефиците еще и избыток плохих решений, которые лучше только тем, что это решения, а не «нерешения».

1. Либо всё то же «обрезание», которое, возможно (!!!), облегчит одну из чаш весов и тем самым выровняет всю конструкцию.

2. Либо требования унитаризма, то есть ликвидации всех автономных образований или, для начала, хотя бы тех из них, которые населены преимущественно русскими.

3. Либо идея с формированием Русской республики — суперсубъекта, который перевесит все остальные субъекты.

Недостатки идеи 1 много раз обсуждались, в том числе и автором этих строк, и обсуждать их снова заняло бы слишком много времени.

Недостаток идеи 2: это, может быть, и радикальное и наиболее разумное, но очень *болезненное* решение, которое вызовет дополнительные внутренние конфликты и обиды в стране (при-

чем не всегда оправданные — когда автономии лишатся прежде всего этносы, не чувствующие за собой никакой объективной вины перед русскими), а кроме того, оно завязано на политическую волю федерального центра, каковая, как было сказано выше, блистательно отсутствует.

Недостаток идеи 3 — на нее завязано слишком много постсоветских *фобий*, а именно страх, что все земли, которые не войдут в состав этой русской республики, просто отвалятся, и мы получим еще один тур обкарнывания исторической России. Никакие разъяснения, что речь идет о формировании суперсубъекта в составе существующей РФ, центра притяжения, а не центра отталкивания и т.д. — не помогут, поскольку травма, нанесенная ельцинским переворотом 1990–1991 гг., в политическом сознании еще слишком глубока.

Таким образом, все три решения имеют столь существенные изъяны, что простое указание на них позволяет топтаться на месте и оттягивать решение русского вопроса.

Более перспективным решением является требование о *внесении в Конституцию РФ «русской поправки», констатирующей государствообразующую роль русского народа и гарантирующей признание развития русского народа, его языка и культуры приоритетной целью Российского государства.*

Требование внесения «русской поправки» в Конституцию является сегодня базовым для русского национализма и позволяет однозначно отличить националиста от ненационалиста. *Каждый, кто поддерживает «русскую поправку», — русский националист, вне зависимости от своего этнического происхождения и точки зрения на другие политические вопросы. Каждый, кто выступает против «русской поправки», — не является русским националистом, вне зависимости от, опять же, происхождения и своих де-*

клараций о поддержке русских интересов во всем остальном.

* * *

Однако «русская поправка» — *необходимое, но недостаточное* условие решения основного вопроса русской государственности. При ее обсуждении совершенно справедливо указывается на то, что сама по себе она не создает практических рычагов для проведения в жизнь русских интересов — ни на общедоказательном уровне, ни на уровне субъектов федерации, которые по-прежнему остаются безликими и дерусифицирующимися. Понятно, что необходима работа по формированию таких рычагов представительства воли и интересов русского народа.

На общедоказательном уровне — это общественные организации и политические партии, которые могли бы выступать в защиту русских интересов и по общим вопросам, и по конкретным случаям защиты прав русских граждан.

Что бы могло послужить таким инструментом представительства русского народа на уровне федеративного и регионального устройства? *Как выйти из той коллизии, согласно которой Чечня и Удмуртия — это политические инструменты чеченского и удмуртского народов, а Пензенская, Орловская, Псковская области — это не политические инструменты русского народа?* Ведущиеся дискуссии позволяют нащупать некое решение.

А именно: *в составе субъектов Российской Федерации учреждается новый статус, новый формат — субъект земли.* Базовым критерием отличия статуса земли от статуса республики, края, области и т.д. является то, что в уставе данной земли, а возможно и в Конституции РФ, земля определяется как исторически утвердившееся территориальное объединение русского народа, осуществленное в рамках единого Российского государства и обеспечивающее сохранение и развитие язы-

ка, культуры и благосостояния русского народа и других народов, входящих в состав земли.

После учреждения этого статуса существующим субъектам Российской Федерации должна быть предоставлена возможность, на основании волеизъявления граждан на референдуме провозгласить принятие статуса земли. При этом возможны несколько вариантов изменения статуса субъекта федерации:

1. Край, область, город федерального подчинения —> земля.

2. Несколько краев и областей —> земля (или, к примеру, Москва + область = Московская земля).

3. Республика, автономная область или округ —> земля (например, вполне вероятно, что Югорский край захочет самоопределиваться в таком раскладе отдельно от Тюмени).

Другими словами, для субъектов, которые сейчас считаются республиками других титульных народов, не должны быть закрыты возможности изменить свой статус на статус *русской земли* или на смешанный статус. К примеру, Якутия может быть определена как «объединение якутского и русского народа в составе единой России, обеспечивающее сохранение и развитие якутского и русского народов».

При этом трансформация из существующего субъекта в землю вполне может сопровождаться сменой названия на более общее. Например, Ростовская область — Донская земля, Красноярский край — Енисейская земля, Магаданская область — Охотская земля (это к примеру, желания жителей соответствующих областей, понятно, могут отличаться от моих предположений).

Должны ли существовать отличия между нынешним правовым статусом и правовым статусом земли? Несомненно, должны. *Статус земли должен быть гораздо ближе к статусу нынешней республики, чем к статусу нынешней области.* Ее устав должен быть

равнозначен статусу конституции автономной республики. Она должна заключать с федеральным центром договор (можно называть его *рядом*) о взаимном разграничении полномочий в сфере совместного ведения субъекта федерации и центра, причем полномочия земли должны уважаться, и следует содействовать их расширению.

Развитие прав земель вынудит, кстати, федеральный центр, для которого вполне естественно будет стараться удержать максимальную централизацию, более последовательно выступать и за уменьшение непропорциональных льгот для «инородческих» республик.

Существенным правом будет право на развитие регионального исторического облика, который у большинства исторических русских земель существенно различен. Сейчас право на индивидуальность привязано к этничности. Мордвин — имеешь право на региональную индивидуальность. Казак — если громко кричишь, то со скрипом имеешь. Просто русский — получи Филиппа Киркорова. Между тем до XX века земельные различия в России были двигателем ее развития, создавали необходимую большому народу энергию внутреннего движения.

Наконец, каждая земля должна иметь *выборного человека* который представляет ее перед другими землями и государственной властью.

Торопливость в возвращении выборности глав исполнительной власти я считаю неразумной. Губернаторства показали себя не всегда с лучшей стороны, и если о них приходится порой жалеть, то именно потому, что с прекращением выборности упал статус именно русских регионов, в то время как инородческие сохранили многие из своих вольностей неформально. Однако было бы вполне разумным избирать всей землей человека, который, не обладая исполнительной властью, будет обладать моральным и общественным авторитетом, чтобы публично и «придворно» отстаивать интересы земли и

проживающего на ней народа. Лицо это должно быть не имеющим исполнительной власти, но зато имеющим неприкосновенность, право запросов и контроля, а также несмещаемым иначе как через следующее переизбрание. Сроком полномочий такого лица (назовем его, к примеру, *старостой*) мог бы быть срок в три года.

Следующая идея, не обязательная, но вполне логичная. А именно, учреждение *третьей палаты российского парламента* — Совета старост, в который будут входить старосты всех русских земель. Совету старост должны быть предоставлены полномочия предварительного рассмотрения законов, принятых нижней палатой, с точки зрения соответствия 1-й статье конституции (той самой русской статье). Законы, признанные несоответствующими, направляются в Совет Федерации с отрицательным заключением и либо отклоняются, либо направляются на доработку в нижнюю палату. Возможно, было бы проще заменить таким советом верхнюю палату, но я вижу свою задачу в этом очерке — решить вопрос инструментов русского представительства и русской политической субъектности так, чтобы не разрушать ничего из существующих институтов, а лишь дополнять их новыми, которые заточены именно под решение основного вопроса русской государственности.

Еще одной важной стороной «земельной» реформы Российской Федерации должно быть прописывание в конституции «открытости» этой конструкции. То есть если то или иное территориальное объединение русского народа захочет войти в состав Русской Федерации на правах еще одной земли, то ему должна быть предоставлена возможность это сделать. Тем самым будет *открыта законодательная дверь к воссоединению разделенного русского народа*. Но открыта деликатно — без прямых посягательств на признанные сейчас Россией суверенные государственности за ее пределами.

Таким образом, учреждение в составе Российской *федерации земель*, которые в законодательно оформленном порядке рассматриваются как входящие в единую Российскую государственность территориальные объединения русского народа, ставящие задачей сохранение и развитие его языка, культуры и благосостояния, позволит на региональном уровне, уровне конструкции федерации решить те задачи обеспечения прав русского народа, которые ставит требуемая русскими националистами «русская поправка».

Предлагается конкретный механизм, при помощи которого непонятно чьи размытые субъекты федерации с преимущественно русским населением смогут сравнять статус с иноэтническими республиками, превратиться в *русские субъекты*, корректно и неагрессивно обозначить русскую этническую субъектность и придать ей административные и правовые формы.

При этом мы избегаем и напряженности скоростной унитаризации, и фобий «Русской республики», и, возможно, даже беспокойств, связанных с ампутацией: я не исключаю, что, осознав логику происходящих процессов, некоторые северокавказские республики выступят с инициативой формирования Терской земли, охраняющей права как русских, так и кавказских народов. Будет ли этого достаточно? Сложный вопрос, но так, по крайней мере, появляются варианты.

Я, честно говоря, не вижу ни одного значимого аргумента *против* такой конструкции, за исключением аргументов, скрытым посылом которых будет «я против всякой русской субъектности и каких-либо гарантий прав русским и готов не допустить ее любой ценой». Такие аргументы, несомненно будут — и будут весьма точным диагностирующим фактором, но речь ведь не о них.

Наиболее очевидными «*пострадавшими*» при таком развитии собы-

тий будут многочисленные, уже навострившиеся на жареное *региональные сепаратисты*, то есть изобретатели всевозможных сибирских, уральских, казацких, приморских, ингерманландских и прочих «новых наций» на месте растерзанного и обезличенного русского народа. Появление у русского народа возможностей по развитию собственно русской земельной самобытности в рамках единого русского государства, единой державы, понизит акции всевозможных отделенцев и выделенцев до абсолютного нуля.

Поскольку русский национализм строится на том, чтобы обеспечивать сохранение и развитие **единой русской нации**, то этот фактор должен быть еще одним существенным аргументом в пользу поддержки данного решения.

* * *

Итак, по моему мнению, которое я никому не навязываю, но готов энергично отстаивать, конституционная программа русского национализма должна сегодня быть оформлена и осуществлена в двух пунктах.

1. Требование внесения в Конституцию Российской Федерации поправки, определяющей Россию как государство, возникшее на основе самоопределения русского народа и гарантирующее сохранение языка, культуры и благосостояния русского народа.

2. Требование учреждения статуса субъекта федерации «земля», определяемого как «исторически утвердившегося территориального объединения русского народа, осуществленного в рамках единого Российского государства и обеспечивающего на своей территории сохранение и развитие языка, культуры и благосостояния русского народа».

По учреждении этого статуса — предоставление возможности гражданам каждого субъекта федерации высказаться на референдуме «за» или «против» принятия такого статуса и связанных с ним прав и обязанностей.

АНТОН СУСОВ

СЕПАРАТИЗМОФОБИЯ

К вопросу о русских границах

Популярным трендом нынешнего политического сезона, который оформился после актуализации национал-демократического дискурса и старта гражданской кампании «Хватит кормить Кавказ» 23 апреля 2011 г., стало бурное обсуждение вопроса будущих границ национальной России и допустимости отделения от неё тех или иных территорий. На кампанию национал-демократов отреагировали даже руководители государства, в очередной раз заявив, что Северный Кавказ — «опора России». Другой важный тренд текущего года: откровенное размежевание идеологии национал-демократии с тем, что в последнее время принято объединять термином *старонамритизм*. Термин удачен тем, что образно отделяет течения национализма (авторитарно-государственнические, красно-бело-коричневые), популярные в 90-х, от нового демократического национализма, который начал бурно развиваться начиная со второй половины «нулевых».

В ответ на рост популярности национал-демократических идей была развёрнута пропагандистская кампания, в основном силами прокремлёвских «контролёров дискурса», причём как условных «либералов» (Н. Сванидзе), так и условных «патриотов» (С. Кургиян, А. Проханов). При этом основным обвинением в адрес национал-демократов является обвинение в сепаратизме. Сама идеология русской национал-демократии достаточно молода, поэтому многие её положения ещё не успели устояться. Так, молодой тренд русского регионализма и пе-

ресмотра статуса республик Северного Кавказа при неосторожном использовании действительно может дать почву для обвинений в сепаратизме.

Кроме того, современная национал-демократия выступает в двух изводах: первый, представленный Национал-Демократическим Альянсом (НДА) и наиболее известным его идеологом А. Широпаевым, придерживается довольно радикальных позиций, выступает за отделение Северного Кавказа и создание в России нескольких русских республик вплоть до образования независимых государств. Подобный подход действительно можно назвать сепаратизмом; ниже по тексту я буду использовать этот термин применительно к идеологии последователей А. Широпаева во избежание терминологической путаницы. Второй — более мейнстримное течение национал-демократии, представленное коалицией движений Русский Гражданский Союз (РГС, автор данной статьи был среди его учредителей) и Русское Общественное Движение (РОД), а также рядом авторов журнала «Вопросы национализма». Оно стоит на более умеренных позициях, нежели НДА, и исходит из необходимости формирования единой русской нации, хотя и рассматривает русский национализм прежде всего как национально-освободительное движение против колонизаторской политики государства в отношении русского народа. Ранее на позиции умеренной национал-демократии пыталась встать некогда крупнейшая русская организация «нулевых» годов — ДПНИ, но

не смогла пересилить инерцию старопатриотического крыла. Далее по тексту под национал-демократией я буду понимать именно второе течение.

Главный вопрос, на который необходимо дать ответ в данной статье: *как национал-демократы (в данном случае я представляю позицию РГС) видят границы национальной России, означает ли антиимперский дискурс отказ от любых форм внешней экспансии и сдачу тех или иных территорий?*

Поскольку со стороны режима нам оппонируют не мыслители, а пропагандисты, чья аргументация сводится к набору штампов и страшилок, то в данном случае правильнее было бы перечислить фобии, которые агитпроп РФ старательно внушает населению.

Базовой фобией в отношении сепаратизма является довольно распространённая формула *«Если X, то Россия развалится»*, причём на место X подставляется, в зависимости от ситуации, критика власти, борьба с коррупцией, требования справедливого правосудия, ограничения иммиграции или честных выборов. Сама формула довольно удобна и позволяет манипуляторам смещать акценты с развала собственно государства как формы организации общества, действующей на определённой территории, на дезинтеграцию самой этой территории. В результате вне фокуса внимания остаются такие очевидные вещи, что государства как такового в России уже нет (тут вполне удачен термин «несостоявшееся государство»), а полноценное российское государство может возникнуть ровно в тех же границах, что и нынешняя РФ. То есть страшное по звучанию выражение «развал России» означает всего лишь прекращение нынешней российской квазигосударственности, которая едва ли дорога сердцам подавляющего большинства россиян.

Поговорим собственно о фобиях территориальной дезинтеграции нынешнего российского пространства.

Фобия № 1: сепаратизм национальных субъектов РФ

Едва ли найдётся среди интересующихся русским вопросом хоть один человек, не слышавший от радетелей территориальной целостности такую страшилку: *«Если русские потребуют себе прав, то их потребуют и другие народы, и Россия сократится до размеров Московского княжества»*. Замечу, что живучесть этой фобии обеспечивается её регулярным повторением чиновниками, журналистами государственных каналов и иными медиаперсонами, зависимыми от режима. Иными словами, она является составной частью официальной пропаганды и внушается населению намеренно.

В психиатрии частой причиной фобий являются переживания, перенесённые в детстве. Поэтому прежде чем приступать к лечению политической фобии *«Россия сократится до размеров Московского княжества»*, нужно поискать её причины в детстве постсоветской России. Травмирующее воздействие в данном случае оказала война между руководством СССР во главе с М. Горбачёвым и руководством РСФСР во главе с Б. Ельциным, каждый из которых пытался купить лояльность элит национальных субъектов РСФСР.

После принятия декларации о государственном суверенитете РСФСР в июне 1990 г. и последующего известного заявления Б. Ельцина *«берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»* с августа по октябрь 1990 г. прошёл так называемый «парад суверенитетов» автономных республик и автономных областей РСФСР. Автономии отправляли декларации о своём суверенитете Горбачёву, который надеялся таким образом подорвать позиции Б. Ельцина и видел в автономиях РСФСР и других советских республик субъекты грядущего обновленного Союза. Впервые позиция выравнивания прав автономных республик до уровня союзных нашла

своё отражение в Законе «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 26 апреля 1990 г.

Если Ельцин подрывал целостность СССР и позиций Горбачёва через поддержку сепаратизма советских республик (например, признав независимость Прибалтики), то Горбачёв подрывал целостность РСФСР и позиций Ельцина с помощью сепаратизма внутрироссийского.

Часто оппоненты русских националистов вменяют нам в вину распад СССР, мол *«русские захотели свободы, а получили развал экономики и более 20 миллионов русских за пределами России. Если не утихните, то же случится с Россией»*. На самом деле никто в 1991 г. не пытался сохранить Союз «как есть», было лишь соревнование различных дезинтеграционных проектов. Образование РФ в границах РСФСР безусловно означало утрату значительных русских территорий, но тем не менее было меньшим из зол по сравнению с образованием множества независимых государств внутри российских границ, которое произошло бы после неминуемой дезинтеграции мертворожденного «обновлённого СССР».

С тактической точки зрения, временная уступка российского руководства этническим элитам РСФСР была оправдана необходимостью перебить предложение Горбачёва. Однако следовать данному обещанию спустя двадцать лет после поражения Союзного руководства выходит за рамки разумной стратегии. Ведь как учил Н. Макиавелли, *«государь может не быть особенно щепетильным в выполнении своих обещаний. Добиваясь власти, он расточает обещания налево и направо, пытаясь снискать любовь и преданность подчиненных. Но оставаться добрым слишком долго — неизменно тяжкий груз»*. Справедливости ради стоит отметить, что ряд национальных республик всё же утратил свой статус после укрупнения ряда ре-

гионов, что, впрочем, не меняет ситуацию в целом.

Вернёмся к основному вопросу: действительно ли в случае прихода к власти в России национальных сил страну захлестнёт новая волна сепаратизма? Ведь русские националисты, окажись они во главе государства, неминуемо поставят вопрос о статусе национальных республик.

Рецепт № 1: соответствие этнических границ границам субъектов

Чтобы проверить реальность фобии *«Россия сократится до размеров Московского княжества»*, достаточно взглянуть на карту расселения этносов в РФ и сравнить этнические границы с границами национальных республик, а заодно и сравнить процент титульного населения этих республик с процентом русского населения. Мы увидим, что практически никто из коренных народов РФ вследствие разбросанности территорий проживания не способен образовать монолитного моноэтнического государственного образования, а процент титульных наций в них зачастую составляет лишь половину и менее. Как заметил публицист и член РГС А. Храмов в статье «Российская Федерация как наследие Ленина–Сталина» (ВН, № 4), с самого создания смысл существования Российской Федерации заключался в том, чтобы не допустить политического представительства русской нации, об этом, в частности, свидетельствуют слова Сталина из доклада на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г: *«...идя по этому неправильному пути, мы пришли бы к такому положению, в силу которого нам пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить ещё из РСФСР специальный русский ВЦИК и русский Совнарком, что повело бы к большой организационной перетряске, совершенно ненужной теперь и вредной»*.

Территории компактного проживания большинства коренных народов

РФ представляют собой либо анклавов внутри русского этнического монолита без внешних границ с иностранными государствами, либо небольшие очаги расселения, разбросанные за чертой вечной мерзлоты. Едва ли кто-то из них захочет независимости на условиях совпадения новых государственных границ с реальными этническими. Кроме того, большинство коренных народов РФ комплиментарны русским и будут себя вполне комфортно чувствовать в русском демократическом государстве.

Следует учесть и тот факт, что большая часть территорий зауральских национальных республик представляет собой незаселённые пространства, кстати, богатые полезными ископаемыми, формирующими значительную часть бюджета РФ. Но кто сказал, что при обсуждении будущего статуса данных регионов мы должны руководствоваться их нынешними границами только потому, что их там произвольно начертили большевики?

Откуда же на самом деле исходит угроза сепаратизма? Ответ прост: во-первых, угрозу сепаратизма национальных республик в РФ представляет сам факт существования национальных республик; во-вторых, ответственность лежит на тех, вследствие чьей политики русских в России каждый год становится на миллион с лишним меньше и вследствие чьей политики миллионы русских уже уехали из Сибири и Дальнего Востока. Кстати, фобия развала страны тиражируется в СМИ по заказу этих же людей. А ведь в своё время именно снижение процента русских в сочетании с искусственно стимулируемой демографией кавказских и среднеазиатских народов привело к развалу СССР. И сегодня республики с самыми высокими сепаратистскими настроениями среди этнических элит (северокавказские, Тува и Якутия) — как раз те, из которых в последние годы бежало больше всего русского населения либо где русское население дискриминируется.

В начале статьи я уже обмолвился о двух течениях национал-демократии. Необходимо отметить, что идеология НДА (А. Широпаев) действительно имеет значительный сепаратистский потенциал, в последнее время несколько камуфлируемый, но читаемый между строк. Так, если внимательно прочесть резолюцию Учредительной Конференции НДА «О переучреждении Российской Федерации и создании русских республик», то там можно найти такие требования: «заключение между субъектами Федерации равноправного федеративного договора, носящего учреждающий для Федерации характер; переход к строительству Федерации на основе национально-государственных образований — национальных республик; создание путём объединения существующих русконаселённых субъектов Федерации ряда русских республик, которые станут полноправными участниками нового федеративного договора».

Больше всего приведённая цитата напоминает проект сахаровской конституции, по которому СССР преобразуется в Союз Советских Республик Европы и Азии, в составе которого бывшая РСФСР делится на Республику Россия и ряд других республик, образованных из бывших автономий, поднятых до уровней республик. Сама же Россия разделена на четыре субъекта с высокой долей автономности. Кстати показательно, что в самом тексте сахаровской конституции слово «русский» употреблено только применительно к русскому языку.

Главный подвох здесь заключается в том, что и Сахаров, и широпаевцы заявляют о готовности допускать к переучреждению Федерации в качестве субъектов переговоров национальные республики в составе России. Исходя из этой логики, Хакасия с 12 процентами хакасов и 81 процентами русского населения должна выступать в качестве хакасского национального субъекта. Таким образом, несмотря на внешний

антисоветизм, и А. Сахаров, и А. Широпаев имплицитно признают легитимными искусственные национальные границы, проведённые большевиками на теле России, когда к национальным республикам с понятной целью приписывались значительные русские территории. Напомню, что за время существования РСФСР её площадь уменьшилась на одну треть — тот же Казахстан изначально был именно автономией в составе РСФСР, потом поднялся до уровня союзной республики (причём казахского населения там было почти в два раза меньше, чем русского), а затем и независимым государством. По этому пути могли пойти и другие внутрироссийские республики. Кстати, именно с этого начался и чеченский конфликт: Джохар Дудаев с самого начала подчёркивал, что его главная цель — не независимость, а статус союзной республики в рамках обновлённого СССР. Не потому ли наши либералы — соратники Сахарова всегда были такими рьяными чеченофилами?

Наиболее удачным, с точки зрения русских интересов, проектом перестройки СССР был проект Солженицына, который предлагал как можно быстрее распустить Советский Союз и создать новое государство — Российский Союз, включающий лишь восточнославянские народы, в том числе и руссконаселённую часть Казахстана. Прочие народы могли бы войти в Российский Союз лишь «по необходимости» и без государственной автономии. Так мы могли бы получить полноценное русское национальное государство, значительно превышающее по территории нынешнюю РФ. Но увы...

Поэтому прежде всего мы должны ставить вопрос о пересмотре национальных границ субъектов РФ — нельзя обновлять федерацию, признавая субъектом переговоров созданные большевиками квазигосударства. Ленинское наследие в национальной политике должно быть похоронено вместе с его телом. Причём границы

должны быть пересмотрены как можно раньше, если учитывать сокращение ареала русского расселения.

Кроме того, движения народов России за свои права вовсе необязательно являются оппонентами русских националистов. Ведь в России насчитывается более 160 коренных народов, а свои национальные республики имеют лишь немногим более двух десятков. Поэтому пересмотр национально-территориального деления России будет иметь основным требованием именно равенство прав народов, нарушенное большевистской традицией выделять народы первого или второго сорта, когда одни имели свои союзные республики, вторые — автономные республики или округа, а третьи и вовсе ничего. Важным тезисом русских национал-демократов является необходимость в русском национальном государстве принять все положения ЕС по защите национальных меньшинств.

Фобия № 2: «хороший» гражданский и «плохой» этнический национализмы

В ходе кампании против национал-демократов прокремлёвские пропагандисты часто используют термин «уменьшительный национализм», противопоставляя ему «включающий национализм». Последний соответственно предлагает включать в нацию новые народы и часто именуется придворными политологами *гражданским* национализмом. Он предполагает создание единой нации россиян (недавний проект Президента Д. Медведева) либо признание всех граждан России русскими (более характерно для старопатриотической мысли). Оба варианта так или иначе предполагают размытие русской идентичности и противопоставляются «плохому» этнонационализму. Им подыгрывают и некоторые националисты из числа радикалов, предлагающие экзотические и не реализуемые в жизни методики определения этничности. При этом на практи-

ке простой вопрос «кого считать русским» способен поставить почти любого этнонационалиста в тупик. Очевидно, что решить эту проблему можно одним простым способом — исключить саму ситуацию постановки такого вопроса, убрав противопоставление гражданского и этнического национализмов.

Рецепт № 2: русская гражданская нация

Прежде чем говорить о гражданской нации, отметим, что гражданская нация — это именно нация граждан, имеющих права и обязанности. Никакое гражданское общество в России не будет возможно, пока размывается само понятие «гражданин». И пока российский паспорт будет бумажкой, которую можно купить за взятку, приобретая вместе с ней права, но не налагая на себя никаких обязанностей, все разговоры о гражданском долге для коренного населения страны будут пустой демагогией и морализаторством.

Действительно ли этническая и гражданская нация так несовместимы? Я сейчас даже не буду останавливаться на хорошо известном тезисе, что никаких «чистых» гражданских наций история просто не знает, они существуют только в воображении их адептов.

Допустим, мы вносим изменения в Конституцию и объявляем русский народ государствообразующим, а Россию — русским национальным государством. Далее следует сакральный вопрос: кого мы будем причислять к русским и что будет с нерусскими коренными народами России? Смотрим статистику. Если не считать иммигрантов, количество которых измеряется нашими госслужбами с погрешностью в несколько миллионов, то в России проживает почти 80% русских, 84% славян, 90% европейцев. Из оставшихся 10% лишь 2% принадлежат к монголоидной расе, оставшиеся 8% — к смешанным типам. Если учесть, что Северный Кавказ может утратить ста-

тус полноправного членства в РФ, то доля европейцев в России может возрасти до 95%.

Поэтому, если мы определим русского как *коренного жителя России, самоопределяющего себя как русского* (замечу, такое определение является операбельным в отличие от размытых критериев чистоты крови или принадлежности к культуре), это отнюдь не будет грозить размыванием русской идентичности, ведь многие коренные народы России вряд ли захотят ассимилироваться в русскость, если не создавать принуждающих к этому условий. И с вероятностью, близкой к 100% такой русский будет антропологическим европейцем, владеющим русским языком и другими основами русской культуры.

Что касается тех иммигрантов (не считая репатриантов), кто получил российское гражданство после 1991 г., то при необходимости их гражданство может быть пересмотрено. Это, кстати, не будет нарушением международных норм. Так, после восстановления независимости Латвии в 1991 г. право на признание гражданами Латвии получили лишь граждане Латвии на июнь 1940 г. и их прямые потомки. Для остальных получение гражданства стало возможным только после прохождения процедуры натурализации. На сегодня более 15% населения Латвии являются негражданами. Замечу, что Латвия — член ЕС.

Вопрос, кого считать русским и что такое русская гражданская нация, легко решаем на практике. Важно лишь не пускаться в дебри теоретизирования.

Фобия № 3: русский сепаратизм и неспособность русских к государственности

Очень часто в дополнение к фобии о сепаратизме национальных республик добавляют такой постапокалиптический сценарий: *«русские — это имперский народ, если отделить те или иные нерусские территории, то*

русские разделятся на отдельные государства».

Казалось бы, аргумент абсурден, ведь главный стержень государства — его государствообразующий народ, и лишь с исчезновением или сильным сокращением государствообразующего народа исчезает и государство. Но за кажущейся абсурдностью данного аргумента кроется один из фундаментальных принципов российской государственности последних трёх веков: *государствообразующей нацией России являются её нерусские народы*. Артикулируя вслух этот принцип, мы понимаем многие исторические особенности госстроительства в России — от тотального засилья инородцев среди дворян в Российской империи до рассуждений в стиле: «если отделить Северный Кавказ, вся Россия распадётся».

Не скажу, что принцип «этническое меньшинство как государствообразующая нация» уникален. Однако чаще всего он характерен для государств, образованных вследствие захвата одной этнической группой территории другой. Например, германцы-франки захватили кельто-романскую Галлию, создав французское государство и дав ему имя, германцы же (англы и иные) захватили кельтскую Британию, ставшую Англией, не менее воинственные славяне захватили практически все балканские провинции Восточной Римской империи, образовав пояс южнославянских народов и государств. В течение веков происходила взаимная ассимиляция этнического меньшинства колонизаторов и побеждённых в относительно единый этнос.

Случай России необычен тем, что этнические меньшинства были захвачены либо присоединены русскими и частично ассимилированы, частично элиминированы. Однако в итоге народ-завоеватель сам оказался в подчинённом положении.

Сейчас правящим режимом делается всё, чтобы формирования единой нации

(а уж тем более ассимиляции малых народов) не произошло. Причём делается это отнюдь не из благого желания сохранить этническое своеобразие коренных народов — как раз большинство малых коренных народов России вымирает. Напротив, в страну миллионами завозятся некоренные народы, слабо приспособленные не то что к ассимиляции — а едва владеющие русским языком. И хотя делается это под лозунгами мультикультурализма и толерантности, многие коренные народы консолидируются именно с русскими националистами, видя угрозу своему существованию не в «великорусских шовинистах», а в иммигрантах.

Иными словами, цель сегодняшней политики многонациональности не в самой многонациональности, а в подавлении русской государственности — как когда-то завещали большевики.

Что касается русского сепаратизма, у Константина Крылова в его статье «Земля наша велика и обильна» есть крайне важное для понимания этого вопроса замечание: старопатриоты легко соглашались с потерей тех или иных российских территорий при условии, что они отойдут другому НЕ-русскому государству. То есть главный ресурс РИ–СССР–РФ — не территория и не присоединённые народы, а русский народ, подавляемый колониальными методами. Поэтому самый страшный кошмар старопатриотов заключается в том, что кусок исторической России образует независимое РУССКОЕ государство, но уже без кремлёвской власти, и оно с большой вероятностью станет успешнее, чем РФ. Кстати, кошмар вполне реальный: в своё время НБП всерьёз готовила восстание в руссконаселённой части Казахстана, чтобы создать там Другую Россию, поскольку революцию в РФ она считала невозможной.

Этим в частности объясняется, почему у России никогда не было заморских колоний (от той же Аляски поспешили избавиться). Этим же объясняется

поведение всякого рода «защитников соотечественников», которые расплодились на постсоветском пространстве в местах притеснения русского населения. У Павла Святенкова в статье «Кургинянище» есть крайне уместное упоминание интерфронтов, которые «защищали» русских в Прибалтике, Украине и других республиках распавшегося Союза. В то время как народы СССР боролись за свою национальную государственность, русским оставили лишь возможность бороться за интернационализм, а не за собственные интересы. Иными словами, кто бы ни победил, русские всё равно бы проиграли. По той же причине кремлёвские СМИ с такой радостью возмущаются антисоветскими выходками в Прибалтике и Украине и навязывают ложную дилемму противостояния «защитников нашего общего великого советского прошлого» и «наследников гитлеровских коллаборационистов». Ведь никаких русских интересов, помимо защиты советского тоталитарного наследия, не предусматривается.

Разумеется, народы, боровшиеся за свою национальную независимость, победили интернационалистов и образовали независимые государства. И нужно заметить, значительная часть вины за дискриминацию русских на Украине и в Прибалтике лежит на советских интерфронтах, так как именно они выставили русских в этих республиках угнетателями, как будто по рецептам классиков интернационализма, называвших русских «народом-держимордой» (тот же В. Ленин).

В результате, несмотря на поддержку «защитников соотечественников» (а точнее, вследствие неё), русские в бывших республиках повсеместно проиграли. Потому что по логике кремлёвских обитателей, лучше пусть победят местные националисты, чем русские получают хоть какие-то права в независимом от Кремля государстве. Этим, к примеру, объясняется такая слабость поддерживаемого из Москвы

русского движения в Крыму. Ведь никто не позволит РФ аннексировать часть суверенной Украины, а независимый Крым может стать русским государством, что для Кремля неприемлемо. Более того, Кремлю удалось навязать балтийским и украинским националистам свои правила игры, заставив верить, что любые русские интересы могут быть исключительно державно-шовинистическими.

В итоге русские в бывших республиках оказались лишены шанса на нормальный статус национального меньшинства или автономии, а русским в России подкинули очередного внешнего врага и повод сплотиться с кремлёвским режимом, сваливая всю вину за положение русского населения на местных националистов.

И вот здесь мы подходим к ещё одному кардинальному противоречию между мейнстримом национал-демократии (РГС–РОД) и маргинальным сепаратизмом широпаевского толка, ратующим за образование пострусских наций, которые не будут считать себя русскими и, вероятно, будут жить в отдельных государствах. Этот процесс, как пишет сам Широпаев, приведёт к *«возникновению целого ряда русских наций, во многом отличных друг от друга и даже, возможно, имеющих особые имена. Умрет Империя — умрет и имперская “русскость”, такая же искусственная, как и сама Империя»*.

Больше всего этот проект напоминает формирование украинской и белорусской наций, форсированных, кстати, большевиками для недопущения создания русского национального государства. К чему привела большевистская «борьба с империей», мы тоже хорошо помним. Непонятно, правда, каким образом возникновение пострусских идентичностей поможет борьбе с империей (я сейчас даже не обсуждаю вопрос реализуемости такого варианта), ведь любое такое новое независимое от Москвы государство будет считать себя НЕрусским. К приме-

ру, большинство украинцев и белорусов несколько десятилетий назад тоже считали себя русскими, но существование независимой Украины и Беларуси сегодня никак не помогает русской нации в России.

Поэтому приходится признать, что идеологи широпаевского толка, как и украинские и балтийские националисты, по сути, тоже приняли кремлёвские установки: любые русские интересы для них исключительно державно-шовинистические. Борьбу с империей они рассматривают только в призме расставания с русской идентичностью и никак иначе. То есть того, чего реально боится Кремль, — возникновения независимого русского государства, широпаевцы как раз и не хотят. Не стоит считать эти сценарии фантастическими. Так, по информации калининградского управления Росстата, во время последней переписи населения значительное число местных жителей определяли свою национальность как «калининградцы». В случае (достаточно вероятном) отпадения Калининграда от России его жители, скорее всего, поспешат расстаться с русской идентичностью, причём такой вариант устроит как ЕС, так и Кремль, ну и, конечно, будет полностью соответствовать идеалам широпаевцев.

В чём позиция мейнстримной национал-демократии? В том, что мы отказываемся от рассуждений в кремлёвской парадигме, мы не считаем русских имперским народом, мы считаем, что можно быть независимым от Кремля и оставаться русским. Это, кстати, не означает призыва что-нибудь отделить от РФ и поиграть в модернизацию. Ведь на границах РФ уже есть большие территории, населённые миллионами русских.

Те же украинские или балтийские националисты могут приобрести отличных союзников в лице русских национал-демократов. Потому что нормальный русский проект для той же Украины — это борьба с наследием

псевдорусских интерфронтов с их «защитой русскоязычных», это новое молодое русское поколение Украины, которое не ассоциирует себя ни с СССР, ни с РФ и готово вместе с украинцами (независимо от того, считают они себя отдельным этносом или субэтносом триединого русского народа) строить суверенное и независимое от Кремля восточнославянское государство.

Если русский народ получит в Украине статус национального меньшинства в соответствии со всеми нормами ЕС, это будет лучшей гарантией её суверенитета, ведь самый страшный ночной кошмар кремлёвских обитателей — это любой русский суверенитет. Кроме того, признание русского народа в перспективе создаст основу сближения Украины и постлукашенковской Беларуси, которые вместе смогут лучше противостоять нефтегазовому империализму Москвы.

Рецепт № 3: русский регионализм и демократия

Сепаратизм, как правило, возникает там, где хищная метрополия выкачивает ресурсы и истощает национальные регионы. Такая политика проводится сегодня по отношению к русским регионам. Специфика лишь в том, что отделяться русским некуда. Русские могут только создать своё государство на этой же территории. Для недопущения этого государственная пропаганда регулярно внушает русским мысль, что именно на это они и неспособны, что без железной руки и «государствообразующих» народов страна тотчас распадётся на удельные княжества. Кстати, ровно это убеждение разделяют и националисты-старопатриоты. Неудивительно, что в итоге они сошли с политической сцены.

Утверждения о неспособности русских к государственности и о социальной неполноценности нашего народа — это то, ради чего и нужна видимость многонациональности. Русский народ — основной ресурс и основной

расходный материал для нескольких подряд кремлёвских режимов. Не допустить превращения этого ресурса в самостоятельный политический субъект и есть их основная цель. Нерусские народы рассматриваются режимом лишь как средство, тогда как в русском правовом демократическом государстве их статус был бы куда почётнее.

Вопросы и регионального устройства России, и функционирования демократических институтов, и статуса русского народа находятся в тесной взаимосвязи, и один не решается без другого. Дискриминация русского народа — это прежде всего экономическое и политическое подавление русских регионов плюс искоренение демократии на федеральном уровне. Именно поэтому старопатриоты не смогли в своих рассуждениях пойти дальше избитого «русских обижают» и не разродились за двадцать постсоветских лет каким-то подобием экономической программы, отделяваясь абстрактными рассуждениями о государственной поддержке русского народа и возрождении русского села. Ведь субъект поддержки так и не был конкретно определён, а на вопрос «кого считать русским» они не смогли дать адекватного ответа.

Из всех теорий современного русского национализма именно национал-демократия способна дать комплексный подход к проблеме российской государственности, связывая воедино и вопросы национально-территориального устройства, и национальных интересов, и построения демократических институтов и гражданского общества.

Фобия № 4: конец русской духовности и мессианства

В националистическом дискурсе есть неудачная, на мой взгляд, традиция называть старопатриотов имперцами. В данном случае подчёркивается их идеал государства — Российская империя, СССР или Третий рейх. Такое обозначение неверно как минимум

по двум причинам: во-первых, в плане агитации, для широкого электората термин «национал-демократия» пока говорит довольно мало, а империя хотя бы ассоциируется с чем-то большим и сильным. Во-вторых, с содержательной точки зрения, наши старопатриоты ориентированы на российскую квазиимперскую традицию, то есть принесение русских в жертву величю государства.

Обратимся к самому понятию империи. Есть такое определение: империя — это полиэтничное государство, управляемое автократическим режимом и сильно разросшимся бюрократическим аппаратом. Если исходить из этого определения, то современная РФ по задумке её элит является именно империей, причём чем дальше, тем больше в ней этносов (правда, не за счёт захвата новых территорий, а за счёт иммиграции), всё более автократичен режим и бесконтрольнее и сильнее бюрократия. Однако есть ещё один важный критерий: империи существуют ради экспансии основавшего их этноса.

Поэтому называть российских старопатриотов имперцами неверно. Едва ли хоть одна империя начинала с эксплуатации собственного титульного этноса в угоду завоёванным, хотя многие этим заканчивали. Напротив, большинство солдат империи лили свою кровь исключительно ради захвата ресурсов соседей. Для старопатриотов же свойственна идея русского мессианства, называемая то русской духовностью и всечеловечностью, то пролетарским интернационализмом, то расовой солидарностью. Но основная идея там одна — русский народ не должен жить нормально, им нужно жертвовать ради неких высших целей.

Положат ли русские национал-демократы конец русскому мессианству как идее? Если понимать его именно как жертву своим народом, то да, безусловно. Однако это не означает, что русские не смогут предложить новых идей.

Рецепт № 4: империя с точки зрения национал-демократов и экономическая целесообразность экспансии

Означает ли антиимперский дискурс национал-демократов то, что национальное русское государство не будет иметь вообще никаких признаков империи? Ведь объективные условия могут потребовать от русского национального государства вмешательства в дела государств, представляющих угрозу нашим интересам. В некотором смысле национальное демократическое русское государство будет вынуждено вводить отдельные элементы имперской политики. Начнём с наболевшей проблемы Северного Кавказа. Очевидно, что в перспективе Северный Кавказ придётся так или иначе изолировать. В то же время полностью отделять его также рискованно (иначе это бы уже давно произошло), поскольку грозит повторением сценария масхадовской Ичкерии — северокавказские народы пока не имеют собственного опыта государственного строительства, зато до сих пор прекрасно демонстрируют навыки набеговой экономики. Золотая середина — это набор полунезависимых государств с лояльными России правительствами. И вот это уже чистая неоимперская политика.

Другим направлением является Средняя Азия. Одним из основных аргументов против депортации миллионов среднеазиатских мигрантов является опасение, что это пошатнёт экономику среднеазиатских государств и спровоцирует вооружённые конфликты в «мягком подбрюшье» России. Поэтому наиболее логичным шагом со стороны национальной России была бы жёсткая политика по приведению к власти в Средней Азии подконтрольных Москве режимов, которые минимизировали бы угрозы для нашей национальной безопасности за счёт данных государств. Кроме того, сама возможность депортировать миллионы мигрантов является прекрасным ин-

струментом давления на среднеазиатские режимы.

Россия будет вынуждена нести огромные расходы на изоляцию от иждивенческо-набеговой экспансии с юга и вполне логично покрывать эти издержки за счёт самого их источника. Выбор прост — либо за свой счёт, либо за чужой. Но ведь национал-демократия — это и есть *демократия для своих*. Первые греческие демократии, да и ранняя американская демократия и вовсе были рабовладельческими.

Кроме того, в исторической перспективе крах старых европейских империй произошёл всего несколько десятилетий назад, что является слишком малым историческим сроком, чтобы подводить какие-то итоги. Причём все европейские империи, включая СССР, пришли к осознанию слишком высокой цены удержания завоёванных территорий. Для того чтобы европейская цивилизация сохранила за собой лидерство, она должна найти выгодный для себя способ взаимодействия со странами третьего мира.

Национальная Россия может и должна проводить экспансию в той или иной форме, однако эта экспансия будет экономически оправданной. Экономически убыточная экспансия, характерная для советской и отчасти царской России, которой так гордятся наши старопатриоты и в которой они видят «великую жертвенную миссию русского народа», является скорее историческим недоразумением. Причём так было не всегда, ведь есть и традиция использования военной силы для защиты русских экономических интересов. Так, новгородские купцы тайно финансировали ушкуйников — русских речных пиратов, вооружённых по последнему слову времени и совершавших разорительные набеги на Орду. Завоевательный поход Ермака в Сибирь также был продиктован защитой интересов русских купцов Строгановых.

Утрата же наших завоеваний во

многим была предопределена провальной экономической политикой. Взять хотя бы послевоенный контроль над Восточной Европой. Из современного можно вспомнить Абхазию, которая стоила России немалых военных расходов и международного осуждения, зато принесла крайне сомнительные выгоды. Русский бизнес развиваться в «Абхазии для абзахов» не может, собственность русских совершенно спокойно отчуждается, а туризм убог и неконкурентен.

Одним из распространённых заблуждений и отечественных старопатриотов, и либералов является ложная дилемма о том, будто возможно либо сильное государство, вмешивающееся в экономику, либо свободная экономика в слабом государстве. Причём даже имеющийся перед глазами опыт современной РФ эту дилемму опровергает: государство в России практически неспособно выполнять свои основные функции, зато бизнес не чувствует себя спокойно из-за постоянного прессинга госструктур. Для русского национального государства образцом могли бы быть США или Британия, в которых свобода и гарантии для национального бизнеса прекрасно сочетаются с государственной мощью и готовностью её применять.

Русское национальное государство ни в коем случае не должно рассматривать бизнес в качестве дойной коровы, как это имеет место сегодня. Напротив, в современных условиях, когда масштабные захватнические войны невозможны, экономическая экспансия должна признаваться одной из основ мощи государства.

Это понимание приходит. Так, набирающее силу гражданское движение в России, частью которого являются национал-демократы, основывается на понятии собственной выгоды и уважении частной собственности. Как метко отметил один из видных практиков современной национал-демократии

Алексей Навальный: *«Ничто так не стимулирует гражданскую активность, как ощущение того, что кому-то достаются твои деньги».*

Резюме: принципы национально-территориальной политики русского национального государства

Защиту наших национально-территориальных интересов может обеспечить лишь баланс двух базовых принципов:

— расширительный: максимум территории и природных ресурсов;

— сдерживающий: минимум некомплицментарных народов и дотационных национальных территорий.

То есть экспансия, в том числе территориальная, не отрицается, если затраты на неё не перекрывают её выгоды. Кроме того, современный мир позволяет проводить экспансию без непосредственного присоединения территорий. Многие российские корпорации ведут экономическую экспансию на том же постсоветском пространстве, другой вопрос, что народ в целом не является выгодополучателем от этих успехов.

В области внутрироссийской политики мы можем говорить о внутренней экспансии: внутренняя аннексия русских и незаселённых районов из состава национальных субъектов РФ либо в состав сопредельных русских регионов, либо образование новых русских субъектов федерации. Особенно актуально это в отношении богатых ресурсами малонаселённых зауральских территорий, поделённых на республики размером со среднее европейское государство при минимуме собственно титульного населения. Некоторые из них (Якутия) даже не скрывают своих сепаратистских намерений.

Как видим, русская национал-демократия и регионализм не только не посягают на территориальную целостность России, но, напротив, являются наиболее перспективной идеологией её сохранения.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

ПАНРУСИЗМ

Панрусизм — идеология, утверждающая общую русскую идентичность всех восточных славян и отстаивающая идеи их исторического, культурного и политического единства. Её сторонники — русофилы, общерусы, исконники — не признают разделения восточных славян на «три братских народа», очень негативно относятся к украинству и схожим идеологиям и рассматривают государственные границы между восточными славянами как политическую раздробленность. Для панрусизма характерна актуализация таких понятий, как «Русская земля», «единая Русь», «Русский мирь», «Русская вера». «Русская земля» — основная территория Древней Руси с новыми (населёнными восточными славянами позднее) землями, одновременно — каноническая территория Русской Церкви. «Русский мирь» — всё пространство русской культуры и русского языка, объединяющее их носителей во всём мире. «Русская вера» — главным образом православие в русской традиции, но также и другие специфически местные формы восточного христианства, а иногда имеются в виду общие дохристианские верования. «Единая Русь» подразумевает культурное и политическое единство Русской земли и её народа.

Основанием панрусизма является факт русского самосознания, фиксируемый в прошлом у всех восточных славян. Современные исследования показывают, что оно повсеместно распространилось к XIII–XIV вв. Уже в прошлом была единая киево-новгородская Русь, однако её эпоха — IX–XII вв. — стала тем временем, которое вспоминалось как «золотой век»

истории и играла роль своего рода «идентитарного зеркала» для исторической памяти восточных славян разных земель. Русское самосознание в те века было прочно увязано с понятием «русской веры», то есть с принадлежностью к Русской Церкви. Даже когда в XV в. произошёл раскол единой митрополии надвое, это мало отразилось на идентичности, ведь обе митрополии продолжали именоваться русскими, а митрополиты — «всея Руси». Благодаря такому церковному содержанию русской идентичности она распространилась во всех слоях населения — от аристократии до крестьянства. В XIX в. православный житель Архангельска и униат г. Львова, крестьянин Витебской губернии и казак в Оренбургской степи могли не догадываться о существовании столь отдалённых территорий или считать друг друга иностранцами, иметь весьма разные наречия и обычаи, однако им всем было свойственно осознавать себя русскими и тем самым наследовать многовековой идентичности, имеющей единые корни в Древней Руси.

История идеологии

Сама по себе общая этническая идентичность не означает осознания единства народа. Формулирование общерусских идей было делом культурных элит и в разные века облекалось в различные формы и понятия. История общерусской идеологии довольно сложна: она возникала, обретала и теряла актуальность в разные эпохи и в разных землях. Древнерусские летописи иногда говорят о Руси как о всей совокупности территорий восточных славян и Русской церкви, а иногда

только как о территории своего княжества. Впервые задача нового объединения всех земель Руси в единое государство была поставлена великим князем Московским Иваном III Великим, принявшим титул «государя всея Руси». Тогда это была династическая претензия на полноту наследства Рюриковичей, известную из летописей как Русская земля. С тех пор «собрание русских земель» стало важнейшей идеологией московской политики, а чаемое единое русское государство приобрело заимствованное из греческого языка наименование Россия, в чём виделся высокопарный стиль, отвечающий масштабности поставленной задачи. Тем не менее осуществить задуманное объединение в то время оказалось невозможным, и к концу XVI в. в Москве охладели к этой идее. Удалось объединить Северо-Восточную Русь, а Юго-Западная попала под власть Варшавы.

Однако общерусская мысль вскоре оказалась актуальной для православных деятелей Западной Руси. Брестская уния нескольких иерархов западнорусской митрополии с Римом (1596) поставила православие в Речи Посполитой в нелегальное положение. Новая православная иерархия во главе с митрополитом Иовом (Борецким), посвящённая в 1620 г. иерусалимским патриархом Феофаном, находилась на нелегальном положении, более того — преследовалась властью. Тогда в её среде возникла идея покровительства московского царя и будущего объединения под его властью всех русских земель. В митрополичьих посольствах к царю (начиная с первого, во главе с епископом луцким Исаакием Борисковичем, в августе 1624 г.) выражалась идея присоединения Западной Руси к Московскому царству, единства всех русских под одной светской и духовной властью.

Эти идеи стали главенствующими в середине — второй половине XVII в., когда Москва совершила новую попытку освободить западнорусские

земли из-под польского владычества, а многочисленные выходцы из Западной Руси оказались в Москве на важнейших ролях в церковной иерархии, в системе образования и при царском дворе. Благодаря их активному участию начинает складываться русский литературный язык, ставший наследником всей культурной истории не только Восточной, но и Западной Руси. В те годы осуществлялось полноценное взаимопроникновение прежде разрозненных традиций русской культуры, и на основе этого синтеза возникла единая общерусская культура Нового времени. В 1674 г. в Киеве издаётся книга «Синописис» архимандрита Киево-Печёрской лавры Иннокентия Гизеля, содержащая освещение истории Руси с общерусских позиций и ставшая главным учебником русской истории почти на полтора столетия. Историческая схема Гизеля легла в основу русского историописания и во многом сформировала русскую идентичность в Новое время именно как общерусскую. А в 1686 г. состоялось и церковное объединение.

Однако большая часть западнорусских территорий была присоединена значительно позже — уже во второй половине XVIII в., в результате трёх разделов Речи Посполитой. Российская империя тогда открыто руководствовалась идеей возвращения древних русских земель в единое государство, и лозунгом воссоединения были слова «Отторгнутое возвратихъ». Тем не менее объединение опять оказалось неполным — часть земель Древней Руси перешла к Австрийской империи, а общерусская идеология уже в начале XIX в. стала для имперского центра малоактуальной.

Культура XIX в., эпохи национализма, несла с собой появление национальных идеологий почти у всех народов Европы, однако идеи общерусского единства так и не получили национального оформления. Раннее заявление общерусского националь-

ного проекта было сделано Павлом Пестелем в «Русской правде» (гл. II, пар. 3), однако в последующее время абсолютное господство приобрела государственническая идеология единой Империи, которая, по сути, блокировала оформление общерусского национального проекта. Кроме того, новое имперское историописание изменяло акценты. Если для Гизеля важно видеть единую историю всей территории Русской Церкви (то есть всей Русской земли), то для Николая Карамзина важна история российской государственности, и значимость тех земель, которые в те или иные столетия находились вне неё, казалась ему второстепенной. Так русская культура и самосознание в Восточной Руси стала приобретать всё более односторонний восточнорусский характер.

Однако в середине XIX в. панрусский проект вновь возник и получил большое развитие, но не в Российской империи, а в русских землях, в неё не входивших: в Галичине, Буковине, Угорской Руси — на территориях т.н. Подъярёмной Руси тех лет. Местное русофильское («старорусское») движение, центром которого стал город Львов, взяло на себя основные усилия по формулированию общерусских идей во второй половине XIX — первой половине XX в. В крае развернулось мощное народное движение во главе с интеллектуалами и общественными деятелями, объединёнными в русофильские организации: Ставропигийский институт, Русский Народный Дом, Общество имени Михаила Качковского, Галицко-русскую Матицу, Русское культурно-просветительное общество им. А.В. Духновича и др. В сущности, творчество западнорусских русофилов тех лет было и остаётся основным корпусом текстов в теории общерусской мысли.

Но и на западнорусских землях, входивших в Российскую империю, в те годы появились сильные движения общерусской направленности. В Бе-

лой Руси получило развитие интеллектуальное течение западнорусизма, утверждавшее местную специфику в рамках общерусской культуры и защищавшее русскую культурную традицию на территории Северо-Западной Руси. В Малороссии сходным по мысли было раннее украинофильство, ставшее во многом реакцией на определившийся в то время восточнорусский крен в культурном самосознании московско-петербургской среды. Ранние украинофилы утверждали двусоставность Руси, большую значимость южнорусской традиции для общерусской культуры, самоценность местных особенностей и право на их развитие. Тем не менее во второй половине XIX в. наработки украинофилов были использованы для создания идеологии, принципиально оппозиционной общерусской мысли и основанной на отрицании каких-либо панрусских интерпретаций истории и культуры. К концу века это направление выродилось в идеологию отрицания самой русскости вообще где-либо в прошлом и настоящем и замены русской идентичности на новую, имеющую иное происхождение.

Начало XX в. было ознаменовано запоздалым появлением в России собственно русской идеологии национального строительства, однако основное внимание её теоретиков было приковано не к общерусскому аспекту русской идентичности (который просто считался само собой разумеющимся), а к положению русского народа в Империи. Складывавшийся параллельно украинский национальный проект вызывал негативные реакции, но было лишь несколько сколь либо заметных попыток оспорить его основания. Пришедшие к власти большевики практически приостановили развитие общерусской мысли и полностью легализовали альтернативные национальные проекты, создав Украинскую и Белорусскую советские республики и проведя масштабную политику «ко-

ренизации», выражавшуюся в дерусификации населения обеих республик. Присоединение западнорусских земель в 1940–1945 гг. к СССР сопровождалось полным разгромом местного русофильского движения и жёсткой украинизаторской политикой. Официальная историография в те годы встала на позиции, согласно которым в Киевской Руси существовала единая «древнерусская народность», которая уже с XIV–XV вв. распалась на три отдельных «братских народа». По большому счёту, бытование общерусской мысли было ликвидировано и во второй половине XX в. теплилось только в эмигрантской среде.

И всё же в советском подходе осталось представление об общерусском периоде истории (Киевская Русь), что подспудно сохраняло и панрусские представления о восточных славянах. Распад Советского Союза, казалось бы, только закрепил разделение Руси. Однако он же спровоцировал и поиски оснований для реинтеграции, которая впервые за много лет стала действительно волновать русское общество по разные стороны границ. К началу XXI в. стали всё чаще появляться публикации сознательно общерусской направленности, что позволяет говорить о возрождении панрусизма как вновь актуальной культурной и политической идеологии. Благодаря многочисленным дискуссиям между его сторонниками и противниками в сетевом пространстве возникло его новое наименование, данное поначалу оппонентами, — *исконничество*. Оно подчёркивает важнейшую сторону русофильства: указание на исконный характер русской идентичности для восточных славян и очень поздний и во многом искусственный характер альтернативных самоназваний и соответствующих национальных проектов (в первую очередь украинства).

Тем не менее говорить о том, что сегодня сформировалась современная панрусская идеология, всё-таки рано.

Общерусский взгляд, будучи одним из наиболее старых и распространённых у восточных славян, в то же время остаётся одним из наименее проработанных в теоретическом аспекте и очень слабо представленным в современной политике. Основная причина здесь, наверное, в том, что он давно не был идеологией государственной власти, и развивался только усилиями гражданского общества и отдельных интеллектуалов. Кроме того, в течение многих десятков лет он находился под официальным и очень жёстким запретом, подкреплённым действиями государственной репрессивной системы. Да и в постсоветское время — опять же находится на положении нелегальном, оппонируя официальным идеологиям всех государств, включающих автономное русское население.

Панрусизм и русофильство — близкие понятия, однако имеют существенное различие. Панрусизм — идеология политического и культурного единства всех восточных славян, тогда как русофильство является просто реакцией на появление иных — сознательно антирусских — идеологий. Русофилы (старорусы) отстаивают старую русскую идентичность против политики по замене её на новую, нетрадиционную. Сама эта защита не предполагает обязательного следствия в виде идеологии общерусской взаимности и политического объединения. Более того, в политической сфере русофил может быть сторонником весьма различных идеологий, и «проект большой русской нации» нередко оказывается менее предпочтительным, чем, например, т.н. русское «имперство», гораздо мягче относящееся к дерусификаторским практикам, но зато предлагающее объединение многочисленных народов под одной государственной властью.

Несомненно, что на современной Украине, да и в России русофильство — более распространённое явление, чем сознательный панрусизм. Последний пока что недоста-

точно оформлен именно как идеология и мало известен, тогда как сознательно русофильский настрой является повсеместной реакцией на антирусскую политику официальных властей. Однако стоит отметить, что сама русская идентичность по своей природе предполагает общерусские сентенции: она хранит память о временах единой Древней Руси, она несёт с собой общерусскую культуру. В эпоху национальных идеологий, когда крупные этнические имена обретают свои проекты политической консолидации и формы национального бытия, любая рефлексия политического приложения русофильства имеет неизбежную интенцию обращаться в панрусизм.

Основные свойства панрусизма

Важно отметить, что панрусизм предполагает мышление поверх современных государственных границ, и более того — склонен к их отрицанию как антирусских. Общерусская идеология имеет дело с памятью о былом единстве Руси и с традицией собирания русских земель, а его актуальное политическое пространство — каноническая территория Русской Православной Церкви. Вследствие этого он не может быть закрыт на внутренних проблемах только одного государства.

Впрочем, сами формы политического единения Русской земли видятся очень по-разному и являются для сторонников панрусизма дискуссионными. Москва, как исторически наиболее сильный центр Руси, в своё время и поставивший задачу собирания русских земель, не всегда видится желанным центром для будущего единения. Стоит отметить, например, что русофильские деятели той же Галичины далеко не всегда были одновременно москвофилами, хотя в историографии эти два аспекта часто путаются. Наоборот, ориентация на Москву оказалась свойственна целому ряду деятелей украинского национализма. На протяжении долгого времени Москва проводи-

ла политику подавления русофильства и общерусских движений, её и сейчас трудно назвать собственно русским политическим центром. Целый сонм исторических идеологий Москвы как сакрального центра определяет то, что москвоцентризм был и остаётся основным направлением в панрусизме, и всё же надо подчеркнуть — далеко не единственным.

Общерусской идеологии свойственен ряд важных особенностей, определяющих её место в отношении других национальных проектов. Главное её свойство — сознательная интеграция и актуализация местных (краевых, земельных) патриотизмов, их утверждение как значимых составляющих общерусского культурного и политического пространства. Такой подход основан на тройственной структуре русской этнической самоидентификации. Русское самосознание обыкновенно предполагает совмещение с более частным, местным уровнем идентичности — великорусским, белорусским, малорусским, казачьим, поморским, русинским, сибирским и т.д. Один уровень другому исторически не противоречит, и более того, с необходимостью его предполагает. Впрочем, субэтнический статус этого краевого уровня в ряде случаев может оспариваться, так как свойственен более всего городской среде, осознающей местное своеобразие, и обыкновенно слабо отражён в простонародном сознании. Однако в любых политических актуализациях русской идентичности он оказывается необходимо важным. Собственно, современное русофильство и представлено главным образом идеологиями и движениями, основанными на местном патриотизме, защищающими историческое своеобразие и культурные особенности отдельных регионов Русской земли, но не отрицающих общерусской идентичности и вписывающих все эти особенности в общерусский контекст.

Тройственность структуры обу-

словлена наличием и более общего уровня этнической идентичности — славянского. Это не просто осознание языковой близости ряда народов. И не для всех славян славянское самосознание было значимым — к примеру, для польской идеологии времён шляхетской республики славянские родовые корни были сомнительны, а иногда и вовсе отрицались. Радикальный нацпроект в Белоруссии настаивает на своих балтских корнях, некоторые вариации казакйства — на тюркских, а украинская идеология, наоборот, исходит из отрицания славянской принадлежности великороссов. Но для традиционной русской идентичности славянство было не этнографическим термином, а определением духовного сообщества народов. Как русское самосознание основывалось на конфессионально-церковных понятиях, так же и славянство виделось как сообщество народов-церквей, чей язык богослужения был церковнославянский.

Для мыслителей русского Средневековья славянство представлялось единой духовной общностью. Иная конфессиональная принадлежность некоторых других народов, в обиходе говорящих тоже по-славянски, объяснялась их позднейшим отступничеством, однако подчёркивалась общеславянская значимость миссии свв. Кирилла и Мефодия. Это особое внимание к славянской идентичности получило уже в XIX в. новые формы в славянофильстве и панславизме. Оно и по сей день остаётся очень значимым свойством русского самосознания, всегда тяготеющего к славянской взаимности. Славянская составляющая — важнейшая и для панрусской идеологии.

Различные национальные проекты у восточных славян по-разному актуализируют те или иные уровни их идентичности. Для одних из них свойственно выводить субэтнический уровень с автономного на национальный (как, например, советский вариант бело-

русского проекта). Для других теоретической основой является отрицание какой-либо русской общности в настоящем, а часто и в прошлом, причём на разных основаниях — и этнокультурных, и государственно-гражданских. Так исторически сложилось, что именно эти проекты сейчас являются официальными для Российской Федерации и Украины.

Все идеологии, основанные на полном отрицании общего для восточных славян значения русской идентичности, так или иначе связаны с польской культурой и специфическим для поляков видением пространства на восток от них. Польская опция Руси определяет её только по восточной границе Речи Посполитой и отрицает принадлежность к ней «Московии». На утверждении о том, что эта старая политическая граница является также и этнической, основан украинский национализм и близкий к нему вариант белорусского. Даже несмотря на то, что говорить о победе украинского проекта на самой Украине пока что рано, украинизаторская политика всё равно остаётся эффективным средством дерусификации её населения. Будучи наследником многовекового присутствия поляков на землях Западной Руси, украинство стало главным оппонентом панрусизма, основной идеологией раскола общерусского пространства.

Во многом те же польские корни имеет и современная российская идеология россиянства, то есть создания особой нации россиян в границах современной РФ. Изобретённая в польской культуре российская нерусская идентичность («rosjanie») теперь навязывается государственной властью как основная для всех граждан страны, хотя на деле вся эта политика дерусификации оказывает влияние только на русское население. Единственное значимое отличие россиянства от украинства состоит в том, что оно не навязывает иного языка, оставляя русский

литературный в качестве официально-го. Однако сама русская идентичность считается опасной для стабильности государственной системы и постсоветского статус-кво, а потому существует на нелегальном положении: о ней нет упоминаний в законах, запрещается создавать какие-либо структуры гражданского общества на её основе. В этих условиях русофильство, так же как и на Украине, становится главным оппонентом официальной идеологии.

Примечательно, что и украинство, и россиянство основаны на искусственно создаваемых идентичностях: в отдалённом прошлом нет свидетельств существования ни этнических украинцев, ни этнических россиян (если, конечно, считать наличие самосознания, выраженного в самоназвании, необходимым условием существования этничности). Это само по себе ставит такие проекты в весьма уязвимое положение, так как европейские нации всегда создаются на основе какой-либо этнической идентичности, а не фантазии. А исторической формой самосознания на территориях претензий россиянства и украинства является только русская.

Российский национальный проект сознательно основан на имперских корнях (на них базируется тезис о многоэтничности российской нации), однако иногда использует для самообоснования старую великорусскую идентичность. Сама по себе она представлена в народе очень слабо, а на деле обыкновенно проявлялся в сужении понятия о русском до пределов Центральной России или же большей части Российской Федерации. Такое смысловое сужение было декретировано советской национальной политикой, оставлявшей русское имя только для коренных славянских жителей РСФСР и потомков переселенцев из РСФСР в других республиках. Однако ни до, ни в результате этого великорусский национальный проект так и не сложился.

Для дореволюционной России национальные формы мысли были вообще неактуальны, а «русский народ» времён Советского Союза был просто сужением русской идентичности за счёт откола от неё Украины и Белоруссии. Никаких специфических для великорусской краевой традиции оснований для суженного «русского народа» не создавалось, более того, сама великорусская идентичность постепенно стала совсем неактуальной и малозначимой. При этом в советские же годы великороссы наравне с невеликорусским населением РСФСР (казаками и проч.) подверглись активным стандартизационным практикам через систему образования и СМИ на основе общерусской культуры. Получившаяся в результате современная русская идентичность не носит узко великорусский характер, но может быть, именно поэтому оказалась гонимой в постсоветской России.

Одним из следствий долгого запрета на русскую идентичность для Украины и Белоруссии стало появление т.н. идеологии «славянского национализма», несмотря на своё название претендующей только на объединение восточных славян и вовсе не наследующей прежним панславистским идеям. Современный проект «воссоединения славянских народов» — это паллиатив панрусизма, возникший в условиях дерусификации сознания основной части населения Украины и Белоруссии. Тем не менее эта идеологическая форма не раз заявлялась как официальная в Белоруссии, она также является руководящей для целого ряда гражданских и политических организаций во всех трёх государствах, ратующих за их воссоединение.

Популярность лозунгов реинтеграции русского пространства на основе славянской взаимности свидетельствует о том, что панрусская идеология по-прежнему актуальна и на неё существует большой общественный запрос, изредка имеющий выражение

даже в официальной риторике властей трёх стран. Актуализация в нём именно славянской идентичности обусловлена необходимостью считаться с сильнейшим искажением и сужением прежде общей для восточных славян русской идентичности и сохранением в массовом сознании тезиса советской пропаганды о «трёх братских славянских народах — русских, украинцах и белорусах». Можно сказать, что эта идеология является формой инобытия панрусизма в постсоветских условиях.

Актуальность проекта

В этом плане представляется особенно важным остановиться на весьма распространённом в последнее время тезисе, что «проект большой русской нации не состоялся» и потому должен уйти в прошлое. Тезис глубоко ошибочный, так как игнорирует и историю становления этого проекта, и его современное состояние.

Во-первых, факта поражения проекта «большой русской нации» не было уже просто потому, что общерусского национализма как чётко сформулированной идеологии и соответствующих политических практик до сих пор не существовало. Был факт общерусского самосознания, были проявления его негативной реакции на заявления украинского национализма. Наиболее явные попытки создать такой проект были только за рубежами России — в Австро-Венгерской империи и в эмигрантских кружках, и там действительно шло его соперничество с украинством. Однако осуществлённый официальными властями Вены, Варшавы и Москвы разгром общерусского движения вряд ли можно считать его поражением в конкурентной борьбе. В то же время в России этот проект не успел сложиться и стать идеологией государственной политики, а после прихода к власти большевиков сама общерусская идентичность оказалась под запретом. По сути, только сейчас появились интеллекту-

альные и политические условия для полноценного создания такого проекта, и то без какой-либо поддержки со стороны официальных властей.

Во-вторых, главное условие для существования такого проекта — общерусское самосознание — по-прежнему живо, пусть и немало искажено. Оно частично сохранилось в советское время благодаря принятым тезисам об общей древнерусской народности, а также благодаря тому, что официальная культура в РСФСР наследовала именно общерусской культуре. Актуальность общерусской опции ярко проявляется в негативном отношении большинства русских к факту отсоединения Украины и Белоруссии, а господствующее отношение к украинскому национализму можно определить как неприкрыто враждебное. Не менее ярко проявляется и запрос на воссоединение среди населения Украины и Белоруссии: его постоянно фиксируют соцопросы, на его лозунгах постоянно выигрывают выборы.

В-третьих, спустя двадцать лет после распада СССР уже можно с определённой уверенностью признать, что альтернативные проекты украинской, белорусской и российской наций в том виде, в каком они замышлялись, оказались несостоявшимися. При максимально благоприятных политических обстоятельствах эти проекты не смогли утвердить свои идентичности и свои культурные формы, осуществить на их основе внутригосударственную интеграцию. Есть факт господства у абсолютного большинства населения всех трёх государств общерусского литературного языка — главной основы панрусизма. В наши дни большинство восточных славян характеризуются отсутствием определённых форм национальной идентичности и остаются попросту не втянутыми ни в один национальный проект.

В-четвёртых, сам факт победы украинства на некоторых территориях (Западной Украины) никак не отменяет

общерусское самосознание и проекта, на нём основанного. Да, украинцы как новый народ — в нескольких областях уже состоявшийся факт, но он никак не обязывает остальных восточных славян отказываться от своей исторической идентичности и принимать ново-созданные идентичности. Целостность территории всей Русской земли — не обязательное условие существования русскости.

Всё это говорит о том, что проект большой русской нации, то есть проект культурной и политической общности восточных славян на основе русской идентичности — это ещё дело будущего, и для его формирования и осуществления есть немалые предпосылки. Да, исторические и политические условия нашего времени для его реализации крайне невыгодны, но на него есть растущий запрос, который нельзя игнорировать. И главное — по сей день существует русская идентичность, которая может иметь масштабные политические актуализации, разве что ей требуется осторожная реставрация и модернизация.

Задачи современного панрусизма

Современный панрусизм взывает к большой культурной работе. Сейчас для русофильской общественности главной темой является конфликт с украинским национализмом. Несомненно, украинский вызов важен и именно вокруг него, как реакция на него, формируется современный панрусизм. Именно по линии принятия или непринятия украинства проходит основное идентитарное и идеологическое размежевание на современной Украине, да и в России идейное принятие украинства — необходимый путь утверждения для россиянства, а пробуждение русскости сейчас чаще всего идёт через отрицание украинского национального проекта.

Однако борьба с украинством не может быть способом построения общерусского проекта, а лишь вспо-

могательным обстоятельством, своего рода полезным раздражителем. Другой такой раздражитель — идеологии и практики русофобии — также имеет огромное значение, и реакции на неё необходимы для становления современного русофильства. Сознательное оппонирование русофобским мифам, противостояние любым проявлениям русофобии — важнейшая составляющая панрусизма.

Однако основная проблема для любой политической актуализации русскости — это инвалидное состояние самой русской идентичности. Из XX в. она вышла в крайне искажённых формах: нарушены не только её территориальные формы, но и её исторические критерии самоопределения. Дискурсы национальной идентичности, внедрённые в сознание в советское время, имели мало общего с прежней русской идентичностью, однако по сей день сохраняют своё абсолютное господство. В не менее плачевном состоянии находится и русская историческая память, которую переформатировали школьные учебники советских лет и которая до сих пор не имеет серьёзных возможностей для восстановления.

Реставрация русской идентичности и русского исторического мышления, исторической памяти — вот основная задача русофильского, панрусского движения в наше время и на обозримое будущее. Только в случае успешного продвижения в этом направлении русская идентичность станет достаточно сильной, чтобы обрести официальный статус. И только тогда может появиться возможность принимать законы о русских как о разделённом народе и начинать проводить идентитарно русскую политику.

Перед общерусским движением стоят три основные задачи, следующие одна за другой.

Первейшая и самая важная состоит в *утверждении русскости на Русской земле, господства исторических форм русской идентичности и традиций*

исторического самосознания. Важнейшая составляющая этой задачи — дальнейшая разработка и общественная презентация местных патриотизмов, составляющих общерусский проект, — малорусской идеологии, западнорусизма, русинства, русской идеологии казачества, Новороссии и т.д.

Следующая задача состоит в *необходимости официального признания в государствах с автохтонным русским населением широких прав русского народа и необходимости проведения русской политики.*

Третья задача — *административно-политическое объединение Русской земли.* При этом формы такого объединения остаются дискуссионными: от межгосударственного союза до единого унитарного государства.

Политически расколота Русская земля в наши дни является ареной борьбы самых разных национальных проектов. Общерусская идеология была и остаётся одной из самых распространённых, однако наименее представленных в политической сфере, находясь в положении гонимой всеми официальными властями. И тем не менее большой спрос на защиту русского языка и русской идентичности, на реинтеграцию территорий РФ, Украины и Белоруссии, а также слабость ныне реализуемых национальных проектов позволяют говорить о новом формировании панрусизма как мощного идейного течения, которое наверняка окажет большое влияние на наше общее политическое будущее.

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
- Анонсы новых материалов
- Интервью с авторами, статьи и рецензии
- Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала

Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СУЩНОСТЬ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, РУССКИЙ ОПЫТ

Круглый стол «Вопросов национализма»

Константин Крылов, главный редактор журнала «Вопросы национализма»:

— Я позволю себе потеоретизировать по поводу отношений нации и революции. То есть тема моего выступления — нация и революция, как связано одно и другое.

По большому счету национализм является определенным этапом развития народа. Народ становится нацией в совершенно определенный момент, когда народ начинает претендовать на те права и обязанности, которые до сих пор всегда ассоциировались только с аристократией.

Разумеется, народ не может претендовать на все права господ. Есть права, которые по своей природе эксклюзивны — например, право владеть крупной собственностью или рабами. Но такие права отрицаются за всеми вообще. Именно эта сторона дела обычно и замечается в первую очередь: революция — это отрицание некоторых аристократических прав, сопровождаемое обычно взрывом ненависти к аристократам. Но все остальные права присваиваются народом, который таким образом становится нацией. Условно говоря, нация — это проект *всеобщей аристократии*, когда все являются господами.

То, что я сейчас говорю, проверяется очень легко. Позволю себе сослаться на присутствующего здесь Павла Святенкова, который в свое время провел весьма интересное исследование. А имен-

но: как в национальном государстве именуется полноправные граждане? Слово для наименования полноправного гражданина всегда соответствует тому слову, которым раньше обозначали очень высокого уровня и высокого ранга господина. Я, собственно, уже произнес это слово — «господин». Например, в русском языке это очень четко маркировано — «господа». Именно это слово, одновременно обозначающее высший слой общества (точнее, тот слой, который «снизу» выглядит как высший), становится официальным обращением ко всем.

Егор Холмогоров:

— Если говорить о том, чтобы в русском языке внедрять соответствующее обращение, то надо ориентироваться действительно на самый высший титул, называть не господин, а государь.

К.К.:

— Это реализовано во французском языке. Я попрошу Павла Святенкова рассказать, что означает слово «месье».

Павел Святенков:

— Во французском языке «месье» — это изначально обращение к брату короля, соответственно «мадам» — это обращение к принцессе. То есть когда писали обычно в эпоху Людовика XIV «месье», то имелся в виду конкретный человек — Филипп Орлеанский, брат Людовика XIV. Когда был жив брат

Людовика XIII Гастон Орлеанский, который тогда имел титул «Анжуйский», было два «месье» — «великий месье» и «малый месье». Сейчас «месье» — общепринятое стандартное обращение граждан Франции друг к другу.

К.К.:

— Точно так же общеславянское «пан», которое используется в Чехии, от примерно Чехии и Польши до, насколько я понимаю, южных славян — это обозначение крупного землевладельца. «Дон» в Испании и так далее.

Всё это очень четко указывает на то, что делает национализм. *Национализм, в своем идеальном воплощении — это программа всеобщей аристократизации общества.* Не демократизации, как некоторые думают, а именно превращения всей нации в аристократов.

Очень важно, куда идет уравнивание — вниз или вверх. Так вот, национализм предполагает *уравнивание вверх*, то есть нация в целом, народ в целом получает права и обязанности высшего сословия. Она их себе присваивает. Как это можно назвать? Это можно назвать только одним словом — *революция*. Слово «революция» на латинском языке означает буквально «переворот». То есть предполагается, что нечто высшее становится низшим, а низшее в свою очередь становится высшим.

На самом деле в реальной революции обычно реализуется только одна сторона — либо все поднимаются, либо все падают. Либо революция *асцендента*, либо революция *десцендента*, — революция, которая поднимает народ, или революция, которая народ опускает.

Так вот, *национальная революция в своей идее — это революция, которая поднимает весь народ до чести и достоинства, пусть даже не материального достатка, но именно до чести и достоинства самых высших слоев общества.* Все становятся господами.

Возможно ли это? Да, это возможно. Естественно, революция не может дать каждому крестьянину по поместью,

но она может ему дать, во-первых, те права, которые в свое время завоевала аристократия в долгой борьбе, например, с верховной властью. Потому что на самом деле все абсолютно права — именно права, а не законы, не обязанности — имеют чисто аристократическое происхождение. Все права были завоеваны именно аристократией. Так вот, народ в данном случае, когда он требует тех же прав для себя, он требует, по большому счету, чтобы его вознесли до уровня господ.

Разумеется, это предполагает и принятие на себя аристократических обязанностей. Например, так называемые выборы, демократические выборы — это на самом деле чисто аристократическая практика, потому что именно аристократы в свое время претендовали, и совершенно законно претендовали, на то, что они выбирают первого среди равных. Сама эта формулировка — абсолютно аристократическая. Кстати, такой институт, как, например, суд присяжных имеет чисто аристократическое происхождение и связан с тем, что господина могут судить только равные ему. Но если говорить об обязанностях, стоит вспомнить всеобщий военный призыв: если раньше участие в военных действиях было долгом аристократов и только аристократов, то в национальном государстве воюет весь народ.

То есть все те практики, которые мы сегодня называем демократическими, на самом деле являются аристократическими, спроецированными в народную массу. И только пока народ удерживает те права и обязанности, которые он таким образом себе присвоил, до тех пор он является *нацией*.

Да, кстати, о самом слове «нация». Оно всегда обозначало аристократическое сословие. Например, в той же самой Польше нацией именовала себя только шляхта. Остальные — «быдло». Сейчас современная Польша, являющаяся абсолютно националистическим государством, предполагает, что все «шляхта». Там есть потомки старых

шляхтичей, они пользуются определенным уважением, но не слишком большим. Но при этом «быдла» там нет, все стали *панамми*.

Каким образом происходит это возвышение народа до нации? Существуют разные модели. Иногда это происходит через уничтожение реальной аристократии. Например, так произошло во Франции. Французских аристократов физически почти не осталось: большая их часть в свое время уехала из страны или была истреблена во время Великой французской революции. Есть какие-то остатки, но людей с приставкой «де» физически мало.

В Германии, допустим, произошло иначе, там не было истребления аристократии, «фоны» остались. Просто все остальные стали не хуже, чем «фоны», и сейчас это очень заметно.

Совсем гладко прошла национальная революция в Британии: фактически она там совпала с революцией промышленной. Соответственно, аристократия сохранилась практически целиком и до сих пор пользуется огромным влиянием. Но слово «джентльмен» перестало быть обозначением сословной принадлежности¹ и стало обозначать «порядочного человека», «истинного англичанина». Как и везде, социальное стало общенациональным.

Итак, национальная революция — это революция, которая не свергает верхний слой, а наоборот, возносит нижний слой до прав и обязанностей верхнего. Люди уже способны воспринять более высокую культуру, более высокие обязанности, более высокие права, и вот тогда они становятся всеобщей нацией, и именно это

и является подлинной национальной революцией.

В чем российская проблема? Она есть. Российская проблема состоит в том, что перед нами нет аристократического образца, нет аристократов, обладающих правами. Российская аристократия, как известно, уничтожена, причем уничтожена, я бы сказал, основательно. У нас нет образцов русской аристократии, кроме каких-то очень смутных исторических напоминаний. Разве что Никита Михалков специально оставлен для того, чтобы издеваться над самой идеей аристократизма. В этом отношении перед нами стоит особо сложная задача, которая, может быть, не стояла перед другими нациями. Нам нужно создать свой собственный образец аристократизма, просто из самих себя.

Это сложно, но это возможно. Русские, вообще говоря, довольно талантливые люди, и в данном случае для нас возможно и это. Но очень четко нужно понимать, что речь идет именно об этом — о вознесении всего народа, именно всего народа, до той высоты, на которой он, может быть, никогда не был. Это вознесение является не только политическим, но и духовным действием, и в этом отношении национальная революция — это революция духа, простите за пафос.

В этом отношении мы действительно должны создать совершенно *новых* русских, русских, которые могли бы быть, русских, которые не уступали бы по своим волевым, моральным, интеллектуальным и прочим качествам лучшим образцам европейской аристократии — именно на это нужно ориентироваться.

И прежде всего на это должно ориентироваться русское движение. У нас нет других образцов, кроме нас самих, и именно поэтому мы должны копировать аристократические качества, начиная с довольно жесткой морали (под словом «мораль» я понимаю прежде всего различие добра и зла). То есть мы все должны вести себя прилично, мы

¹ Слово *джентльмен* происходит от лат. *gentilis* (принадлежащий к расе или родне) и англ. *man* (мужчина). Буквальный перевод — *родовитый*. В Средние века словом *джентльмен* называли членов нетитулованного дворянства — *gentry*, к которому относились рыцари и потомки младших сыновей феодалов (не получившие наследства по майорату). — К.К.

все должны различать добро и зло, мы все должны показывать, что мы это делаем, мы не должны, например, лгать, быть небрежными в словах и так далее. Когда мы ведем себя как аристократы, благородные, когда мы ведем себя благородно — это та игра, в которую мы можем играть. И когда мы пытаемся себя вести неблагородно, мы всегда проигрываем, и это заметно. По большому счету мы можем считать русское национальное движение попыткой *авангарда русской нации*: это те люди, которые пытаются подняться до образца. Когда мы сможем это сделать, мы сможем считать, что предпосылки для русской революции созданы.

По большому счету именно сейчас, в ситуации, когда всей нации навязываются невыносимые модели поведения, когда из всякого радиоприемника слышится блатной шансон, когда единственным реально действующим законом являются уголовные «понятия» — мы должны этому противопоставить другой, совершенно иной, подлинно аристократический кодекс. Мы должны принять на себя обязанности этой самой национальной аристократии просто потому, что больше никто не может этого сделать.

В частности, мы все, здесь сидящие, обязаны это сделать, и более того: насколько у нас это получится, настолько на самом деле успешными будут наши действия. Я не знаю, какую форму примет национальная революция, может получиться совершенно по-разному. Условно говоря, от национального восстания и до очень мягкой передачи власти от одной группировки другой, но не это важно. Важно, что мы сами на этот момент будем из себя представлять. Либо мы примем на себя права и обязанности аристократов с полным сознанием ответственности за это (потому что, еще раз: права предполагают обязанности) — либо мы провалим революцию, и она будет бесплодной.

Я все-таки надеюсь на первое. Благодарю за внимание.

Наталья Андросенко, шеф-редактор сайта «Русский обозреватель»:

— Небольшая иллюстрация к тезису Константина о том, что народ притязает на права аристократов. Такой была одна из основных линий Французской революции — народ притязал на мельницы. Крестьяне отбирали прежде всего у аристократов мельницы. Это имеет, конечно, и чисто материальное объяснение, они хотели молотить свое зерно без податей, но мельница — это был реально атрибут аристократов. Мельницей мог владеть только аристократ, только богатый феодал.

Е.Х.:

— Сейчас вместо мельниц — нефть и газ!

К.К.:

— Кстати, интересная версия — нефть, газ и алюминий как привилегия нынешних феодалов. Из сказанного прямо следует, что право народа на нефть нужно будет утвердить и что в таком случае реприватизация именно нефтянки является абсолютно необходимой. Это прямо следует из сказанного. Если это аристократическая привилегия сейчас, то совершенно очевидно, что каждый гражданин должен быть держателем хотя бы небольшой части национальных ресурсов.

Сергей Сергеев, научный редактор журнала «Вопросы национализма»:

— Я хотел бы рассмотреть данную тему в историко-социологическом ключе, который мне наиболее близок, и попытаться ответить на вопрос: *была ли национальная революция в русской истории?*

Я думаю, что все здесь присутствующие на этот вопрос ответят скорее всего отрицательно. Хотя следует отметить, что некоторые русские революции решали отдельные задачи национальной революции. Но национальная революция как решение основного комплекса задач, которые обычно пе-

ред национальной революцией ставятся (грубо говоря, «рождение нации»), она, конечно, в России не произошла. И вот здесь интересно было бы задаться вопросом, почему, собственно говоря, так случилось.

Прежде чем обратиться к русскому историческому материалу, следует вспомнить все-таки о классических европейских национально-буржуазных революциях, которые завершились так или иначе успехом, и понять, почему, собственно говоря, стала возможной их победа. Наверное, здесь можно приводить массу причин, и возможно, те, кто будет выступать дальше, меня в этом отношении поправят и дополнят, но я хотел бы рассмотреть только одну причину. Ясно, что *революцию осуществляли, как правило, практически все слои населения, во всяком случае, кроме самого высшего, но ее плоды пожинали и закрепляли определенные, влиятельные и хорошо организованные социальные группы*. Они обеспечивали реализацию этих результатов, поскольку они были в этом заинтересованы и у них были для этого возможности. Либо это оппозиционная часть правящего класса, либо это средние слои населения. Важно не только то, что эти социальные группы могли бросить вызов правящему классу или правящему режиму, но и то, что они могли, одержав победу с помощью низов, контролировать эти самые низы и навязать низам именно тот сценарий, который они хотели осуществить. Потому что *в национальном государстве все-таки заинтересованы и не самые верхи, и не самые низы. В национальном государстве обычно заинтересованы так называемые средние слои*.

Так вот, если мы посмотрим на наиболее успешную национальную революцию в Европе, на английскую, то совершенно очевидно, что она прошла под руководством среднего и мелкого дворянства — джентри, выступившего в союзе с торговой буржуазией. Эти слои, во-первых, подняли на свою сто-

рону низы, а во-вторых, они оказались достаточно сильны, чтобы, одолев правящий режим, одолев короля, удержать страну в тех рамках, которые их устраивали, отбиться от тех вызовов, которые шли со стороны низов. Вспомним расправы над левеллерами и диггерами.

Французский вариант — третья словесная роль, которое взяло на себя вождя национальной революции. Ситуация уже более сложная. Францию сотрясали весь XIX век социальные катастрофы вплоть до Парижской коммуны, пока наконец там не установился режим более-менее стабильной республики. А почему? Потому что социально-политическая позиция французской буржуазии не были столь сильной, как у английских джентри.

В Германии, где буржуазия была еще слабее, мы видим совершенно другой сценарий: буржуазная революция провалилась, власть провела национальную революцию сверху, пошла на союз с буржуазией, и возник некий компромиссный вариант национального государства, бисмарковский, где правящий режим не был сметен. То есть масса вариантов, но во всяком случае ясно одно: что существуют влиятельные социальные группы, так или иначе определяющие развитие событий.

Что с этой точки зрения представляет Россия, русская история? Я сейчас не буду углубляться в тему, почему так получилось, но это факт, то, что для русской истории характерна так называемая гипертрофия государства. Во всяком случае, мы здесь будем говорить о России как минимум с эпохи Петра I. Гипертрофия государства и очень слабые, слабо структурированные и маловлиятельные средние и даже высшие социальные группы. И зато гигантский совершенно пласт низов, кстати, тоже в общем-то не структурированный и более того, погруженный в архаику, а иногда сознательно погружаемый в архаику государством и дворянством.

Самодержавие не было, безусловно, заинтересовано в создании нацио-

нального государства в России, во всяком случае в том смысле слова, который вкладывает в него современная гуманитарная наука, европейского национального государства. Для него было вполне комфортно и достаточно династическое сословное государство. И хорошо видно, что вплоть до Александра III сценарию национального государства русские государи сопротивлялись. Даже когда уже пошли Великие реформы, которые по своей сути были национальной революцией сверху, Александр II делал шаг вперед, два шага назад. Видно хорошо, как это происходило в Западном крае: то, когда поляки восставали, использовался националистический сценарий «Русского дела» М.Н. Муравьева с опорой на западнорусское крестьянство, то, как только поляки утихомиривались, опять вступали в традиционные династически-сословные договоренности с польской шляхтой. Только начиная с Александра III мы действительно видим, что националистический сценарий господствует в теории и практике русских монархов. Да и то, я бы сказал, здесь было больше символического национализма, чем реальных практик. Например, такая вещь, как всеобщее образование, совершенно необходимое для национального государства, при Александре III, наоборот, только тормозилось, и оно было введено только в 1914 году.

Далее, если сверху спустимся совсем вниз, мы увидим многомиллионное крестьянство, которое составляло пять шестых населения России. Крестьяне много восставали, были даже восстания, которые из-за их размаха можно было бы назвать революциями. Но были ли эти революции направлены на создание национального государства? Безусловно нет, в представлениях крестьян господствовала социальная и культурная архаика, с современным национальным государством несовместимая, это были совершенно консервативные или даже реакционные революции.

Среднее сословие — тоже секрета

не открою, буржуазии в России до второй половины XIX века фактически не было, купечество — это нечто другое, послереформенная буржуазия была очень слаба и всегда зависела от государства. Политические аппетиты буржуазии стали проявляться только в начале XX века, да и то, в общем, Ленин прав, что русская буржуазия *«трусливо крадетсЯ к власти»*.

Откуда же вообще могла взяться идея национальной революции для создания русского национального государства, кому вообще нужно было русское национальное государство реально? Тут только один слой, который этого хотел и которому это было нужно, — это дворянство, которое, получив определенные, весьма обширные гражданские права при Екатерине II, хотело претендовать уже и на большее, на участие в управлении страной. Естественно, дискурс «царевых слуг» для этого не годился. Для этого дворянству нужен был дискурс «представителей нации», пусть это отчасти было и самозванное представительство.

В любом случае, *с начала XIX века мы видим, что дворянство становится в своем дискурсе совершенно националистическим*. И где-то с эпохи Наполеоновских войн дворянство почти стопроцентно националистично. Другой вопрос, что этот национализм тоже был различен. Большинство дворянства довольствовалось символическим национализмом, то есть оно говорило: «Мы представители нации, мы выражаем ее интересы, да, Россия для русских», но практик общественных, которые делали бы Россию национальным государством, они нимало не требовали, соответствующих программ даже не выдвигали. Посмотрим на Ростопчина, на Карамзина, на других консервативных националистов: мы увидим националистическую публицистику, риторику, но никаких разработанных социально-политических программ.

На самом деле практическими политическими националистами была

очень небольшая часть дворян, наиболее, скажем так, продвинутая, которая была более дальновидна и понимала, что гораздо лучше отказаться от роли крепостника и вместо этого получить права в управлении государством. Было ясно, что за этим будущее, Европа становилась националистической на глазах. Но еще раз повторяю, таких людей было не так уж много, их была горстка. Но это была действительно элита — интеллектуальная и политическая. И *первая неудавшаяся русская национальная революция, собственно, была организована дворянами. Это декабристское восстание.* Программы Пестеля и Никиты Муравьева всем известны, это стопроцентно программы создания национального государства, причем либерального демократического государства. И провал этого выступления отразился на дальнейшем развитии русской истории, на перспективах русской национальной революции самым катастрофическим образом. Дело в том, что при всей слабости соотношения с самодержавием у дворянства в тот момент был очень важный рычаг — гвардия, была опора в армии. После разгрома декабризма эти позиции были утрачены окончательно. Николай везде поставил своих людей, усилил тайную полицию, и никаких революций провести было невозможно.

Единственное, что оставалось — взывать к низам, поднимать крестьянство, но дворяне, естественно, этого не хотели. Декабристы, между прочим, совершенно отрицательно относились к сценарию крестьянской революции, славянофилы и западники тоже, даже Герцен, никто не хотел этого, прекрасно понимая, чем это может кончиться, дворяне Пугачевщину прекрасно помнили. Итак: либо неприемлемый вариант крестьянской революции, либо надеяться, что самодержавие само, эволюционно пойдет на революцию сверху. Отсюда популярность фигуры Петра I среди западников: Петр как революционер на троне, как пример нынешним само-

держцам, само же самодержавие национальную революцию и осуществит.

Казалось бы, Великие реформы, которые реализовали на практике именно русские националисты, и западники, и славянофилы — Кавелин, Чичерин, братья Милютины как западники, Самарин, Черкасский, Кошелев как славянофилы — это была именно национальная революция сверху. Но что происходит дальше? Происходит дальше то, что эта революция оказалась половинчатой. Почему? Потому что она не создала новые группы, заинтересованные в национальном государстве, потому что крестьянство осталось в той же самой социокультурной архаике. *Единственный вариант, чтобы появилась новая влиятельная социальная сила, — это было бы формирование из крестьян нового класса, то есть должно было произойти расслоение крестьянства и формирование слоя крестьян — частных собственников,* чем потом занимался Столыпин. Это, естественно, нужно было делать в 60-х годах XIX века. Но практически единодушно все дворянереформаторы были противниками этого сценария, то есть все стояли за сохранение общины, в том числе и ведущие националисты, тот же самый Самарин, например. Я знаю только одного влиятельного мыслителя той эпохи — это Борис Николаевич Чичерин, который последовательно отстаивал идею крестьянской частной собственности, но оказался почти в полном одиночестве.

И что же дальше мы видим? Вроде бы произошли реформы — освобождение крестьян, суд присяжных, освобождение прессы от цензуры и много других либеральных реформ, то есть вроде бы то, что должно было бы привести к созданию национального государства. Но конфигурация остается та же самая — все та же гипертрофия государства, гипертрофия самодержавия и все те же слабые социальные группы. Не появляются новые группы, которым идея национального государства была

бы выгодна. И все это замораживается на очень долгое время. При этом появляется новая небольшая количественно, но качественно важная социальная группа под названием интеллигенция, которая далека уже от националистических ценностей. Если национальное государство — это модерн, то интеллигенция уже ориентируется на сверхмодерн, на социализм, для которого национальная проблема уже вторична и неинтересна. Сначала между интеллигенцией и крестьянством — стена, крестьяне вяжут пропагандистов, но со временем, к началу XX века, становится понятным, что архаика крестьянства и сверхмодерн социалистической интеллигенции все больше и больше подают друг другу руку и эти вроде бы беспочвенные интеллигенты обретают под собой очень серьезную почву. А националисты висят, как ни странно, в воздухе.

Новый виток, который мог бы привести Россию к национальной революции, который мог бы ее осуществить, связан с 1905 годом, во всяком случае, революция до 17 октября 1905 года решала национальные задачи и была общенародной революцией: манифест 17 октября был шагом вперед к национальному государству, и реформа Столыпина должна была решить проблему массового социального слоя, являющегося гарантом национального государства. Но было уже слишком поздно. Нашедшие друг друга социалистическая интеллигенция и архаическое крестьянство в конечном итоге остановили этот сценарий, и получилось нечто совсем иное, а не русское национальное государство.

В СССР гипертрофия государства была такая, что и не снилась Российской империи, разумеется, никаких независимых социальных групп там быть не могло. Революция 90-х годов, которая тоже могла бы стать национальной революцией, провалилась по тем же самым причинам, — потому что не было влиятельных социальных сил, которые

могли бы контролировать и реализовывать националистический сценарий, зато имелись хорошо организованные группы коммунистической номенклатуры и криминалитета, взявшие ситуацию под свое крыло, и отсюда возникает прекрасная страна РФ.

Ну и, наконец, подходим к злобе дня. Сегодня только ленивый не говорит о национальной революции; так вот, возникает в этой связи вопрос: реальность падения правящего режима довольно велика, как мне представляется, но вот что будет дальше и кто (что), какая социальная группа или группы смогут этот сценарий реализовывать, контролировать, упорядочивать?

Нужно быть слишком уж розовым оптимистом, полагая, что смена политического режима решит все наши проблемы. В современной России наблюдается все то же отсутствие четко выраженных социальных групп, заинтересованных в строительстве национального государства. Не бывает так, чтобы все общество в этом стихийно участвовало, — должны быть определенные группы влияния, нужен опирающийся на них политический класс, организующий нациостроительство. Эти все надо еще создавать. А то как бы не вышло, что вместо одной антинациональной клики к власти придет другая не менее антинациональная клика, которая выстроит новую антирусскую «вертикаль власти», и мы вернемся к прежнему варианту, только с другими лицами и набором тяжелых проблем, порожденных социальными потрясениями.

Это я говорю не для того чтобы бросить тень на саму идею национальной революции, другого варианта нет, — это к вопросу об «оптимизме воли и пессимизме разума» (Грамши) и о возможных сценариях будущего. Спасибо.

Валерий Соловей, доктор исторических наук, профессор:

— Господа, несмотря на свое профессиональное историческое образование, я очень не люблю историче-

скую казуистику. Изучение истории позволило мне понять, что в истории при желании можно найти как аргументы в пользу какой угодно точки зрения, так и контраргументы. Причем в истории одной и той же страны. Поэтому я буду говорить о том, что, на мой взгляд, и должно нас занимать в первую очередь, то есть о современной России.

Революции последних двадцати лет в Европе, революции на исходе СССР, оранжевые революции и последние по времени арабские революции сочетали два компонента — националистический и буржуазно-демократический. Пропорция различалась, но эти компоненты были основными, составляя, так сказать, главное содержание революционных блюд. Другое дело, что из характера самой революции вовсе не следует ее результат. Революция может быть национально-демократической по своему характеру, но в результате ее совсем не обязательно конституируется демократическое национальное государство. Характер государственного строя и режима, который возникает после и вследствие революции, есть результат случайного сочетания обстоятельств, уникальной конкретно-исторической констелляции, никаких универсальных закономерностей здесь не существует.

Революция в России, которая происходила в рамках Советского Союза на рубеже 80–90-х годов, также была национально-демократической по своему потенциалу. Почему этот потенциал не реализовался, Сергей Сергеев отчасти сказал. Но не реализовался он в том числе и потому, что, и это нужно честно признать, националисты не представляли из себя сколько-нибудь значимую силу. Если бы они эту силу представляли, если бы они в этой революции участвовали, а не выступали на стороне гибнущей системы, то могли бы повлиять на траекторию и конфигурацию новой, возникающей системы.

Е. Х.:

— Сейчас нас обвиняют в прямо противоположном, что якобы Ельцин был националистом...

В.С.:

— Ельцин не был националистом, но использовал силу и возможности националистической мобилизации значительно эффективней, чем все другие политические силы, включая самих националистов. Однако строй, который возник в России, не является демократическим. Он является буржуазным, но совершенно и последовательно антирусским, потому что всеми своими практиками уничтожает русских. Еще одно важное замечание: в результате революции рубежа 80–90-х годов прошлого века не было создано государство более сильное, чем разрушенное. А создание такого государства считается критерием завершения революции.

Таким образом, *революция в Российской Федерации совершенно точно не завершилась. Более того, она стоит на повестке дня. Причем теоретически это должна быть революция не только демократическая, но еще и национально-освободительная в прямом смысле слова, ибо речь идет об освобождении русского общества от фактически колониального гнета.*

Какие формы примет эта революция, каковы будут ее этапы и динамика — этого не знает и не может знать никто. Сейчас очевидно одно только: мы скользим в направлении масштабного общенационального кризиса. Его признаков изрядно, но я назову лишь два наиболее, с моей точки зрения, важных. Первый: сейчас происходит этническая мобилизация русских, каковой не наблюдалось со времен Великой Отечественной войны. Второй: резкий рост агрессивности русского общества, причем агрессия эта сейчас уже не рассеивается, как прежде, а направлена против двух основных мишеней — власти и инородцев. Ничего даже близко похожего последние двадцать лет не на-

блюдалось. Мы имеем дело с качественным сдвигом, свидетельствующим, что русское общество готово к радикальным методам борьбы за изменение своего положения.

Развязка этого кризиса будет решающим образом зависеть от действий и позиции активных гражданских и политических групп. В истории не раз возникали ситуации, когда 20–30 человек оказывались в состоянии изменить судьбу своей страны и своего народа и даже повлиять на ход мировой истории. Для этого нужны всего две вещи: *трезво и без иллюзий смотреть в будущее и отдавать себе ясный отчет, что отступить невозможно.*

Владимир Тор, исполнительный директор Фонда поддержки и развития гражданского общества «РОД»:

— С одной стороны, мне кажется, что всем присутствующим, и не только присутствующим, а вообще всем здравомыслящим людям в России понятно, что так жить дальше нельзя. Мы стоим на пороге больших системных перемен. Нынешний режим несостоятелен, и так или иначе он будет вынужден измениться. Либо изменится система власти, либо изменится субъект власти. Либо одно, либо другое совершенно неизбежно.

Второй момент. У русских националистов есть свои кардинальные интересы. *Я не представляю, чтобы эти интересы были реализованы вне пути национальной революции, потому что слишком далеко нынешний режим отходит от русских национальных интересов, и любая попытка их заявить представляет собой революционное изменение общества, иначе это достигнуто быть не может.* Идти шаг за шагом, постепенно, чтобы власть стала более русской — это невозможно. Любой шаг в эту сторону будет революционным шагом.

Какая на этом пути существует проблема? Если мы посмотрим на опыт революции, как она воспринимается в гла-

зах социума, то революция — это трагедия, по крайней мере по отношению к русским. Это была трагедия в 1905 году, это была трагедия в 1917 году, это была трагедия в 1991 году, это была трагедия в 1993 году. *Ни в одной из этих прошедших революций русские националисты не смогли сыграть решающую роль, которая позволила бы им говорить, что они являлись бенефициаром процесса, держали бы какие-то преференции для русских в этих рамках.* Это трагическое противоречие: с одной стороны, революция неизбежна, с другой — весь предшествующий опыт, который находится в памяти поколений, говорит, что русские националисты проигрывают в революционной ситуации.

Какой практический вывод из этого следует? *Что русским националистам, которые хотят блага для своего народа и хотят достичь какого-то политического результата, надо думать о революции как неизбежном событии, совершенно неизбежном, и думать о том, как наращивать свои организационные усилия, чтобы обеспечить свое решающее влияние в революционных процессах и обеспечить то, чтобы русским достались преференции в результате этих процессов.* Грубо говоря, надо лучше работать, надо лучше организовываться, надо на место ломающейся системы представить другую систему, которая могла бы заменить нынешнюю власть, нынешний режим. Без этого просто невозможно выжить.

Егор Холмогоров, главный редактор сайта «Русский обозреватель»:

— Мне представляется очень важным осознать — и в смысле политического анализа, и в смысле практической политики — различие между революцией и бунтом.

У нас, к сожалению, очень примитивное восприятие социального феномена бунта, который основан на известной французской максиме: «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». То есть с на-

шей точки зрения бунт — это неудавшаяся революция, а революция — это удавшийся бунт.

Это не совсем так. Для традиционных обществ, для обществ средневековых и так далее бунт был принципиально другой формой политического действия, принципиально другой формой для коммуникации народа и власти, в основе которой лежала простая идея: люди предпринимают ряд насильственных действий против высших слоев общества, против правителя, против элиты, убивают кого-то, после чего, конечно, бунт терпит поражение. После этого поражения с зачинщиками бунта обычно расправляются. Однако, что очень важно — это прекрасно, например, показано в работах Бориса Федоровича Поршнева, посвященных анализу социальных процессов во Франции эпохи перед Фрондой — как правило, требования восставших удовлетворяются, либо частично, либо полностью, но они удовлетворяются. Например, если народ восставал против налогообложения, то на достаточно приличный срок это налогообложение прекращалось, снижалось.

«Неудача была не такой полной, как это кажется, — писал Фернан Бродель о бунтах раннего Нового времени. — Да, крестьянина всегда крутыми мерами приводили к повиновению, но с окончанием этих возмущений нередко достигался прогресс. Разве в 1358 г. жаки не обеспечили свободное состояние крестьян вокруг Парижа?.. Была ли Крестьянская война 1525 года полной неудачей? Пусть даже так. Восставший крестьянин между Эльбой и Рейном не сделался крепостным, как крестьянин заэльбских областей; он сохранил свои вольности, свои старинные права»².

В русской истории, особенно в рамках московской политической культуры, бунт был постоянным механизмом коммуникации между городом и царем.

Наиболее известными и эффективными бунтами в этом смысле были бунты эпохи Алексея Михайловича — Соляной (1648) и Медный (1662). В обоих случаях народ добился кардинальной смены политики правительства. Бунт в России являлся инструментом коммуникации, инструментом давления.

Революция — это не «удавшийся бунт». Революция — это форма политического действия, в котором его зачинщики, организаторы, те люди, которые выступают ее идеологами, и ее практиками, и ее менеджерами, ставят своей важной принципиальной целью свою *безнаказанность*. Революционер отличается от бунтовщика, строго говоря, с формальной этической точки зрения в худшую сторону.

Бунтовщик рассматривает свое повешение как допустимую плату за получение тех преференций, которых требует народ. Зачинщик бунта — это человек, который знает, что вот он поорет, и его повесят, но еще несколько десятков лет или несколько сот лет в этой местности будут петь о нем песни и рассказывать о нем сказки. Революционеру этого мало. Он хочет остаться после революции живым, здоровым и, желательно, имеющим больше политических прав, больший политический ресурс, чем до этого. То есть революционер, который до этого ставит своей задачей просто пожертвовать своей жизнью ради народа, — это плохой революционер, это революционер-неудачник. Любой политический организатор революций ставит своей задачей свою *безнаказанность*. Она не всегда может реализоваться фактически. Очень часто революционеров в результате все-таки вешают, и ситуация приобретает характер бунта. Например, бунт декабристов — он, с одной стороны, несомненно ухудшил положение российского дворянства, с другой стороны, по формальным признакам николаевское царствование было более национальным, чем александровское.

Следующая вещь, о которой хоте-

лось бы сказать, — это то, о чем говорили Константин Анатольевич и Сергей Михайлович, — о причинах неудачи, несостоятельности русских национальных революций. Мне представляется, что принципиальной причиной является то, что *в течение длительного времени в России прекратился какой-либо нормальный политический процесс, т.е. исчезла естественная государственность в том смысле, в котором эта естественная государственность существовала в большей части стран Европы*. Петровские реформы породили абсолютно искусственную государственность. То есть, строго говоря, трансформация нормального преднационального государства эпохи Ивана III в то, что я в своих публикациях полугодовой давности назвал «таможенным государством» — это вело к отчуждению государственности от нации.

Петровская реформа окончательно создала культурное отчуждение, создала ненормальную политическую ситуацию, в которой развитие государства не сопровождалось развитием сословий. Не развивалось нормально крестьянское сословие, было пресечено нормальное развитие городского сословия, кошмарная трансформация произошла с русской аристократией, где естественная боярская аристократия прекратилась и было создано абсолютно искусственное политическое сословие *шляхты*. Конечно, эта шляхта стала приобретать черты русского дворянства, как справедливо сказал Сергей Михайлович, она стала выдвигать те или иные притязания, но, по сути, произошла трансформация, т.е. исчезли естественные сословия, и в этих условиях некому было выступать в качестве силы, притязающей на национальную революцию.

Очень интересный момент, на который мне хотелось бы обратить внимание в связи с интерпретацией русской истории, это конец 1870-х — начало 1880-х, как раз тогда, когда в ходе александровских реформ начала обо-

значаться межсословная или всесословная русская нация, и она один раз очень четко себя проявила. Но она проявила себя не в форме революции, а, как в свое время писала Светлана Лурье, *«в определенный момент русский народ осознал себя находящимся в состоянии войны с Османской Турцией, и государству пришлось присоединиться к этой войне»*. По той цепочке событий, которые привели тогда к русско-турецкой войне, очень четко прослеживается, что так действует нация. И, строго говоря, у этой нации даже появился свой лидер, свой идеологический, политический и военный лидер — генерал Скобелев. Появился лозунг: *«Россия для русских, славянство для славян»*, появились легитимные этноцентрические цели. Это очень важный момент, когда нация наряду с гражданскими лозунгами выдвигает определенные этноцентрические лозунги. *Через панславизм фактически появилось легитимное обоснование русского этноцентризма*.

Но всё это было очень «своевременно» и очень жестко свернуто при помощи яда, ликвидации Скобелева, тайных операций, переключения внимания на борьбу с социалистическим движением... В итоге правительство предпочло остаться один на один с социалистами и либералами и устранить националистов из игры полностью. *Этого, кстати, никогда не надо забывать, что в критический момент наша весьма паразитарная государственность предпочитает оставаться один на один с левыми радикалами, а не с националистами; вывод националистов из игры является начальным условием для каких-то политических процессов, которые потом приводят к либеральной революции, социалистической революции, какой угодно революции (кроме национальной, разумеется)*.

Еще одна вещь, о которой хотелось бы сказать в связи с тем, о чем говорил Константин Анатольевич: о распространении на нацию аристократических привилегий и образцов. В России, к со-

жалению, несуществование нормальных сословий, развитие ненормального сословия постпетровской шляхты этому мешало. Например, я вспоминаю призыв Ивана Аксакова, кажется, в 1861 году, когда он открыто опубликовал призыв о том, что русское дворянство должно самоупраздниться и отказаться от своих привилегий. То есть в каком-то смысле распространить их на народ. Идея в этом смысле абсолютно классически-националистическая. Но беда в том, что это была идея распространения прав на весь народ антинациональной по сути своей социальной группы.

И вот здесь возникает проблема: где та аристократия, на которую нам ориентироваться? То есть, грубо говоря, является ли ею русское дворянство постпетровского образца или русское дворянство допетровского образца? То есть какой из двух аристократий мы в этом смысле хотим чувствовать себя родственниками? Понятное дело, что определенная преемственность сохранялась, ее можно проследить в политическом сознании Пушкина, где его либерализм, его очень часто радикальный антимонархизм — не против идеи монархии, а против определенных императоров — был замешан именно на обостренной боярской спеси. То же самое мы можем наблюдать в самосознании Михаила Михайловича Щербатова — именно спесь представителя старого боярского рода делает его фактически оппозиционером, консерватором и защитником гораздо более национальной линии, которая проводилась в нерусское во многих отношениях царствование Екатерины II.

К.К.:

— Кстати, между прочим, между гражданским пафосом и боярской спесью не такое уж большое расстояние.

Е.Х.:

— Пушкин был выходцем из служилого боярства, то есть боярства, ощу-

щавшего, что оно само создавало это государство, которое было в какой-то момент просто украдено и превращено Петром в собственность даже не царского рода — потому что царский род очень быстро пресекся, а некой интернациональной олигархии, представители которой весь XVIII век русский трон совершенно произвольно делили между собой и в итоге его сделали скорее немецким, нежели русским.

Выбрав подлинные аристократические ориентиры, мы получим и верный образ нации.

Надежда Шалимова, шеф-редактор журнала «Вопросы национализма»:

— Я хочу обратить внимание вот на что. Национализм, как мы, европейцы, его понимаем, — это не то же самое, что примитивная племенная солидарность.

Племенная солидарность, когда «свой» всегда прав, а «чужой» всегда неправ, — это еще не национализм.

На мой взгляд, национализм начинается там, где в племенные отношения привносится *идея справедливости*.

Нация — это прежде всего союз равных, между которыми существуют отношения взаимного доверия. Или даже уточним, нация — это люди, которые верят друг другу на слово, и это слово твердое.

Именно это обстоятельство делает возможным неграбительский, продуктивный капитализм, который возможен только там, где не обманывают друг друга, а с обманщиком перестают иметь дело. Это же делает возможным общенациональную войну, когда вся нация выступает против другой нации или другого государства, поскольку все верят в то, что их дело в целом справедливое. Это же делает возможным и законность, когда народ верит в справедливый суд.

И в этом смысле русские готовы к тому, чтобы стать нацией, потому что мы все устали от ситуации, когда никто никому не верит и никому верить нельзя. Мы еще не готовы верить друг дру-

гу, но мы хотели бы жить в обществе взаимного доверия, в обществе, где есть честное слово и оно соблюдается.

Может быть, это и есть тот «аристократический момент», о котором говорили Константин и Егор. Во всяком случае, он есть, потому что всем надоел беспредел.

Павел Святенков, политолог:

— *Нация появляется там, где люди получают права.* Прежде всего — право на свободу от рабства, незаконных налогов, всех видов внешнего угнетения. Рассмотрим, как процесс становления нации происходил на практике.

Российские историки утверждают, что были времена, когда российское дворянство было закрепощено, как и крестьянство, то есть просто существовали разные уровни закрепощения. Дворянин был обязан нести службу государеву, если он отказывался это делать, он лишался поместья. Крестьянин должен был нести повинности, в том числе работать на помещика, и у каждого в крепостной системе был свое место.

Если мы обратимся к истории Европы, мы увидим, что освобождение и построение национального государства началось, как ни странно, с монархов. С точки зрения той концепции, которую навязывают в школе, монарх в Средневековье — это неограниченный глава государства. Но на деле, конечно, глава государства или глава княжества был ограничен религией. Даже вступать в брак против воли католической церкви было опасно, можно было оказаться свергнутым с престола. Освобождение европейцев, построение национального государства начинается с того момента, когда европейские короли начинают освобождаться от власти папства.

Формула *«чья страна, того и вера»*, зафиксированная по Аугсбургскому миру, дала старт к построению европейских национальных государств. Наличие во главе государства человека, который обладает правами, ни от кого

не зависит и действует в своих частных интересах, оказалось весьма эффективной практикой, потому что если король является частным владельцем страны, то он скорее всего будет действовать государству во благо, потому что усиление государства будет означать усиление монарха. Освобождение королей от власти папства уже создает нацию. Правда, нация на первом этапе состоит из одного-единственного человека, обладающего свободой и правами, — самого короля.

На втором этапе стала освобождаться аристократия. Она начала осознавать себя не просто как рабов монарха, но как сообщество людей, наделенное правами. Наиболее ярко это проявилось в Польше, где возникла развитая демократическая традиция. Существовал выборный Сейм, существовал выборный Сенат, куда, правда, входили наиболее богатые представители шляхты. Поляки могут гордиться, что в их стране в условиях, когда еще никаких буржуазных революций не было, как минимум 10% населения имело избирательные права. Больше того, выборным был даже польский король. Ситуация, нехарактерная для Европы, где большинство монархов были наследственными. Правда, император Священной Римской империи также избирался, но на его выборах право голоса имели только семь «князей-выборщиков» (курфюрстов).

Именно польская шляхта стала осознавать себя как нацию. Термин «нация» в Польше был применен к людям, обладающим политическими правами. Буржуазные революции создали экономическую основу для получения прав все большим количеством людей.

В XIX веке возникают целые сословия граждан, которые наделены правами, которых можно назвать нацией. Нация в этот момент еще не распространена на народ в целом, но постоянно расширяется. Например, весь XIX век Великобритания последовательно проводила избирательные реформы,

в результате которых все большее число людей получало право голосовать на выборах в палату общин. В конце концов уже в 20-х годах прошлого столетия право голоса получили все.

В России на самом деле было две попытки нации. Первая попытка была связана с дворянством, Сергей Сергеев абсолютно прав. Дворянство — политическое сословие, которое получило гражданские права от Петра III (в дальнейшем они были подтверждены Екатериной Великой): право не служить в армии, право дворянского самоуправления и многие другие. Пост предводителя дворянства, который избирался самими дворянами, был очень значим: «первый секретарь обкома», власть ему принадлежала изрядная.

А вторая попытка построения нации в России связана с возникновением интеллигенции. Интеллигенция, как ее понимали в XIX веке, — это аристократия духа, аристократия образования.

У нас ни первая, ни вторая попытка нации не удалась. Дворянство почти стало нацией, но нацией крепостнической, чьи права и благополучие основывались на угнетении крестьян. Революция 1917 года прекратила процесс нациегенеза на этом направлении. Что касается интеллигенции, то она была ошельмована, вытеснена с исторической сцены, объявлена прослойкой. В наши дни образованные люди не стремятся ассоциировать себя с этим слоем. Сегодня никто не говорит: «я интеллигент».

Поговорим о соотношении нации и революции. Нация возникает как протест против господства внешних сил, которые угнетают народ, лишают его возможностей для развития. Например, американская нация, которая этнически была очень близка к нации английской, — она возникла в результате протеста против экономического угнетения, против введения налогов английским парламентом без согласия американцев.

Поэтому нация возникает, когда люди скидывают эту систему внешнего давления, внешнего контроля, структуру господства. *Нация возникает в результате революции.* Если посмотреть на Россию, то Россия движется в этом же направлении. За последние двадцать лет, да и за весь XX век русские лишились прав и свобод, и сейчас Россия катится к модели «третьего мира», где есть авторитарное правительство, есть очень небольшая группа людей — процентов 5 или 10, жирующих вокруг этого правительства, и есть угнетенное, лишенное прав большинство, которое всегда стремится восстановить справедливость.

В связи с этим мы оказываемся перед необходимостью национальной революции. *Россия либо обречена на национальную революцию и построение современного государства, либо на деградацию по сценарию стран «третьего мира».* Все-таки мне кажется, что первый вариант более вероятен, ибо во всем остальном мире идет волна демократизации. Речь идет не только об арабских странах. Например, многие крупные страны Латинской Америки, такие как Бразилия и Аргентина, за последние десятилетия прошли путь от военных диктатур к стабильным цивилизованным демократическим режимам. Аналогичные процессы идут в Турции. Растет экономика Индии, и все больше людей вовлекается в политику в этой стране. Китай остается коммунистическим государством, но понятно, что с учетом темпов роста его экономики рано или поздно он также станет демократической страной.

Я думаю, что тот тренд, на который ставят наши власти, — антиразвитие, распад, гниение государства и всего, что есть в стране, на корню, — он все-таки будет остановлен, так как находится в противофазе мировому процессу, смысл которого — повсеместное повышение уровня жизни и демократизация.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

БАРХАТНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: РЕВОЛЮЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Национальная революция — термин, не имеющий классических определений и всё же нередко употребляющийся. Обыкновенно им характеризуют революционные события, носившие ярко выраженный национальный характер, то есть, можно сказать, утверждающие нацию. Нередко понятие о каких-либо событиях прошлого получает статус «национальной революции» уже в гораздо более поздней историографии, формирующей новую национальную мифологию. Так, например, в украинских учебниках такую характеристику получили войны Богдана Хмельницкого, и было бы наивно задавать вопрос об исторической корректности подобных трактовок.

Таковыми «национальными» видятся теперь и так называемые «бархатные революции», то есть перевороты 1989 г. в Центральной Европе. Впрочем, на первый взгляд это кажется странным. Во-первых, само применение термина «революция» к тем событиям очень спорно. Что-то более-менее похожее на революцию происходило разве что в Румынии. В остальных же странах мы имеем дело с довольно спокойной передачей власти, организованной в значительной степени самими же правящими партиями, с последующим их полноправным участием в дальнейшем политическом процессе. Более того, посткоммунистические партии через несколько лет почти повсеместно вернулись к управле-

нию, но контрреволюциями это никто уже не счёл. Спорно даже утверждение о формировании новых политических систем — здесь скорее имела место либерализация и появление новых правил политической игры, но не новых систем. Совсем другое дело в России — здесь события были гораздо более похожи на революционные, система изменилась кардинально, даже государство распалась. Однако называть все эти крутые перемены революцией как-то не принято. Пытались было ввести термин «августовская революция», да не прижился.

Не менее странными можно признать и характеристики этих «революций» как «национальных». Все центральноевропейские нации были созданы в их современных формах после Второй мировой войны и в результате событий 1989 г. никак ни в границах, ни в этнополитическом аспекте не изменились. Это классические европейские nation-states, правда, созданные в своё время при определяющей роли Москвы. То ли дело в России: из государства — союза различных национальных республик, в котором представители самой большой национальности составляли лишь половину населения, она превратилась в почти моноэтническое общество (80% русских) лишь с некоторыми вставками национальных автономий. Вроде бы радикальные перемены в сторону национальной государственности, а нет — никто это на-

циональной революцией не считает, да и сама Российская Федерация себя национальным государством не объявляет.

Да, в Центральной Европе был ещё и такой момент, как избавление от советского доминирования. Но он быстро сменился вхождением в другие международные структуры с другим доминированием, более того, степень зависимости центральноевропейских государств от центров силы, лежащих далеко за пределами региона, в результате скорее только возросла.

Такой фактологический анализ, особенно в сравнении с Россией, явно бессилён объяснить нам, почему перемены 1989 г. в Центральной Европе были «национальными революциями», а перемены 1991 г. в России — нет. Кажется, единственный значимый критерий, который остаётся нам для характеристики событий того времени как «национальных революций» — критерий их общепринятой оценки. Причём в данном случае речь идёт не только о том, как сейчас о них вспоминают, но и о том, как их понимали уже тогда — в самом конце 1980-х — начале 1990-х — участники этих событий.

И вот на этом уровне — уровне самосознания — события в России и в странах Центральной Европы носили не просто разный, а прямо противоположный характер. Не случайно у нас популярными и ведущими в политике оказались главным образом либеральные идеи свободных рыночных отношений и маленького государства, а там — идея правового государства. Ни во время Перестройки, ни при крушении Советского Союза, ни в постсоветское время обществом в России не двигала идея учреждения новой государственности. Наоборот, господствовали настроения бегства от государства, то есть максимального сокращения его возможностей вмешиваться в личную и общественную жизнь. Рынок с его «невидимой рукой», которая сама всё отрегулирует и направит, ви-

делся спасением от государства и его вмешательства. Это быстро привело к положению, когда государство (точнее, те, кто его контролировал) и общество довольно долго существовали как бы отдельно друг от друга. Все системы общественного контроля за государством и государственного контроля над обществом работали минимально или же не работали вовсе, и даже в бизнесе господствовала такая вольница, которую быстро окрестили «криминальной революцией». Вряд ли общество выиграло от такого разрыва с государственностью и его законностью, но всё же этот разрыв довольно долго соответствовал его преобладающим настроениям. Население просто отвергало государственность как институт и не пыталось его переустроить в новых формах.

Совсем иными были настроения в Центральной Европе. Здесь вопрос стоял не о том, как уменьшить роль государства, а наоборот — как сделать это государство более своим. Прежние формы, созданные после войны, «своими» (национальными) не осознавались — они виделись навязанными извне и потому чуждыми. В 1989 г. народы этой части Европы как бы заново учреждали свои государства, но уже на новых — национально-демократических началах. Фактически разницы не было никакой — форма оставалась старой. Изменялось только отношение народа к своему государству. И если раньше государственный патриотизм был чем-то не очень приличным, ведь предполагал лояльность «антинациональной власти», то теперь он становился необходимым свойством добропорядочного гражданина.

Примечательны, например, слова песни, ставшей самой популярной в том году в Польше, но, впрочем, и до этого (на протяжении всех 80-х) бывшей неофициальным гимном профсоюза «Солидарность». В ней пересказывается вся история Польши как «долгая цепь человеческих существований,

объединённых простой идеей: Что-бы Польша была польской!» («*Żeby Polska była Polska*»). Собственно, эта идея и была главной во всех событиях 1989 года, и не только в Польше: общественные движения того времени были не столько антикоммунистическими, сколько национальными, а коммунисты воспринимались не столько как власть, ограничивающая рыночные отношения и нарушающая права и свободы граждан, сколько как чуждые, наднациональные силы господства. Государства как бы вырывались из рук этих сил и присваивались народами через учреждение демократических систем.

Это была своего рода национализация государственных институтов, созданных здесь после Второй мировой войны. И, надо сказать, далась она нелегко. Хотя все эти государства и имели национальные формы, почти везде общественное мнение негативно воспринимало их границы. Венгры, имевшие территорию в три раза меньшую, чем в начале XX в., и венгерские анклавные территории вдоль всех своих границ, полагали, что с падением советского доминирования обязательно будет поднят и вопрос о возвращении справедливых границ. Соседние румыны, кстати, тоже надеялись на пересмотр военных итогов. Возвращение Вильно и Львова — центральная тема оппозиционной мысли в ПНР, и поход «на Восток» был для польского самосознания важнейшей задачей близкого будущего. А к территориальному вопросу прибавлялся ещё и вопрос об осуждении послевоенных переселений. Вся Центральная Европа шла к тому, чтобы взорваться серией больших и малых военных конфликтов, в которые неизбежно была бы втянута и Германия.

Несомненно, в том, что этого не произошло, велика роль западного влияния. Возможно, оно было определяющим, ведь перспективы интеграции в западное сообщество («побег с Востока на Запад») был для элит этих государств задачей более привле-

кательной, чем войны за возвращение старых территорий. Однако отказ от исторического реванша общества центральноевропейских стран пережили как своё собственное решение, даже как духовный подвиг. В самом начале 90-х ширококомасштабные общественные дискуссии на самых разных уровнях убеждали людей в том, что они и их страны больше выиграют от интеграции в западное сообщество и мирного существования в «Европе без границ», чем от попыток военного самоутверждения. И, надо сказать, деятели, имевшие в то время наибольшее значение для общественного мнения своих народов, теперь с гордостью говорят о своём положительном влиянии на это трудное решение. Это стало предметом национальной гордости. В Польше тогда на официальном уровне приняли т.н. Доктрину Гедройца–Мерошевского, эмигрантов, ещё в 1970-х гг. разработавших идеологию отказа от польского «реванша на Востоке» — хотя общественное мнение далеко не сразу смирилось с этим.

Но всё это было не просто «примирением со сложившимся статус-кво». Это стало признанием «своими» внешних форм государственности, прежде осознававшейся навязанной и чуждой. Это и было той самой национализацией послевоенных государств — трудным процессом, протекавшим в конце 1980-х — начале 1990-х гг. именно на уровне общественного мнения и новых официальных идеологий. Так состоялся перелом в самосознании народов: не меняя государственных форм, они обрели свои национальные государства и свой новый патриотизм.

Кстати, это имело своё выражение и в юридической плоскости. Новые конституции, постепенно принимавшиеся в этих странах, иначе формулировали определение принадлежности своих государств. Прежние формулировки о том, что государство является «республикой трудового народа» или основано на союзе «пролетариев, кре-

стьян и интеллигенции», в новых текстах основного закона были заменены традиционными для национальных государств указаниями, что «верховная власть принадлежит нации».

Таким образом, решающее значение в том, что события 1989 г. в Центральной Европе определяются как национальные революции, имеет именно фактор общественного восприятия произошедших перемен и их идеологическое оформление. Там не было формальных изменений государственных систем с донациональных на национальные, там в общем-то не произошло и насильственных переворотов, которые можно было бы считать революциями. Но эти события вошли в историю как национальные революции именно благодаря их таковому осмыслению. И именно они стали фактом самоучреждения современных центральноевропейских наций.

И здесь стоит подчеркнуть важный вывод, имеющий значение, выходящее за пределы обсуждаемого региона. *Основной смысл национальной революции, то есть создания нации, оказывается именно в этом — в новом качестве самосознания.* Нация не возникает из факта абсолютного преобладания процента одной национальности (этноса) в государстве. Не возникает она, даже если в таком государстве работают механизмы политической демократии. *Национальная революция — это скачок в общественном самосознании, в отношении народа к государству — когда это государство осознаётся как своё, осознаётся в национальных категориях.* Без этой революции в умах простые преобразования внутренних и внешних форм вряд ли могут учреждать нацию. *Нацию утверждает общество, а не государственная система.*

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Издательская группа «Скимень»

выпустила в свет новую книгу

Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

НАЦИОНАЛЬНЫ ЛИ ОРАНЖЕВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ?

Главный вопрос, который приходит в голову в связи с оранжевыми революциями, — это вопрос: *являются ли эти революции национальными?* Или же они — нечто иное, например, результат политтехнологического конструирования.

Для того чтобы на этот вопрос ответить, необходимо дать определение национальной революции. В «Большой советской энциклопедии» сказано: «Национально-освободительная революция, революция, вырастающая из национально-освободительного движения и направленная на уничтожение иностранного господства и завоевание национальной независимости, ликвидацию национально-колониального гнета и эксплуатации, реализацию нацией ее права на самоопределение, на создание национального государства». Подобное определение, как и сам термин, связано с тем обстоятельством, что в Советском Союзе национальные движения признавались прогрессивными, только когда речь шла о странах третьего мира и их освобождении от иностранного колониализма.

Мы же будем исходить из того, что *национальная революция — это революция, в результате которой тот или иной народ (в редких случаях — коалиция народов) обретает статус нации и связанные с ним права и свободы, а также собственное национальное государство.*

Легко заметить, что народы постсоветского пространства получили свои собственные национальные государства сразу после распада Советского

Союза. Исключением стала только Россия. Однако парадокс в том, что наций не удалось создать практически нигде, кроме Прибалтики. Освобожденные согласно официальной доктрине от советского господства народы не получили реальных политических и экономических прав, которые были монополизированы верхушкой, как правило состоявшей из бывших советских бюрократов.

Например, президентом Украины стал Леонид Кравчук, ранее занимавший пост секретаря ЦК КПУ по идеологии и прославившийся крайней русофобией. Его сменил Леонид Кучма, бывший директор «Южного машиностроительного завода». Аналогичная ситуация сложилась и в Молдавии, где первым президентом независимого государства стал Мирча Снегур, бывший секретарь ЦК КПМ. Как и Кравчук, он прославился крайней русофобией и даже сумел организовать на территории Молдавии гражданскую войну, в результате которой возникли два непризнанных государства — Приднестровье и Гагаузия (позднее вернулась в состав Молдавии на правах автономии). В должности президента Снегура сменил Петр Лучинский, бывший первый секретарь ЦК КПМ. А Лучинского — Владимир Воронин, бывший первый секретарь Бендерского горкома КПМ и министр внутренних дел Молдавской ССР.

В Грузии в период до оранжевой революции сменилось всего два лидера. Крайний националист Звиад Гамсахурдия был свергнут в результате государ-

ственного переворота в 1991 г. (погиб в 1993 г. в результате поражения в инициированной им гражданской войне). Власть перешла к Эдуарду Шеварднадзе, многолетнему первому секретарю ЦК Компартии Грузии. Он удерживал ее вплоть до переворота, в результате которого лидером Грузии стал Михаил Саакашвили.

Таким образом, во всех странах постсоветского пространства, в которых позднее произошли оранжевые революции, к власти пришли представители коммунистической номенклатуры. Народ был отстранен от принятия политических решений. По сути дела, на постсоветском пространстве утвердились либо прямо авторитарные (Узбекистан, Казахстан, Азербайджан), либо олигархические (Украина) системы правления. Политическая власть оказалась тесно связана с богатством. Произошло сращивание власти и крупного капитала. При этом основное население жило в бедности, вызванной крахом СССР.

Между тем понятие нации тесно связано с обладанием правами. В истории Европы нация возникает как результат постепенного распространения прав и привилегий аристократии на весь народ. На постсоветском же пространстве черты «наций» обрели только элиты, которые присвоили себе политические и экономические права, отстранив простых граждан своих стран от власти, собственности и процесса принятия политических решений.

Раскол между богатой и коррумпированной элитой и нищим народом неизбежно вызвал к жизни вопрос о необходимости проведения реформ, которые отстранили бы коррупционеров от власти и дали бы возможность народу самому решать свою судьбу непосредственно на честных выборах, без использования так называемого административного ресурса.

Естественный процесс смены элит, а также экономическое и политическое ослабление России на постсо-

ветском пространстве привели к тому, что многие представители руководства постсоветских государств приняли решение о переориентации на Запад. Для таких политиков как Шеварднадзе или Кучма с Москвой было связано слишком многое (не говоря уже о том, что они получили власть при помощи Кремля). Их преемники могли начать с чистого листа.

Для новых элит оранжевая революция означала не обретение народом принадлежащих ему прав, не строительство нации, а просто смену спонсора. На место ослабевшего Кремля должен был прийти Белый дом.

Первой жертвой оранжевой революции стала Грузия. 2 ноября 2003 г. в стране прошли парламентские выборы, которые оппозиция сочла подтасованными. 22 ноября противники Шеварднадзе захватили парламент. На следующий день грузинский президент ушел в отставку. На выборах нового главы государства за Михаила Саакашвили проголосовали 96,27% избирателей. Конечно, эти цифры выглядят крайне недемократично, но в пылу революции их просто не заметили.

Саакашвили взял жесткий курс на консолидацию государства. Ему удалось добиться вывода российских войск с территории Грузии, а также присоединить формально пользовавшуюся автономией Абхазией (фактически бывшей полунезависимым княжеством). Политика Саакашвили была успешной, пока он не попытался с помощью оружия захватить Южную Осетию, при этом атаковав российских миротворцев. Надежда на пассивность России не оправдалась. Российское руководство приняло решение воевать, и Грузия потерпела поражение в так называемой «пятидневной войне».

Сегодняшняя Грузия имеет самые плохие отношения с Россией за всю свою историю. И чуть ли не самые хорошие отношения за всю историю — с США. При этом Саакашвили удалось

добиться усиления государственной власти в Грузии. Если Шеварднадзе зачастую контролировал только Тбилиси, то Саакашвили контролирует всю страну (кроме Абхазии и Южной Осетии, которые признаны Россией как независимые государства).

Грузия, конечно, приложила больше всех стараний для того, чтобы создать национальное государство. Но пока что его нет, и потому грузинскую нацию следует считать не созданной. Хотя нынешнее правительство во главе с Саакашвили энергично пытается строить ее на базе отрицания российского влияния в регионе. Это делает переворот, организованный Саакашвили, похожим на попытку национальной революции. Но в таком случае его следует рассматривать лишь как один из ее этапов. Она явно далека от завершения. А переориентация страны на обслуживание западных интересов говорит о том, что, быть может, она и не будет завершена в обозримой перспективе.

Оранжевая революция произошла в 2004 г. и на Украине. В ходе президентских выборов столкнулись два кандидата — официальный претендент на власть, премьер-министр Виктор Янукович и лидер оппозиции, бывший глава правительства Украины Виктор Ющенко. Оба они прошли во второй тур президентских выборов. В нем, по официальной информации, победил Янукович. Однако оппозиция не признала итогов голосования и путем массовых манифестаций, прежде всего на знаменитом Майдане независимости (Площадь независимости) добилась повторного проведения второго тура. Победителем стал Виктор Ющенко.

В ходе его правления у Украины испортились отношения с Россией столь же сильно, как и у Грузии. Виктор Ющенко, как и Михаил Саакашвили, выбрал курс на вступление в НАТО. В отличие от Грузии на Украине результатом оранжевой революции стало не усиление, а ослабление государ-

ства. Принятые с подачи бывшего президента Кучмы поправки в Конституцию создали странную модель власти, при которой президент имел право выдвинуть на рассмотрение Верховной рады министра обороны и иностранных дел, а также председателя Службы безопасности Украины и некоторых других чиновников. При этом основной состав правительства формировался на основании большинства в парламенте премьер-министром. В результате премьер-министрами при Ющенко были Янукович, а позднее — соратница Ющенко по оранжевой революции Юлия Тимошенко. Оба главы правительства находились в напряженных отношениях с президентом, что привело к постоянному двоевластию и параличу государства. Экономический рост остановился, Украина практически перестала развиваться. Закономерно, что в 2010 г. Ющенко потерпел поражение на президентских выборах. К власти пришел Виктор Янукович, которому удалось консолидировать власть, устранив двоевластие (а заодно и Юлию Тимошенко с поста премьер-министра).

Аналогичный сценарий имели и массовые беспорядки в Кишиневе в 2009 г. Поводом для них стали результаты парламентских выборов, на которых победила Партия коммунистов Молдовы во главе с тогдашним президентом Ворониным. Митинговавшие требовали пересчета голосов на выборах. После пересчета коммунисты получили 60 из 101 мандата в парламенте. Это привело к пату — невозможности избрать президента (он в Молдавии избирается законодателями большинством в 61 голос). Кризис продолжается до сего дня, на данный момент сменилось три и.о. президента Молдавии (принадлежащих к антикоммунистической коалиции), систематически проводятся досрочные выборы в связи с невозможностью избрать главу государства (этого требует Конституция).

Что касается киргизской револю-

ции, точнее, сразу двух — одной, свергнувшей Акаева, и другой, свергнувшей Бакиева, — то их скорее следует рассматривать как результат распада и деградации киргизского общества, в котором не сложилась не только нация, но и народ. Сегодня в киргизской политике огромное влияние приобрело разделение по линии «Север–Юг», иначе говоря, киргизский народ может при определенных обстоятельствах распасться на две части. Эти процессы похожи на те, которые идут в самых нищих странах мира, и потому не могут быть сочтены национальной революцией, скорее — попыткой местных элит постоянно делить быстро уменьшающийся «пирог» киргизской экономики.

* * *

Итак, мы видим, что у хода всех оранжевых революций есть общие черты. Это: 1) экономика находится в сложной ситуации, население страны бедно и недовольно правительством, 2) власть принадлежит коррумпированной олигархии, как правило, являющейся прямой наследницей советской номенклатуры, 3) мнение народа при проведении политики не учитывается или учитывается слабо, 4) происходит раскол в элите, в результате которого «молодая» ее часть стремится свергнуть старую с опорой на Запад.

Теперь посмотрим, являются ли такие революции национальными. Похоже, что нет. Фактически в ходе них речь идет не об обретении прав народом, не о построении нации, а о смене у кормила власти одной олигархически-номенклатурной группировки на другую. При этом смена власти часто приводит к хаосу, политической нестабильности, двоевластию. Основным источником легитимности для нового правительства являются два фактора: отрицание исторических связей с Россией и одобрение Запада.

В случае же с оранжевыми револю-

циями речь идет не столько о национальном строительстве, сколько о смене правящей группировки и ее политической ориентации — с Москвы на Вашингтон и Брюссель.

Иначе говоря, оранжевые революции начинаются как национальные, ибо народ и значительная часть бизнеса хочет добиться для себя именно прав и возможности влиять на ситуацию в стране. Но заканчивается всего лишь заменой одного лидера на другого. Причем очень важно, что в ситуации оранжевой революции главный оппозиционер — обычно столь же укоренен в правящем истеблишменте, как и его противники.

Получается, что главное отличие оранжевой революции от национальной — в источнике суверенитета. Для национальной революции таким источником является сама нация. История полна примеров, когда победившая национальная революция была вынуждена отстаивать себя против иностранных захватчиков. В случае же оранжевой революции суверенитет государства оказывается в руках внешних сил, ибо этот вид революций крайне зависим от внешнего признания и зачастую не может существовать без него. Например, в ходе оранжевой революции на Украине активную посредническую роль в этой стране играли президент Польши Квасьневский, бывший президент Польши Валенса, многие другие западные политики. Трудно представить, чтобы во время Французской революции император Священной Римской империи решал бы, кому носить корону.

Короче говоря, можно сформулировать отличие двух революций следующим образом: *национальная революция утверждает суверенитет нации, оранжевая революция просто приводит к смене геополитической ориентации государства (при этом мнения народа на этот счет никто не спрашивает).*

ЕЛЕНА ГАЛКИНА

РЕВОЛЮЦИЯ В ЕГИПТЕ: «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» КАК МАТРИЦА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В нынешнем году произошли события, которые могут стать наиболее значимыми в мировой истории после развала СССР. Последствия Египетской революции 2011 г. будут огромны, чем бы она ни завершилась. Худой мир, созданный в этом регионе белыми чопорными людьми с помощью карандаша, линейки и подавляющего военного превосходства менее сотни лет назад, непременно рухнет. Но геополитические последствия даже и не так важны, как то, что теперь даже в самых дальних заснеженных волчьих углах известно: *революция против коррумпированной вертикали реальна и достижима*. Это настолько невероятно, что российские современники событий готовы скорее принять конспирологическую версию об инспирации «арабской весны» Соединёнными Штатами или Бильдербергским клубом с помощью магических твиттера и фейсбука, нежели признать, что народ отсталой страны способен на осмысленное и успешное сопротивление государству с седьмой по численности армией в мире и огромными внутренними войсками, точное количество коих неизвестно.

А ведь в январе, когда «весна» только начиналась, большинство экспертов считали режим Хосни Мубарака одним из самых стабильных в регионе. Вслед за Тунисом¹ вспыхнули вол-

нения в Алжире, Ливане, Иордании, Йемене, Омане; даже в Саудовской Аравии было беспокойно — имели место самосожжения и демонстрации. В Египте же в ноябре–декабре 2010 г. прошли очередные честные выборы, в которых 420 мест из 518 завоевала Национально-демократическая партия, которую возглавлял тогда Мубарак. Поскольку формально в Египте и тогда существовала многопартийная система, без оппозиции не обошлось: в целом остальные партии завоевали целых 15 мест, остальные достались независимым кандидатам — Египет был настолько демократичной страной, что в парламент могли избираться и такие.

На выборах 2005 г. этот либерализм² привёл к весьма печальным последствиям: в парламент проникли 107 независимых депутатов, 88 из которых на деле представляли запрещённую экстремистскую организацию

ний торговец, у которого полицейские отобрали лоток с товаром, когда он не нашёл денег, чтобы заплатить очередную взятку стражам порядка. Это событие послужило поводом к началу общенационального протеста, основным требованием которого стала отставка президента Бен Али, правившего Тунисом с 1987 г. Восстание закончилось 14 января 2011 г., после бегства Бен Али.

² В 2005 г. были проведены и первые альтернативные президентские выборы в истории Египта, завершившиеся триумфом Мубарака (88,6% голосов).

¹ 17 декабря 2010 г. совершил самосожжение отчаявшийся Мухаммад Буазизи, 26-лет-

«Братья-мусульмане». Мубарак решил не повторять этой ошибки, и ко второму туру в декабре 2010 г. часть независимых кандидатов была отсеяна по результатам голосования³, а некоторые и арестованы. Экстремистская организация объявила о бойкоте выборов. Но каких-либо серьёзных общественных протестов не случилось. Египетское общество в очередной раз проглотило унижение и оказалось неспособным потребовать от власти гражданских свобод. Посему главной интригой оставался способ передачи власти от больного раком 82-летнего Мубарака к сыну Гамалю.

Но не только видимая невооружённым глазом политическая апатия общества заставляла экспертов сомневаться в возможности египетской революции. Египетская экономика не проявляла признаков коллапса, официальная статистика показывала неуклонный рост уровня жизни простых египтян, успехи в обеспечении населения водопроводом, канализацией и доступным образованием.

МВФ давал Египту самые оптимистичные прогнозы на развитие в 2011 г.⁴ С 2000 по 2009 г. ВВП Египта увеличился в 3 раза⁵. С 2004 по 2008 г. Каир проводил экономические реформы, цель которых — привлечение иностранных инвестиций и обеспечение роста ВВП. При этом внешний долг Египта неуклонно снижался, и с 39,5% в 2004 г. достиг 17,6% в 2009-м. Кризис несколько скорректировал амбициозные планы Мубарака. Дефицит бюджета в 2009 г. равнялся 8,1%, а темпы экономического роста снизились до 4,6% в год. В 2010 г. ситуация начала выправляться, и рост превысил 5%. Инфляция в 2008 г. сделала рывок в 23,1%, но уже

в 2009 г. вернулась к ординарным для Египта 9,7%.

Безработица в предреволюционном 2010 г. составляла 9,7% (среди мужчин около 7%, среди женщин — 19%, среди молодёжи — 26% — это средний показатель для арабского мира)⁶. Резкого подъёма уровня безработицы, равно как и спада, в последние десятилетия не было: по данным Всемирного банка, амплитуда колебаний в 1996–2010 гг. не превысила 1,6% с минимальным значением 8,1% (1999) и максимальным 11,2 (2005)⁷.

Эти проблемы — ничто в сравнении с началом 90-х с их постоянной инфляцией в 25%, дефицитом бюджета 20%, безработицей 20% и четвертью населения за национальной чертой бедности, которая тогда составляла \$45 в месяц⁸. В 1992/3–1996/7 гг. в Египте прошла приватизация, в ходе которой доля общественного сектора в экономике снизилась с 62 до 42%. Государство продолжало контролировать только тяжёлую промышленность, а также стратегически важные производства хлопка и сахара. В результате стране уда-

⁶ Arab Human Development Report 2009. Challenges to Human Security in the Arab Countries. N.Y.: UNDP, 2009. P. 109. Такие же или большие цифры — в Саудовской Аравии, Алжире, Иордании, где волнения были, но революций не произошло.

⁷ Egypt // The World Bank. Working for a World Free of Poverty. Data / <http://data.worldbank.org/country/egypt-arab-republic?display=default>. Для сравнения: в РФ в 2010 г. уровень безработицы составлял 9,2% (Занятость и безработица // Росстат. Занятость и заработная плата // http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_01/IssWWW.exe/Stg/d06/3-2.htm).

⁸ Гафуров С.З. Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и постсоциалистических странах. На примере России и Египта (1991–1996) // Институт свободы Московский Либертариум / http://www.libertarium.ru/1_lib_gafur_3#02

³ Египет отказался от присутствия на выборах международных наблюдателей.

⁴ World Economic Outlook. Recovery, Risk and Rebalancing. IMF, 2010. P. 84.

⁵ Egypt Private Sector. Country Profile. African Development Bank, 2009. P. 165.

лось привлечь большое количество иностранных инвестиций, снизить инфляцию и дефицит бюджета. Сейчас частный сектор составляет более 62% ВВП и 70% занятости, и лозунга национализации революционные силы не поднимают.

В экономике Египта до сих пор сравнительно важное место занимает производство — 37,5% от ВВП, но занято в нём лишь 17% рабочих рук. Доля услуг составляет 48% ВВП и 51% занятого населения. Остальные трудятся в сельском хозяйстве — притом в деревне живёт более половины египтян. Низкий процент промышленного пролетариата и более половины занятых в неиндустриальном секторе означает объективное отсутствие артикулированного классового сознания у большей части граждан и, таким образом, естественную узость социальной базы традиционных левых идеологий.

Ещё одна важная черта Египта — огромная доля неформальной экономики, в которой так или иначе участвуют около 45% занятых на производстве и в сфере услуг⁹ (в Тунисе — примерно половина трудоспособного населения). С этой деятельности не платят налогов, а обычно откупаются взятками коррумпированным чиновникам. Именно таким участником теневого сектора был тунисский лотошник Мухаммад Буазизи, самосожжение которого стало катализатором «арабской весны». Для людей, либо самозанятых, либо получающих «серую»/«чёрную» зарплату на предприятиях малого и среднего бизнеса, главный объект ненависти и возмущения — не наниматель (наоборот, он считается благодетелем), а коррумпированное государство, персонифицированное в чиновнике-взяточнике и портрете вождя в его кабинете.

За последние десятилетия средний египтянин действительно стал жить

несколько лучше, хотя это понятие относительное. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 2010 г. составлял \$6200 и в предыдущие годы демонстрировал небольшой, но рост. За национальной чертой бедности находились 22%, но лишь около 2% египтян вынуждено было существовать менее чем на \$1,25 по паритету покупательной способности (это международный минимум нищеты, из чего следует, что голод стране не угрожал). Остальные 20% живущих в экстремальной бедности обходились (и обходятся ныне) менее чем \$2 в день.

Падения уровня жизни, сопоставимого, например, с Россией времён Первой мировой, в Египте в последние годы не было. Экономика *per se* краха режима не предвещала. С этим фактором и связано поведение основных политических сил революционного Египта: дальше абстрактных слов о социальной справедливости и экономических реформах неведомого содержания дело не идёт.

На поверку не выглядит убедительной и популярная ныне демографическая версия. Население страны действительно быстро растёт, но всё познаётся в сравнении. Совокупное население арабских стран в 1980 г. составляло 150 млн. человек, в 2007 г. увеличилось до 317 млн. и, по оценке специалистов ООН, к 2015 г. достигнет 395 млн.¹⁰

Население Египта в 2011 г. насчитывает около 82,5 млн. чел. В 1980 г. было почти вдвое меньше — 44 952 тыс.¹¹. Примерно такие темпы роста населения сохраняются по крайней мере с начала 1960-х гг., причём наибольший прирост наблюдался в 1987–1989 гг. (именно эти молодые люди наиболее активно пополняли ряды безработных в последние годы).

⁹ Arab Human Development Report 2009. P. 111.

¹⁰ Arab Human Development Report 2009. Challenges to Human Security in the Arab Countries. N. Y.: UNDP, 2009. P. 20.

¹¹ Данные FAOSTAT.

Сейчас темпы роста составляют 1,94% в год, с которыми Египет занимает 57-е место в мире. Его опережает, причём на протяжении десятилетий, ряд мусульманских стран: Кувейт, Оман, Ливия, Афганистан, Ирак, Судан, Бахрейн, Йемен, Палестина, ОАЭ — а также многочисленные государства Африки южнее Сахары¹². Динамика темпов роста населения многие годы ничем не выделяется среди других стран региона и даже ближе к наиболее низким. Что касается высокой концентрации молодёжи, то арабский мир в целом сейчас один из самых молодых регионов; 60% там младше 25 лет, а медиана возраста — 22 года (в среднем по миру — 28)¹³. Но и здесь Египет не в первых рядах с 24 годами.

Реальная проблема Египта, которую ему придётся решать в ближайшем будущем, — это концентрация примерно половины населения в плодородной дельте Нила, а 97% — на плодородных берегах Нила в целом, которые составляют около 4% территории страны¹⁴. Три основные агломерации Египта: районы Каира, Александрии и зона Суэцкого канала — одни из самых густонаселённых в мире, 1540 человек на км². Эта особенность египетского ландшафта усугубляет характерный для постколониальных развивающихся экономик тип урбанизации, когда население всей страны ищет спасения от нищеты в столице. В результате в Каире живёт 17,5 млн. чел., плотность населения — 9900 человек на км², что, конечно, много, но неумолимая ста-

тистика гласит, что более ста городов мира страдают от перенаселения ещё сильнее¹⁵.

Поэтому демографические показатели, безусловно, важны для понимания революции и прогноза её течения, но в целом события в Египте 2011 г. не детерминированы некоей «мальтузианской ловушкой»¹⁶. Перенаселение и экологические проблемы, связанные с ним и помноженные на ограниченность водных ресурсов, — это головная боль уже будущих правительств Египта.

Но молодёжи действительно много, и всегда именно она, не обременённая грузом ответственности за семью и страхом потерять работу, первой выходит на улицу. В западных СМИ

¹⁵ Demographia World Urban Areas: 7th Annual Edition (2011.04). P. 13. Впрочем, по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, в Москве на 1 января 2010 г. было примерно столько же, 9682 чел. на км².

¹⁶ Коротаев А.В., Зинькина Ю. Демографические корни египетской революции. «Мальтузианская ловушка» и выход из неё // Демоскоп Weekly. №459–460. 21 марта — 3 апреля 2011 / http://demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema06.php#_FNR_60

Попытки контролировать рождаемость в Египте начались задолго до Мубарака, это не его заслуга. Первая фетва с одобрением контроля рождаемости и барьерной контрацепции была издана в 1937 г. В 1961 г. Насер прямо обозначил высокий прирост населения как главную угрозу для попыток поднять уровень жизни населения, в 1965 г. был создан Высший национальный совет по планированию семьи. Первые клиники, предоставлявшие подобные услуги, открылись в 1955 г. В этом плане Египет отличался от других арабских стран, где идея контроля рождаемости отвергалась как империалистическая инспирация (Fargues P. 1997. State Policies and the Birth Rate in Egypt: From Socialism to Liberalism // Population and Development Review 23(1): 115–138. P. 117–118). Уровень рождаемости плавно снижался всю 2-ю пол. XX — нач. XXI века.

¹² Country Comparison: Population Growth Rate // The World Factbook / <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2002rank.html?countryName=Egypt&countryCode=eg®ionCode=afr&rank=57#eg>

¹³ Arab Human Development Report 2009. P. 35.

¹⁴ Билан В.Н. Социальные вызовы в Египте // Институт Ближнего Востока / <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/28-07-10a.htm>

первое время события представляли именно как бунт студентов и молодых безработных с высшим образованием, которые смогли скоординировать свои усилия в социальных сетях интернет-пространства.

Настоящим героем американской и европейской прессы стал 30-летний менеджер ближневосточного отделения Google Ваэль Гоним, который с удовольствием рассказывал о том, как он лично устроил в Египте революцию с помощью рассылок в фейсбуке. Но сейчас об этом «символе революции» уже никто не вспоминает. 18 февраля, когда на площади Тахрир и на окрестных улицах Каира около 3 млн. человек собрались праздновать падение режима Мубарака, поверивший в свою исключительность, живущий в виртуальной реальности молодой человек захотел произнести речь перед собравшимися. Но оказалось, что на трибуне его никто не ждёт. Так и не взошедшая политическая звезда, получив несколько американских наград, теперь пишет воспоминания для английского издательства. Да и как вообще можно говорить о «твиттер-революции» в стране, где доступ к интернету имеет лишь 1 млн. домохозяйств, а в социальных сетях представлены около 160 тыс. человек?

Не более реалистично и объяснение революционного настроения масс слишком хорошим образованием, которым социальная политика Мубарака якобы одарила юношей, не позаботившись о предоставлении им рабочих мест.

В качестве доказательства от противного приводится Марокко, где школы посещает лишь 58% детей соответствующего возраста, а грамотность среди взрослых достигает 52%, в связи с чем ожидания магрибских воинов пустыни соответствуют их возможностям, и король Мухаммад VI восседает на престоле уверенно и спокойно.

Но египетские достижения в области просвещения сильно преувеличены. Количество умеющих читать и

писать взрослых в Египте в 2005 г. не превышало 71,4%, что значительно хуже монархий Залива и Ливийской Джамахирии, но примерно на одном уровне с остальными арабскими странами, за исключением Йемена, где показатели практически идентичны марокканским¹⁷. Как известно, Йемену высокий процент безграмотного населения не помог избежать крупных волнений, которые продолжаются до сих пор и, скорее всего, завершатся минимум сменой власти и политического режима. Да и количество образованных в Египте совсем не так высоко, как это может показаться из сообщений о «студенческой революции»: среди взрослых лишь 66% грамотных, а полноценного вовлечения детей в начальную школу удалось добиться только в середине нулевых¹⁸. Университетское образование сейчас имеют лишь 13,2% молодых людей до 29 лет¹⁹.

То есть никаких реальных надежд Мубарак и не собирался давать; большая часть юного поколения вырастала, прекрасно зная, что никаких перспектив вертикальной мобильности, за исключением службы в силовых структурах, нет и не будет.

* * *

Главной причиной январской революции 2011 г. стала социально-политическая система, сформированная в Египте во второй половине XX в. Изъяны экономики, вызывавшие гражданский протест, бесспорно, важны, но в данном случае вторичны по отношению к этой системе. Но основной вопрос — почему свержение режима состоялось? Накапливалось недовольство долго и выплеснулось не

¹⁷ Arab Human Development Report 2009. P. 229.

¹⁸ Egypt // The World Bank. Working for a World Free of Poverty. Data.

¹⁹ Egypt Human Development Report 2010. Youth in Egypt: Building Our Future. UNDP, 2010. P. 37.

в бессмысленные беспорядки, подобные тем, с которыми без особого напряжения справляются европейские правительства или, например, Исламская Республика Иран. Грубо отёсанные камни нижних ступеней пирамиды, на вершине которой в роскошных дворцах уже более полувека наслаждались дольче витой высшие офицерские чины, кто-то начинил тротилом, и для взрыва конструкции оказалось достаточно детонирующего шнура тунисского восстания.

Поскольку процесс заложения взрывчатого вещества был неизбежно растянут во времени, нельзя сказать, что власти о нём не подозревали. Более того, политическая система, формировавшаяся с военного переворота 1952 г., на всех витках своей идеологической эволюции от социалистического панарабизма Насера до осторожного буржуазного египетского национализма Мубарака в одном неизбежно оставалась верна себе: она была светской, а ограничения гражданских свобод объяснялись прежде всего борьбой с угрозой реакционного исламизма.

В результате развития политической системы Египта уже в правление Мубарака окончательно сформировалась зрелая *имитационная демократия*²⁰, признаки которой всесторонне рассмотрены Д.Е. Фурманом в его последней монографии²¹. Основная особенность этой системы, широко распространённой в постколониальных странах третьего мира, а также на обломках СССР, — это правовое и демократическое «камуфлирование» реальных механизмов управления (законодательно закреплённый институт выборов, квазимногопартийность и т.д.). Но ротация элиты, приход к власти оппозиции мирным путём при

такой модели развития принципиально невозможны.

Межпартийная конкуренция на египетских выборах была сведена к минимуму административным ресурсом, репрессиями и манипулятивными технологиями. Поэтому в парламенте полностью доминировала правящая Национально-демократическая партия, собранная в своё время с помощью политтехнологий из военно-бюрократических кадров. В итоге правительство также формировал президент, он же — глава правящей партии. Соответственно, возможности влияния лидера страны на судебную систему тоже ничем не были ограничены. Разделение властей декларировалось, но де-факто не реализовывалось, а количество сроков пребывания одного лица на посту президента не регламентировалось. Формирование и ротация политической элиты происходили в закрытом режиме²². Военно-бюрократическая номенклатура начинала превращаться в замкнутую коррумпированную касту, срачиваясь с крупным бизнесом, особенно после приватизации 1990-х гг. Венчала этот процесс перспектива передачи власти от дряхлеющего президента к сыну Гамалю, который в 2002 г. был назначен руководителем политического комитета партии.

Но несмотря на внешнюю устойчивость системы псевдовыборов и квазипарламентаризма, «кухонные» настроения египтян²³ кардинально от-

²⁰ Синонимом является «управляемая демократия».

²¹ Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.

²² Труевцев К.М. Политические системы арабских стран — между авторитаризмом и демократией // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / Отв. ред. В.Я. Белокриницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. М.: Крафт+, 2005. С. 64–65. Точно такая же система сложилась и в Тунисе, в отличие, например, от Марокко и Иордании, где имеет место реальная многопартийность и конкурентная борьба на выборах.

²³ Египетский аналог советской *кухни* находится в мечети и на базаре.

личались от официальной электоральной статистики.

В июле 2010 г., когда Египет считался одной из самых стабильных стран арабского мира, Университет Мэриленда заказал известному американскому центру исследований рынка и общественного мнения Zogby International опрос жителей Египта на предмет их отношения к США, исламу и ближневосточным проблемам. Оказалось, что 85% опрошенных негативно относятся к Штатам, 92% называют США и Израиль главными врагами Египта. В то же время 85% полагают, что роль ислама в политике позитивна, 65% убеждены, что исламское духовенство должно играть большую роль в политической системе страны, а 59% симпатизируют фундаменталистам при выборе между модернизмом и фундаментализмом²⁴.

Пикантность результатов опроса в том, что без единого слова о Мубараке и режиме он предельно ясно показывает отношение к нему общества. Официальный Египет Мубарака позиционировался как светское, антиисламистское государство — и действительно был таковым. Этот Египет поддерживал Кэмп-Дэвидский сепаратный мир с Израилем, признавая это государство и находясь с ним в дипломатических отношениях²⁵. Этот Египет еже-

годно получал самую большую американскую помощь на Ближнем Востоке (2-е место — Израиль, 3-е — Иордания). И данные особенности внешней политики Мубарака вызывали к его режиму ненависть, пожалуй, не меньшую, чем коррумпированность системы и отсутствие гражданских свобод на фоне безнадежной бедности основной массы населения. Действия власти расценивали как позорное предательство арабских и мусульманских интересов, которое поставило крест на амбициях Египта как регионального лидера. При знакомстве с иностранцами египтяне, от водителя такси до университетского профессора, как символ веры произносили слова отречения от внешней политики Мубарака. Практически каждый житель Египта ощущал унижение от невольной сопричастности этому предательству и отчаяние от невозможности что-то изменить.

Уже в середине нулевых, выходя на акции протеста, люди обвиняли Мубарака в создании полицейского государства. Государство ощущалось египтянами как тотально коррумпированное. Ежегодно хотя бы раз взятку приходилось давать восемнадцати египтянам из ста²⁶. По уровню коррупции страна занимала 98-е место в мире из 170 стран, участвующих в исследовании²⁷, но в данном случае настрой масс обусловлен комплексом факторов. Поэтому после свержения Мубарака люди верили в самые невероятные размеры украденных им народных богатств (говорили о трёх триллионах долларов), а сейчас вся страна вни-

²⁴ В данной статье идеологическое обращение к истокам ислама, строгому соблюдению норм Корана и Сунны (у суннитов) в повседневной и общественной жизни будет именоваться термином «фундаментализм», принятым в большинстве современных исследований этого явления. Также для обозначения данной идеологии иногда используется термин «салафизм» (см., напр.: *Наумкин В.В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток (Oriens). 2006. № 1).

²⁵ Урегулированные отношения с Израилем имеют только два члена Лиги арабских государств — Египет (с 1979 г.) и Иордания (с 1994 г.).

²⁶ International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: UNODC, 2010. P. 70.

²⁷ Global Corruption Barometer. Transparency International / http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results

Для сравнения, в РФ в прошлом году взятку хотя бы раз давали 26% граждан, а располагается Россия на 154-м месте — между Таджикистаном и Папуа — Новой Гвинеей.

мательнейшим образом следит за судом над ним. Опросы показывают, что люди жаждут для 83-летнего политика смертной казни или длительного заключения; лишь 19% готовы сжалиться над смертельно больным стариком²⁸.

Столпом, на котором зиждилась социально-политическая и идеологическая система Египта, являлось чрезвычайное положение на основе закона 1958 г., которое действует практически непрерывно с 1967 г. Оно было введено во время арабо-израильской войны, отменено в 1980 г. президентом Садатом и вновь возвращено Мубаракком после убийства предшественника (октябрь 1981 г.). Последний раз ЧП приостанавливали с сентября 2005 по апрель 2006 г. Отмена ЧП стало одним из главных требований восставших зимой 2011 г., de facto оно большей частью уже не действует, но формально процедура начинается только в августе. Если верить Высшему совету Вооружённых сил, который на данный момент руководит страной, полностью ЧП непременно будет отменено до ноябрьских выборов. Если, конечно, таковые состоятся.

Закон о ЧП легализует цензуру, ограничивает неправительственную политическую деятельность, которая для незарегистрированных организаций запрещена, равно как и финансовые пожертвования в пользу оных. Количество политических заключённых,

лишённых свободы в соответствии с этим законом, в середине нулевых оценивалось приблизительно в 30 тысяч²⁹. Собственно, ни Мубарак, ни его предшественники не скрывали, что действует данный закон именно против оппозиции, и отменить его никак нельзя, потому что в противном случае оппозиция придёт к власти. И это объяснение удовлетворяло поборников демократии в Вашингтоне, потому что речь шла об организации, которая давно и не без помощи египетских военных, находящихся у власти с 1952 г., стала жупелом для добропорядочного христианского Запада. И теперь уже более полугодом, от января к ноябрю, этот мир ждёт, когда пророчество сбудется, постепенно убеждая себя, что чёрт не так страшен.

И поступает логично, потому что, согласно опросу, проведённому «Аль-Джазирой» 7 июля, около 50% избирателей на грядущих парламентских выборах отдадут свои голоса за Партию свободы и справедливости (*Хизб аль-хуррийя ва-ль-адаля*), образованную лишь 30 апреля 2011 г.³⁰. Для того чтобы получить такие результаты, этой партии не пришлось тратить огромные средства на навязчивую рекламу на улицах и в прессе, ей нет необходимости применять административный ресурс. Члены временного правительства благоразумно сами приходят в гости к учредителям этой партии, чтобы отметить религиозные торжества и выразить почтение. Потому что за ней стоит та самая египетская оппозиция, которой столь успешно пугал Штаты Мубарак, что сумел вывести Египет на первое место по объёмам американского финансирования в регионе. Имя ей —

²⁸ Опрос «Процесс Мубарака: Какого наказания вы ждёте для бывшего президента?» // Аль-Масри аль-Йаум (на араб. яз.) // http://www.almasryalyoum.com/ar_poll/%D9%85%D8%AD%D8%A7%D9%83%D9%85%D8%A9-%D9%85%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%83-%D9%85%D8%A7-%D8%AD%D9%83%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%B0%D9%8A-%D8%AA%D8%AA%D9%88%D9%82%D8%B9%D9%87-%D9%84%D9%84%D8%B1-%D8%A6%D9%8A%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AE%D9%84%D9%88%D8%B9%D8%9F

²⁹ Williams Daniel (2006-04-30). Egypt Extends 25-Year-Old Emergency Law // The Washington Post. Retrieved 2011-01-29.

³⁰ The growing power of Egypt's Islamists// Expat Cairo / <http://www.expatcairo.com/2011/07/the-growing-power-of-egyptis-islamists/>

ассоциация «Братья-мусульмане»³¹ (*Аль-Ихван аль-Муслимун*). За долгие годы существования, в основном нелегального, эта старейшая и крупнейшая политическая организация Египта может впервые прийти к власти. Причём в результате революции, которая была во многом «Братьями-мусульманами» идеологически подготовлена и поддержана практически, вплоть до организации бесперебойных поставок воды и лепёшек на площадь Тахрир.

Крупнейший современный исследователь политического ислама Жиль Кепель как-то назвал «Братъев-мусульман» матрицей современных исламистских движений³². Новые организации старались копировать её устройство, методы ведения борьбы и пропаганды ещё задолго до «арабской весны» 2011 г. — потому что «Братья» выжили под постоянным прессингом власти и не изменили целям и принципам, провозглашённым изначально. Не только выжили, но из египетского провинциального движения превратились в самую влиятельную и богатую оппозиционную организацию с отделениями по всему арабскому миру, в Чёрной Африке, Европе и Америке.

* * *

В 1920-е гг. в городах Египта возникали десятки религиозно-политических движений, как правило, умиравших после первых репрессий властей. С 1882 г. страна находилась де-факто под британской оккупацией, де-юре — под властью Порты. Двойственное положение закончилось в декабре 1914 г., когда англичане начали реализацию своих планов по разделу Османской империи. Египет был объявлен «султанатом» и британским протекторатом, где реальная власть

принадлежала английскому верховному комиссару.

Всё это время в Египте не прекращалась освободительная борьба, в основном под светскими лозунгами типа «Египет для египтян»³³ и близкой к социализму идеологией, как у Ахмада Ураби, лидера сопротивления английской оккупации 1879–1882 гг.³⁴. Эти воззрения были результатом осмысления ситуации в Египте сквозь призму европейских националистических идей и теорий. Так, Ураби писал: «Меня особенно сильно поразила книга о Бонапарте... Она подтолкнула меня к пониманию необходимости защитить родину от алчности иностранцев. Я понял, что моей стране нужно парламентское, конституционное правление»³⁵. Данный пример очень характерен для светских националистов Востока рубежа XIX–XX вв., мечтавших построить гражданское общество и государство по западноевропейской модели, но без экономического и политического подчинения Западу³⁶.

Старейшая египетская партия «Вафд», флагман восстания 1919 г. против британского господства, тоже

³³ Этот лозунг имел патриотический, а не националистический смысл.

³⁴ Ураби выступал категорически против любой власти над Египтом, как английской, так и турецкой. Он призывал ко всеобщему социальному равенству в Египте и пытался опереться в борьбе на крестьянство (феллахов), в котором видел основу формирования египетской нации и будущую опору национализма.

³⁵ Ураби А. Кяшф ас-саттар 'ан сирр аль-асрар фи-н-нахда аль-масрийя аль-машхура би-с-саура аль-урабийя. Каир, 2005. С. 16.

³⁶ См. об этом: Савичева Е.М. Формирование идеологии национально-освободительного движения в арабских странах в конце XIX — начале XX века: (На прим. Египта). М.: РУДН, 1990; Родригес А.М. Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М.: МПГУ, 2011. С. 219–232.

³¹ Далее также используются аббревиатуры АБМ и БМ.

³² Kipel G. Muslim Extremism in Egypt: the Prophet and Pharaoh. Berkley: University of California Press, 2003. P. XII.

была светской. Итогом восстания, которое в историографии политкорректно называют революцией, стало формальное признание Британией независимости Египта в 1922 г. На деле суверенитет был фиктивным, потому как за англичанами оставались права на контроль «имперских путей» (прежде всего Суэцкого канала), «защиту» Египта от иностранного вмешательства, охрану интересов иностранцев, национальных меньшинств и соуправление Суданом. В 1923 г. Египет формально стал независимой конституционной монархией во главе с королём Фуадом I, а лидеры «Вафд» вошли в кабинет министров. Стало ясно, что европеизированная экономическая и интеллектуальная элита страны не собирается бороться за реальную независимость.

Широкие круги интеллигенции, выходцы из мелкой буржуазии и крестьянства, получившие образование, как правило, в местных религиозных учебных заведениях, быстро разочаровались в либерализме и всё больше обращались к традиционным исламским ценностям. Сильным ударом с другой стороны, который в результате помог мобилизации интеллектуальных усилий, стало упразднение халифата Ата-тюрком в 1924 г. Теперь мусульманская умма лишалась символа своего пусть формального политического единства. И кто-то должен был заполнить этот вакуум.

По сути, исламский фундаментализм, который стал быстро распространяться в Египте в 1920-е гг., с активизацией суфийских орденов, с возникновением новых тайных обществ, часто в подростковой и юношеской среде, был ответом на «предательство» светскими националистами интересов страны и народа. От проповедников и богословов ждали не апологетики терпения, а призывов к изгнанию англичан, защиты от западных влияний.

История «Братьев-мусульман» началась 23 марта 1928 г. в Исмаилии,

когда к молодому учителю начальной школы и активисту мусульманской общины города Хасану аль-Банна (1906–1949) пришли шестеро рабочих с английских военных баз, расположенных в зоне Суэцкого канала, — поздравить просветителя с праздником Ид аль-Фитр³⁷ и предложить ему возглавить новую организацию. Сам аль-Банна рассказывал эту историю так:

«Ко мне пришли шестеро друзей... На них очень большое впечатление произвели лекции и проповеди, с которыми я выступал в Исмаилии. Они сказали: “Мы чувствуем отвращение к той жизни, которой живём, поскольку мы живём в рабстве и унижении. Мы видим, что арабы и мусульмане не имеют ни статуса, ни достоинства в нашей стране. Они не более чем наймиты в услужении у иноземцев. У нас нет ничего, кроме крови, души и этих нескольких монет.

...Вы знаете лучше, чем мы, как служить нашей родине, исламу и умме. Мы пришли к вам, чтобы отдать всё, что у нас есть, с тем чтобы мы исполнили наш долг по отношению к Аллаху. Мы хотим, чтобы Вы стали нашим лидером...”»³⁸.

Аль-Банна очень серьёзно воспринял это предложение, друзья присягнули перед Аллахом стать воинами ислама и решили назвать себя «Братьями-мусульманами». Программой-минимум новой организации стала борьба с Западом во всех его проявлениях, начиная со светской конституции Египта и господства английского капитала в стране. Сверхзадачей стало возрождение халифата. АБМ изначально являлась организацией, готовой бороться за власть во имя установления исламского миропорядка,

³⁷ Праздник разговения, отмечаемый в честь окончания поста в Рамадан.

³⁸ *Mitchell R.P.* The Society of the Muslim Brothers. London: Oxford University Press, 1969. P. 8.

т.е. не просто фундаменталистской, а исламистской³⁹.

Сама история создания АБМ показывает, что эта исламистская организация, во многом благодаря которой идея исламского государства сейчас имеет столь широкое распространение, в социальной основе своей — городское явление, порождение антиколониальной, национально-освободительной борьбы «базара» и городских низов, которые исправно пополнялись за счёт трудовой миграции из деревни. По сути выдвинутых лозунгов социальной справедливости и борьбы с колониализмом, по бескомпромиссности позиции аль-Банна был гораздо большим националистом, чем члены партии «Вафд». Но националистом религиозным, понимающим нацию триедино: «Воистину умма создала свою нацию из её языка, религии, обычаев, культуры... и каждый представитель уммы является хранителем земли, на которой он родился, и по отношению к ней он является египтянином, сирийцем, иракцем... Он член великой уммы, которую объединяют язык, религия, общие чувства... и он араб в этой умме»⁴⁰.

³⁹ Исламизм, или политический ислам — идеология, понимающая ислам как религиозно-политическую систему, стратегической целью которых является создание исламского государства, в котором на основе вечных и справедливых законов Корана торжествует исламская социальная справедливость (Долгов Б.В. Социальная эволюция арабского мира и исламский фактор // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы. Казань, 2009. С. 119; Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005. С. 39–46).

⁴⁰ Хасан аль-Банна. Масдар арабийя. Цит. по: Милославская Т.П., Милославский Г.В. Концепция «исламского единства» и интеграционные процессы в «мусульманском мире» // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1986. С. 14.

То есть в идеологии АБМ панисламизм органично сочетается и с панарабизмом, и с партикулярным национализмом, пока два последних не отомрут за ненужностью в отдалённом будущем. Дальнейшая история «Братьев» показала, что эта формула обречена на успех.

Теоретиками АБМ политической формой всеисламского единства со времён аль-Банна считается халифат, но понимается он не как огромное государство под диктатом одного правительства. Халифат — это политическое, экономическое и культурное сотрудничество исламских государств, образующее «союз исламских наций» и выбирающее имама, который играет роль символа единства. То есть халифат должен быть межгосударственной общностью, осуществляющей исламский путь развития (Коран — основа конституции, управление государством — при участии совета богословов, деятельность исполнительных органов — в полном соответствии с Кораном и «желаниями людей»)⁴¹.

Что касается западных идеологий, то аль-Банна отмечал их плюсы и минусы. Запад буржуазно-либеральный с его интеллектуальной продвинутостью, материальным благополучием и демократией, которая всегда рассматривалась АБМ как благо, был неприемлем как образец для подражания из-за мертвящего материализма, индивидуализма и эксплуатации бедных богатыми. Советская модель имела для «Братьев» свои позитивные стороны: социальная справедливость, эгалитаризм, солидарность и гуманизм. Но всё это перечёркивалось атеизмом, тиранией, отсутствием свободы и демократии. Исламский же «третий путь» должен включать все положительные черты обоих европейских вариантов развития и не допустить их отрицательные стороны. Всё это аль-Банна и его последователи считают возмож-

⁴¹ Там же. С. 16.

ным, если опираться в управлении государством на Коран и Сунну⁴².

Очевидно, что эта программа ориентировалась на широкие слои населения, но не на элиту, которую устраивают и либеральные светские идеалы, и не на феллахов, которые продолжают жить в традиционном обществе и не знают о существовании ни одной из идеологий, с которыми спорит аль-Банна. Важно и то, что «Братья» никогда теоретически не отвергали насилия, если оно могло решить важную для них задачу. Это делало группу привлекательной для городской бедноты, жаждущей решительных действий. Потенциально подобная идеология обещала движению популярность, если она будет сочетаться с грамотной практикой. Хасану аль-Банна не удалось бы создать столь живучую и эффективную «матрицу исламизма», если бы он и его соратники не понимали этого.

Первоочередной задачей, помимо разработки утопии, привлекательной для масс, стало увеличение численности ассоциации и расширение географических рамок. Поэтому начали с организации вечерней школы, позиционируя себя как исламская просветительская группа. Аль-Банна не поднимал в своих лекциях сложных богословско-правовых вопросов, но сосредоточивал усилия на пропаганде солидарности и альтруизма в повседневной жизни, т.е. основ гражданского общества.

Потом «братья» много выступали с проповедями и лекциями по любому общественно значимому событию и везде, где была возможность: в мечетях, кофейнях, клубах Исмаилии и окрестных районах.

«Братья» охотно откликались на просьбы о помощи и сами искали нуждающихся в ней. Свою роль сыграла и

харизма аль-Банна, и его уверенность в своей правоте. Кроме того, людям импонировало, что АБМ была подчёркнуто неэлитарна: заместитель аль-Банна был плотником, и многие другие руководящие должности в организации занимали выходцы из низших слоёв.

Первым большим проектом АБМ стало в 1931 г. строительство мечети на пожертвования, которые собирали очень внимательно, отсекая потенциально корыстных «благотворителей», имевших намерения в дальнейшем влиять на вектор деятельности ассоциации, использовать её в своих политических и экономических интересах⁴³. К открытию мечети добавилось широкое освещение этого события в прессе.

Известность принесла новый уровень фандрайзинга, и штаб-квартира «Братьев-мусульман» переехала в Каир. Пожертвований, финансовых и материальных, уже хватало на строительство новых школ, мечетей, даже небольших производственных предприятий — в 1933 г. было основано издательство *Шарикат аль-иланат аль-арабийя* и приобретено оборудование, на котором печатались газеты и заказные рекламные материалы. Вырученные средства этого акционерного общества, держателями акций которого могли быть только члены АБМ, шли на борьбу за воплощение исламистского идеала.

Оказалось, что некоторые представители крупной национальной буржуазии готовы финансировать превращение отдельно взятой страны (на первом этапе) в теократическое мусульманское государство с исламской экономической системой⁴⁴. Тем бо-

⁴² Religious fundamentalism in the contemporary world: critical social and political issues / Ed. by Saha S.C. Lexington Books, 2004. P. 98–100.

⁴³ *Lia B. The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942.* Reading, UK: Garnet, 1998. P. 39–42.

⁴⁴ Идеал исламской экономики — это удовлетворение основных потребностей в пище, одежде, жилье, медицине и образовании для

лее что аль-Банна призывал это осуществить мирным путём через воспитание подрастающего поколения в системе исламских ценностей, активную пропаганду, в том числе личным примером, и т.п.

В столице аль-Банна продолжил использовать различные информационные поводы в работе с центральными СМИ. Так, он обращался к королю Фуаду с призывом ограничить деятельность иностранных миссионеров, организовывал делегацию из известных богословов к шейху университета аль-Азхар с требованием ввести обязательное преподавание основ ислама на всех ступенях образования и т.д. Не боялся аль-Банна и критиковать аль-Азхар, самую авторитетную и почитаемую исламскую духовную академию мира, за попустительство империализму и покорный, мёртвый ислам, который там проповедовался⁴⁵.

Но поскольку «Братья-мусульмане» были и антисоциалистическим движением, король Фарук (правил в 1936–

всех; равенство возможностей, предотвращение концентрации богатства у немногих, предоставление возможностей для духовного совершенствования (см.: *Siddiqi M.N. Teaching Economics in Islamic Perspective. Jeddah, 1996. P. 6–7*). Предполагает запрет на ссудные проценты, спекуляцию, наживу на азартных играх, алкоголе, проституции, порнографии и др. Кроме того, в 1930–1940-е гг. АБМ ситуативно призывала к национализации крупной промышленности, увеличению вмешательства государства в экономику, снижению зарплаты высших чиновников, щедрые социальные программы, в т.ч. пособия по безработице и государственное жильё, а также законодательную защиту прав наёмного работника. Также «Братья» выступали за ликвидацию помещичьего землевладения как величайшего зла. Полностью условия исламской экономики не соблюдаются пока ни в одном государстве мира (см.: *Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М.: ИД Марджани, 2009. С. 278–282*).

⁴⁵ *Mitchell R.P. Op. cit. P. 223.*

1952 гг.), преемник Фауда, во второй пол. 1930-х гг. относился к этой организации даже с симпатией: из политических организаций только «Братьям» разрешалось посещение армейских гарнизонов.

Ещё одним фактором успеха стала структура АБМ, в которой, во-первых, продвижение зависело исключительно от личных заслуг; принадлежность к тому или иному социальному слою не играла никакой роли. Вновь присоединившимся предлагались разные формы членства, от помощника до активиста, с различными обязанностями, ответственностью и размером взносов. «Братья», находившиеся в затруднительном материальном положении, взносов не платили.

Кроме того, в 1930-х гг. АБМ инициировала т.н. *джаввала* — программы для юношества, включавшие спортивную подготовку и навыки аскетизма. Фактически данная идея была заимствована из западного мира, из популярного в те годы скаутского движения.

Главой «Братъев» стал аль-Банна, получивший титул «верховного наставника» (*аль-муршид аль-'амм*), позаимствованный из суфийской терминологии, т.к. аль-Банна с юности был членом суфийского ордена Хасафийа. Однако важные решения всегда принимались коллегиально, на совете (*Маджлис аш-Шура*, изначально назывался *аль-Хай'а ат-Та'сисийя* — Учредительная ассамблея). Ассоциация состояла из отделений (*шуббан*), каждое из которых должно было организовать вечернюю школу для неграмотных членов.

В результате с трёх отделений в 1931 г. «Братья-мусульмане» расширились до 300 в 1938 г.⁴⁶

В конце 1930-х гг., исходя из приоритета действия перед словом, некоторые члены БМ призывали к созданию вооружённых формирований для сило-

⁴⁶ *Lia B. Op. cit. P. 151–154.*

вых акций против британского господства. Наиболее радикальные, вразрез с решениями руководства АБМ, участвовали в столкновениях с полицией. Аль-Банна возражал против участия в подобных акциях, считая, что «Братья» объективно пока не имеют достаточно ресурсов, и надо специально готовить профессиональных бойцов, которые в случае полного провала мирной стратегии не займутся террором, а открыто объявят войну имперской оккупации. Такая стратегия не была принята радикальным крылом, и в 1939 г. оно вышло из АБМ, образовав организацию «Шабаб Мухаммад». В следующем году АБМ в ответ на этот вызов всё же создала военизированное формирование, которое, впрочем, все военные годы пребывало в бездействии⁴⁷.

«Братья» настаивали на нейтралитете Египта во Второй мировой войне, однако есть данные об их связях с нацистами — с конца 1930-х гг. Германия являлась их объективным союзником в борьбе против Британии, в том числе на территории британского мандата в Палестине⁴⁸. Популярным чтением в АБМ была «Моя борьба» и «Протоколы сионских мудрецов»⁴⁹. В 1940 г. Англия сменила правительство Египта на полностью лояльное, в 1941 г. было введено военное положение, и оппозиционные общественные деятели, в т.ч. аль-Банна, подверглись арестам. Собрания БМ, их периодические издания и даже упоминания о них в прессе были запрещены⁵⁰. Однако численность БМ продолжала расти, и к 1948 г. они имели около 2 тыс. отделений и оценочно более миллиона членов⁵¹.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Johnson I. A Mosque in Munich: Nazis, the CIA and Rise of the Muslim Brotherhood in the West. N. Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2010.

⁴⁹ Herf J. Nazi Propaganda for the Arab World. New Haven, London: Yale University Press, 2009.

⁵⁰ Mitchell R.P. Op. cit. P. 19–23

⁵¹ Carré O., Gérard M. Les Frères musulmans:

Несмотря на постоянные заявления аль-Банна о неприемлемости насилия, «Братья» были отстранены от участия в выборах.

Сложившаяся после войны социально-экономическая ситуация, отягощённая неразрешёнными вопросами о британской оккупации Египта, конфликтом в Палестине, а также широкой английской, нацистской и советской пропагандой, привела к дестабилизации обстановки. В Египте, как и во многих других странах третьего мира, распространялись социалистические идеи.

В декабре 1948 г. правительство Египта объявило о роспуске и запрете «Братъев-мусульман»: в ходе обысков были обнаружены оружейные склады, самодельные взрывные устройства и прочее. Реально же правительство обеспокоилось, что БМ становятся государством в государстве со своими заводами, больницами, школами и банками⁵².

Кроме подготовки террористических акций, правительство обвинило «Братъев» в подстрекательстве рабочих и крестьян к забастовкам против высоких налогов. Многие члены БМ были арестованы, аль-Банна находился под строгим надзором полиции⁵³. 28 декабря 1948 г. член БМ, по-видимому, без согласования с руководством, убил премьер-министра Махмуда Фахми ан-Нукраши. Аль-Банна осудил убийство, издал обращение, в котором осудил все акты насилия, в т.ч. против евреев, однако заметил, что руководство БМ не имело возможности их предотвратить из-за арестов, а также что истинной причиной террора является политика правительства и война в Палестине. Он отри-

Egypte et Syrie (1928–1982). Paris: Gallimard, 1983. P. 21. Поскольку «Братья-мусульмане» не афишируют свою реальную численность, оценки последней всегда очень приблизительны и субъективны.

⁵² Ibid. P. 58–59, 61, 64, 66.

⁵³ Ibid. P. 67.

цал, что БМ готовили революцию, списывая заготовленное оружие на помощь в Палестине, в рамках законного сотрудничества с ЛАГ. Но в феврале 1949 г. аль-Банна был убит, вероятно, по приказу премьер-министра⁵⁴, и история пошла другим путём.

* * *

В мае 1949 г. группа «Братьев» совершила неудачную попытку убить премьера Абд ал-Хади, что привело к новой волне арестов. Обвинение пыталось доказать, что целью БМ была революция, а общественная и благотворительная деятельность использовалась в качестве прикрытия⁵⁵. Защита признала, что члены БМ сформировали террористическую организацию, но её цели не были известны руководству БМ и нарушали их основные положения, а оружие предназначалось для защиты мусульман от британских оккупантов и сионистов. Суд прислушался к доводам защиты, большинству фигурантов были вынесены оправдательные приговоры, и лишь несколько получили минимальные сроки.

После возвращения партии «Вафд» к власти в 1950 г. «Братья-мусульмане» пытались вести переговоры с правительством о возвращении к легальному статусу, но не достигли успеха. Военное положение было отменено во всех пунктах, кроме тех, что касались БМ. Парламент принял «Закон об организациях», который непосредственно касался БМ, не упоминая названия. Закон требовал предъявлять властям фото и описание каждого члена организации. МВД сообщило о намерении купить штаб-квартиру БМ для использования в качестве полицейского участка. Однако «Братьям» с помощью суда удалось вернуть имущество и добиться права на легальную деятельность.

⁵⁴ Ibid. P. 70–71; Carré O., Gérard M. Op. cit. P. 33.

⁵⁵ Mitchell R.P. Op. cit. P. 74–76.

В то же время внутри БМ шла активная борьба за пост главы общества. В итоге, в противоречие уставу, в 1951 г. главой стал аутсайдер этой гонки, Хасан Исмаил ал-Худайби, опытный судья, известный своим осуждением насилия, который призван был придать организации больше респектабельности. Худайби, поклонник аль-Банна, даже не являлся членом БМ.

8 октября 1951 г. премьер Наххас-паша в одностороннем порядке отменил англо-египетский договор 1936 г. Это вызвало массовые демонстрации в поддержку курса на независимость; общественные организации, в т.ч. многие члены «Братьев», и армия начали готовиться к вооружённому противостоянию британским войскам. Худайби как противник насилия публично отказался от таких намерений, тем самым противопоставив себя аппарату БМ. Правительство также воздержалось от решительных действий, которые по логике могли последовать за денонсацией договора. 25 января 1952 г. британские войска атаковали полицейский участок в зоне Суэцкого канала, и начались столкновения. На следующий день студенты, полиция и военные пришли к парламенту требовать объявления войны Британии. В городе начались беспорядки и поджоги. Худайби выступил с заявлением, что БМ не принимали в этом участия как организация. Так «Братья-мусульмане» в первый раз лишили себя возможности попробовать воплотить в жизнь утопию своего основателя, вместо этого начав «роман» с военными.

23 июня, после смены нескольких правительств, к власти пришли «Свободные офицеры» с Мухаммадом Нагибом во главе. Монархия была свергнута. БМ поддержали революцию, но не приняли в ней участия. Члены «Свободных офицеров», в т.ч. Насер и Садат, тесно контактировали с руководством БМ ещё с 1940-х гг.⁵⁶

⁵⁶ Члены БМ воевали плечом к плечу со

После революции отношения между «Свободными офицерами» и БМ начали портиться, т.к. БМ настаивали на принятии исламской конституции, а армия не желала делиться властью. В 1953 г. правительство запретило все политические партии и организации, за исключением «Братьев». Но Насер был идейным противником многопартийной системы, парламентаризма как такового и начал реализовывать свои убеждения. Тогда хунта ещё не могла себе позволить обойтись без поддержки БМ, но препятствовала вхождению «Братьев» в правительство.

В январе 1954 г. режим попытался сорвать студенческий митинг «Братьев-мусульман» с помощью своих сторонников и громкоговорителей. Собрание превратилось в побоище, после чего БМ были в очередной раз запрещены, Худайби и сотни активистов арестованы. Но опасение потерять популярность привело Насера к освобождению лидеров (не всех). Худайби начал требовать демократии, многопартийных выборов и отмены цензуры. Тем временем продолжились переговоры Египта и Британии по поводу Суэца. Позицию Насера лидер «Братьев» объявил пробританской и угрожающей суверенитету Египта. Начались манифестации, которые были подавлены полицейскими мерами. Худайби ушёл в подполье, и правительственная пресса начала кампанию по его дискредитации. БМ, отъехавших за границу, обвинили в измене и лишили гражданства⁵⁷. 19 октября 1954 договор с Англией был подписан, 26 октября состоялось покушение на Насера, в котором обвинили «Братьев-мусульман»; многие их лидеры были арестованы, шесть человек из руководящего состава казнены.

«Свободными офицерами» в Палестине, обучались у них в период подготовки к отражению британской агрессии в зоне Суэцкого канала годом ранее.

⁵⁷ *Mitchell R.P.* Op. cit. P. 134–144.

С тех пор всё правление Насера было ознаменовано непрекращающимися репрессиями в отношении БМ. 21 член организации был убит в заключении в июле 1957 г. Избежавшие ареста либо эмигрировали, либо ушли в подполье, в т.ч. Сайид Кутб, бывший редактор газеты «Братьев-мусульман». Его книга «Социальная справедливость в исламе» пользовалась огромной популярностью благодаря отражённым там идеям исламского социализма и призывам к непримиримой вооружённой борьбе, в том числе и террористическими методами⁵⁸.

Воззрения Кутба, который стал самым влиятельным мыслителем БМ своего времени и оказал влияние на идеологию многих радикальных организаций, вкратце таковы: человечество в системном глубоком кризисе, вызванном отказом от системы ценностей, которая позволила бы жить в гармонии, чему свидетельство — ядерная угроза. Западная концепция демократии, основанная на индивидуализме, привела к чудовищному социальному расслоению, колониализму и порабощению человека капиталом. Социалистический блок также не преуспел: марксистские правительства отошли от своих принципов, и коммунизм превратился в идеологию, обслуживающую репрессивные режимы. Ислам — это единственный выход. Человечество сейчас, включая Египет, живёт де-факто в джахилии (языческом невежестве). Люди допустили ошибку, пытаясь создать свои системы ценностей, вместо того чтобы признать суверенитет Бога в этом вопросе⁵⁹. Соответственно, можно допустить джихад против неисламской по сути и к тому же тоталитарной власти. БМ разделились на молодых радикалов, выступавших за немедленную подготовку пере-

⁵⁸ Идеи Кутба оказали большое влияние на стратегию и тактику Р.М. Хомейни, будущего лидера Исламской революции в Иране.

⁵⁹ *Kepel J.* Op. cit. P. 44–47.

ворота, и умеренных, ставивших целью общественную работу (образование, медицина, правозащита).

В 1965 г. правительство объявило о раскрытии подготовки к восстанию. Было арестовано 18 тыс. человек, около 200 остались в заключении, из них 38 убито в тюрьме во время следствия. Кутб был повешен 29 августа 1966 г.

После гибели Кутба его идеи оставались популярными, но уже не воспринимались большинством БМ как единственно верные. Побеждало реформистское крыло.

В 1972 г. Худайби сменил Умар Тилмисани, который, как и его предшественник, не привнёс чего-то нового в доктрину «Братьев-мусульман». Он воспринимался как временный лидер. Да и идеологический центр тяжести БМ как международной организации смещался в сторону стран, куда эмигрировали от преследований египетского правительства многие члены организации. Титул верховного наставника в 1974 г. предложили проживавшему в Катаре изгнаннику из Египта с 1961 г., уже широко известному в исламском мире богослову Юсуфу аль-Кардави, но он отказался. Потом ещё раз откажется — в 2004 г. В 2011 г. объяснит, что так поступил, потому что хотел стать лидером всей уммы, а не отдельной её части.

С приходом к власти Садата началась новая попытка БМ сотрудничать с военными, находившимися у власти. На этот раз президент рассчитывал использовать «Братьев» против левых, что привлекло в ряды БМ много крупных бизнесменов, сторонников либеральной экономической политики Садата. Но как только «Братья» почувствовали себя уверенно и заговорили о теократии, отношения начали охладевать. Точкой возврата (с Садатом) стал Кэмп-Дэвидский договор с Израилем. Журнал «Братьев-мусульман» «Ад-Да'ва» был единственным легальным изданием, которое осудило договор и подвергло критике улемов аль-Азхара,

которые пытались его оправдать с позиций ислама⁶⁰. В 1979 г. БМ поддержали Иранскую революцию и большинство её лозунгов, несмотря на различия между суннизмом и шиизмом (сейчас власти Ирана вспоминают об этом с теплотой и предлагают свою помощь в организации исламского государства в Египте после Мубарака).

Но Садат чувствовал себя настолько уверенно в кресле президента, что даже отменил режим чрезвычайного положения. Последствия не заставили себя долго ждать — 6 октября 1981 г. он был убит организацией «Ат-Такфир ва-аль-хиджра», возникшей из недр БМ.

При Мубараке «Братьев-мусульман» вновь официально объявили вне закона. ЧП также вернулось. Но режим имитационной демократии, в отличие от жёсткого авторитаризма, не мог ничего поделать с тем фактом, что БМ выпускали 2 газеты, делали публичные заявления, их книги при Мубараке можно было свободно купить в магазинах.

При ЧП на легальную политическую оппозицию были наложены строгие ограничения, в обществе доминировало мнение, что выборы систематически фальсифицируются, однако исламские благотворительные организации и мечети вели общественную деятельность вполне свободно и вновь стали аккумуляторами инакомыслия. Есть множество рассказов о том, что БМ удавалось внедриться в ряды чиновников, их стало много среди врачей, учителей, административных работников⁶¹.

Особенно успешны БМ были в последние десятилетия в привлечении в

⁶⁰ Said Ali A.M., Wenner M. Modern Islamic Reform Movements: The Muslim Brotherhood in Contemporary Egypt // Middle East Journal. 1982. Vol. 36. № 3. P. 344.

⁶¹ Wickham, Carrie Rosefsky. Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt. N. Y.: Columbia University Press, 2002. P. 71–75, 88–89, 93–118, 202.

свои ряды студентов и недавних выпускников. Отсутствие достойной работы, практически закрытая вертикальная мобильность, нужда в деньгах для обустройства личной жизни (свадьба и т.п.), с одной стороны, и вопиющая коррупция политической системы порождали в молодёжи ощущения безнадёжности и отчаяния. БМ предлагали юношеству смысл жизни — борьбу за исламское возрождение, новый образ социума, где можно стать уважаемым человеком не с помощью чина или богатства (ни то, ни другое нереально), а путём праведной жизни, благочестия и исламской учёности. Установка БМ, что социальная и политическая активность — это обязанность каждого мусульманина, спасала молодых людей от пораженческих настроений. Как ни странно, исламизм оказался хорошим приютом и для женщин из низших слоёв, которые уже не чувствовали себя ущемлёнными из-за невозможности получить хорошее образование, сделать карьеру или хотя бы быть конкурентоспособной в погоне за модой. Им предлагали иные ценности, и они чувствовали себя самодостаточными, достойными людьми, противостоящими моральному разложению.

В задачи молодых братьев-мусульман входит организация исламских семинаров в студенческой среде, продвижение своих кандидатов на выборах в общественные молодёжные организации (студсоюзы и т.п.), профсоюзы, парламент, и участие в демонстрациях⁶². БМ предлагали молодёжи ссуды, медицинскую страховку, курсы переподготовки для безработных. Эта помощь была весьма скромного размера и качества, но создавала ощущение присутствия силы, противостоящей государству и способной взять под свою защиту маленького человека.

В 1984 г. «Братьям» разрешили выдвигать кандидатов для партии

«Вафд», в 1987 г. — для Социалистической Рабочей партии, и оба раза эти движения набирали больше голосов, чем вся остальная оппозиция, вместе взятая.

Но в 1990-е гг. Мубарак, опасаясь роста влияния БМ, начинает репрессии. В 1995–1996 гг. арестовано более 1 тыс. членов организации. Профсоюзы переведены под контроль государства. В 1998 г. сотни студентов — активистов БМ арестовали перед выборами в студенческие союзы. Это был болезненный для БМ факт, т.к. они не имели поддержки у верхушки буржуазии, промышленных рабочих, а также беднейших и наименее образованных слоёв общества. Также проблемой БМ был и является внутренний конфликт между «старой гвардией» и более либеральным средним поколением. В 1996 г. часть БМ отделилась и вместе с коптами основала партию *Хизб ал-васат ал-джадид*. Выступая с центристских позиций, партия пыталась получить регистрацию для участия в выборах, однако удалось ей это только после революции, 19 февраля 2011 г.

На выборах 2000 г. БМ стали придерживаться тактики просачивания в парламент, используя институт независимых кандидатов (выдвинули 76, прошло 17; всего 454, правящая Национал-демократическая партия — 353, из остальной оппозиции у «Вафд» 7, у других ещё меньше).

В 2005 г. БМ начали принимать участие в демонстрациях Кефайя, движения, образованного в 2004 г. на волне солидарности со 2-й интифадой Палестины и против вторжения в Ирак; постепенно в него влились все оппозиционеры — исламисты, марксисты, либералы и т.п. На выборах 2005 г. либерализм Мубарака, вызванный волной демонстраций движения Кефайя, позволил «Братьям-мусульманам» участвовать в выборах хотя бы в качестве независимых кандидатов. Несмотря на давление административного ресурса, вплоть до арестов, им удалось до-

⁶² Там же. Р. 36–62, 75–87, 164–171.

биться 88 мест в парламенте. Это был огромный успех, за которым не могло не последовать продолжение.

После балаганных выборов правящей партии в ноябре–декабре 2010 г. все ждали волнений, но их не было. В который раз звучали мнения о том, что «Братья-мусульмане» за долгие десятилетия полуподпольного существования при различных антидемократических режимах настолько вросли в них, что уже давно являются их частью, поддерживающей статус-кво. Но тунисский фитиль уже был зажжён.

* * *

Лозунги египетской революции были на редкость однообразны: «Мубарак, уходи!». На многочисленных фотографиях — ни одного исламистского призыва, мусульмане братаются с коптами в едином порыве. Западная пресса пишет о том, что «Братья-мусульмане» — организация у молодёжи непопулярная из-за устаревшей фундаменталистской идеологии, что молодые египтяне жаждут демократии западного образца. Все эти иллюзии были развеяны 18 февраля 2011 г., когда «герою твиттер-революции» Ваэлю Гониму не дали поздравить трёхмиллионную толпу со свержением Мубарака. И молодой человек совершенно не обиделся, сразу подчеркнув это в твиттере. И вдруг оказалось, что революция началась 25 января — в «День гнева», дату которого установили ещё 19 января «Братья-мусульмане».

Три миллиона человек⁶³ — больше, чем когда-либо — собиралось на площади Тахрир и около неё за всё время революции, — пришли тогда внимать пятничной проповеди 84-летнего Юсуфа аль-Кардави, духовного лидера «Братев-мусульман» всего мира, наверное, самого влиятельного суннит-

ского богослова современности⁶⁴, ступившего на египетскую землю впервые за последние тридцать лет.

В своей речи, обращённой ко всем египтянам — мусульманам и коптам, шейх сказал, что египтяне показали всему миру, как делать революции, призвал армию поскорее отправить в отставку правительство, оставшееся со времён Мубарака, сформировать новый кабинет национального единства из честных и достойных людей, освободить всех политических заключённых, отменить чрезвычайное положение, обратил внимание на необходимость восстановления египетской экономики, разворованной Мубараком (по версии аль-Кардави, режим Мубарака украл около трёх трлн долларов), указал молодёжи, что революцию надо продолжать, а египетской армии — что она должна прекратить блокаду Газы. А ещё шейх напомнил, что следующей целью Всевышнего после победы революции в Египте является освобождение мечети аль-Акса⁶⁵. На этих словах революционные массы громко одобрили и столь убедительно загудели, что вызвали в Израиле многочисленные публикации о новом Хомейни⁶⁶.

Аль-Кардави поспешил развеять эти опасения и уже 21 февраля дал интервью египетской газете «Аль-Ахрам»: «Моя пятничная проповедь не есть свидетельство начала религиозного государства... Я ориентирован на создание светского государства, но на исламской основе. Так будет правильно для нашего государства. Многие государства выбрали в качестве основы со-

⁶⁴ См., напр.: *Kessler O.* Analysis: Yusuf al-Qaradawi — a 'man for all seasons' // The Jerusalem Post. 02/20/2011 / <http://www.jpost.com/MiddleEast/Article.aspx?id=208978>

⁶⁵ Находится на Храмовой горе в Иерусалиме.

⁶⁶ Самая нашумевшая статья: *Rubin B.* The Region: Egypt gets its Khomeini // The Jerusalem Post. 02/20/2011 / <http://www.jpost.com/Opinion/Columnists/Article.aspx?id=209102>

⁶³ Данные канала «Аль-Арабийя» от 19.02.2011.

циализм, другие — национализм... Но я категорически против религиозного государства, мы не государство мullah или шейхов»⁶⁷.

30 апреля 2011 была создана партия *Хизб ал-хуррийа ва-л-адаля*, руководители которой сразу сообщили: «Свобода, равенство, братство — всё это есть в шариате». Девиз партии — «Мы несём добро Египту».

Чем ближе к выборам ноября 2011 г., тем яснее становится, что светское государство Юсуфа аль-Кардави несколько отличается от общепринятых представлений. Так, в мае он разъяснил, что исламское государство должно быть создано путём реформирования общества снизу вверх ненасильственными методами, к власти надо приходить демократическим путём, через выборы. Он отстаивает концепцию «светского государства на исламской основе», которое такое же светское, как другие государства мира, но власти его должны отвечать требованиям шариата. А граждане имеют право не повиноваться грешнику.

В отличие от Хомейни, аль-Кардави широко эксплуатирует понятие «демократия». Капитализм (западного типа) для него неприемлем, т.к. заставляет человека поклоняться золоту, а не Богу, который и есть истинный владелец всех богатств. Но свобода рынка допустима при соблюдении принципов исламской экономики: закят (обязательные отчисления в пользу нуждающихся), запрет монополизма,

мошенничества, несправедливости, расточительности, роскоши, богатства и т.п. Таким образом, по мнению аль-Кардави, новое государство избежит опасностей капитализма и восстановит социальную справедливость. Это будет государство каждого, а не государство богатых. Западная демократия плоха тем, что бездуховна. Большинство должно иметь право изменить всё, что угодно, в т.ч. и саму демократию. Эти демократические ценности надо, по мнению шейха, совместить с исламом, к которому они очень близки.

Сейчас трудно прогнозировать дальнейшее развитие событий, потому что оно находится в слишком большой зависимости от всё более нестабильной ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кроме того, «Братьям-мусульманам» ещё предстоит выяснять отношения с управляющим сейчас Египтом Высшим советом Вооружённых сил во главе с маршалом Тантави, за политикой которого БМ бдительно следят и периодически жёстко критикуют, но в серьёзную уличную фазу эти споры пока не переходили. Могут сыграть злую шутку и огромные размеры организации, внутри которой бродит немало течений, как это было с эсерами в России в 1917 году.

Но факт остаётся фактом: гражданское общество Египта сумело мобилизовать себя в жёстких условиях политической несвободы и превратить бунт в начало революции, во многом потому, что всё это время существовала организация, целенаправленно формировавшая это гражданское общество во имя политической цели, во имя воплощения своей утопии.

⁶⁷ *Аль-Кардави*: Ля 'аляка ли би-т-танзим аль-Ихван // Аль-Ахрам. 2011.02.21 / <http://www.ahram.org.eg/450/2011/02/21/12/63784.aspx>

Евгений Морозов

Военная реформа КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Определение подхода к проблеме

Все истины могут быть
правильно поняты.

Декарт

Итак, военная реформа успешно развивается. По крайней мере, так нас заверяют СМИ, ссылаясь на слова самого министра обороны¹. По этому поводу сразу вспоминается пушкинский анекдот, в котором мальчик, глядясь в зеркало, приговаривает: «Какой папинька хлаблий, как папиньку госудаль любит...» — «А кто это тебе сказал?» — «Папинька». Так что оценивать значение военной реформы для нашего социума придётся самим. Вот и займёмся.

И не станем подсчитывать танки и пулемёты, к чему у нас слишком часто сводится обсуждение военной реформы. Вся штука в том, что её в основном обсуждают дилетанты. Я не вкладываю в этот термин пренебрежительного звучания, как у нас слишком часто принято. «Дилетант» переводится как «любитель», а разве это плохо? Это очень хорошо, когда есть неравнодушные люди, интересующиеся проблемами, не входящими в круг их повседневных забот. Другое дело, что их мнения по этим проблемам немногого стоят. А в наших СМИ сложилась такая интересная ситуация, что какая бы проблема ни обсуждалась — профессиона-

лы из обсуждения исключены. Почему это так — загадка века, но это так. И проблемы военной реформы — не исключение. О них рассуждают только и неукоснительно дилетанты, от министра Сердюкова до какого-нибудь запселого «военного обозревателя» (из штатских).

Дилетанты рассуждают о том, понимание чего допускает отсутствие у них опыта. Это — количественные соотношения вооружения и военной техники. Уже о качественных соотношениях у них, как правило, никакого понятия. Чтобы не было так мучительно больно, утешу — этого и профессионалы не могут учесть в полном объёме, слишком уж текучи и трудноуловимы коэффициенты боевой эффективности для различных и притом быстро меняющихся условий. Но профессионалы хотя бы знают, что вооружение имеет качественные характеристики...

А вот понимание сложнейших процессов, протекающих внутри Вооружённых сил (ВС) как системы, даётся только опытом, и притом немалым. Не так легко осознать ВС моделью общества, притом моделью с обратной связью. Тем не менее это так — процессы, развивающиеся в обществе, полностью отражаются в ВС. Но и процессы, развивающиеся в ВС, отражаются в обществе.

Причина этого — в двойственной природе ВС. Во-первых, они, как я уже говорил, действующая модель общества. Во-вторых, ВС — неотъемлемая часть государственного аппарата (по крайней мере, в большинстве слу-

¹ См. напр.: *Фаличев О.* Министр обороны расставил точки над *i* // Военно-промышленный курьер. № 46. 22.11.2010.

чаев, в том числе у нас и сейчас) и их функции диктуются государством. Эта двойственность снимается только единством общества и государства, чего в РФ, мягко говоря, не наблюдается.

Государственный аппарат РФ создан для обеспечения интересов компрадоров² и крупных финансистов. Правящие круги РФ являются топ-менеджерами этих деятелей, так сказать, персоналом «ЗАО РФ». ВС по всем канонам политологии должны также действовать в их интересах — как с иронией говорят армейцы, «умирать ради того, чтобы Абрамович мог приобретать самые шикарные яхты мира».

Однако за последние два века российские ВС были твёрдо приучены к тому, что они существуют ради защиты народных интересов, по крайней мере в той их области, которая совпадает с интересами государственными. С 1812 г. (глубже не пойдём) эта область пересечения народных (социальных) и государственных интересов была достаточно обширной для того, чтобы солдат без особого насилия над собой шёл сражаться и, если нужно, умирать.

В этом временном интервале есть и обратные примеры, как, скажем, участие России в Русско-японской и Первой мировой войнах. Или более близкий к нам (и очень яркий) пример — летне-осенняя кампания 1941 г. Двух лет нормальной жизни перед самой войной оказалось недостаточно,

чтобы из памяти социума изгладилась два десятилетия социальной вивисекции. Результат был налицо — в летне-осенней кампании 1941 г. советский солдат в массе своей не желал наступать, вяло оборонялся и миллионными массами сдавался в плен. Были даже случаи перехода целых частей со знамёнами и комсоставом на сторону противника (хотя и не так часто, как пытаются изобразить русофобские «историки» типа И. Бунича). Только к началу осенне-зимней кампании 1941–1942 гг. власть и социум сумели нащупать зоны соприкосновения своих интересов и солдаты, массами сдававшиеся в плен в октябре 1941 г., в ноябре того же года начали драться как черти.

Этот исторический экскурс имеет прямое отношение к нашему времени, поскольку прямо ставит вопрос — как будут воевать российские солдаты после очередных двух десятилетий социальной вивисекции?

Солдат как исходный материал военной политики

В Риме бушевала подлая чернь, а у нас — начальники.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Ответ правящих кругов на этот вопрос — никак не будут. Их официальный курс прост, как мычание, — никаких внешних войн («доктрина Олбрайт»). И действительно, военная реформа нацелена на создание ВС, не способных к войне с каким-либо внешним врагом.

Десять лет как не прекращаются разговоры о полном техническом перевооружении ВС. Чего они стоят, мы видели в дни Осетинской войны, когда наша молодёжь пошла в бой со старенькими «акээмами», в обшарпанных бронезилетах и помятых касках времён Афганской войны. Но я обещал не заикливаться на вопросах вооружения...

Наши правящие круги решили во-

² Компрадор (португальское «посредник») — в старом Китае так именовали крупных коммерсантов, которые, используя неравноправные договоры Китая с империалистическими государствами, делали состояния на перекачивании ресурсов Китая в распоряжение иностранных капиталистов. Несложно видеть, что в нашем обществе господство принадлежит именно компрадорам, почему и приходится возрождать казалось бы ушедший в прошлое термин.

прос с целевыми установками солдата крайне просто — создать новые ВС, в которых связь с социумом будет если и не уничтожена совсем, то до предела ослаблена. Образцом для них, по видимому, стали ВДВ. Эти «войска дяди Васи», занятые самопрославлением до хрипоты, как кажется, в наибольшей степени оторваны от социума. В этом легко убедиться всем и каждому ежегодно третьего августа.

Нет, конечно, каждая часть (род войск, вид ВС) должна верить, что она — самая лучшая во всех ВС, пыжиться и чваниться этим перед всеми другими, а при необходимости и быть готовой отстаивать своё мнение перед оспаривающими его коллегами с помощью кулаков. Это — неотъемлемый элемент боевого духа. Но когда солдаты (хотя бы и запаса) бузят на улицах и нападают на прохожих, то это далеко от военного корпоративного духа. Это — не что иное, как глубоко укоренившаяся недисциплинированность в масштабе, исключающем реальную боеспособность войск. Подобной недисциплинированностью по отношению к гражданским лицам, например, отличались гоминьдановские солдаты Чан Кайши. Достаточно хорошо известно, как бездарно и бесславно проиграли они войну 1946–1949 гг. коммунистическим армиям Китая, в которых связь с народом была самым главным основанием дисциплины и даже боевой подготовки.

Такая недисциплинированность, как правило, оборачивается антиобщественными настроениями (что, собственно, и определяет понятие преступности). И действительно, в октябре 1993 г. если даже в придворной Кантемировской дивизии удалось соблазнить деньгами для участия в ельцинском путче только немногих отщепенцев, то ВДВ выставили против Верховного Совета 187-й «гвардейский» парашютно-десантный полк в полном составе. И тот успешно и навсегда опозорил гвардейское знамя,

завоёванное для полка дедами во времена Великой Отечественной войны, в варварском расстреле законной народной власти.

Однако для правящих кругов РФ 187-й гв. пдп стал образцом. И недаром «войска дяди Васи» совершенно не затронуты военной реформой — полностью сохранена их организация, методы обучения и воинского воспитания, в том числе тщательное культивирование антисоциальных настроений. Это сейчас — единственный род войск, который полностью состоит из «контрактников» (читай: наёмников). Никто не обращает внимания на тот «мелкий» факт, что существование ВДВ в виде, унаследованном от СССР, не имеет никакого смысла — прежде всего потому, что нет военно-транспортной авиации для высадок десантов в дивизионном масштабе. Да и в любом другом — во всяком случае, вторую Чеченскую войну десантники провоевали по земле. У ВДВ изъяли даже тот десяток эскадрилий, который обеспечивал им учебные прыжки с парашютами — никто уже не собирается даже делать вид, что ВДВ предназначены для воздушных десантов.

Правда, вроде бы сделана попытка привести ВДВ к реальному положению вещей — некоторые из воздушно-десантных дивизий переименованы в десантно-штурмовые³. Иначе говоря, они должны действовать не на военно-транспортных самолётах (которых нет), а на вертолётах. Вся беда в том, что с вертолётами в ВС РФ положение ещё хуже, чем с военно-транспортными самолётами.

В своё время армейская авиация (т.е. вертолёты) были изъяты из состава сухопутных войск и переданы ВВС. Обоснования были достаточно бредовыми и неубедительными; на самом деле наши «реформаторы», как во всех своих начинаниях, некритично исполь-

³ Военно-промышленный курьер. № 49. 16–22 декабря 2009.

зовали сомнительный зарубежный опыт. Включение вертолётов в ВВС (ради экономии!) было скопировано с Великобритании. Результат можно было предсказать заранее. Лётчики — ребята славные, но у них мозги изначально заточены на «дальше, выше, быстрее». Всё их внимание обращено на стратосферные истребители пятого поколения, а специализированные машины, в том числе и для поддержки Сухопутных войск, для них на десятом месте, и руки до этих машин не доходят. Если в Великобритании через год после передачи армейской авиации в состав ВВС могли летать только 50% вертолётов, то у нас в 2003 г. — 35%⁴. С тех пор степень боевой готовности вертолётного парка возрасти никак не могла — прежде всего потому, что редуторы нам в своё время поставляла Польша, и с тех пор, как она перестала нам их поставлять, вертолетные редуторы давно выработали свой ресурс. Лично я сомневаюсь, что сейчас можно поднять в воздух хотя бы 10% вертолётов, числящихся в полках. Этому есть и косвенное подтверждение — кто хотя бы краем уха хоть что-то слышал о действиях наших вертолётов в Осетинской войне?

Отсюда вопрос: так какова же реальная функция ВДВ, если применять их в соответствии с предназначением невозможно? То, что их продолжают содержать в прежнем виде, да мало того — тщательно охраняют от разгула реформаторов, вольно или невольно заставляет вспомнить о 187-м гв. пдп и его героических подвигах против безоружных народных масс. Кстати сказать, точно такая же ситуация сложилась и во Внутренних войсках. Когда начальник Генштаба генерал Макаров предложил командующему ВВ генералу Галушкину провести в его войсках реформу, аналогичную проводимой в ВС, командующий ВВ наотрез отка-

зался⁵. И, что примечательно, никто из «старших товарищей» его не поправил.

Кто-то с досадой скажет: чего автор так прицепился к славным ВДВ? Зуб у него, что ли, на наших «голубых берегов»? Да нет, конечно, никакого зуба, и для меня они точно так же свои, как и для вас, уважаемый читатель. Просто я взял ВДВ как наиболее яркий показатель состояния ВС. По капле воды вполне можно вынести первое приближённое суждение о химическом составе океана.

Здесь, пожалуй, следует также пояснить, что приписывание всего уродства военной реформы министру Сердюкову совершенно неоправданно. Ясно, что Сердюков назначен на пост министра именно по принципу наименьшей комплиментарности, для оттягивания на себя негативных эмоций общественности, а реально реформой руководят первые лица РФ, скрываясь за его спиной. Для любителей бульварной литературы будет понятнее, если мы сравним его с зиц-председателем Фунтом из пресловутого романа. И это не пустые слова — работа строится так, что за будущие оглушительные провалы в военной безопасности РФ придётся отвечать именно министру Сердюкову, как крайнему.

Конечно, я не собираюсь его оправдывать. Он и самостоятельно натворил немало дел, более чем сомнительных. Чего стоят только его «аукционы» по продаже участков и строений Министерства обороны в Москве, оцениваемых в миллиарды долларов. На этих «аукционах» почему-то оказывается один-единственный участник, который и покупает выставленное имущество за миллиард-другой... рублей, разумеется. Живо напоминает методику чубайсовской приватизации, не правда ли? А закупка трижды никому не нужных (и прежде всего французам) «десантных кораблей» у Франции? Беспи-

лотных летательных аппаратов у Израиля? Полевого лагеря⁶ в Германии, сделанного из материала, рассчитанного на самую низкую температуру в -17 градусов (это в России-то!)? При этом у нас имеются лучшие аналоги, но закупаются худшие, и за границей — недаром, видать, в обществе ширятся разговоры о жирных комиссионных...

Однако не будем останавливаться на министре Сердюкове и его окружении, в ВС прозванном «женским батальоном». Был, был уже у нас такой военный министр (он же министр морской и министр-председатель, а заодно и Верховный главнокомандующий — А.Ф. Керенский), возлагавший свои последние надежды на женский батальон, но — увы, успеха не снискавший. Нам сейчас важно, что явно не Сердюков является идеологом и руководителем этой «реформы», значит, и нечего о нём много говорить. Нам интересны реальные руководители и, главное, реальные концепции.

Так или иначе, главное ясно. Правящие круги РФ пытаются создать асоциального (или, если хотите, деклассированного) солдата, наёмника, которому всё равно в кого стрелять. Планы такой трансформации национальной армии в наёмную существовали с самого 1991 г., практически осуществляться они начали в 2001 г. Правящие круги знают только один путь такой «профессионализации» — подкуп, от повышения денежных окладов в 3–4 раза до снятия с солдата стандартных служебных обязанностей типа поддержания чистоты и порядка, приготовления пищи и т.п. Правда, что-то плохо получается с подкупом — программа контрактации армии рухнула...

Конечно, у эрэфовских властей и без того есть надёжный первый эшелон защиты от народных масс — силы «правопорядка»: милиция, Внутрен-

ние войска, ФСБ, всевозможные «спецназы» от лесного до библиотечного (кажется) численностью в 1,5 млн. чел. Есть у них и второй эшелон — ещё 1,5 млн. частных охранников и добрая сотня тысяч в боевых дружинах диаспор, вполне легально существующих в русских городах. Но страх перед народными массами велик, и ВС РФ усиленно готовят на роль третьего, последнего эшелона защиты от него. Всё это уже является общим местом. Но пока, кажется, никто не рассматривал вопроса о влиянии на национальную жизнь и развитие внешней военной политики, а оно относится, пожалуй, к решающим факторам для развития Национального движения.

Геостратегический анализ военной реформы

Мысль о завоевании современных государств небольшими, хотя и моторизованными, войсками является наивной.

В. Триандафиллов

Реальную концепцию военной безопасности РФ можно вскрыть, используя элементарный геостратегический анализ. Так, изучение соотношения сил по направлениям театра войны уже дает основу плана данной войны. А вскрытие основ плана войны даёт нам понимание основ системы военной безопасности.

Однако я, кажется, впал в теорию стратегии, и некоторые читатели недоумевают — о какой войне толкует автор? Мир на Земле, и в человецех благорастворение... или что-то в этом роде. Понятно, не считая военных действий, которые сейчас идут в двадцати пяти государствах мира.

Речь, конечно, идёт о войне потенциальной. Потенциальная война — это ключевое понятие военной безопасности. А концепция военной безопасности — неотъемлемый элемент концепции национальной безопасности как единой системы. Национальная безо-

⁶ *Владыкин Олег.* Полевой лагерь «под ключ» // Независимое военное обозрение. 26.11.2010.

пасность — понятие многоплановое, она охватывает проблемы противодействия самым разным вызовам этой безопасности: прогрессирующего паде́ния образования масс, неспособности обеспечить страну собственным продовольствием, снижению антропологических характеристик населения, росту наркомании... и т.д. и т.п. Среди всего прочего учитывается и такой вызов национальной безопасности, как возможность военного вторжения иностранных государств.

Мне возразят, что сейчас такой опасности не существует — по крайней мере, правящие круги так утверждают! Ну, во-первых, не стоит впадать в легковерие, а во-вторых, в теории военной безопасности чётко различаются понятия «военная опасность» и «военная угроза». Военная опасность определяется фактом наличия иностранных вооружённых сил (как организованных, так и иррегулярных). Если такие силы имеются — они представляют собой военную опасность. Весь вопрос только в степени этой опасности. Военную опасность представляют и ВС США, и ВС королевства Фиджи, вот только степень военной опасности для нашей страны со стороны ВС США очень высока, а со стороны ВС Фиджи — исчезающе мала.

Военная угроза — это те иностранные ВС, относительно которых становится известно, что они ведут подготовку к нападению на нашу страну. Сейчас таких вроде бы нет (опять-таки по официальным заявлениям), следовательно, нет и военной угрозы. А вот военная опасность никуда не делась и должна учитываться в процессе поддержания военной безопасности. Можно сказать, что военная опасность — это потенциальная военная угроза, а военная угроза — реализующаяся военная опасность.

Так вот, ВС страны должны отвечать уровню военной опасности, иначе все разговоры о военной безопасности плавно перетекают в разряд блу-

дословия. И раз уж мы ударились в системный анализ, то приведём ещё одно понятие — «военная мощь». Военная мощь есть составной структурный элемент совокупной государственной мощи, определяемой также состоянием людских ресурсов, экономической мощью, развитием инфраструктуры и ландшафтом данного государства. Только чёткая сбалансированность этих основных элементов способна дать оптимум совокупной государственной мощи, а если хоть один из них проседает — резко снижается и её уровень. Так, например, в Японии военная мощь явно занижена, и в результате её великолепные показатели по остальным элементам совокупной государственной мощи остаются втуне. Роль Японии на мировой арене можно охарактеризовать коротко — сателлит Соединённых Штатов.

Переходим к практике геостратегического анализа. ВС РФ располагают 5 общевойсковыми дивизиями и 42 общевойсковыми бригадами, а также 40 бригадами усиления и обеспечения⁷ (ракетными, артиллерийскими, химзащиты, материального обеспечения и пр.). Соединения и части усиления и обеспечения в большой степени увеличивают боевые потенциалы общевойсковых соединений и частей (мотострелковых, танковых, воздушно-десантных и т.п.), но первичные расчёты ведутся всё-таки по общевойсковым соединениям, поскольку считается, что у противника тоже имеется достаточно соединений и частей усиления и обеспечения.

Первый шаг анализа — территориальное распределение этих сил и средств, которое, напомним, в 2009–2010 гг. было произведено заново, т.е. ВС были переразвёрнуты с учётом новых стратегических задач. Удобнее всего сделать это в табличной форме.

⁷ Литовкин Виктор. Генштаб информирует за границу // Независимое военное обозрение. 26.12.2008.

**Соотношение общевойсковых сил и средств (по данным открытой печати)
на основных стратегических направлениях**

ВС РФ		Соотношение сил			ВС, представляющие военную опасность	
Стратегические группировки	Общевойсковые силы	Без учёта резервов	С учётом резервов	Стратегические группировки	Общевойсковые силы	
ОСК «Запад»	Самостоятельно	9 бригад	1 : 15,3	1 : 10,3	ВС НАТО (без Греции и Турции)	19 дивизий, 79 бригад и полков
	Совместно с ВС Белоруссии	17 бригад	1 : 8,1	1 : 7,7		
ОСК «Юг»	Самостоятельно	9 бригад	1 : 9,4	1 : 8	ВС Греции, Турции и Грузии	7 дивизий, 64 бригады и полка
	Совместно с ВС Армении	23 бригады и полка	1 : 3,7	1 : 5		
ОСК «Центр»	Самостоятельно	8 бригад	1 : 4,1	1 : 5,6	Ланьчжоуский ВО НОАК	10 дивизий и 3 бригады
	Совместно с ВС Казахстана	23 бригады	1 : 1,4	1 : 3,3		
ОСК «Восток»		Дивизия и 7 бригад	1 : 7,7	1 : 6,9	Шэньянский и Пекинский ВО НОАК	19 дивизий и 18 бригад
			1 : 3,6	1 : 5,7	ВС Японии	10 дивизий и 6 бригад
Стратегический резерв		4 дивизии и 2 бригады ВДВ	1 : 7,2		ВС США и Канады	22 дивизии, 35 бригад и полков
			1 : 6,4		Соединения НОАК в глубине страны	24 дивизии, 18 бригад и полков

Примечания.

1. Мобилизационное развёртывание не учтено для обеих сторон.
2. Боевой потенциал бригады и отдельного полка принят равным трети боевого потенциала дивизии.
3. Местные, территориальные и внутренние войска (в т. ч. РВМ КНР) не учитываются.
4. Современная страшилка — НВФ исламистов и сепаратистов — не учитывается, поскольку борьба с ними входит в обязанности сил правопорядка, а армия должна только оказывать им поддержку.

Конечно, подсчёт соотношения сил довольно-таки условный, поскольку оно произведено только по количественному составу, без учёта качественных соотношений. Но если российские бригады в качественном отношении уступают американским, французским и немецким, то им в свою очередь уступают в этом отношении натовские соединения Восточной и

Южной Европы. Китайские соединения уже вышли на качественный уровень российских, так что статистически можно считать качественное состояние соединений приблизительно равным друг другу.

Теперь можно рассмотреть вероятный сценарий потенциальной войны. Взглянем на колонку соотношения сил с учётом резервов. Следует учитывать,

что величины соотношений, приведённые в ней, представляют собой потенциалы, т.е. максимальные возможности, которые на практике в большинстве случаев достигнуты не будут. Вряд ли ВС РФ в случае войны окажутся в состоянии ввести ВДВ в полном составе на одном стратегическом направлении — вероятно, часть их состава будет использовано либо в качестве резерва, либо на других направлениях. Точно так же обстоит дело со стратегическими резервами потенциальных противников — например, ВС США будут вводиться в военные действия не на одном стратегическом направлении, они, если на то пошло, уже частично задействованы на Юге и Востоке.

Итак, на Западе превосходство противника над силами РФ может достигать 7,7–10,3 раза, на Юге — 5–8 раз, в Средней Азии — 3,3–5,6 раза, на Дальнем Востоке — 5,7–6,9 раза. В военном плане эти значения избыточны, поскольку для успешного ведения наступательных стратегических операций на театре военных действий считается достаточным превосходство в 1,5–2 раза. Однако соотношения сил по направлениям вскрывают военно-политические закономерности системы военной безопасности.

Как мы видим, ни на одном направлении ВС РФ не могут рассчитывать на успех в глобальной войне. И не надо кивать на ядерное оружие. Чтобы оценить возможность его применения в критической ситуации, стоит внимательно прочесть недавно принятую Военную доктрину РФ. Я знаю, что в обществе принято относиться к ней как к заумному и занудному упражнению в международной политкорректности — и напрасно. Последний вариант Военной доктрины как раз и является основополагающим документом военной реформы. Надо только его внимательно читать.

В Военной доктрине сказано: «Российская Федерация оставляет за собой

право применить ядерное оружие в ответ на применение против неё и (или) её союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, *когда под угрозу поставлено само существование государства* (курсив мой. — Е.М.)»⁸.

Однако, как справедливо заметил Александр Храмчихин: «Вторжение турецких войск в Армению, грузинских — в Абхазию и Южную Осетию, захват силами НАТО Калининградской области, а Японией — Южных Курил “само существование государства” под угрозу не поставят. Более того, даже если НОАК захватит территорию до Байкала на западе и линии БАМа на севере, Россия потеряет лишь примерно 10% своей территории»⁹. Правда, РФ потеряет также возможности для развития и просядет в своей совокупной государственной мощи до уровня Турции или Пакистана, но разве это остановит её нынешних правителей? Они сохраняют свою власть, дачи на Рублёвке и в Испании, и значит, *их* государство продолжит существовать. Так что я с самого начала удалил ядерное оружие из своего анализа и вам то же рекомендую.

В любом случае сразу бросается в глаза наличие наиболее неблагоприятного соотношения на западном направлении — против блока НАТО. Я должен напомнить ещё раз, что приведённые в таблице величины — результат стратегической передислокации ВС РФ в ходе военной реформы, т.е. это неблагоприятное соотношение создано военно-политическим руководством РФ. Иначе говоря, оно считает НАТО и США минимальной военной опасностью.

Это противоречит рассмотренным

⁸ Раздел III, глава 22.

⁹ Храмчихин А. Четыре вектора российской обороны // Независимое военное обозрение. 21.05.2010.

нами ранее основным положениям теории военной безопасности, следовательно, надо вскрыть причину подобного пренебрежения ими. В наше время торжества демократии закрытость правительства от общества достигла уровня сталинско-бериевских времён, значит, приходится довольствоваться предположениями. А предположение здесь может быть только одно — наличие тайной договорённости между правящими кругами РФ и стран НАТО о снижении степени военной опасности. В принципе, это совсем неплохо, но, зная политические основы отношений ЕС и США к РФ (оно характеризуется одним словом — «диктат»), мы вынуждены сделать вывод о том, что подобное соглашение могло состояться только на обязательстве РФ уступить ЕС и США (т.е. НАТО) во всех спорных и проблемных вопросах. Иначе говоря, правящие круги РФ заранее взяли обязательство перед натовцами, что будут уступать любому их дипломатическому нажиму, не доводя дело до нажима военного. На практике мы это уже видим в рамках афганской и иранской проблем, а также проблемы европейской ПРО. Вот такая «суверенная демократия», сводящаяся к фразеологии для внутреннего употребления.

Но это только первый шаг в постулировании нами военной политики правящих кругов РФ, поскольку главным врагом США является не «Аль Каида», не «Талибан», и даже не Ахмадинежад. Весь крик вокруг Ирана поднимают израильские и произраильские политики, поскольку Иран не представляет никакой угрозы для США, зато является главной угрозой для Израиля. Это их национальный талант — устраивать «гевальт», но главный геополитический соперник и, следовательно, потенциальный военный противник США — всё равно Китай.

И теперь нам необходимо найти ответ на вопрос — для войны с каким противником всё-таки готовятся ВС

РФ? Оставляем в стороне локальные войны типа Осетинской, равно как и глобальную войну, на которую мы, как ясно из нашей таблицы, не способны. Для локальной войны ВС РФ избыточны, для глобальной — недостаточны. Значит, речь идёт о региональной войне. С кем? Есть только один потенциальный противник, с кем РФ может вести региональную войну, — Китай.

Причём эта война может вестись только при следующих условиях: а) полное отсутствие военной угрозы (а желательно — и военной опасности) со стороны НАТО и б) в составе коалиции. ВС РФ всё-таки слишком слабы, чтобы вести с НОАК борьбу один на один. ВС СССР имели в своём составе 5 млн. военнослужащих. Согласен, что это было чересчур обременительно для Советского Союза, хотя постулат о крушении СССР под бременем непосильных военных расходов — не более чем стряпня американских специалистов психологической войны для нашего потребления. Так или иначе, этого состава в сочетании с масштабными людскими ресурсами (не менее 10 млн. военнослужащих запаса, могущих быть привлечёнными к мобилизации) было достаточно для обеспечения военной безопасности и суверенной политики даже в условиях «стратегического кошмара» тех времён — одновременной войны с НАТО и Китаем. ВС РФ в номинальном составе 1 млн. военнослужащих (на самом деле около 700 тыс.) плюс 700 тыс. резервистов, которых военно-политическое руководство РФ планирует иметь в готовности, — этого слишком мало для обеспечения военной безопасности, но достаточно для региональной войны (для нас она будет региональной, а вообще-то — мировой).

Вот, пожалуй, и вскрываются основы планирования военной безопасности правящими кругами РФ — переход на позиции вассала США и участие в войне НАТО с Китаем.

Социально-политические последствия военной реформы

Не академический разбор принципов предлагаем мы теперь вашему вниманию. Мы не забываем, что собрались здесь главным образом, чтобы согласовать политические средства и меры, необходимые для осуществления нашего дела.

Михаил Бакунин

Всё это верно и логично — с точки зрения правящих кругов РФ. Подобная военная политика соответствует их целям. Цели же эти всем известны. Во-первых, они намерены продолжать существовать в режиме глобализации. Этот режим, как никакой, соответствует принципам, на которых сложилась россиянская «элита» — бесконтрольное и беспредельное разграбление ресурсов страны, формирование огромных капиталов и размещение их за границей, поскольку в РФ эти капиталы: а) капитализируются с недостаточной (для них отдачей) и б) постоянно находятся под угрозой социального взрыва. Отсюда, во-вторых — правящие круги РФ в высшей степени заинтересованы в сохранении данного порядка вещей.

Взрывной рост совокупной государственной мощи Китая, наблюдающийся в последние два десятилетия, — главная угроза процессу глобализации. Китайцы уже не скрывают, что намерены перестроить систему мировых отношений на собственных принципах. Иначе говоря, концепции и процессу глобализации угрожает серьёзнейшая опасность. Правители РФ, являющиеся продуктом и концептом этой самой глобализации, естественно, воспринимают китайскую угрозу как личную и самую главную. Отсюда и подготовка ВС для участия в войне неоимпериалистического блока с Китаем.

Совершенно ясно, что ожидает российский социум в случае войны и, не приведи Господь, военного и полити-

ческого разгрома Китая. Во-первых, и в главных, это означает сохранение нынешнего положения — обнищание, уничтожение населения с помощью блокадной нормы потребления («потребительской корзины»), утрату всех возможностей для модернизации и развития России и русского народа. В монополярном мире русский социум попадёт под ту самую, по Джеку Лондону, «Железную пята».

Во-вторых, в случае войны с Китаем России достанется уже привычная по двум предшествовавшим мировым войнам роль — основная доля разрушений и потерь и, в утешение, скудненькие трофеи, как в 1945 г. Это в лучшем случае, а в наиболее вероятном, по сценарию Первой мировой войны, — полное разрушение и невероятные страдания народа.

Стоит понять, что сильный и самостоятельный Китай сейчас является единственной надеждой для Русского национального движения, как в прошлом веке единственной надеждой китайского национального движения был СССР. Понять и не слишком заморачиваться второстепенными моментами типа китайской эмиграции, китайской экономической экспансии и прочих страхов, усердно раздуваемых СМИ. Свободу задёшево не купишь.

В общем, пора уже Национальному движению разработать формы и методы социумной корректировки военной реформы в РФ.

Как изобрести велосипед

...и за учителей своих
задравный кубок поднимает.
А.С. Пушкин

Естественно, меня (с ядом) спросят (а если честно, то уже спрашивают): какими они могут быть, эти формы и методы? Иные, заговорщически подмигивая, начинают намекать на пятёрки и тройки, ведение пропаганды, создание нелегальных организаций и про-

чие формы работы революционеров образца незабвенного 1905 года.

А что, армейское командование тоже к этому готовится. Ушки на макушке, охотничий азарт в глазах, потирание чешущихся рук — где они, проклятые пропагандисты, организаторы троек и пятёрок? Ужо мы их! Военный психолог Роман Илющенко правильно пишет (при всех его клерикально-монархических завихрениях): «...на службе в свободное время можно смотреть порнографические фильмы, если застукают — пожурят по-свойски, с кем не бывает?! Но если принесешь периодические издания с “провоцирующими” названиями “Русский дом”, “Русский вестник”, “Радонеж”, “Русь державная” и т.д., могут быть неприятности куда серьезнее»¹⁰.

В общем, сплошные «казаки-разбойники». Во-первых, что-то никому не приходит на ум, что год сейчас не 1905-й, а 2011-й, и таскать в казарму прокламации под стелькой сапога не надо — возможности получения информации в сотни раз шире, чем в начале прошлого века. Во-вторых, надо быть уже откровенно штатской шляпой, чтобы не видеть, как в стране третий десяток лет широким фронтом идёт через негосударственные органы (язык не поворачивается назвать их общественными) работа по разложению (пардон, «реформированию») ВС.

Началось ещё в 80-х, с появления организации «Солдатские матери». Я их, конечно, не хватал за руку, когда они расписывались за американские дотации, но твёрдо знаю, что эта организация, с хорошими средствами на счетах, появилась одновременно в СССР и Югославии — там, где ВС могли помешать развалу страны, и надо было срочно начинать работу по их разложению. *Past hoc — propter hoc*¹¹. Могу

выдать и ещё один перл древнеримской юридической мысли: «*Qui prodest?*»¹². Да, кому выгодно?

Работёнка непростая, и «Солдатские матери» её только начинали. Организаторы уже получили своё вознаграждение — наша «Арина, мать солдатская», мадам Лахова, восседает в Госдуме. Последовательно и спланированно к этим «матерям без детей» присоединялись другие пропагандистские организации, расширяя фронт психологической войны. Пропаганда была направлена на дискредитацию всех основ военной структуры государства — от военкоматов до Министерства обороны. И реформа, которую планировали организаторы психологической войны, проведена.

Сейчас мы можем видеть результаты этой кропотливой работы — начиная от «гражданского министра обороны», играющего постыдную роль ширмы для разрушителей ВС, до «гражданских военкоматов», выдавших такой залп коррупционных дел, о каком прежним военкоматам не приходилось и мечтать. Есть, конечно, и существенная разница — раньше редкий выпуск СМИ обходился без материалов о мздоимстве военкоматских работников, а сейчас на эту тему наложено табу. Методика психологической войны в действии!

А переход на годичный срок службы? Кто только не рассуждал на эту тему в СМИ... кроме военных специалистов. А как же, если их пропустить на экран, они бы сообщили обществу, что за год солдата они не смогут подготовить — по крайней мере, без чрезвычайных решений: резкого увеличения расхода горючего и моторесурсов на вождение и полёты, боеприпасов на практические стрельбы, насыщения войск тренажёрами и привлечения большого количества инструкторов. Сделано же всё с точностью до наоборот — офицеров и прапорщиков, мо-

¹⁰ Илющенко Р. Не Россия для русских, а русские для России // Военно-промышленный курьер. №1. 12.01.11.

¹¹ После этого — вследствие этого (*лат.*).

¹² Кому выгодно? (*лат.*).

гущих послужить инструкторами, разогнали, вместо тренажёров, топлива и боеприпасов МО закупает большие лохани типа «Мистраль» и т.п.

А обвальное сокращение офицерского состава? 200 тыс. офицеров — в отставку, заранее и вполне хамски-либерально заклеив их лодырями и бездарями!¹³ Независимые эксперты предупреждали — мало будет оставшихся 150 тыс. офицеров, тем более в условиях одновременной ликвидации института прапорщиков и отсутствия де-факто института сержантов. И вот, пожалуйста — оказывается, к имеющимся 150 тыс. срочно требуется ещё 70 тыс. офицеров. И где «бушующие начальники» собираются их отыскать? На улице ловить будут?

Но сейчас речь не об этом, а о политике общества по выстраиванию ВС, способных обеспечить его военную безопасность. Формы и методы осуществления этой политики вполне могут быть заимствованы у врага — психологическая война по чёткому плану, на широком фронте, с планомерным наращиванием силы воздействия.

Возможно, мой уважаемый читатель сочтёт меня беспросветным оптимистом — мол, куда вы, «куда против Боженьки» (Маяковский)! Между тем общество в наши дни вполне может рассчитывать на успех в борьбе против пропагандистской машины государства, даже с учётом того, что сама эта машина — всего лишь часть глобальной структуры психологической войны.

Начать с того, что интеллектуальных ресурсов у нас достаточно. Имеются у общества и огромные потенциальные финансовые ресурсы — а вы полагаете, что военно-промышленный комплекс РФ простит правительству и Министерству обороны все эти «Мистрали»? Да и вообще, на мой взгляд, поляризация средней буржуазии (ещё не

национальной, но уже национализирующейся) и компрадоров уже зашла достаточно далеко. У них ТВ? Да кто его смотрит, это ТВ! Разве что часть детишек, из числа окончательно приплюснутых антикультурой, — да и те смотрят только психоделическое МТВ и порнографический «Дом-2». Да, у них ТВ, зато у общества — Интернет и кабельное телевидение.

Единственно, чего не хватает обществу для начала и успешного ведения этой войны — центра, планирующего и руководящего воздействием на общественное мнение. Но и за этим дело не стало: могу назвать полдюжины протоцентров, способных развиться в такой центр — нет, *Центр* — при наличии ясно поставленной цели (но не буду их называть). Естественным, казалось бы, было вспомнить структуру, созданную прямо для этой цели — «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», однако после смерти Л.Я. Рохлина оно фактически прекратило свою деятельность. И воскрешать «Движение» не порекомендую, хотя бы исходя из принципов Наполеона («не имеет смысла тратить дополнительные силы на то, что уже завершилось провалом»).

Нет, необходим новый центр, а как его назвать — дело десятое. Хотя бы «Союз за военную реформу» (СВР). Работу он должен строить на сочетании принципов централизма и сетевой деятельности. Какие действия он должен предпринять в первую очередь?

Ну, например, во-первых, систематическое предъявление требований к рассекречиванию данных военного бюджета. Начальник Генштаба генерал Макаров недавно выразился (по поводу того самого «Мистраля»), что-де, мол, ни за что не будет рассекречивать планы тактического использования вооружения — публика рылом не вышла. Что ж, позиция вполне последовательная и даже могла бы быть признана достойной, если бы не всеоб-

щее мнение, что король — голый и что генералу Макарову просто нечего сказать по поводу предназначения «Мистраль» в российском ВМФ.

Между тем в условиях демократии налогоплательщик имеет полное право знать, на что именно г-н Макаров спустил его, налогоплательщика, денежки. Да и не только в условиях демократии — при царе-батюшке бюджет публиковался полностью, с подробными разъяснениями, и засекречивались только «суммы, выделенные на благоусмотрение Государя», под каковым благостным эвфемизмом скрывались попросту деньги, выделенные на оплату иностранных шпионов. Так что наш начальник Генштаба даже царские времена повершил и действует уже прямо по «Домострою»: «...хрестьянину же не давай обрости, но стриги его, яко овцу». Борьба за прозрачность военного бюджета — первое и основное правило общественного контроля над ВС.

Отсюда естественным образом вырастает второе правило — отчётность должностных лиц за свои волюнтаристские действия. Ладно «Мистраль», но вот набрать на улице 70 тыс. уже уволенных в запас офицеров, с которых никто, естественно, не потребует их выходные пособия, оплату проезда к избранным местам постоянного проживания, выделенные им квартиры — в какую копейку это влетит? Кстати насчёт квартир — по плану ими должен был быть обеспечен весь офицерский состав к концу 2010 года. План сорван, на 2011 г. выделено дополнительно 56 млрд руб., при этом уже сразу говорят, что за 2011 г. задача не будет выполнена. Во сколько обошлось подобное планирование? Кто возместит нам, налогоплательщикам, наши бездарно

растраченные средства? Так что, во-вторых, одной из основных форм общественного контроля должен стать контроль над расходом (точнее, растратами) военного бюджета.

В-третьих, естественно, требование широкого участия общественности в планировании военной безопасности на постоянной основе. Не всей общественности, понятно, а специально созданных (вот где роль Центра будет неоценимой) общественных аналитических органов. И, соответственно, разоблачение этими органами общественности всевозможных негосударственных подрывных структур, работающих на иностранные деньги, но пыжащихся изобразить из себя общественные органы; или вообще никого не представляющих сборищ типа Общественной палаты.

В-четвёртых, общественность должна взять на себя право обсуждения кандидатур на высшие посты в оборонной системе (не только в Министерстве обороны). Хотел было сказать «присвоить себе», но вовремя сообразил, что в демократическом обществе такое право является для общества неотъемлемым и что демократическое правительство непременно должно учесть общественное мнение (*public opinion*, если господам из Кремля так понятнее).

Можно было бы много перечислять направлений деятельности, но всё равно их заранее не предусмотреть — по мере развёртывания задачи предполагаемого СВР будут возникать новые и новые. Достаточно ясно одно — вопрос назрел и перезрел. Мы больше не можем позволять бюрократам свободно резвиться на ниве военной безопасности страны.

АЛЕКСАНДР ХРАМЧИХИН

НОВОЕ ВИНО И СТАРЫЕ МЕХИ

В ходе нынешней военной реформы Анатолий Сердюков сделал одно очень важное и необходимое дело: он окончательно добил Советскую армию. Дело не в том, что это было плохая армия, это была очень хорошая армия, хотя и с массой недостатков (но кто без них?). Дело в том, что это была армия другого государства. Поэтому она должна была умереть гораздо раньше. Теперь осталось создать новую. В связи с этим несколько соображений о том, какой она должна быть.

Прохождение службы Рядовой состав

Вопреки чрезвычайно распространенному в России мнению, наемный принцип комплектования ВС никоим образом не является атрибутом «высокоразвитой демократической страны». В таком случае высокоразвитыми демократическими следует признать Папуа — Новую Гвинею, Эфиопию, Буркина-Фасо, Бурунди, Зимбабве, Бангладеш, поскольку там армии наемные («профессиональные»). А Германию, Израиль, Норвегию, Южную Корею, Швейцарию, Финляндию — странами низкоразвитыми и тоталитарными, поскольку их ВС комплектуются по призыву.

На самом деле принцип комплектования ВС — вещь чисто прикладная. Если для страны существует угроза крупномасштабной внешней агрессии — ей необходим большой подготовленный резерв, который может быть создан только благодаря призывному принципу комплектования. Кроме того, как показывает мировой опыт, в случае этой самой внешней агрессии наемная армия разваливается мгновенно,

не оказывая никакого сопротивления агрессору.

Есть у данной проблемы еще один аспект. Призывная армия — это армия народа, поэтому ее весьма сложно повернуть против народа. Наемная армия — это армия нанявшего ее режима, ее гораздо проще использовать для решения внутренних задач карательного характера. Именно поэтому в большинстве низкоразвитых стран третьего мира армии наемные. Они существуют не для войны с внешним противником, а для защиты режима от населения. И именно по этой причине до последнего времени не отказывалась от призывной армии Германия, хотя с геополитической точки зрения необходимость в ней утрачена еще в 1991 г. И даже в США, где тоталитаризма не было никогда, в литературе и кинематографе постоянно бродят «страшилки» о военном перевороте, а эксперты постоянно обсуждают вопрос о том, как усилить гражданский контроль над ВС. Зимой 2011 г. призывные армии Туниса и Египта сохранили нейтралитет во время революций. Наемная армия Бахрейна при поддержке наемных армий Саудовской Аравии и ОАЭ революцию быстро и жестко подавила.

Наконец, нельзя не учитывать тот факт, что чем развитее страна, тем ниже качество личного состава, если ВС комплектуются по найму. Служить идут те, кто не нашел своего места в гражданской жизни, т.е. социальные низы, это правило не имеет исключений. Ситуацию может переломить лишь резкое повышение денежного довольствия военнослужащих и предоставление им существенных социаль-

ных льгот. В Америке на такой перелом ушло почти тридцать лет, однако эти усилия были практически перечеркнуты Ираком и Афганистаном. В итоге сейчас складывается ситуация, когда Пентагон покупает личный состав все более низкого качества за все большие деньги.

Очень много платить военнотружущим можно, если сделать ВС совсем минимальными, по такому пути идут сегодня многие европейцы. Но это возможно в том случае, если армия существует не для реальной войны, а как атрибут или маленький элемент большого военного союза (НАТО или евроармии).

В России миф о «профессиональной армии» возник из-за совершенно недопустимой ситуации в ВС — безобразных бытовых условий и, главное, дедовщины. Всерьез анализировать мировой опыт никто, разумеется, не собирался. Миф этот укрепился в массовом сознании, хотя его абсурдность достаточно очевидна. Где те самые «хорошо подготовленные профессионалы» из либеральных сказок? Кто мешает им служить, если они на самом деле существуют? Ведь даже в Советской армии был институт контрактников, называвшихся сверхсрочниками. Но у нас принято следовать известной формуле «если теория противоречит фактам — тем хуже для фактов».

Переход на наемный принцип комплектования ВС невозможен и неприемлем по всем обстоятельствам. Для нас существует вполне реальная возможность внешней агрессии (китайской). И именно поэтому нам нужно высокое качество личного состава, а не люмпены из низов, а также нужен большой подготовленный резерв. Кроме того, нам нужна народная армия, а не наемники режима.

При правильной постановке политико-воспитательной работы в ВС они могут стать важнейшим институтом социализации мужского населения,

инструментом превращения юношей в мужчин не только в узком военном, а в широком социальном смысле этого слова. Соответственно, служба в них должна быть действительно «почетной обязанностью». В этом плане особенно интересен опыт Израиля и Турции. Главное, уходящий на дембель солдат (матрос) должен отождествлять себя с Россией и чувствовать себя ее сознательным защитником.

Все лица, подлежащие призыву, должны проходить отбор по физическим, интеллектуальным, психологическим показателям. В ходе отбора определяется, в каких войсках должен служить человек и на каких должностях. Критерии отбора будут варьироваться в зависимости от вида ВС и рода войск. Должны учитываться также интересы, наклонности и желание призывника. Служба будет осуществляться исключительно по экстерриториальному принципу, поскольку, во-первых, у нас совершенно не совпадают размещение населения и структура угроз, во-вторых, нам совершенно ни к чему латентные региональные и национальные армии.

При этом, разумеется, не может быть никаких национальных привилегий и исключений, служить должны именно все. В связи с этим надо отдавать себе отчет, что доля кавказцев в частях будет расти, поскольку рождаемость у них выше, чем у остальных народов России. Любые попытки создания ими «землячества» и выбивания себе привилегий должны жесточайшим образом подавляться силовыми и психологическими методами. В конечном счете кавказец должен уходить из армии, как и представитель любой другой национальности, однозначно отождествляя себя с Россией и ощущая себя ее защитником. Это должно стать важнейшей задачей воспитательных органов. Здесь не надо рассуждать о том, что это невозможно. Это необходимо. А если это на самом деле невозможно, надо честно признать, что Рос-

сийское государство и русский народ утратили право на существование.

Призывники, не соответствующие критериям боевых должностей, призываются на вспомогательные и обслуживающие должности, не подразумевающие использование оружия и боевой техники. Туда же, на вспомогательные и обслуживающие должности, должны отправляться те военнослужащие, которые первоначально были определены на боевые должности, но не смогли их освоить. Наконец, на тех же вспомогательных должностях должны служить те, кто по религиозным мотивам не считает возможным брать в руки оружие. Никаких других вариантов альтернативной службы предусмотрено быть не должно.

Количество освобождений от призыва по медицинским показаниям следует сократить до минимума. Нынешние ВС — это никак не синоним пехоты, как в значительной степени было еще в середине XX века. Сейчас для большинства воинских специальностей важнее уровень интеллектуального развития и психологической устойчивости, чем физической силы. Именно поэтому число медицинских освобождений можно значительно уменьшить. Более того, даже те, кто все же заслужил медицинскую отсрочку, могут пойти служить добровольно. Ведь, например, очень часто у инвалидов-колясочников физическая ущербность компенсируется высоким интеллектуальным развитием. Такой человек вполне может захотеть отслужить, чтобы чувствовать себя по-настоящему полноправным гражданином. И в современных ВС можно найти достаточно много специальностей, на которых он мог бы служить (в первую очередь — операторских). Совсем не должны служить лишь люди с недостатками в умственном развитии.

Освобождение от прохождения службы по каким-либо иным причинам, кроме медицинских, будет воз-

можно в индивидуальном порядке по решению суда. Поскольку срок службы по призыву в мирное время должен составлять один год и ни днем больше, все прочие отсрочки (студентам, молодым отцам и т.д.) следует отменить.

Рядовой и сержантский (старшинский) состав, замещающий боевые должности, в течение всего срока службы должен заниматься исключительно боевой подготовкой и не может ни при каких обстоятельствах задействоваться как-либо еще. Виновные в нарушении этого принципа увольняются из ВС и несут уголовную ответственность. Деление на боевые и вспомогательные должности должно быть введено именно для того, чтобы бежали с автоматами и сидели за пультами одни, а чистили картошку и драили полы другие. Возможно, вторым будет обидно. Но они тоже отдадут долг Родине и в юридическом плане не будут ничем отличаться от первых. Эти самые вспомогательные должности заменят нынешний аутсорсинг, который, конечно, хорош в мирное время в местах постоянной дислокации, но полностью «вырубается» даже во время учений; что уж говорить про войну?

Естественно, что военнослужащий, отслужив по призыву, может изъявить желание продолжить службу по контракту. Либо в своей прежней должности, либо на сержантской должности. В этом случае он вновь должен пройти отбор по всем показателям, причем гораздо более жесткий, чем для призывников. То есть категорически недопустима ситуация, когда служить по контракту может любой, кто этого захочет. Надо, чтобы он был нужен армии. Критерий качества всегда должен быть важнее критерия количества.

Особо жесткий отбор должны проходить претенденты на звания сержантов, т.е. младших командиров. Развал этого института в Советской армии, начавшийся в конце 60-х, стал главной причиной возникновения дедовщины в тех диких масштабах и формах,

которые она приняла. Его восстановление — жизненная необходимость. Именно сержанты и старшины обязаны быть профессионалами. Сержант (старшина) должен не только отлично служить сам, но иметь способности к обучению других. Поэтому при отборе на должность сержанта (старшины) в обязательном порядке учитываются отзывы о военнослужащем его командиров и сослуживцев.

Сержанты (старшины) могут быть не только младшими командирами, но и техническими специалистами. Естественно, при их отборе основным критерием является степень соответствующей технической подготовки.

После пятнадцати лет безупречной службы сержанту (старшине) бесплатно предоставляется в собственность жилье из расчета не менее 20 кв. м на члена семьи в любом населенном пункте РФ и право на пенсию в размере не менее 50% денежного довольствия на момент увольнения. Размер этого самого довольствия в абсолютных цифрах здесь нет смысла обсуждать из-за нашей инфляции, которая уже через пару лет сделает нынешнюю приличную зарплату неприличной. Можно только сказать, что сержант должен быть «средним средним классом», а офицер — «высшим средним классом».

Разумеется, далеко не все захотят связывать свою судьбу с ВС на столь долгий срок, контракт может заключаться на 2–5 лет. После его окончания государство обязано оплатить бывшему контрактнику обучение в любом вузе страны.

Здесь приходится вторгаться в другую сферу — организации высшего образования. Естественно, это абсолютно отдельная тема. Хочется лишь отметить, что оно должно быть платным, но только при отработанной системе выдачи образовательных кредитов. И для безупречно отслужившего по контракту сержанта наградой может стать бесплатное обучение в вузе. Как в США.

Если сержант (старшина) разорвал

контракт досрочно по своей инициативе либо уволен из-за совершения преступления, нарушения дисциплины, низкой квалификации, он лишается права на погашение образовательного кредита либо на получение пенсии и жилья.

Естественно, что призывная система не имеет никакого смысла без регулярной переподготовки военнослужащих в ходе военных сборов. В связи с этим каждый отслуживший должен быть приписан к определенной воинской части и проходить в ней сборы именно по той специальности, коей был обучен. Как в Израиле и Швейцарии, а не как в СССР, где «партизаны» «обучались» чему попало, а чаще всего — вообще ничему.

Хотя в описанном варианте служба будет обязательной для всех, никого не нужно тянуть в армию насильно. Если человек служить не хочет — не надо. Отказ от службы в ВС не должен преследоваться в уголовном порядке. Но должен соблюдаться принцип: «Если человек не хочет защищать Родину, то и управлять ею он не должен». И учить молодежь — тоже.

Поэтому лица мужского пола, не прошедшие воинскую службу, лишаются права на работу в органах исполнительной и законодательной власти и судебных органах любого уровня, в дипломатических органах, в прочих силовых структурах, а также на занятие любой преподавательской деятельностью. Аналогичное правило должно распространяться и на их отцов (это сын за отца не отвечает, а вот отец за сына — очень даже отвечает). Кроме того, видимо, имеет смысл существенно (скажем, до 40%) повысить для этих людей подоходный налог до конца их трудовой деятельности. Конечно, исключение вроде бы может быть сделано для тех, кто освобожден от службы по медицинским показаниям, но тут тоже возникает вопрос: если он настолько болен, может ли он работать в органах власти?

Кроме того, призыву не должны подлежать лица, имеющие судимость, страдающие наркоманией и алкоголизмом, причем они не считаются освобожденными по медицинским показаниям, а в юридическом плане приравниваются к тем, кто отказался служить.

Офицерский состав

К экзаменам в военные вузы следует допускать только тех, кто безупречно отслужил не менее трех лет на должности сержанта (старшины). Человек, не отслуживший сначала солдатом (матросом), а затем сержантом (старшиной), офицером быть не может. То есть прохождение отбора на сержантскую (старшинскую) должность становится частью экзамена в военный вуз.

Естественно, что благодаря факту службы сначала рядовым, а затем младшим командиром либо техническим специалистом, срок обучения в военном вузе может быть значительно сокращен. Особенно если служба была в тех же войсках и по сходной специальности. При этом военные вузы должны быть единственными в стране бесплатными вузами.

Обучение в военных вузах не может предусматривать получения гражданских специальностей, в них надо готовить офицеров, а не потенциальных дезертиров.

В зависимости от успехов в обучении выпускникам предоставляется выбор места службы. Офицер продвигается по службе, как правило, в той части (корабле), в штат которой зачислен после окончания вуза. При выдвижении офицеров на вакантные должности следует использовать систему баллотировки, то есть учета мнения всех офицеров данной части (корабля) путем проведения тайного голосования по двум-трем кандидатурам. Выдвижение офицерского состава проводится исключительно на конкурсной основе. Прохождение службы организуется таким образом, чтобы на высшие

должности могли приходиться только офицеры, прошедшие службу на всех более низких уровнях. Это относится как к командным, так и к штабным должностям.

Присвоение очередного офицерского звания происходит при прохождении баллотировки на соответствующую данному званию должность. Присвоение звания только по сроку службы (без занятия соответствующей должности) не допускается. В течение службы офицер проходит регулярное дополнительное обучение.

Присвоение каждого следующего офицерского звания должно означать повышение размеров оклада примерно в 1,5 раза. Размер оклада за должность примерно равен окладу за звание (без учета дополнительных выплат и коэффициентов). Называть абсолютные цифры, как было сказано выше, в наших условиях затруднительно, но, видимо, лейтенант должен начинать с эквивалента 1000 долларов (или евро), не меньше. Денежное довольствие военнослужащего не может облагаться подоходным налогом.

После пяти лет службы офицеру передается в собственность жилье в любом населенном пункте РФ по его желанию из расчета 25 кв. м на 1 члена семьи. По желанию самого офицера получение жилья в собственность может быть перенесено на более поздний срок. По месту службы офицер должен обеспечиваться служебным жильем, которое не может быть приватизировано, либо получать стопроцентную компенсацию за аренду жилья.

В случае увольнения офицера из ВС по выслуге лет, состоянию здоровья или оргштатным мероприятиям ему выплачивается не облагаемое подоходным налогом единовременное пособие в размере годового денежного довольствия на момент увольнения, он обеспечивается пенсией (также не облагаемой налогами) в размере 50% денежного довольствия на момент увольнения. В случае увольне-

ния офицера из ВС по собственному желанию, дискредитации звания (в частности — за даже однократное появление на службе в нетрезвом состоянии) или несоответствию профессии он лишается права на пенсию, обязан вернуть государству квартиру (либо ее стоимость по рыночным ценам), а если увольнение произошло менее чем через пятнадцать лет после окончания вуза, выплачивает стоимость обучения в нем.

Некоторые общие положения

Семья офицера (прапорщика, мичмана, сержанта, старшины), погибшего при исполнении служебных обязанностей, должна получать эквивалент денежного довольствия военнослужащего из расчета «стандартного» продвижения по служебной лестнице, а затем соответствующую пенсию.

Работа военнослужащих по совместительству в любых организациях, не относящихся к ВС, категорически запрещается на весь период службы.

Действующие офицеры, прапорщики (мичманы) и сержанты (старшины) имеют право на постоянное ношение личного оружия.

В случае совершения сержантом (старшиной), прапорщиком (мичманом) или офицером любого уголовного преступления он увольняется из ВС, лишается воинского звания и всех льгот, выплачивает стоимость обучения в вузе, размер денежного довольствия за все время службы и размер нанесенного ущерба, лишается права работать в органах власти любого уровня и вести любую преподавательскую деятельность даже после снятия судимости. Наличие у подсудимого статуса военнослужащего рассматривается судом как отягчающее обстоятельство, т.е. военнослужащий в случае признания его виновным получает более тяжелое наказание, чем гражданское лицо за аналогичное преступление. В случае, если преступление совершено с использованием личного

оружия, военнослужащий приговаривается к пожизненному заключению.

Особо тяжким преступлением, приравненным к государственной измене, должно считаться ведение военнослужащим националистической и экстремистской политической или религиозной пропаганды (как во время службы, так и вне ее) и вообще совершение любых действий, направленных на разжигание национальной, политической и религиозной розни, демонстрацию национального и религиозного превосходства (в частности — создание национальных «землячеств»), а также попустительство таким действиям среди подчиненных или сослуживцев.

Описанная система направлена, во-первых, на создание по-настоящему боеспособных ВС, во-вторых, на формирование ситуации, когда не служивший автоматически становится изгоем, а офицер также автоматически становится частью элиты. В обществе необходимо подготовить соответствующую моральную атмосферу, а военнослужащие (особенно офицеры, отчасти и сержанты) должны принадлежать к элите и в силу критериев отбора, и в силу материальных условий, которые им следует обеспечить. Государство обязано постоянно и очень жестко контролировать, соответствуют ли военнослужащие указанным критериям и действительно ли выполняют свой долг перед страной. Но, чтобы жестко спрашивать, государство само обязано неукоснительно выполнять свой долг перед военнослужащими.

Сколько стоит новая армия

Поскольку журнал «Вопросы национализма» не является специализированным военным изданием, здесь нет смысла говорить про «железо», т.е. о том, сколько и какой техники необходимо иметь ВС РФ (да и к теме статьи это имеет косвенное отношение). Можно лишь сказать, что нам надо строить то, что нам надо, а не то, что «положено» (кем?), и тем более не то, что в силу

каких-то соображений удобно некой группе лиц (в политическом или военном руководстве либо среди «командиров» ВПК). Нужно не стесняться отбрасывать (либо, наоборот, сохранять) собственные традиции, заимствовать (либо, наоборот, игнорировать) чужой опыт. Главное — чтобы это шло на пользу делу.

В частности, нам необходимо позаимствовать сетецентрический принцип управления ВС, выгоды его настолько очевидны, что здесь просто нет оснований для дискуссии. При этом следует четко понимать, что воюют по-прежнему не компьютерными сетями, а боевой техникой. И никакое качество техники, никакое повышение ее эффективности не отменяет фактора количества. Потому что, во-первых, даже если удастся достичь стопроцентной эффективности поражения целей (что вообще-то фантастика, «в бою не бывает чудес»), нельзя поразить больше целей, чем имеется боеприпасов. Во-вторых, воевать без потерь невозможно, не надо иллюзий по этому поводу. Применительно к России иллюзии особенно недопустимы, поскольку нам реально могут предстать войны с самыми сильными ВС мира. В-третьих, что непосредственно вытекает из «во-вторых», Россия больше не может брать противника измором, наоборот, теперь противник может «изморить» нас. Соответственно, единственным вариантом для ВС РФ является стратегия «сокрушения», т.е. максимально быстрого и полного разгрома противника. Соответственно, тут никак невозможно без количества.

Поэтому не стоит врать самим себе, что можно построить «компактные и высокоэффективные ВС». Высокоэффективными они быть, безусловно, должны, а вот «компактными» их сделать не получится по чисто объективным обстоятельствам. Понятно, что нам не нужны 65 тыс. танков, как в позднем СССР, но не менее абсурдна цифра «2 тыс.», предлагаемая (и уже в

значительной степени реализованная) в рамках нынешней «реформы».

В связи с этим возникает вопрос: сколько идеальные ВС могут стоить? Разумеется, строгие расчеты здесь невозможны. Можно только давать оценку. Строительство ВС (закупки техники, формирование частей, создание всей необходимой инфраструктуры и т.д.) обойдется, видимо, примерно в триллион долларов. Это чуть побольше, чем нынешний годовой военный бюджет США. Говорить о том, что это слишком дорого, вряд ли правомерно. Во-первых, представление о ВС как о «паразите, пожирающем народные деньги», в корне неверно. ВС выполняют важнейшую экономическую функцию — защищают страну от внешней агрессии, экономический ущерб от которой будет на много порядков превосходить расходы на содержание ВС. Во-вторых, в наших конкретных условиях говорить о «паразитизме» нищих ВС при наличии гигантского количества настоящих паразитов-чиновников просто кощунственно. Эффективность нашей экономики — чуть ли не самая низкая в мире, главная причина этого — коррупция. Избавление от нее даст такой эффект, что триллион на новые ВС не будут проблемой. Кроме того, замечательным ресурсом для экономии стало бы избавление от разного рода «эпохальных» мероприятий типа проведения зимней олимпиады в субтропиках (не говоря уж о содержании банд хунвэйбинов). Наконец, пусть наши замечательные равноудаленные олигархи покупают не только яйца. Пусть они проявят такую же отзывчивость и применительно к укреплению обороноспособности страны, даже если они не считают ее своей. Грабили-то они *ее*.

Зачем России армия?

Необходимо выбить из сознания населения отвратительный тезис «а за что должна сейчас воевать армия, за олигархов, что ли?» Дело в том, что в

1812 и в 1941–1945 гг. власть и «элита» страны ничуть не больше, чем сейчас, заслуживали того, чтобы за них воевать. Человек, отождествляющий себя с Россией, должен воевать за Россию, независимо от того, какая в ней сегодня власть. А не отождествляющий пусть отваливает.

Кроме того, надо понять, что у ВС задача всего одна — *обеспечение защиты страны и ее населения от внешней военной агрессии*. Никаких других задач у ВС нет. В частности, ВС не являются собесом. Также они не обязаны создавать рабочие места в ВПК. Также они не должны обеспечивать продовольственную или противопожарную безопасность.

Для решения своей единственной задачи ВС должны иметь наиболее качественные вооружение и технику, причем в необходимых количествах (которые, как было сказано, будут довольно большими) и по приемлемой цене. Если отечественный ВПК не может этого обеспечить, значит, необходимо приобретать технику за рубежом, здесь Сердюков абсолютно прав. Только приобретать нужно то, что необходимо российским ВС для решения их задач, а не то, что нам впарил Саркози ради своей предвыборной агитации (ему нужно обеспечить работой персонал верфей в Сен-Назере, а нам не нужен «Мистраль»). Кроме того, ВС должны иметь высококачественный личный состав, который сознательно готов идти в бой и умирать. Именно поэтому необходима воспитательная работа, о которой говорилось выше.

Внешние угрозы

Теперь о том, с кем воевать. Достаточно очевидно, что для России можно выделить три основные угрозы: США и НАТО; исламский мир; Китай. Есть также две угрозы «второго ранга» — Турция и Япония. Отдельно выделять еще и Грузию все же неприлично. При этом очевидно, что если ВС РФ будут реально способны парировать аме-

риканскую и китайскую угрозы, все остальные угрозы таковыми уже нельзя будет считать, они парируются автоматически.

Исламский мир

Проще всего парируется исламская угроза. Для этого на самом деле достаточно того, чтобы в ВС РФ была всерьез налажена та самая политико-воспитательная работа. Дело в том, что как классическая военная сила исламский мир для нас угрозы не представляет и представлять не будет по трем причинам. Во-первых, исламские страны «дальнего зарубежья» с нами не граничат, несмотря на весь технический прогресс это весьма важно, без общей границы воевать затруднительно. Во-вторых, исламский мир до такой степени разобщен, что представить себе хотя бы временное и ситуативное его объединение совершенно невозможно, а по отдельности ни одна исламская страна сопоставимым с нами военным потенциалом располагать не будет. Потому что, в-третьих, исламский мир абсолютно беспомощен в научно-технологическом плане, он практически не способен даже на копирование современной боевой техники.

Поэтому угроза со стороны исламского мира может носить лишь террористический характер. Однако террористическая война имеет успех лишь в том случае, если она поддерживается какой-то частью местного населения. Поэтому если российские мусульмане мужского пола будут уходить на дембель из ВС РФ, полностью отождествляя себя с Россией и считая себя ее защитниками, проблема исламского терроризма в России автоматически умрет через несколько лет. Если это невозможно, то, повторю, русский народ утратил право на существование, причем реализация позорнейшей идеи «отделения Кавказа» лишь подтвердит этот факт.

Кроме того, хочется повторить ба-

нальную вещь: борьба с терроризмом — дело спецслужб и Внутренних войск, а не ВС. Если дело дошло до того, чтобы без ВС не обойтись, то это уже не борьба с терроризмом. В частности, если говорить о Чечне, то в обеих войнах со стороны России имело место подавление крупномасштабного вооруженного мятежа, направленного на отделение части территории страны, а никак не борьба с терроризмом. На самом деле ельцинская формулировка «восстановление конституционного порядка» со всех точек зрения адекватнее путинской «контртеррористической операции».

Конечно, ВС придется задействовать, если придется (почти наверняка придется) бороться с исламскими радикалами за пределами России, т.е. в Центральной Азии в случае начала экспансии талибов на север. Именно для таких задач у нас есть ВДВ. Понятно, что никаких крупномасштабных десантных операций в случае классической войны они давно уже проводить не способны, зато очень хорошо обучены именно противопартизанской войне. Для их поддержки может быть использована небольшая часть фронтовой и армейской авиации. В целом в подобной операции может быть задействовано максимум 5% ВС РФ.

Если обратиться к двум другим нашим потенциальным противникам — **НАТО** и **Китаю**, нельзя не сказать о специфике обсуждения в России той геополитической обстановки, в которой наша страна находится. Здесь имеет место даже не двойной стандарт и не тенденциозный подбор фактов, а нечто гораздо худшее. Налицо полное игнорирование вообще всех фактов и конструирование искусственной реальности.

В реальной жизни НАТО:

— сокращает свою группировку в Европе на протяжении всего периода после окончания холодной войны (причем впереди новая серия масштаб-

ных сокращений), уже доведя ее до состояния небоеспособности (что и продемонстрировано в Ливии);

— не разворачивает никаких сил в передовых (т.е. приграничных с Россией) районах, «базы НАТО в Восточной Европе» существуют только в воображении штатных пропагандистов Кремля и обманутых ими обывателей;

— не проводит никаких учений, которые по масштабам и сценарию можно было бы истолковать как подготовку к агрессии против России.

С другой стороны, Китай:

— быстро наращивает и, главное, радикально качественно обновляет свои ВС, особое внимание уделяя наступательным вооружениям (танкам, тактическим ракетам, РСЗО и т.д.), его ВС давно уже сверхизбыточны для обороны, но наращивание военной мощи идет ударными темпами;

— в приоритетном порядке развивает прилегающие к границе с Россией Пекинский и Шэньянский военные округа;

— регулярно проводит все более масштабные учения, которые нельзя истолковать никак иначе как подготовку к агрессии против России.

Тем не менее все эти фундаментальные факты считаются несуществующими, они буквально табуированы. Зато со всех экранов и страниц нам ежедневно и неустанно продолжают рассказывать о том, что НАТО — смертельная угроза, а Китай — наш лучший друг. Здесь налицо либо коллективное помешательство, либо тотальная некомпетентность, либо «агенты влияния» Пекина в России на голову сильнее своих «коллег» из Вашингтона. Скорее всего, имеют место все эти три обстоятельства: мощнейшая и прекрасно оплачиваемая «пятая колонна» Пекина, пользуясь тотальной некомпетентностью и сильнейшими психологическими комплексами как «элиты», так и большей части населения России, смогла навязать жителям страны абсолютно искусственную картину мира.

НАТО

Если говорить о НАТО, то наши бесчисленные его ненавистники явно запутались в том, какого рода угрозу оно для нас представляет — военную или политико-идеологическую? А если речь идет о втором варианте, то что имеется в виду — навязывание нам своей системы или установление контроля над российским руководством и, через него, над нашими ресурсами?

Подробно разбирать «этапы большого пути» НАТО к демилитаризации и деградации, к сожалению, не позволяет объем статьи, хотя тема того заслуживает. Здесь же просто хочется задать риторический вопрос: после того, что сейчас происходит в Ливии, какие еще нужны доказательства утраты НАТО боеспособности? Если бы европейские страны альянса задействовали хотя бы четверть того потенциала, который они имеют на бумаге, ливийская кампания закончилась бы максимум за месяц. Но она длится уже пять месяцев, и конца ей не видно. Если альянс не способен справиться с крайне слабой ливийской армией, не имеющей ПВО, ВВС и ВМС, то надо совсем утратить связь с реальностью, чтобы видеть в нем угрозу для России. А в связи с событиями в Афганистане, где для европейских армий потери даже в 100 человек являются неприемлемыми, очень хочется объяснить — что может толкнуть эти страны на агрессию против России, которая обернется десятками тысяч погибших, даже если война почему-то не перерастет в ядерную?

Что касается США, то им воевать против нас в одиночку (без предоставления европейцами хотя бы своей территории) все же крайне затруднительно. В связи с этим непонятно, кстати, почему США за период после окончания холодной войны так радикально сократили свой контингент в Европе (в 4 раза по личному составу, почти в 60 раз по танкам, в 13 раз по артиллерии, в 3 раза по боевым самолетам)? Нако-

нец, главное — зачем это нужно США? В связи с этим наши борцы с НАТО входят в прямое противоречие сами с собой: они заявляют о смертельной угрозе со стороны НАТО именно в военном аспекте и при этом говорят о том, что руководство России действует полностью в интересах Вашингтона и Брюсселя под их контролем. Как очень несложно догадаться, первое совершенно несовместимо со вторым.

Отражение идеологической угрозы с Запада совершенно точно не входит в задачи ВС. Кроме того, в чем эта угроза? Чем нам вредны свободные конкурентные выборы, реальная свобода слова, реальное разделение властей, гражданский контроль над ВС? На самом деле, именно потому, что ничего этого у нас нет, так уверенно чувствует себя нынешняя «суверенная клептократия», так свободно проводит она политику разграбления страны и целенаправленной дебилизации населения. Более того, чем меньше в стране демократии, тем правящему режиму проще поставить ее под внешний контроль. Хочется при этом подчеркнуть, что не надо путать демократию с либерализмом. Это вещи не просто разные, но очень часто малосовместимые, как показывает не только российский, но и зарубежный, в т.ч. западный опыт.

Что касается угрозы постановки России под внешний контроль мирным путем, то ВС могут бороться с этой угрозой только одним способом — совершением военного переворота. Но для этого армия должна быть реальной элитой страны. Можно сказать, что право на переворот надо заслужить. Нашим ВС расти и расти до этого права.

Китай

Россия уже двадцать лет активно навязывает Пекину «стратегическое партнерство», причем у нас очень многие всерьез уверены, что российско-китайские отношения являются эксклюзивными и союзническими. Между

тем КНР установила отношения «стратегического партнерства» со множеством стран мира, включая большинство западных, поэтому ни о какой эксклюзивности России для Китая нет и речи. Как и о союзе. На протяжении всех этих двадцати лет и официальные лица КНР, и китайские ученые неизменно подчеркивают, что российско-китайские отношения не являются союзническими и не против кого не направлены. Это твердая позиция Пекина, как официальная, так и фактическая.

Что касается китайской угрозы для нас, то она не гипотетична, она объективна. То, что Китай не сможет прожить без экспансии, определяется законами природы и экономики, а не какой-то особой китайской агрессивностью. Мы не можем сказать, в каких формах и какими темпами она будет идти, но сама по себе экспансия неизбежна. Для Китая вопрос стоит однозначно — либо захват территорий и ресурсов, либо коллапс и гражданская война.

Во-первых, если КНР выйдет на уровень потребления на душу населения продовольствия, электроэнергии, нефти и т.д., хотя бы сопоставимый с западным, ей одной не хватит ресурсов всей планеты. Это не гипотеза, это факт. Так же, как и то, что при нынешних темпах роста китайской экономики данная проблема возникнет в очень обозримом будущем, при жизни подавляющего большинства читателей данной статьи.

Во-вторых, перенаселенность восточных районов КНР создает непомерную нагрузку на природу и инфраструктуру, а попытки ограничивать рост населения являются половинчатыми и при этом ведут к неразрешимым социальным проблемам (для краткого их описания нужна еще одна большая статья). Поэтому Китаю нужно расширить территорию, это тоже объективный факт. При этом собственная слабозаселенная западная часть страны, к

сожалению, не подойдет. Тибет является экстремальным высокогорьем, где невозможно постоянное проживание неприспособленных к этому «равнинных» жителей и, тем более, невозможно сколько-нибудь серьезная хозяйственная деятельность. СУАР в этом плане не намного лучше. На фоне этих регионов Южная Сибирь несравненно комфортнее и благоприятнее во всех отношениях. А вот Юго-Восточная Азия, которую у нас априорно провозглашают главным направлением китайской экспансии, как раз очень мало для такой экспансии подходит. Там совсем немного территории, немного ресурсов (по крайней мере, гораздо меньше, чем в азиатской части России), зато очень много местного населения. Поэтому не надо заниматься (само)обманом, у Китая есть всего два направления экспансии — Россия и Казахстан.

Вообще, популярные аргументы наших многочисленных платных и бесплатных «адвокатов Китая» — что у Китая полно своей свободной территории; что у нас китайцам холодно; что в других странах китайцев еще больше; что в начале XX века китайцев в России было гораздо больше, чем сейчас, но ведь ничего не случилось; что Китай исторически не склонен к расширению; что у Китая низкий уровень военных расходов относительно ВВП и «маленькая» армия относительно численности населения и мн. др. — являются либо прямой ложью, либо той самой полуправдой, которая хуже лжи. Все эти аргументы, подробный разбор которых заслуживает отдельной статьи, рассчитаны на дилетантов. Но они звучат и звучат, что подтверждает предположение о том, что Пекин создал в России мощнейшую «пятую колонну». Так что под чьим контролем мы сегодня находимся — это очень интересный вопрос.

Пекин, безусловно, стремится сломать нынешний миропорядок, он это все меньше скрывает. Только нам не надо этому радоваться, он будет это

делать за наш счет. Сколько бы ни звучало официальных заявлений о том, что Китай не имеет к нам территориальных претензий (в основном эти заявления звучат почему-то из самой России), но Айгуньский и Пекинский договора, по которым установлена нынешняя граница, там официально считают «несправедливыми и неравноправными». В нынешнем международном праве таких категорий просто нет. Но Китай их введет, когда еще немного наберет мощи. И уж точно не в США будут захватывать китайцы то, что им нужно. Видеть в Китае потенциального союзника — это такая же утрата связи с реальностью, как видеть в НАТО военную угрозу. Здесь ни при чем никакие политические симпатии и антипатии, здесь просто суровая объективная реальность, которую хотя бы иногда желательно замечать.

Что касается фактора ядерного сдерживания, то это еще одна интересная тема для отдельной статьи. Здесь скажем коротко, что против неядерных стран оно избыточно, а против ядерных (к коим, увы, относится Китай) — бесполезно. Нельзя забывать о крайне низкой чувствительности китайцев к потерям (в этом их кардинальное отличие от западных армий). Наша беда в том, что мы истово веруем в ядерное сдерживание, что очень мешает развитию обычных ВС. Ядер-

ное оружие должно быть «последним аргументом». Мы сами себя довели до состояния, когда оно является первым и единственным.

Заключение

Надо отдавать себе полный отчет в том, что в нынешней России невозможно построить нормальную армию, получится такой же урод, каким является сегодня наше государственное устройство в целом. Потому что если политическая система страны основана на коррупции, то деньги на строительство ВС будут разворованы и сама армия будет коррумпирована. И отбор в нее лучших, а не худших, будет невозможен. И парламентского контроля не может быть в стране, где нет независимого парламента. И вообще никакой контроль над ВС невозможен, если власть в стране не зависит от общества. И закупки наиболее качественной техники ни у своего ВПК, ни по импорту невозможны, если единственным критерием победы в конкурсе является размер отката.

Армия не может быть оазисом порядка и законопослушания среди прогнившего коррумпированного государства. Соответственно, говоря о строительстве новых ВС, очень важно не забыть о связи причины и следствия. И о том, что не вливают нового вина в старые мехи.

Грегори Глисон

Многополярность, АМЕРИКАНСКАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Преобладающие «концептуальные рамки» в описании XX столетия преимущественно отражают «структурные» аспекты международной политики. Великие державы, «малые государства», стратегии, ресурсы, влияние и внешнеполитические «инструменты» являлись теми самыми факторами, которые сформировали формат международных отношений. Творцы внешнеполитической стратегии рассуждали в категориях «Великой шахматной доски», стремясь рассчитать политические риски и выявить конкурентные преимущества. В результате первая половина XX столетия характеризовалась торжеством концепции «двух полюсов силы».

Биполярная структура международных отношений преимущественно характеризовалась наличием двух взаимно противоположных и антагонистических векторов в развитии экономических и политических отношений. С распадом коммунистического блока биполярный мир пережил период глобальной реорганизации.

На последнее десятилетие XX столетия пришелся окончательный переход от биполярности к гораздо менее понятной многополярности — типу мироустройства, характеризующемуся многочисленными проявлениями конкуренции, конфликтности, компенсации наличием разнонаправленных векторов во внешней политике (многовекторностью).

Первое десятилетие XXI столетия

засвидетельствовало ряд событий, которые не были предсказаны либо ожидаемы в рамках устоявшейся теории международных отношений. Американское внешнеполитическое влияние оказалось намного сильнее, чем думали многие люди по всему миру, и гораздо более эффективным, чем многие из них предполагали.

Изменения, «сдвиги» и реорганизации, происходящие сегодня, ставят в повестку дня вопрос об американских намерениях и американских способностях.

Критики американской внешней политики отмечают, что ее творцы требовали от других участников международных отношений соблюдения принципов, которые по различным причинам не применялись к самим США. Идея «американской исключительности» считается среди критиков наиболее удручающей чертой американских творцов внешней политики. Поскольку «исключительность» или даже претензии на нее уменьшают предсказуемость действий внешнеполитического партнера и подрывают доверие к нему.

«Двойные стандарты» — применяемые к другим и рассматриваемые в ином ключе применительно к себе самим — являются способом действия, который наносит ущерб хорошей политике и практике. Таким образом, «исключительность» в качестве политического аргумента заслуживает самого серьезного внимания. Однако при рассмотре-

нии роли Америки в международном сообществе в период многополярности действительно обнаруживаются вещи, которые подтверждают исключительность роли Америки в современных условиях. Они также должны быть приняты во внимание, особенно в нашем многополярном мире.

То, что Америка совершила от имени международного сообщества, не всегда было отражением желаний самого международного сообщества. И вполне естественно на ней фокусировались такие чувства как раздражение, критика и тревога о будущем. Многие при этом усомнились в том, что «Американская империя» переживает сегодня стадию «упадка». Многие задаются вопросом о том, правомерна ли вообще «американская модель» в эпоху многополярности. Были подняты многие вопросы, касающиеся роли американской внешней политики в многополюсном мире, значимости российско-американской политики «перезагрузки» и особая роль американской внешней политики относительно евразийских стран.

В то время как Америка не испытывает недостатка в критиках за границей, многие из наиболее громогласных критиков ее внешней политики обнаруживаются у нее дома. Были активные споры и дискуссии относительно того, как американские принципы должны воплощаться в конкретные планы действий или стратегию — в целях осуществления американской политики за рубежом. В соответствии с традиционным определением, стратегия — способ, посредством которого цели соотносятся со средствами. Стратегия внешней политики — способ, посредством которого национальный интерес страны реализуется с учетом имеющихся ресурсов и способностей страны влиять на события за рубежом. Критика американской внешней политики касалась как целей американской внешней политики, так и средств и методов ее осуществления.

Подобные дебаты сами по себе не новы. Больше двух десятилетий роль Америки была предметом дискуссии в американском политическом сообществе. Утверждая, что цели Америки больше не подкрепляются необходимыми средствами, некоторые аналитики пришли к заключению, что Америка достигла периода «империя перехитрила саму себя», как утверждает Пол Кеннеди в своей книге «Взлет и падение Великих держав» (1987). Некоторые аналитики видят изменения в характере и содержании социально-экономических процессов — что, однако, вовсе не обязательно проявляется во внешней политике некоторых государств. Рассматривая конец биполярного мироустройства, Фрэнсис Фукуяма утверждал, что самые важные идеологические конфликты закончатся тогда, когда демократия, рыночно ориентированная политика и международные политические стандарты будут приняты во всем мире¹. Другие аналитики отмечают и иные изменения, привлекая внимание к возникновению культурных конфликтов в контексте проблемы «столкновения цивилизаций». Об этом в частности писал в 1993 г. на страницах одного из самых влиятельных внешнеполитических изданий Сэмюэль Хантингтон, утверждая, что «линии разрыва между цивилизациями станут линиями будущих фронтов»².

Более поздние исследователи подчеркивают важность гражданских ценностей и политического выбора. Ученые утверждали, что цели американской внешней политики превысили имеющиеся возможности. Данный тезис рассматривался Андрю Бачевихиным в его книге «Пределы власти» (2009). Другие аналитики привлекали внимание к изменяющейся роли Аме-

¹ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N. Y.: Free Press, 1992.

² *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations, *Foreign Affairs*. Vol. 72, 3 (1993). P. 186–194.

рики в современном международном сообществе, доказывая, что Америка не в состоянии упадка, но просто «все остальные приподнялись», как полагает Фарид Закария в его книге «Пост-американский Мир» (2009). Прошлые десятилетия засвидетельствовало заметное ухудшение имиджа Америки и снижение ее «морального авторитета» за границей. Некоторые исследователи объясняют это неудачами Америки во «внешнеполитической игре». Другие полагают, что изменилась сама игра. Причем изменилась не только «структура» международной системы, но и сами механизмы воспроизводства международного порядка.

Если векторы мировой политики изменяются сегодня, то возникает вопрос о том, как они изменятся в дальнейшем? Какие новые штормовые облака формируются на горизонте? Какие новые возможности складываются за линией горизонта? Фундаментальная дилемма профессии ученых и экспертов в сфере международных отношений — мы понимаем, что не можем предсказать будущее, и все же в то же самое время мы должны планировать ход происходящего. Убеждение в том, что мы можем предсказать будущее, является заблуждением гордости, от которого нас способно излечить даже самое поверхностное исследование истории. Идея о том, что мы можем проигнорировать приготовления к будущему, является упущением, которое может стоить нам репутации вне зависимости от нашего личного везения.

Ведущие американские внешнеполитические стратеги признали, что сегодня у Америки новая роль с уменьшением масштабов непосредственного влияния. Некоторые наблюдатели видят мир, в котором основное соревнование происходит среди национальных государств, преследующих свои традиционные цели в нетрадиционном контексте; сущность которого Роберт Каган выразил словами: «Мы вошли

в век глубоких разрывов»³. В докладе влиятельного разведывательного ведомства («Глобальные Тенденции 2025»), обнародованном в 2008 г., накануне президентских выборов в США, ведущий американский эксперт в области международных отношений Томас Фингэр утверждал, что непосредственное воздействие Америки в мире будет уменьшаться, что выведет на первый план другие формы влияния. Фингэр также полагает, что ключевая сфера многолетнего американского превосходства — военная — «станет наименее существенным» активом во все более «конкурентном» мире будущего, потому что «никто отныне не собирается нападать на нас, используя свое превосходство в обычных вооружениях». В многополярном мире Америка нуждается в иных инструментах влияния. При этом выбор того или иного инструмента влияния зависит от того, где находится «точка опоры».

Таким образом, Америка, по всей видимости, будет искать по всему миру места, где у нее есть «точки опоры» и существуют партнеры, способные действовать в общих интересах без убеждения со стороны, вместо того чтобы уносить ноги.

При этом важно помнить о том, что тенденция — это еще не судьба. То, что произошло в прошлом, возможно, не произойдет снова в будущем или, по крайней мере, не таким же образом. В таком случае, на что же можно положиться, если мы оглядываемся назад? Какие уроки прошлого мы можем извлечь из прошлого, освободив наш взгляд от ошибок? Существуют некоторые аспекты американской внешней политики, на которую мы можем положиться как на некую константу в международных отношениях. Существуют некоторые аспекты политики, которые, как мы можем ожидать, будут обладать в будущем гибким, адаптивным

³ Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. N. Y.: Knopf, 2008. P. 4.

и инновационным характером. С чего следует начать, чтобы ясно различить их? Я рекомендовал бы начинать с перечитывания американской истории, чем вы, уважаемые друзья, наверное, регулярно занимаетесь. Переосмысление истории американской внешней политики может предложить немало полезных рекомендаций для тех, кто хочет понять внешнюю политику Америки в будущем.

«Американский век» и «глобальное столетие»

Наиболее информированные люди признают, что Америка играла важную роль в мировом сообществе в течение многих лет. Роль Америки в мировых делах за прошлые шесть десятилетий сформировала ее репутацию как лидера в области международных стандартов, как катализатора технологического развития, сторонника конкурентных, но справедливых методов рыночной экономики, защитника международной безопасности, верного защитника демократического правления и прав человека и миротворца в международных отношениях. Значительную часть XX в. в умах многих людей во всем мире сохранялось выражение, придуманное в 1941 г. влиятельным американским издателем Анри Люсом, заявившим об «американском веке». Люс обращался к эре, в которую американцы были готовы использовать благоприятные ресурсы страны и ее выгодное геополитическое положение, ее технологические достижения и моральные обязательства не только для того, чтобы реагировать, но и для того, чтобы формировать желательные для себя изменения.

Когда каждый сравнивает прошлое с даром судьбы, различия являются существенными. Когда Анри Люс заявил об «американском веке», на земле жили приблизительно два миллиарда человек. В 1940-х «мускулы» американской власти состояли прежде всего из природных ресурсов,

промышленности и производства. Уголь, нефть, сталь, древесина и цемент — те строительные материалы, с помощью которых и был построен тот мир. Промысленный индекс Доу Джонса, характеризующий состояния тридцати ведущих фирм в США, который часто используются в качестве «исходной точки» для оценки изменений на рынках, относился почти исключительно к отраслям тяжелой промышленности. Многие из показателей, которые считались основополагающими для отражения изменений на рынке, касались преимущественно тяжелой индустрии. США потребляли в 1940 г. приблизительно 22 миллиона киловатт электроэнергии, большей частью производившихся за счет переработки угля. К концу Второй мировой войны США обеспечивали большую часть объема промышленного производства всей планеты.

Сегодня, когда мы приближаемся ко второму десятиетию XXI столетия, ситуация сильно изменилась. Население планеты приближается к семи миллиардам, что приблизительно в 3,5 раза больше, чем в 1940 г. Многие из «экологически грязных» производств прошлого были заменены новыми технологиями и новыми секторами экономики. США обеспечивают гораздо меньшую долю общего объема мирового промышленного производства, по всей вероятности, около двадцати процентов. В 2010 г. индекс Доу Джонса включает показатели большого числа фирм, и в том числе таких, как Диснейленд, Макдональдс и Майкрософт, представлявших собой своеобразные «мускулы» американской промышленности — или являвшихся, по крайней мере, генераторами деловой активности. Потребление электроэнергии Соединенными Штатами увеличилось с того времени почти в четыре раза (99,3 киловатт в 2008 г.), основываясь преимущественно на нефти, а не на угле.

Сегодня мир является глобальным

во многих смыслах. Американские интересы реализуются общепринятыми способами в разных странах по всему миру. В рамках широкого круга сфер деятельности — от энергетики, окружающей среды, науки, торговли и культуры до национальной безопасности — страны на всем свете влияют и так или иначе затрагивают Америку. У Америки должен присутствовать интерес к тем странам как к партнерам, союзникам и друзьям. Америка вовлекается в дела различных стран по всему миру способами, которые проистекают не из каких-либо великих проектов, но из очевидных реалий глобального века, в котором мы живем.

Глобальная роль Америки сегодня, учитывая историю страны, могла бы быть непредсказуемой, если бы не проблемы, которые возникли вне границ Америки. Те, кто знает историю Америки, вспоминают, что американские лидеры и американские граждане не всегда выглядели благоприятно и не всегда были на первых ролях за рубежами своей страны. Америка возникла как страна иммигрантов и была населена людьми, которые оставили Старый Свет, чтобы избежать жестокого обращения, лишений и подчинения. Возникнув как народная республика в процессе Революции против монархического абсолютизма и привилегий аристократии, Америка изначально впитала в себя дух индивидуального равноправия и частной инициативы. У новой американской республики было немного интереса к конфликтам и политическим проблемам Старого Света.

Обобщенно сформулировав цели американской внешней политики, первый госсекретарь Америки Томас Джефферсон сказал, что цели этой новой страны в международных делах заключались в неизменном стремлении к «миру, торговле, честной дружбе со всеми странами, исключая союзы с любой из них». В течение первого столетия своей истории Америка

ограничивалась экспансией в пределах границ нового континента, решением внутренних проблем и борьбой за национальную консолидацию. Когда борьба за консолидацию потерпела неудачу, США были расколоты вследствие трагической Гражданской войны. Когда Америка добилась процветания и ее ресурсы стали достаточными для расширения ее влияния за пределы ее границ, американцы проявили стойкий иммунитет к идеям империи и иностранного влияния. В XVIII и XIX столетиях европейские империи расширили свое влияние и добились процветания за счет колониальной экспансии. Америка была исключением в этом ряду.

После принятия Декларации Независимости в 1776 г. 13 колоний Америки объединились в свободную конфедерацию. Одиннадцать лет спустя независимые штаты приняли Конституцию, преобразовав конфедерацию в Союз. Американское правительство было создано больше года спустя, в 1789 г. Молодой государственный союз был занят по преимуществу собой и являлся самодостаточным, но при этом был связан водными путями, которые побуждали его обратить свой взор на Запад. Первым существенным территориальным приобретением Америки была покупка у Франции в 1803 г. Луизианы за \$15 миллионов. Одним из первых заявлений, относящихся к американской внешнеполитической доктрине, была Доктрина Монро. В своем выступлении перед Конгрессом 2 декабря 1823 г. Монро заявил две вещи, первую из которых помнят, а о второй часто забывают или игнорируют. Монро заявил, что американский континент не должен рассматриваться в качестве объекта для будущей колонизации или экспансии со стороны любой из европейских держав. Он также заявил, что США не должны вмешиваться в европейские дела.

В то время, когда было сделано заявление Монро, Испания все еще пре-

тендовала на Мексику и большую часть западного побережья Америки как на свое колониальное владение. После того как мексиканцы объявили в 1821 г. о независимости от Испании, между США и Мексикой развернулось соперничество за обладание Техасом и Калифорнией. США признали Техас в 1837 г., и в 1845 г. он присоединился к Союзу. В 1846 г. Конгресс утвердил Орегонское соглашение, устанавливавшее раздел северо-западной территории между США и Великобританией вдоль 49-й параллели. Тогда же Конгресс объявлял войну Мексике из-за Калифорнии, и в 1848 г. война завершилась выплатой США 18 миллионов долларов Мексике в качестве выкупа за Калифорнию. Южная часть Аризоны и Нью-Мексико были куплены у Мексики в 1853 г. Гэдсеном, когда Мексике было уплачено за эту территорию 10 миллионов долларов. В 1859 г. российский император Александр II предложил США купить Аляску, частично из-за предчувствия того, что Великобритания имеет намерение захватить эту территорию. Гражданская война в США прервала обсуждение этой темы, которое возобновилось в 1867 г., и в итоге США согласились на запрашиваемую Россией цену в 7,2 миллиона долларов. В 1898 г. США объявили войну Испании из-за Кубы и уничтожили испанский флот в Маниле. Побежденная Испания уступила США контроль над Кубой, Пуэрто-Рико, Гуамом и Филиппинами за 20 миллионов долларов. Одновременно США аннексировали Гавайи после того, как гавайское правительство было свергнуто в результате восстания. В результате соглашения с Германией Америка также приобрела остров Самоа. В 1901 г. «Кубинская конвенция» сделала Кубу американским протекторатом. Луизиана, Калифорния, Аляска, Южная Аризона и Нью-Мексико, Куба, Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины — иными словами, большая часть территориальных приобретений Америки на западе, на севе-

ре и на юге были результатом успешных сделок, но не захватов.

Это составляло резкий контраст с европейскими колониальными империями. Испания и Португалия вели непрерывную разведку и территориальный захват колоний. Они шли вслед за Англией, Францией, Нидерландами, Германией и Россией. Значительная часть земного шара находилась под властью колониальных империй до того самого момента, когда началась конкуренция за влияние. Колониальные империи были основаны на территориальных захватах, аннексии и подавлении. Они не были империями, основанными на приобретении новых территорий в результате «купли-продажи».

Европейская колониальная система несет ответственность за работорговлю, которая была привнесена и внедрена в Америке европейскими колониальными державами и в результате стала частью коммерческой системы плантаций в США. Той системы, которая институционализовала и увековечивала страдание, дискредитируя тем самым Америку. Принятие в 1913 г. 16-й поправки к американской Конституции заметно увеличивало власть американского федерального правительства, установив индивидуальный подоходный налог и учредив центральный банк и Федеральную резервную систему США. Два этих события оказали огромное воздействие на формирование внешней политики США, резко увеличив доходы федерального правительства и финансовый контроль с его стороны. В 1917 г. США вступили в Первую мировую войну, объявив войну Австро-Венгрии, в тот момент, когда война уже почти закончилась. В 1918 г., в своих знаменитых «Четырнадцати пунктах во имя мира», Вильсон ясно сформулировал одну из самых далеко идущих и идеалистических американских внешнеполитических доктрин, формулирующих цели и задачи американской поли-

тики. Вильсон, чемпион американского идеализма, председательствовал на первой сессии Лиги Наций (за что ему была присуждена Нобелевская премия мира за вклад в обеспечение коллективной безопасности), однако не сумел добиться поддержки американцев в борьбе против изоляционистского чувства. В 1920 г. американский Сенат проголосовал против присоединения к Лиге Наций.

Бессмысленное насилие Первой мировой войны вызвало международное отвращение к склонности европейских наций использовать войну как средство для урегулирования политических противоречий.

Однако к середине 1930-х не решенные в период Первой мировой войны проблемы непреклонно подталкивали мир к более масштабному и мучительному конфликту. Невилл Чемберлен был избран премьер-министром в Великобритании в 1937 г. В следующем году с занятием Маньчжурии и созданием японской «Сферы совместного процветания» началась японская экспансия в Тихоокеанском регионе. Гитлер, назначив себя военным министром, начал движение к повторному завоеванию территорий, находившихся ранее под немецким господством. Как следствие, в сентябре 1938 г. на дипломатической конференции, проходившей в Мюнхене, Германия, после согласия Чемберлена в ответ на требования Гитлера на занятие Судетской области, выдвинула идею «соглашения», что способствовало разжиганию аппетита агрессора вместо противодействия этому.

Даже накануне Второй мировой войны нежелание быть вовлеченным в иностранную политику — известное как «консервативный изоляционизм» — противостояло активистскому интернационализму. Вторая мировая война изменила Америку. Когда война охватила Европу, американцы начали пересматривать вопрос об ответственности страны в свете идеи

Люса об «американском веке». Война мобилизовала Америку как никакое другое предшествующее историческое событие. Сплетение из сорока восьми слабо координированных федеральных штатов постепенно трансформировалась в сравнительно управляемую и централизованную национальную систему.

К концу Второй мировой войны, в 1945 г., США обеспечивали более половины мирового промышленного производства. Великим финалом военных усилий стал самый дорогой в истории проект в сфере безопасности — дизайн, разработка и сборка самого опасного оружия в мире, ядерной бомбы. Это была борьба не только американского, но и мирового масштаба. Лаборатория Лос-Аламоса собрала со всего мира кадры выдающихся ученых, только четверть из которых были американскими гражданами по рождению. Америка вошла во Вторую мировую войну в качестве затворнической изоляционистской державы и вышла из войны как мировая супердержава.

Вскоре после окончания Второй мировой войны американские политические лидеры оказались в беспрецедентной ситуации. Бедствия мировой войны вызвали огромные человеческие жертвы; целые страны были побеждены, опустошены и оставались фактически беспомощными. Война против держав «оси» и бремя послевоенной реконструкции оставили многие из ведущих мировых держав неспособными эффективно отстаивать свои интересы в процессе переустройства послевоенных международных учреждений. Американские лидеры находились в привилегированном положении вследствие большого военного, экономического и морального авторитета, что позволило Америке взять на себя инициативу в установлении ценностей, правил, норм и процедур, которые сформировали структуру международных отношений в последующий

период. В своих мемуарах «Присутствующий при создании» Дин Ачесон, госсекретарь при президенте Трумэне, описал период между 1941-м и 1952 годом как время «великой тьмы».

Накануне войны в США преобладали изоляционистские настроения. После войны Америка была страной с международными обязательствами, которые она сама не брала на себя, но которые нельзя было отклонить. Америка играла ключевую роль в проектировании и финансировании наиболее влиятельных международных институтов, включая ООН, Всемирный банк и многие другие учреждения. Америка сыграла ведущую роль в формировании послевоенного международного порядка и стремилась положить конец доминированию «советского блока». Америка своим личным примером утверждала новые стандарты полити-

ки и практики. Америка стала одним из самых активных в мире спонсоров помощи иностранным государствам, то есть международной помощи. Америка нашла свой внешнеполитический курс, обладающий почти «магнетической» привлекательностью для других стран, выступая как мировой лидер в области технологий, а также в качестве модели эффективной, популярной, успешной, самоуправляющейся и демократической системы для многих других стран. Как одна страна среди многих других, Америка начала играть в международном сообществе роль — как это было много позже сформулировано бывшим госсекретарем Мадлен Олбрайт — «незаменимой страны».

*Перевод с английского
Натальи Бирюковой*

КНИЖНАЯ НОВИНКА

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Пьер Илляр

КОСОВО И ГЕОПОЛИТИКА БАЛКАН

Одностороннее провозглашение независимости Косова преподносится атлантистскими массмедиа как торжество народа, распоряжающегося своей судьбой. Нет ничего более лживого, как полагает профессор Пьер Илляр. Он считает, что данное решение не было принято ни одной заинтересованной стороной, но прежде всего Соединенными Штатами и Германией. В конечном счете «независимое» Косово не является суверенным государством, и его легальная экономическая деятельность ограничивается функционированием на его территории наиболее современной из военных баз США, созданной на европейском континенте, — базы Bondsteel.

Независимость Косова, провозглашенная 17 февраля 2008 г., означает коренной поворот политической ситуации на Балканах. Лес албанских флагов, а также флаги стран-союзников — США и Великобритании — полощутся на улицах новой столицы, Приштины. То там, то здесь, лозунг «Danke Deutschland» («Спасибо, Германия»), украшающий фронтоны нескольких зданий, что напоминает о неоспоримой роли Берлина в рождении нового государства. Признание независимости последней из провинций югославской федерации, как представляется, завершает процесс ликвидации этой страны, начатый в начале 1990-х гг. В действительности разрушение этой федерации является частью масштабного плана территориального и экономического переустройства Балкан в связи с черноморским регионом и Ближним Востоком.

«Югославия должна быть разрушена»

Своим разрушением эта страна обязана Германии. Действительно, с 1970 г. политические власти Баварии во главе с министром-президентом Францем-Йозефом Штраусом имели многократные контакты со словенскими и хорватскими руководителями. Речь во время этих встреч шла о том, чтобы экономическим путем отделить северные республики от Югославии для того, чтобы их интегрировать в западную экономику, в первую очередь имея в виду Австрию и Германию. Инструмент, который позволил Берлину начать дезинтеграцию этой страны, был создан «рабочим сообществом» (Arbeitsgemeinschaft) Альпы-Адриатика¹. Возникшее 20 ноября 1978 г., это сообщество объединяло различные регионы, относящиеся к различным странам. Помимо Баварии, среди его участников обнаружили швейцарские, австрийские и итальянские регионы. После падения Берлинской стены к ним добавились соседние регионы Венгрии, а также провинции на севере бывшей Югославии. Занимая площадь в 306 000 квадратных километров, эта новая территориальная общность, постепенно освобождающаяся от власти различных государств, стала проявлять все большую активность в таких областях, как обустройство территории, развитие транспорта и сельского хозяйства. Эта динамика усиливалась вследствие деятельности Ассоциации пограничных регионов

¹ *Hillard Pierre*. Minorités et régionalismes. Paris, éditions François-Xavier de Guibert, 4e édition. P. 242 et suivantes.

Европы (ARFE) — особого германо-европейского института, заявленная цель которого состояла в превращении национальных границ в простые административные линии².

Прелюдией к отделению Словении и Хорватии послужила ситуация 1987 г., когда Югославское государство оказалось на грани банкротства, будучи неспособным платить по своим долговым обязательствам. Подобное положение вынудило руководство страны принять кабальные условия Международного валютного фонда (МВФ). Это было началом конца. В действительности этим воспользовалось немецкое правительство, поспешившее засвидетельствовать то, что у Словении и у Хорватии, как у более богатых регионов по сравнению с республиками юга страны, было больше шансов на вступление в Европейский союз (в то время ЕЭС). Подобное «пение сирен» имело хорошо просчитанный эффект. В июне 1991 г. обе югославские республики северной части страны заявили о независимости. Независимость Хорватии и Словении была признана немецким министром иностранных дел Гансом-Дитрихом Геншером в декабре того же года. Его решительность вовлекла в процесс другие европейские страны, разжигая таким образом югославский костер. В действительности решительные действия Германии в пользу разделения югославского государства были предвосхищены в июле 1991 г. «рабочим сообществом» Альпы–Адриатика, члены которого во время пленарной сессии 3 июля 1991 г. сделали следующее заявление: «Члены “рабочего сообщества” Альпы–Адриатика с большим беспокойством наблюдают за эскалацией насилия в Югославии, угрожающего миру в Европе <...>. Действуя в пределах своих возможностей, они считают своим долгом заявить, что право на самоопределение народов Югославии

является признанным и что решения, принятые демократически избранными органами, должны уважаться. Они прежде всего поддерживают демократические и ненасильственные усилия стран — членов “рабочего сообщества” Словении и Хорватии по реализации их права на самоопределение. Они убеждены, что эти республики имеют право добиваться независимости, свободы и солидарности под эгидой “рабочего сообщества” Альпы–Адриатика»³.

Распад Югославской Федерации привел к появлению большого числа независимых государств. Дейтонские соглашения, подписанные в 1995 г., временно зафиксировали границы этой новой общности, родившейся в крови. Между тем дело не завершилось одним только «случаем Косово». Эта сербская автономная провинция, настоящий очаг цивилизации этой страны, последовательно заселялась мусульманами из Албании. Требования независимости от Белграда, албанские представители Косова получили полную поддержку от имени Федеративного союза этнических сообществ Европы (UFCE), европейского, но фактически немецкого института, способствующего этнической организации Европы. Используя поддержку высокопоставленного чиновника немецкого министерства внутренних дел⁴, Федеративный союз безоговорочно поддержал требования косоваров⁵. Объединившись под названием «Союза косоваров», сторонники независимости Косова получили поддержку Берлина, в то время как штаб-квартира этой организации находилась... в США, в штате Иллинойс⁶. Военное вмешательство НАТО в марте 1999 г. заставило капитулировать

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 184, 336 et 373.

⁵ Ibid. P. 152.

⁶ Ibid. P. 374 (la liste totale de ces mouvements indépendantistes est présentée à partir de la 2è édition).

² Ibid. P. 235.

Югославскую республику, которая отныне была обязана проходить через реорганизацию ее географического пространства.

Балканы, транзитная зона

Большая «ошибка» сербского президента Милошевича в глазах мондиалистов состояла в отказе от вхождения в политическую и финансовую организацию, тяготеющую к евроатлантическому сообществу. Действительно, разрушение Югославии создало возможность для реорганизации политического, экономического и военного пространства. Сразу после окончания войны 1999 г. США приступили к строительству военной базы в Косово, самой современной и наиболее значительной в Европе — Bondsteel. Будучи способной принять до 7000 солдат, эта сверхсовременная база может осуществлять наблюдение за целой балканской территорией, а также за Черным морем и за Турцией. Люди, верные США, были привлечены в состав совсем нового «независимого» правительства в Приштине. В более ясных терминах, Косово является «островком» американской территории в Европе. Желание США внедриться в эту зону объясняется особой значимостью доступа к углеводородам, залегающим в бассейне Каспийского моря, а более точно — в районе Баку. Среди многочисленных нефтепроводов и газопроводов, проходящих через этот регион, следует упомянуть трансбалканский Бурга–Влера, ВТС (Баку–Тбилиси–Джейхан), «Голубой поток», «Набукко», конкурирующие с российским газопроводом «Южный поток».

Политика США состоит в обеспечении контроля за Балканами, в распространении их влияния через Центральную Азию до Ближнего Востока. Это неизбежно предполагает балканизацию всей этой зоны согласно старой доброй традиции «разделяй и властвуй». Расчленение Европы в соответствии с германо-европейскими нара-

ботками дополняется желанием разделить государства Ближнего Востока на множество этнических и религиозных общностей. Подобное намерение было официально заявлено военным журналом AFJ (Armed Forces Journal) в июне 2006 г. в статье Ральфа Петерса, бывшего офицера разведки. Действительно, подобные разработки опираются на работы известного британского исламоведа Бернара Льюиса, близкого по своим взглядам к неоконсерваторам⁷. Значение безопасной доставки нефти и газа между Ближним Востоком и Балканами объясняет также желание создать «черноморский еврорегион». Эта идея активно и многократно обсуждалась на собраниях между влиятельным экспертом Брюсом Джексон, близким к неоконсервативным кругам, и представителями европейских властных инстанций. Как с ясностью напомнил и дал понять один из представителей США: «Черное море — новое связующее звено между евроатлантической общностью и большим Ближним Востоком»⁸. Следовательно, особое значение приобретает независимость Косова, которое, с помощью американской военной базы, станет для Вашингтона настоящим авианосцем, разграфляющим целую эту зону.

События, предшествующие независимости Косова, были анонсированы в ходе коллоквиумов, собравших вместе депутатов Европарламента и их коллег из Конгресса США. Действительно, в рамках Трансатлантического диалога законодателей (Transatlantic Legislators Dialogue, TLD), собравшегося с 18 по 21 апреля 2006 г. в Вене, уже тогда было заявлено о намерении предоставить Косово независимость. В информационном сообщении от име-

⁷ Sur l'origine de ce document, lire L'Effroyable imposture 2, par Thierry Meyssan, éditions Alphée, 2007. P. 217–224.

⁸ Hillard Pierre. La marche irrésistible du nouvel ordre mondial. Paris, Editions François-Xavier de Guibert, novembre 2007. P. 61.

ни ТЛД говорилось: «Американская делегация консолидируется по косовской проблеме и указывает, что полунезависимость Косова не является хорошим решением. Здесь следует прибегнуть именно к самоопределению, а Сербия должна стать нормальной страной, полностью интегрированной в международное сообщество». Та же американская делегация уточнила, что «существует более масштабная проблема: должен ли каждый язык и каждый диалект располагать отдельным флагом и независимой страной?»⁹. В любом случае думать об этом было уже поздно.

Признание суверенитета Косова ведущими западными державами стало настоящим поворотом в международных отношениях. Действительно, вследствие войны 1999 г., резолюция № 1244 Совета Безопасности ООН подтверждало территориальную целостность Сербии, включая Косово, которому предоставлялась широкая

автономия. Грубое нарушение этой резолюции очевидно разрушало международное право. Зачем принимать резолюции, которые впоследствии будут растоптаны? Кроме того, признание этого нового государства широко открывает «ящик Пандоры». Что можно ответить сегодня другим регионам Европы и мира, желающим получить независимость? В духе мондиализма, врага национальных государств, появление этого государства (Косова) предвосхищает утрату территориальной целостности многими странами вследствие «эффекта домино». Сами мондиалисты едва ли могли мечтать о чем-то лучше. Однако надо полагать, что Аль Капоне от современного мондиализма полностью осознают подлинные причины происходящего. Действительно, в начале XXI века никакая человеческая власть не в состоянии остановить строительство Вавилонской башни.

*Перевод с французского
Анны Шуклиной*

⁹ Ibid. P. 65.

Фонд Поддержки и Развития Гражданского Общества «РОД» представляет

Ростислав Антонов **ПРИМОРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ: ПАЦАНЫ С КИРОВКИ**

Документальное расследование Ростислава Антонова посвящено одному из самых громких и неоднозначных уголовных дел последних месяцев — истории «приморских партизан».

Что заставило нескольких молодых людей с оружием в руках выйти на тропу «войны с ментами»? Каковы истинные обстоятельства их недолгого взлета и кровавого поражения? Наконец, что происходит с ними сейчас? Ведь «дело приморских партизан» еще далеко не закончено...

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Дмитрий Лабаури

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ, ИДЕИ И МИФЫ В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В МАКЕДОНИИ И ФРАКИИ В 1894–1903 гг.

В последнее время в научной среде достигнуто прочное согласие относительно того факта, что важнейшей составляющей модернизационных процессов в Восточной и Юго-Восточной Европе во второй половине XIX — начале XX в. было национальное движение, выступавшее, судя по определению М. Хроха, в качестве организованных попыток по обретению всех атрибутов полноценной нации¹.

Современные отечественные исследователи, в частности, неоднократно обращали внимание на то, что способность правильно (с учетом исторической перспективы) сформулировать и поставить национальные задачи (национальные идеи), а также мобилизовать общество на их решение, становится существенным компонентом процесса модернизации². При этом

было замечено стремление модернизирующихся государств и обществ (в том случае, если этническая группа не обладала собственной государственностью) в качестве первостепенной задачи обеспечить всеобщую грамотность населения. Отечественная исследовательница Р.П. Гришина отмечала, что школа на Балканах выступала «своеобразным инструментом модернизации», а «уровень образованности людей являлся одним из исходных оснований для успеха модернизационных реформ»³. От себя добавим, что для реализации национальных задач в рамках модернизационного проекта от интеллигенции требовалось добиться не просто повышения грамотности как таковой, но еще, что намного важнее, расширения представлений своих рядовых соотечественников о действительности в прошлом, настоящем и будущем.

Достижение указанной задачи облегчалась тем фактом, что вышедшая из народа молодая балканская интеллигенция не спешила порывать связи с ним. Это отмечали многие российские наблюдатели. Известный знаток Сербии П.А. Ровинский, например,

¹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 124. В данном случае наряду с прочими «атрибутами полноценной нации» важнейшим необходимо считать национальное государство, территориально полностью охватывающее этническую группу.

² Гришина Р.П. Предисловие // *Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середине*

на XIX — середина XX в.): Сб. статей. СПб., 2007. С. 6.

³ Там же. С. 8.

писал, что в этой стране интеллигенция «слишком мало отделяется от массы» и стоит, в отличие от других стран, практически на одном уровне с ней⁴. Ту же закономерность можно было наблюдать как в освобожденной Болгарии, так и в населенных этническими болгарскими районах Македонии и Фракии, остававшихся и после Восточного кризиса 1875–1878 гг. вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг. в составе Османской империи.

Проживший некоторое время в Болгарии и хорошо знакомый с болгарскими делами П.Н. Милюков одну из основных причин успешного роста болгарского национального движения в Македонии и Фракии в конце XIX в. усматривал именно в отсутствии ощутимого интеллектуального барьера между основной массой болгарского, преимущественно сельского, населения в двух областях и местными болгарскими учителями, являвшимися главными организаторами и руководителями движения. По словам Милюкова, «учитель сохранил почетную роль сельского интеллигента, советника и руководителя... Он свой человек среди крестьян»⁵. Отвергая конструктивистский тезис, согласно которому «волнение в Македонии есть дело небольшой кучки агитаторов», Милюков указывал на следующий основополагающий факт: «При элементарном социальном строе и невысоком образовательном уровне македонская интеллигенция всеми своими корнями остается в народе, оказывает на него непосредственное влияние и сама подвергается влиянию с его стороны (курсив мой. — Д.А.)... Эта македонская интеллигенция и народ живут одними и теми же идеалами, настолько понятными и близкими для массы, что распростра-

нять приходится не сами идеалы, а только способы их осуществления»⁶.

Созданная в поработанных болгарских областях в 1893–1894 гг. Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМОРО) всего за несколько лет своего существования, хотя и не без помощи из Болгарии, смогла достигнуть колоссальных успехов в деле консолидации местной болгарской общности и сдвинуть наконец-то крайне болезненный для Болгарии македонский вопрос с мертвой точки, открыв путь к дальнейшему освобождению Македонии от османского владычества. Понять причины этого успеха невозможно без использования элементов истории коллективных представлений, связанной с реконструкцией мыслительных (ментальных) структур не элиты, которая являлась творцом национальных программ и идеологий, а широких слоев населения, которые принимали или не принимали по каким-то причинам эти программы. При этом нельзя не учитывать, что в большинстве случаев элита формировала национальную идеологию, предназначенную для массового распространения среди своих рядовых соотечественников, не с чистого листа, а на основе хорошо известных и понятных в народе более ранних форм этнической самоидентификации, проявлявшейся в мифах, символах, исторической памяти, фольклоре и т.д.

В данной работе мы поставили перед собой задачу на основе главным образом мемуарных источников, во-первых, рассмотреть используемые болгарскими революционными активистами в Македонии и Фракии в т.н. предильинденский период национальные образы, символы, идеи, мифы⁷ и

⁴ Перович Л. Сербия в модернизационных процессах XIX–XX вв. // Человек на Балканах... С. 38.

⁵ Милюков П.Н. Письма из Македонии // Русские ведомости. № 4. 4.01.1899.

⁶ Милюков П.Н. Из поездки в Македонию (Европейская дипломатия и македонский вопрос) // Вестник Европы. 1899. № 5. С. 52–53.

⁷ В данном случае мы условно используем этот общепризнанный термин для обозначения актуальной для мобилизации националь-

другие средства, которые могли стимулировать развитие национального самосознания болгаро-македонского населения; а во-вторых, выявить причины и степень восприятия населением тех или иных агитационных приемов.

* * *

Позволим себе еще раз напомнить суждение о том, что главным фактором, способствовавшим мобилизации национального чувства и вовлечению различных категорий населения в национальное движение, являлось именно расширение его представлений о действительности в прошлом, настоящем и будущем. Доступ отдельного индивида в Македонии к информации о действительности осуществлялся по различным каналам социальной коммуникации, таким как Церковь, школа, национальное воспитание в семье, устные народные предания (фольклор). Однако к этим традиционным для эпохи болгарского Возрождения институтам в конце XIX в. добавлялась пресса и другая печатная продукция, поступавшая из свободной Болгарии; устная агитация национальных активистов, в том числе и революционных деятелей; непосредственные наблюдения, ставшие возможными благодаря повышению социальной мобильности (здесь следует прежде всего учитывать роль отходничества — гурбетчийства — и военной службы македонцев в Болгарии).

Итак, следует определиться с той информацией, которая поступала к населению по каналам социальной коммуникации и играла национально-мобилизующую роль. И здесь прежде всего следует остановиться на том влиянии, которое на македоно-одринское движение и ВМОРО оказал пример болгарских революционеров Раковского, Ботева, Левского, Каравелова, их публицистика и художественные

произведения, а также пример борьбы за освобождение Болгарии, удачно выраженной в художественных образах И. Вазова.

Активный участник, а позднее историограф болгарского македоно-одринского движения Христо Силянов имел все основания утверждать, что «македонский крестный путь был указан Левским и Ботевым, героями Апрельского восстания и мучениками Перуштицы и Батака»⁸. Мемуарная литература безапелляционно подтверждает, что целое поколение родившихся в 1870-х — начале 1880-х гг. македонских и фракийских болгар было воспитано на произведениях Хр. Ботева, Л. Каравелова, З. Стоянова и И. Вазова. Ссылки на их произведения как один из главных катализаторов национальной активности болгар в еще поработенных землях содержатся в воспоминаниях подавляющего большинства образованных македоно-одринских деятелей. Значение этих работ, по всей видимости, было настолько велико, что знакомство с ними было не менее обязательным для умеющих читать новообращенных членов Внутренней революционной организации в Македонии и Адрианопольском крае, чем знакомство с революционным уставом. Георги Попхристов, в частности, так вспоминал об этом: «Дали мне прочитат устав, разработанный в 1893 г. в Салониках первым революционным комитетом. Тогда же я прочитал биографию Левского, Ботева, “Под игом” Вазова и другие революционные брошюры»⁹. Судя по этому тексту, устав в интеллигентных кругах македоно-одринских деятелей рассматривался больше как формальность, тогда как знакомство с опытом болгарских национальных революционеров 1860–1870 гг. означа-

⁸ Силянов Хр. Освободителните борби на Македония. Т. 1. София, 1983. С. 4.

⁹ Революционната борба в Битолския окръг. Спомени от Георги п. Христов. София, 1953. С. 8.

ло истинное введение в суть предстоящей революционной борьбы в Македонии и Фракии. Сами испытавшие влияние болгарской революционной традиции, македоно-одринские руководители, по справедливому замечанию Хр. Силянова, стремились использовать болгарские революционные сочинения, песни Ботева и патриотическую поэзию и беллетристику И. Вазова в качестве главного инструмента своей агитации «для революционизирования македонской души»¹⁰. Здесь, однако, необходимо сделать одно небольшое пояснение. Указанные произведения становились инструментом не только революционной, но и национальной агитации, формируя в сознании македоно-одринского населения героический образ уже освобожденной Болгарии и пробуждая чувство общности судьбы с ней.

Лидерство среди революционной литературы занимал вышедший в свет практически одновременно с рождением ВМОРО эпохальный роман Ивана Вазова «Под игом», в котором детально воссоздавалась картина Болгарии и дух болгарского общества накануне Освобождения. Написанный простым и понятным языком, роман, тайно распространяемый молодыми революционерами, стал настоящим манифестом поработанного болгарского населения в Македонии и Фракии. Симеон Радев следующим образом описывал его появление в юго-западной Македонии: «Одна другая книга появилась в Охриде и таинственно распространялась. Это были большие желтые листы, несшитые друг с другом. Потом я понял, что это были страницы из романа “Под игом”, который впервые был опубликован в издававшемся Министерством просвещения “Сборнике народного творчества, науки и литературы”. Эти листы, изветшавшие от чтения, переходили из рук в руки, как некая святыня. “Записки” Захария Сто-

янова проникли в Македонию позже. “Под игом” была первая болгарская книга, которая запалила революционный огонь там»¹¹.

По замыслу революционных руководителей, сюжет романа И. Вазова, имевший так много общего с македонской действительностью конца XIX — начала XX в., следовало донести до каждой болгарской семьи. Новообращенный член революционной организации Славейко Арсов вспоминал, что ему дали эту книгу, чтобы он прочитал ее вслух перед своими домашними¹². В иных случаях книги просто раздавались посвященным в члены ВМОРО грамотным болгарским крестьянам и горожанам¹³. И подобная агитация имела ощутимый успех. О том, насколько популярен был роман Вазова, прочитанный или услышанный в пересказе, говорит тот факт, что различные высказывания его героев закрепились в лексиконе местного болгарского населения. Христо Куслев в частности вспоминал, что «по населению пошла фраза Боримечки “Майка му стара!”». «До этого такая фраза никогда даже не употреблялась в Македонии», — добавлял Хр. Куслев¹⁴.

Раздача литературы по Освобождению Болгарии дополнялась и устными

¹¹ Радев С. Ранни спомени. София, 1994.

¹² Материали за историята на македонското освободително движение. Кн. I. Въстаническото движение в Югозападна Македония (до 1904 год.) по спомени на Славейко Арсов. София, 1925. С. 10.

¹³ Лазар Димитров в частности вспоминал: «Первоначально работа состояла в агитации и распространении литературы — газет и книг». См.: Илинденско-Преображенското въстание 1903—1968 / Отг. редактори Д. Кьосев и Л. Данаилов. София, 1968. С. 312—313.

¹⁴ Материали... Кн. VII. Движението отсам Вардара и борбата с върховистите по спомени на Яне Сандански, Черньо Пеев, Сава Михайлов, Хр. Куслев, Ив. Анастасов Гърчето, Петър Хр. Юруков, Никола Пушкиarov. София, 1927. С. 107.

¹⁰ Силянов Хр. Указ. соч. С. 4.

рассказами революционеров. Анастас Разбойников, в частности, вспоминал, как один из районных начальников ВМОРО в Адрианопольском крае Коста Калканджиев во время ночных агитаций долго рассказывал крестьянам «о восстании болгар в 1876 г., о турецких зверствах», «сравнивал положение болгарского народа с положением других народов, которые выступили против турок с оружием в руках»¹⁵. В подобном же духе агитация повсеместно велась и в Македонии.

Не получивший должного образования участник македоно-одринского движения Димитр Ташев вспоминал, что услышанные им вне школы рассказы «об Апрельском восстании, Бенковском и баташской резне» были для него «первыми уроками по болгарской истории», которые «пробудили патристические чувства и настроили воинственно против турок»¹⁶. Национальная агитация в данном случае нашла почву, поскольку Ташев с самого детства был свидетелем борьбы крестьян его села за землю с пришлыми мухаджирами из Болгарии и бесчинств турецких соседей. Как он сам выразился, «материалов (личных наблюдений. — Д.Л.) было предостаточно. Не хватало только искры, которая бы запалила огонь». Информация о славном революционном прошлом Болгарии и явилась, по его словам, той искрой, которая разожгла его «молодецкое рвение, часто приводившее к ссорам с турками-мухаджирами»¹⁷.

Точно так же более восприимчивыми к проповедям национальных активистов оказались те представители рядового болгарского населения, которым благодаря решительному росту в конце XIX — начале XX в. уровня со-

циальной мобильности удалось самостоятельно расширить представления об окружающей действительности, вывести их за рамки родного села, района или племени. Особая роль в этом плане принадлежала такому явлению, как гурбетчийство (от араб. *gurbet* — за-граница, уход на сезонные заработки, в основном в Константинополь или Болгарию), которое в последней четверти XIX в. приобрело в Македонии массовый характер. Ежегодно число отходников достигало 100 000 человек¹⁸. В некоторых районах западной Македонии гурбетчийством занималась большая часть мужского населения раятских сел. Из одной только небольшой Ресенской околии в Константинополе в 1890 г. розничной торговлей зеленью и овощами занимались 7000 болгарских крестьян¹⁹. По свидетельству четнического воеводы ВМОРО Сл. Арсова, от каждого села этой околии на заработок «на чужбину» отправлялось по 100 человек, так что в селе оставались лишь старики, дети и случайно вернувшиеся на отдых отходники — всего не более 20–30, в редких случаях около 100 мужчин. При этом от внимания Сл. Арсова не ускользнул крайне важный для нас факт того, что «в Ресенской околии, как и в других местах, начальное семя организации сеяли более сознательные жители, путешествующие по чужим краям (т.е. отходники; курсив мой. — Д.Л.)»²⁰.

Костурский учитель и активист ВМОРО Иван Нелчинов вспоминал: «Гурбетчийство позволило населению пробудиться и стать более состоятельным. Благодаря большой любознательности и тяге к просвещению, костурчане не только возвращались с гурбета в свои родные места с возросшим национальным самосознанием, но и с воодушевлением встречали организацион-

¹⁵ Приноси към историята на възстаническото движение в Одринско (1896–1903). Кн. II. Борбата в Бунархисарския район. София, 1929. С. 84.

¹⁶ Там же. С. 9–10.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 626.

¹⁹ Радев С. Указ. соч.

²⁰ Материали... Кн. I. С. 41, 47.

ных деятелей, которые посвящали их в революционную организацию». Вернувшееся с гурбета население, по словам Нелчинова, было намного более податливо к национальной агитации. Даже взрослые крестьяне приходили в школу, чтобы послушать «патриотические рассказы: биографию Левского, “Под игом” Ив. Вазова и пр.»²¹.

Данную закономерность отмечали и другие революционные активисты, причем не только применительно к экзархистам. Так, Георгий Попхристов следующим образом объяснял причины быстрого приобщения болгар патриархистов села Невольяни в подведомственной ему Леринской казе к ВМОРО: «Крестьяне, хотя и были грекоманами, оказались более восприимчивыми [к революционной агитации], поскольку большинство из них работали садовниками в Константинополе»²².

Типичная история македонского революционера описана в исповеди бывшего гурбетчия Деяна Димитрова, 1873 г.р., которому, как и многим другим детям его поколения, не довелось ходить в школу. В возрасте семнадцати лет Деян из своего родного села Лактинье в Охридской казе отправился на заработки в Варну. Чтобы ориентироваться в Болгарии и быть конкурентоспособным на рынке труда, пришлось осваивать грамоту и приобрести для этого букварь. Национальное воспитание для многих тогда начиналось именно с этой книги²³. «Сам мало-помалу

научился читать, стал прочитывать и некоторые книжки, бунтарские, о Стефане Карадже и др.», — вспоминает Деян свое первое знакомство с самой распространенной болгарской литературой тогда. Так, по его признанию, он сформировал для себя «идею» (освободительную идею. — Д.Л.)²⁴. К вступлению в Революционную организацию, о которой он узнал позже, он был уже готов.

Но даже те гурбетчии, которым не удавалось соприкоснуться с болгарской революционной традицией прошлого, не могли не видеть поразящего контраста между свободной жизнью в Болгарии и даже в Константинополе с бесправным существованием болгарина в Македонии и Фракии. Первый председатель ЦК ВМОРО Христо Татарчев, проведший детство в Ресене в условиях постоянного албанского террора, когда с трепетом, по его словам, приходилось ожидать, вернется тот или иной «из наших» домой живым, воспроизводил свои детские впечатления от первого посещения Болгарии: «Как только мы перешли границу в Кюстендилье, увидели свободную жизнь. Контраст с ужасным существованием по ту сторону границы еще бо-

ты? О.: По народности я болгарин. В.: Почему? О.: Потому что мои родители — отец и мать — болгары, и я говорю по-болгарски. В.: Может ли человек изменить свою веру и народность? О.: Есть такие люди, которые меняют свою веру и народность, но они совершают самый тяжкий грех; таких людей весь свет считает предателями. Они никому не дороги, их все презирают и ненавидят, поэтому я никогда не прошу себе, если даже такая мысль придет мне в голову, и всегда буду пытаться образумить заблудших» (Цит. по: Македония. Сборник документов и материалов. София, 1980. С. 247).

²⁴ Материали... Кн. III. Борбата в Костурско и Охридско (до 1904 год.). По спомени на Иван Попов, Смиле Войданов, Деян Димитров и Никола Митрев. София, 1926. С. 71.

²¹ Централен държавен исторически архив (ЦДИА). Ф. 770. Оп. 1. А.е. 30. Л. 2. Из спомени на Иван Н. Нелчинов за Костурско.

²² Революционната борба в Битолския окръг. Спомени от Георги п. Христов. София, 1953. С. 19.

²³ Чего только стоят диалоги под названием «Вера и народность» из букваря македонца Кузмана Шапкарева (1868 г.):

Вопрос: Что самое святое для человека?
 Ответ: Вера и народность. В.: Кто ты по вере?
 О.: Христианин, потому что следую заветам Иисуса Христа. В.: А по народности кто

лее поразил мою детскую душу. Когда мы прибыли в Софию, в парке играла военная музыка, ночью люди свободно передвигались, свет и музыка в гостиницах. Я просто не мог надивиться, не мог поверить своим глазам, что такая свободная жизнь вообще возможна»²⁵.

* * *

Подготовить более успешное восприятие патриотической агитации и национальной программы освобождения и объединения болгарских земель мог и такой элемент этничности, как семейная память, передававшаяся от поколения к поколению. Эта семейная память, как правило, содержала в себе две константы — негативное отношение к турецкой действительности и представление о собственном славном прошлом. Для примера приведем две цитаты. П.Г. Ников (революционный деятель в Адрианопольском крае, родом из Бургасского округа, 1872 г.р.): «С самого рождения я был вскормлен на воспоминаниях и рассказах моих родителей и прадедов, которые, как и все наши соотечественники, пережили неопишуемые издевательства, страдания и муки рабства за время пятивекового османского ига»²⁶. Коце Ципушев (родом из Радовиша, 1877 г.р.): «В Радовишской околии, как и во всех болгарских краях, еще до моего рождения и в период моего раннего детства, до того как началась организованная повстанческая борьба, действовали отдельные небольшие четы под начальством воевод-гайдуков. Огромное впечатление на меня произвели подвиги и рассказы о деятельности наших народных гайдуков, защитников веры,

чести и собственности... Они (рассказы о Филиппе-воеводе. — Д.Л.) оставили в моей душе глубокие следы и чувство восторга и почтения к смелому болгарскому борцу»²⁷. Всего же ссылки на национальное воспитание в семье, на пример национальной твердости родителей как фактор, предопределивший выбор революционного пути, содержатся в воспоминаниях по меньшей мере 15–20% македоно-одринских деятелей. В большинстве случаев эти воспоминания касались осознанного участия родителей, имевших неплохое для своего времени образование, в церковной греко-болгарской борьбе и в антитурецком движении 1870-х гг., однако имеются и такого рода свидетельства: «Я хотел пойти в школу, как другие дети, но мой отец, который не ходил в школу и был неграмотным, отвечал мне: “Ты не будешь ходить в эту школу, потому что она греческая. Мы бугары, и я отдам тебя в славянскую школу”»²⁸. В данном случае мы можем говорить о проявлении совершенно определенного национального чувства, основанного на осознании своей этнической идентичности, со стороны неграмотных родителей, особенно при выборе ими школы для своих детей. И многочисленные подобные примеры содержатся не только в мемуарной литературе.

Семейная память дополнялась или, в случае ее отсутствия, компенсировалась опять же такими важными факторами, как непосредственные повседневные наблюдения за окружающей действительностью и негативный опыт контакта с чужаком. Предоставленный сам себе, не ходивший в школу и росший вообще без особого родительского надзора Алексо Стефанов вспо-

²⁵ Материали... Кн. IX. В Македония и Одринско, спомени на Михаил Герджиков. Първият централен комитет на ВМОРО, спомени на д-р Христо Татарчев. София, 1928. С. 95–97.

²⁶ Дневници и спомени за Илинденско-Преображенското въстание. София, 1984. С. 255.

²⁷ Ципушев К. 19 години въ сръбските затвори. Спомени. София, 1943. С. 10.

²⁸ Борбите в Македония. Спомени на Отец Герасим, Георги Райков, Дельо Марковски, Илия Докторов, Васил Драгомиров. София, 2005. С. 147.

минал, что детство свое он проводил в постоянных драках с соседскими детьми. При этом он с наивной простотой отмечает: «Я не знал, что турки были господами райи, и дрался без различия и с турецкими, и с болгарскими детьми»²⁹. Позже, судя по его воспоминаниям, непосредственный контакт с турецким окружением позволил Стефанову в полной мере ощутить чувство бесправия, социальной несправедливости, незащищенности. Раздражение и обиду порождали и наблюдения за поведением греков в Македонии. Пришло осознание того, что М. Хрох называет «кризисом легитимности»³⁰, максимально благоприятствовавшее восприятию национальной агитации с ее проповедью новой жизни. Служба в Революционной организации позволила Стефанову найти выход для собственной обиды и фрустрации. «От турок, которые разорили нашу семью, впоследствии ни корня не осталось — всех перебили», — с удовольствием вспоминал он³¹.

Следующим (после устной проповеди и распространения печатной продукции), и, возможно, наиболее эффективным, инструментом национальной агитации ВМОРО среди простого болгарского населения в Македонии и Фракии были песни, которые, судя по мемуарной литературе, являлись неотъемлемым атрибутом каждого революционного сельского собрания. Обычно они исполнялись хором после всех агитационных речей и дискуссий³². Тодор Александров так

сообщал об этом: «В каждом селе мы пребывали 20–30 минут, чтобы отдохнуть. За это время воеводы успевали сделать некоторые организационные распоряжения, после чего мы пели некую патриотическую или, как их называют крестьяне, “народную” песню»³³. По сохранившимся свидетельствам, содержание песен также было связано с недавним революционным прошлым Болгарии. Священник и деятель ВМОРО (1863 г.р.) Тома Николов, сообщал, что после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Македонию наводнили сборники болгарских повстанческих и военных песен, которые люди заучивали наизусть. На свадьбах, праздниках и других народных торжествах можно было слышать песни «Руски цар един на земята», «Жив е той, жив е! Там на Балкана» («Хаджи Димитр» Хр. Ботева) и «Войници се записват на Софийско поле»³⁴. Популярна была и песня Хр. Ботева о казни Василя Левского³⁵:

О, майко моя, родино мила,
защо тѣй жално, тѣй милно плачеш?
.....
Плачи! Там близо край град София
стърчи, аз видях, черно бесило,
и твой един син, Българийо,
виси на него със страшна сила.

Поколение македонских и фракийских болгар, заставшее Освободительную войну, принимало эту новую фольклорную традицию как свою собственную, поэтому не удивительно то, что на рубеже XIX–XX вв. македонские крестьяне считали многие революционные «патриотические» песни, главным образом Хр. Ботева и

²⁹ Материали... Кн. XI. Революционната дейност в Демирхисарско по спомени на Алексо Стефанов (демирхисарски войвода). София, 1931. С. 1.

³⁰ Хрох М. Указ. соч. С. 133.

³¹ Материали... Кн. XI. С. 4.

³² Всего об использовании фольклора в ходе национальной агитации ВМОРО в своих воспоминаниях упоминают по меньшей мере 12–13% участников македоно-одринского движения.

³³ Александров Т. Първият редовен окръжен конгрес на Скопския революционен окръг в 1905 година // Борбите в Македония и Одринско, 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 662.

³⁴ Николов Т. Спомени от моето минало. София, 1989.

³⁵ Дневници и спомени... С. 239.

И. Вазова, уже своими «народными». Неизвестный участник македонско-одринского движения, вступивший в ВМОРО будучи гимназистом в Битоле, вспоминал: «Ботев был главным нашим учителем и вдохновителем. Благодаря ему мы научились сильно любить Родину и сильно ненавидеть врага»³⁶. Такой же эффект песни Ботева производили и на неграмотных крестьян. Воевода ВМОРО Пандо Кляшев рассказывал, что посещение болгарскими учениками (гимназистами) сел в Костурском крае произвело настоящий переворот в душе крестьян. Ученики пели «патриотические песни, рассказывали и т.д.». «Особенно песни оказывали влияние, — замечал П. Кляшев, — затем дружеские встречи и пр. Все это повышало национальное сознание у крестьян грекоманов и экзархистов. Вследствие этого вражда [между ними] угасала, и почва (для революционной деятельности. — Д.А.) становилась более пригодной»³⁷. Не случайно то, что тайная курьерская служба ВМОРО придавала доставке в Македонию и Фракию песенных сборников (песнопоек) из Болгарии ничуть не меньшее значение, чем доставке революционной литературы и прессы³⁸. Песни являлись наиболее простым способом донести до неграмотного населения информацию о героическом прошлом Болгарии и актуальные задачи политической борьбы.

Болгарские революционные песни

³⁶ ЦДИА. Ф. 933. Оп. 1. А.е. 99. Л. 2. Насколько популярны были песни Хр. Ботева среди македонских революционеров, говорит и тот факт, что отдельные их куплеты стали настоящим девизом Революционной организации, запечатленным на революционных знаменах в период Ильинденско-Преображенского восстания.

³⁷ Материали... Кн. II. Освободителната борба в Костурско (до 1904 год.). По спомени на Пандо Кляшев. София, 1925. С. 13.

³⁸ Из спомените на Георги Василев // Илинденско-Преображенското въстание 1903–1968. С. 287.

иногда совмещались со старой фольклорной традицией, что культивировало осознание преемственности этнического прошлого и современных задач национальной и политической консолидации болгар. Так, четник Стойно Черногорски сообщал, что на сборном пункте в Западной Болгарии в селе Мусабег Радомирского края каждый вечер после ужина четников с местными крестьянами чифликчиями «начинались пения многочисленных революционных песен, которые то там, то здесь разбавлялись “букетами” из местной шопской народной поэзии, отличающейся своей звучной монотонностью и логической сухотой. В конце обязательно плясали несколько шопских и македонских хоро [болгарский круговой танец]»³⁹. Однако встречаются свидетельства и полной замены старой фольклорной традиции. Например, Пандо Кляшев вспоминал, что в Костурском крае четники «заменили песни, которые до этого пели, песни с албанским припевом, на болгарские военные и школьные песни и этим внесли значительное оживление среди людей»⁴⁰.

Военные песни македонские крестьяне перенимали кроме всего прочего и у своих земляков, добровольно прошедших военную службу в болгарской армии. Один из таких, костурский воевода Иван Попов, рассказывал, что при завершении общесельских революционных собраний его четники торжественно исполняли такие песни, как «Боят настана, тупат сърца ни» (И. Вазова, 1875), «Жив е той, жив е! Там на Балкана», «Напред, напред, за слава на бойно поле и македонска свобода», «Обичам, мамо, обичам, в гора зелена да ходя, отбор юнаци да водя, до триста мина дружина»⁴¹. О степени восприятия населением в Македонии

³⁹ Черногорски С. Една светла страница от 1903 год // Дневници и спомени... С. 301–302.

⁴⁰ Материали... Кн. II. С. 109.

⁴¹ Материали... Кн. III. С. 14.

болгарских военных песен говорит и тот факт, что их практически наизусть знали даже македонские дети, использовавшие эти песни в своих ролевых военных играх. Македонские воеводы, собравшиеся в апреле 1903 г. на знаменитый Смилевский конгресс с задачей определить тактику предстоящего восстания в Битольском революционном округе, могли в частности наблюдать военные «репетиции» детей, которые во время «битвы» пели песню: «Бой, бой искаме ний, да победим врага зли, мир и правда да царува, българин да добрува». По окончании «сражения» дети построились в шеренги и после команды «ходом марш» (взятой тоже из болгарской армии) затаили другую болгарскую военную песню: «Ние идем от полето, дето славно се бихме, излез, мило либе, посрещни ме и ти, майко, целуни ме»⁴².

* * *

Все указанные свидетельства позволяют предположить, что инициатива фольклорной реконструкции, отражавшей объективный процесс болгарской национальной консолидации, шла не только сверху (со стороны интеллектуальной элиты), но и снизу и являлась показателем реакции болгарского общества в Македонии и Фракии на меняющийся мир вокруг. Ильинденско-Преображенское восстание 1903 г. дало мощный импульс созданию уже собственной македоно-одринской революционной традиции в фольклоре. Однако и новые, т.н. даскальские песни, выстраивались на основе гайдуцкой и революционной доосвобожденческой традиции⁴³.

⁴² Русински Н.П. Моята дейност в Битолското поле и в Морихово // Борбите в Македония и Одринско, 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 439.

⁴³ См.: Динчев К. Ильинденско-Преображенското въстание в Пиринските народни песни // Македонски преглед, 2003. № 4. С. 79–86.

Обращение к исторической памяти как главному мифу-мотору, стимулирующему развитие национального самосознания, предполагало использование информации не только о болгарском Возрождении и борьбе за освобождение Болгарии, но и ряда образов более далекого прошлого. Обращение к теме славного средневекового прошлого, нетерпимого настоящего и прекрасного будущего, которое следует создать в ходе национальной борьбы, было характерно для любого классического национального движения XIX — начала XX в. в Восточной и Юго-Восточной Европе, и македонские болгары в этом плане не являлись исключением, несмотря на наличие все же ряда специфических моментов⁴⁴ в развитии болгарского национального движения в Македонии и Фракии в самом начале XX века.

Память о средневековой болгарской государственности и ее утрате практически не сохранилась в Македонии. Изредка в воспоминаниях рядовых македоно-одринских деятелей можно встретить упоминания подобного рода: «Мой дед, священник... рассказывал мне о прошлом, что также побуждало меня мечтать об освободительной борьбе»⁴⁵. Однако определить, о каком именно «прошлом» идет речь, в данном случае практически невозможно. Симеон Радев утверждал, что в его родном Ресенском крае «о царе Самуиле не осталось ни воспоминания, ни предания». Самые ранние народные воспоминания, по его словам, касались закрытия Охридской патриархии в 1762 г., о чем сложил песню знаменитый болгаро-македонский воз-

⁴⁴ Мы имеем в виду прежде всего широкое распространение анархистских и социалистических идеи среди революционеров, а также использование ими в тактических целях доктрин македонского политического сепаратизма и интернационализма.

⁴⁵ Из спомени на Яни Попов // Ильинденско-Преображенското въстание 1903–1968. С. 363.

рожденец Григор Прличев: «Об утере Охридской патриархии, однако, и поминали, и скорбели. Песня Прличева была неким душераздирающим описанием этой трагедии в болгарской национальной судьбе, она находила отзвук в душах всех болгар, наполняла их гневом к фанариотскому коварству... Я и до сегодняшнего дня не могу без содрогания слушать эту песню. Когда я был ребенком, она раздирала мое сердце. Бескрайнюю ненависть ко всему греческому внушала она мне»⁴⁶.

Пробелы в исторической памяти македонских и фракийских болгар первоначально восполнялись школьным образованием и учебниками по истории. Причем преподавание истории являлось настолько важным компонентом национальной агитации, что зачастую походило на процесс приобщения к некоей тайне или святыне. Радев, в частности, вспоминал об уроках по истории прилепчанина Дудева в Битольской гимназии: «В его речах отсутствовал какой-либо пафос, однако когда он рассказывал нам о далеком болгарском прошлом и превратностях болгарской судьбы, мы его слушали с затаенным дыханием. Обстановка, при которой он читал лекции, еще более усиливала наше волнение. Прежде чем начать урок по болгарской истории, он просил нас накрепко закрыть окна, чтобы его не было слышно снаружи, и понижал голос»⁴⁷. На ум невольно приходит сравнение этих уроков с процессом приобщения неопитов в древности к неким сакральным мифам, являвшимся для них ранее религиозной тайной.

В воспоминаниях по меньшей мере двух македоно-одринских деятелей содержатся прямые указания на изучение древней болгарской истории как главный стимул роста их национального самосознания в детском возрасте. Один из них, Смиле Войданов (1872

г.р.), признавался, что еще в школе, когда он читал болгарскую историю, сильное впечатление на него произвел рассказ о восстании Петра и Асеня, и он захотел «что-нибудь подобное сделать и в Македонии»⁴⁸. Другое свидетельство находим в воспоминаниях одного из основателей ВМОРО Ивана Хаджиниколова (1861 г.р.), который в возрасте десяти лет впервые прочитал учебник по болгарской истории Д.В. Манчова: «Изучая эту историю, я говорил себе: “Значит, у нас было царство, и турки у нас его отняли. Но почему наши отцы не прогонят турок и не вернут себе царство обратно?” И с этой мыслью зажил. Из той же истории я узнал, что и Фессалия была некогда населена болгарами, и что греки ее эллинизировали... С того момента я возненавидел и греков и решил, что и Фессалию мы себе снова вернем». Утвердившиеся в сознании юного Хаджиниколова идеи вскоре подтвердились и опытным путем: «Позже, — писал он, — у меня появилась возможность ознакомиться и с управлением и правосудием турок, и ненависть моя к ним стала безграничной. В управлении господствовал полный произвол и беззаконие. Абсолютно произвольные штрафы и аресты граждан были нормой... А ограбления болгар на больших и малых дорогах происходили почти каждый день. Имели место также и убийства... Наблюдая за всем этим произволом и беззаконием турок, я говорил себе:... однажды и мы станем правителями, тогда все увидят, какой порядок и какая справедливость будут господствовать в нашем государстве»⁴⁹.

Приведенный эпизод крайне интересен в качестве демонстрации логики национального мышления юных маке-

⁴⁸ Материали... Кн. III. С. 69.

⁴⁹ *Билярски Ц.* Първите програмни документи на ВМОРО до есента на 1902 г. // Известия на държавните архиви, 2004. Кн. 87. С. 258.

⁴⁶ *Радев С.* Указ. соч.

⁴⁷ Там же.

донцев, получивших доступ к информации о славном прошлом своего народа и имевших возможность сопоставить эту информацию с картиной окружающей действительности в настоящем. Продуктом этого сравнения повсеместно являлось чувство фрустрации, горечи и обиды, открывавшее путь к восприятию национальной агитации с ее проповедью новой национальной жизни, основанной на реконструкции своего самостоятельного этнического прошлого.

Четнические воеводы ВМОРО в отличие от экзархийских учителей (по совместительству в большинстве своем тоже активистов Революционной организации) должны были быть намного более осторожными в своей революционной проповеди и не афишировать приверженность болгарской национальной идее перед неэкзархийскими этно-конфессиональными группами, которых также следовало привлечь к освободительной антитурецкой борьбе. Именно поэтому в патриархийских или смешанных селах революционным руководством, и, прежде всего Гоце Делчевым, предписывалось вести исключительно социальную агитацию с обращением к несносным условиям жизни, следовало «говорить, что цель чет состоит не в том, чтобы превращать кого-либо в болгар или греков, а в том, чтобы освободиться от турок, после чего будет видно, кто кем станет»⁵⁰.

Однако Славейко Арсов, один из тех, кому и были адресованы эти инструкции, мимоходом оставил для нас и другое, поистине бесценное, свидетельство. Оказывается, в чисто экзархийских селах Делчевым предписывалось вести несколько иную агитацию: «делать беглый исторический обзор турецкого ига», «объяснять, каким сильным было болгарское царство одно время, каковы были причины его порабощения турками, т.е. отсутствие единства» и т.д.⁵¹.

Национально-патриотическая агитация с апелляцией к болгарскому историческому прошлому сохранилась в экзархийских селах и после принятия в 1902 г. нового интернационалистского устава ВМОРО. Новая клятва «бороться за свободу отечества нашего Македония и Адрианопольского края» (вместо: «бороться за свободу болгар в Македония и Адрианопольском крае») даже образованными воеводами объяснялась, как правило, по-старому. С. Арсов, например, в декабре 1903 г. вспоминал: «Я объяснял [крестьянам], что означает “отечество наше Македония и Адрианопольский край”, а именно то, что мы говорим на одном языке, что у нас одна вера, что мы должны действовать заодно, а не по отдельности»⁵². Придерживался он и классической формулы национальной агитации: собирал крестьян на сельские собрания в церкви, где «объяснял им их *нынешнее* положение, рассказывал о *прошлом* и о мерах, которые необходимо предпринять в *будущем*, указывал им на примеры из болгарских восстаний, Греческого восстания и др. (курсив мой. — Д.Л.)»⁵³.

Таким образом, можно видеть, что образы национального прошлого, настоящего и будущего, взятые на вооружение еще в 1762 г. родоначальником болгарского национального движения Паисием Хилендарским, продолжали использоваться и в начале XX в., теперь уже в агитации национальных революционеров, выполняя все ту же функцию мобилизации национального самосознания этнических болгар и приобщения их к задачам национального движения.

* * *

Наряду с исторической памятью в ходе национальной агитации ВМОРО происходило обращение и к разнообразной символике Болгарии, такой

⁵⁰ Материали... Кн. I. С. 26.

⁵¹ Там же. С. 26–27.

⁵² Там же. С. 32.

⁵³ Там же. С. 23.

как герб, цвета национального флага⁵⁴, боевой клич «ура» и военные команды, болгарская военная форма и пр.

Однако совершенно особым символом общebolгарского национального единства, приобретшим в конце XIX — начале XX в. самостоятельное смысловое значение, являлся болгарский литературный язык, который по мере распространения болгарской национальной идеи в Македонии все более вытеснял собой местные болгаро-македонские диалекты. Этот процесс пока затрагивал только наиболее образованную и мобильную часть общества, однако был весьма ощутимым. Так, например, русский путешественник А. Амфитеатров в 1901 г. подметил, что владение болгарским литературным языком было предметом особой гордости гурбетчиев, возвращавшихся с заработков из Болгарии⁵⁵.

Указанным переменам способствовали не только болгарская школа и уход на сезонные заработки в Болгарию, но и живой пример агитации болгарских национальных активистов. В том числе и выходцев из Македонии. Гоце Делчев, например, сознательно употреблял литературный язык в своих проповедях перед болгаро-македонским населением. При этом, хотя некоторые и с трудом понимали его речь, но все же восхищались тем, как «красиво он говорит»⁵⁶. Большим авторитетом среди македонского населения пользовались болгарские офицеры, говорившие на литературном болгарском языке. Так, Хр. Силянов, описывая четнического воеводу ВМОРО Марко Ле-

ринского, замечал: «Даже его восточное наречие, к которому он не пришивал ни одного местного слова, оказывало влияние на неграмотных четников и более сознательных крестьян»⁵⁷.

Таким образом, именно рассмотренные нами классические формы национальной агитации, включая обращение к теме славного прошлого (далекого и недавнего революционного), к фольклору (старой и новой традиции), к символам и образам болгарского национального единства, позволили Внутренней македоно-одринской революционной организации в предильинденский период в сотрудничестве с Экзархатом добиться качественного роста национального самосознания македонских и фракийских болгар⁵⁸ и подготовить массовую базу для болгарского национального движения в двух поработанных областях.

Организованное ВМОРО в 1903 году масштабное Ильинденско-Преображенское восстание в Македонии и Фракии, повлекшее за собой вмешательство европейской дипломатии, ярко свидетельствовало о зрелости болгарского национального движения, перешедшего от возрожденческой стадии защиты национальной культуры и языка к стадии борьбы за гражданские права и политическое самоуправление.

⁵⁷ Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. I. С. 136.

⁵⁸ Оставив за скобками многочисленные свидетельства данного факта, зафиксированные сторонними наблюдателями или самими революционными активистами, приведем лишь одно весьма характерное высказывание представителя того самого рядового населения, на которое и была направлена агитация ВМОРО: «Революционная организация помогла нам почувствовать себя болгарами, какими мы и были по рождению и языку. Благодаря этому позже мы отделились от Патриархии» (Приноси към историята на възстаническото движение в Одринско (1896–1903). Кн. II. С. 112).

⁵⁴ Показательны слова рядового четника из Адрианопольского края: «Оделся я почетнически. Нравилась мне одна шапка с тремя цветами болгарского знамени. Носил ее, когда был четником» (Приноси към историята на възстаническото движение в Одринско (1896–1903). Кн. II. С. 134).

⁵⁵ Амфитеатров А. Страна Раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 17.

⁵⁶ Материяли... Кн. VII. С. 140.

Дмитрий Крылов

Азбука этнопсихологии

Теория социальной категоризации: этническая идентичность и другие идентичности, их иерархия и активация

Вот как Тернер определяет условие образования группы:

«Психологически группа образуется в той степени, в какой два или более человек начинают воспринимать и определять себя с точки зрения разделяемой ими категоризации на свою и чужую группы.

Любой набор индивидов в данных условиях более склонен категоризировать себя как группу (стать психологически группой) в той степени, в какой субъективно воспринимаемые различия между ними меньше, чем различия, воспринимаемые между ними и другими людьми (психологически) присутствующими в этих условиях, т.е. в той мере как возрастает отношение различий между своей и чужой группами. Эти сравнения будут делаться по релевантным измерениям, выбранным из общих черт в релевантной категории, относящейся к себе и включающей всех, кто подлежит сравнению».

Мы уже видели из экспериментов по минимальной дифференциации, в которых людей разделяли на две группы случайно, что для возникновения группы и дискриминации чужих в пользу своих не нужно ровным счетом ничего, кроме самого разделения, сколь бы случайным оно ни было. Если понимать эти данные буквально, то посетители одного сеанса в кино, например, должны противопоставлять себя тем, кто смотрит то же кино до и после

них, а водители автобусов враждовать с водителями трамваев. На деле ничего подобного, конечно, не происходит, да и в экспериментах по минимальной дифференциации признаки того, что люди разделились на группы, становились очевидными, только когда началось распределение ресурсов между «своими» и «чужими». Поэтому о большинстве групп и соответствующих им идентичностях удобнее думать как о проявлении определенных свойств человека, в смысле их тренировки и важного места, занимаемого ими в сознании. Оружие всегда должно быть готово к бою, но осматривают, чистят и тренируются в его употреблении гораздо чаще, чем оно необходимо для дела. Не всякие разделения и не всякое отождествление себя с группой, таким образом, играют функциональную роль. Не всякие, а какие? Вот какой ответ предлагает Тернер на вопрос о том, как активируются те или иные категоризации:

«Существенность той или иной категоризации между своей и чужой группой в конкретной ситуации есть функция взаимодействия между “относительной доступностью” этой категории воспринимающему и “совпадение” между потоком стимулов и характеристиками категории».

Здесь названы два условия, одно из которых сложное и емкое, другое совершенно тривиальное. «Относительная доступность» описывает целую совокупность факторов, влияющих на то, насколько легко та или иная идентичность активируется. Тернер (и его коллега Оакс) связывает относительную доступность с прошлым опытом. Мне кажется, что это и есть основ-

ной фактор в активации. Та или иная идентичность занимает определенное место в иерархии идентичностей человека, и это место определяется предыдущим опытом жизни. Тернер также связывает относительную доступность с текущими мотивами действий. Например, если идти по чайнатауну (прошлый опыт о том, что в чайнатауне встречаются китайцы) и искать китайца (мотивы действий), то оба фактора приведут к тому, что человек скорее признает во встречном прохожем китайца. Что касается «совпадения», то тут все гораздо проще: имеется в виду, насколько представление о категории соответствует тому, что человек воспринимает. Например, насколько человек похож внешне на китайца, говорит ли он по-китайски и т.п.

Тернер развивает целую теорию социальной категоризации, которая многое объясняет в процессах социальной и в т.ч. этнической идентичности. Не будет лишним привести основные положения этой теории здесь. Вот некоторые предположения, из которых он исходит:

«Концепция “я” включает много разных составляющих. Существуют множественные концепции себя для любого индивида. Единство имеет место (если вообще имеет) только в той степени, в какой различные когнитивные репрезентации образуют когнитивную систему, но структурно и функционально составные части сильно дифференцированы».

«Действие концепции “я” контекстно зависимо: те или иные концепции “я” имеют тенденцию активироваться (“включаться”) в определенных ситуациях, создавая определенные образы “я”. Любой концепт “я” (из тех, что относятся к любому данному индивидууму) имеют тенденцию становиться более существенными (активированными, когнитивно значимыми, действенными) как функция взаимодействия между характеристиками воспринимающего и ситуацией. [Полезно раз-

личать концепцию “я”, как гипотетическую когнитивную структуру и “образ себя”, перцептуальный выход, субъективный опыт себя, создаваемый действием некоторого аспекта этой структуры.]

Сила этой теории в том, что она использует уже готовый набор понятий когнитивной психологии. Из них Тернер выстраивает объяснение психологическим механизмам самоидентификации:

«Когнитивные представления себя принимают форму само-категоризации, т.е. когнитивных объединений себя и какого-то класса стимулов как идентичных (похожих, эквивалентных, взаимозаменяемых и т.д.) в противоположность какому-то другому классу стимулов. Концепции “я” суть категории и поэтому основываются, как и все категории, на восприятии сходств внутри класса и разницы между классами стимулов.

Категоризации “я” организованы в иерархическую систему классификации. Они существуют на разных уровнях абстракции, относящихся друг к другу через включение классов, т.е. чем более всеобъемлюща категория “я”, тем выше уровень абстракции и каждая категория полностью включена в одну другую категорию (если только это не самая высокая или над-категория), но не исчерпывает эту более всеобъемлющую категорию. Уровень абстракции категоризации “я”, таким образом, относится к степени включения категорий на этом уровне. Рош, к примеру, приводит категории “белый дуб” и “красный дуб”, “дуб” и “дерево” как примеры под-, промежуточного и над-уровней абстракции, соответственно, в классификации деревьев».

Здесь становится заметна вся сила когнитивного подхода к идентификации: ее удастся свести к взаимодействию классов объектов, организованных в иерархию с возрастающей

степенью абстрактности. Далее Тернер утверждает, что:

«В концепции “я” существует по крайней мере три уровня самокатегоризации: (1) над-уровень “я” как человеческого существа, самокатегоризация, основанная на идентичности человеческого существа (общие для других членов человеческого вида черты), отличные от других форм жизни (и неживого); (2) промежуточный уровень категоризации своей-чужой группы, основанный на социальных сходствах и на различиях между человеческими существами, которые определяют человека как члена одних социальных групп, но не других (например, “австралиец”, “мужчина”, “черный”, “студент”, “рабочий класс” и т.д.) и (3) низший уровень личной самокатегоризации, основанный на различиях между человеком и другими членами своей группы и определяющий человека как конкретного уникального индивида, например с точки зрения личных качеств или по другим измерениям личных различий. Эти уровни определяют, соответственно, “человеческую”, “социальную” и “личную” идентичность, основываясь на межвидовых, межгрупповых (внутривидовом) и межличностных (внутригрупповых) сравнениях между человеком и другими».

Однако здесь он выдает желаемое за действительное. На самом деле для человека свойственно в общем случае считать людьми только свой народ (именно это и означают многие самоназвания племен — «люди»), а всех других приравнивать к другим биологическим видам. Это не означает, что современное общество придерживается именно таких взглядов. Я указываю лишь на то, что это *свойственно* человеку и что именно так люди и считали на протяжении большей части своей истории. Оставлю в стороне вопрос о моральной стороне подобного взгляда на другие народы: прежде чем выносить какие-либо сужде-

ния на этот счет, нужно понять и принять тут факт, что это свойство человека, по всей видимости, обеспечило бурную эволюцию человека и развитие изначальных типов человеческого общества, т.е., собственно говоря, сделало человека человеком. Произошло это в силу того, что большая часть эволюции человека как вида прошла в условиях жесткой конкуренции малых групп, связанных родством, между собой. Эта конкуренция была важным фактором в развитии человека, если не сказать самым важным. Возвращаясь к Тернеру, нужно заметить, что первый уровень идентификации, который он предлагает, не может считаться органичным, и хотя его существование не следует целиком отрицать, нужно иметь в виду, что он есть изобретение очень короткого, относительно всей истории человека, периода, характерного мультиэтническими империями и мировыми религиями. Следует особо иметь в виду, что далеко не все народы приняли эту надэтническую категорию даже условно: у некоторых она по-прежнему полностью отсутствует в системе понятий, и, кроме того, даже европейские народы, у которых надэтническая категория конструировалась наиболее активно, способны за считанные годы возвращаться к прежней системе идентичностей, в которой за пределами собственного этноса нет никаких категорий, относящихся собственно к людям. Это все говорит об искусственности и непрочности надэтнических конструкций, включая упомянутые гражданские категории мультиэтнических империй и мировых религий.

Теперь собственно то, ради чего стоит разбираться в теории Тернера:

«При прочих равных (и в особенности опуская для простоты человеческий уровень самокатегоризации), существует тенденция к обратному отношению между существенностью личностного и социального уровня самокатегоризации. Социальная концепция “я” имеет тенденцию изменять-

ся по оси между восприятием себя как уникальной личности (воспринимается максимум разницы между собой и членами своей группы) и восприятием себя как категории своей группы (максимальная схожесть с членами своей группы и различие с членами чужой группы). Посередине этой оси (где самовосприятие скорее всего находится большую часть времени) у индивидуума есть тенденция определять себя умеренно отличным от членов своей группы, воспринимаемой как умеренно отличной от членов чужой группы.

Факторы, увеличивающие значимость категоризации своей-чужой группы, имеют тенденцию увеличивать воспринимаемую идентичность (схожесть, эквивалентность, взаимозаменяемость) между собой и членами своей группы (и отличие от членов чужой группы) и деперсонифицировать личностное само-восприятие по стереотипному измерению, определяющему релевантное членство в своей группе. Деперсонификация относится к процессу «само-стереотипирования», посредством которого люди оказываются способными воспринимать себя более как взаимозаменяемые образцы социальной категории, нежели уникальных личностей, определяемых разницей с другими.

Деперсонификация самовосприятия — основополагающий процесс в групповых явлениях (социального стереотипирования, групповой солидарности и этноцентризма, кооперативности и альтруизма, эмоциональной заразительности и эмпатии, коллективного поведения, общих норм и процесса взаимного влияния и т.д.)».

Эти мысли заслуживают особого внимания, т.к. в них выдвинуто объяснение тем процессам, которые формируют группы, в том числе и этнические. Деперсонализация здесь не означает потери себя. Напротив, все построения Тернера можно обобщить одной фразой: **групповое сознание — одна из форм личного сознания.** Я не открыл

ничего нового этой формулой, т.к. полевым культурным антропологам, изучавшим структуру сознания племенных народов, хорошо известно, что племенное сознание (т.е. то, которое человеку свойственно генетически) отождествляет личное и племенное. Для человека, исторически говоря, его народ и он сам составляют единое целое его личности. За этим простым фактом скрыта бездна смыслов, позволяющих найти ответы на все т.н. «вечные вопросы». Само это название «вечные», кстати, совершенно неверно. На эти вопросы есть действительно «вечные» ответы, хотя бы в том смысле, что они существуют столько, сколько существует человек, а вопросы появились совсем «недавно» и только потому, что были забыты «вечные» ответы.

Обращаясь к Тернеру в последний раз, можно указать его неточности и сделать поправки. В его представлениях самой общей категорией выдвигается человечество. Если бы это было так, то, по его же собственной формулировке, для человека была бы возможна идентичность, равная идентичности всего народа, причем над этой оставалась бы еще одна категория «человечность». На деле испытать такую общечеловеческую идентичность человек не в состоянии, если следовать логике Тернера, в силу того, что она в его системе самая общая, а активироваться могут только те категории, которые принадлежат все вместе еще одной, общей для всех них: чтобы сравнивать объекты, нужно прежде поместить их в одну категорию. Об этом говорит сам же Тернер. Стало быть, здесь мы выходит из области собственно человеческого. Иными словами, самая общая категория идентификации бессмысленна, т.к. она включает все классифицированные объекты. С ее помощью можно создавать лишь химеры, «теории всего» и «общечеловеческие ценности».

Теория социальной категоризации

объясняет многое, но не все в этнической идентификации. В частности, остается непонятным, в каких конкретных условиях нужно ожидать активации этнического чувства, а когда оно дремлет. Чтобы разобраться в этом, возьмем модель — с ней удобнее работать. Человек может быть болельщиком «Спартака» и большую часть времени не вспоминать об этом. Он, однако, надевает цвета своей команды, вспоминает слова песен и рифмовок, когда собирается на матч. Это естественно и очевидно, однако отнюдь не очевидно, *почему* это так. Чтобы разобраться в этом, нужно вспомнить, что то же самое делает и болельщик ЦСКА, собирающийся на матч. Оба идут на событие, в результате которого будет выяснена *иерархия* между их командами. Одна должна оказаться победительницей, другая — пораженной. Ничья — это отложенное до следующих матчей решение вопроса об иерархии: болельщики хотят победы или поражения. В конце сезона команды займут каждая свое место в итоговой турнирной таблице, которая в данном случае отражает их иерархию. Каждый болельщик желает для своей команды первого места, но оно одно, а команд много. Это и есть простая и понятная модель, позволяющая описать условия, в которых происходит активация идентичности. **Для того чтобы произошла активация, достаточно, в общем случае, невыясненной иерархии между группами, к одной из которых принадлежит человек. При этом идентичность переживается тем острее, чем большее значение для выяснения иерархии между группами имеет данная ситуация.** Пример высшего напряжения в переживании этнической идентичности — война между народами, при которой происходит полная поляризация представлений о себе как воплощении добра и о противнике как воплощении зла. В этой связи полезно напомнить, что некоторые этносы находятся в состоянии посто-

янной холодной войны со всеми другими (таковы их особенности) и именно у них этническая идентичность наиболее сильно выражена в сравнение с другими этносами. С другой стороны, пропаганда мира и т.н. общечеловеческих ценностей — это на самом деле борьба с этнической идентичностью, а еще точнее — попытка ее усыпить. Если переводить это на язык когнитивной психологии, то можно сказать, что члены группы активируют свою групповую идентичность в ситуации, когда решается вопрос о том, какая из групп займет определенную категорию, исключив при этом из этой категории все другие. Важно отметить, что здесь речь уже не идет только о соревновании. Категории могут быть не соревновательными по природе: например одна группа считает данную категорию важной, а все другие нет. В процессе того, как эта группа будет занимать такую категорию, ее групповая идентичность тоже активируется, хотя конфликта как такового не происходит. Отмечу, что при этом увеличивается **емкость идентичности** данной группы, а это тоже стратегический ресурс в соревновании между группами. Более того, существуют совершенно особые группы, которые стремятся занять **подчиненное** положение по отношению к другим группам. В них идентичность активируется всякий раз, когда их последнее место в соревновании попадает под угрозу.

Как это применимо к большим группам, и в частности к этносам? Во-первых, как мы уже видели, в любой группе есть разброс по силе идентификации, есть он, конечно и в этносе. Картина усложняется далее тем, что в этносе, как правило, есть целые группы, которые отличаются друг от друга по силе идентификации с этносом, например, элиты многих современных обществ практически не идентифицируют себя с несущим этносом. Тем не менее все выведенные выше формулы остаются верны. Например, самый вер-

ный способ активировать этническую идентичность — это объявить войну другому народу. Результатом всегда и везде будет радикальное повышение сплоченности этноса и мощнейшее по интенсивности переживание своей идентичности. Война при этом не обязательно подразумевает боевые действия. Главное, чтобы людям было понятно, что существует конфликт между ними и другим народом, что правда и справедливость в этом конфликте на их стороне и что — это тоже необходимое условие — у них есть сильные лидеры, ведущие их на войну. Верно и обратное: верный способ подавить этническую идентичность — признать, что конфликты с другими этносами закончены и что иерархия, в которой оказалась данная этническая группа, устоялась и пересмотру не подлежит. В пределе — отрицание того, что такая иерархия вообще существует, действует на этническую идентичность, как флейта гамельнского крысолова.

Русская национальная идентичность

Всякий раз, когда русские вступают в контакт с другими этносами и в особенности когда возникает конфликт между русскими и другими этносами, бросается в глаза разобщенность русских. На практике оказывается, что русские, несмотря на ошеломляющие личные достижения во всех без исключения областях деятельности, оказываются совершенно беспомощными в самом простом: при взаимодействии с другими народами русские на сегодня не способны выступать как единый этнос. «Самом простом» — потому, что, как я уже показал отчасти и покажу более подробно в следующих главах, принадлежность к группе и предпочтение членам своей группы — естественные свойства человека. *Этноцентризм записан в генах.* Чтобы растерять эти естественные навыки, этнос должен подвергнуться сильному и целенаправленному воздействию. Имен-

но это и произошло с русскими, как станет понятно из главы об этических системах народов. О русской идентичности можно было бы сказать, что она претерпевает затяжной кризис и что она в значительной степени утеряна, возможно, утеряна безвозвратно.

Именно так я и считал, пока не стал задумываться над экспериментальными данными социальных психологов и в особенности экспериментами Таджфеля и Тернера по минимальной дифференциации. Если совершенно незнакомые люди, которых ничто не связывает, кроме случайным образом, *ad hoc*, созданных групп, ведут себя как одно целое, то как может случиться, что народ с тысячелетней историей, со своим языком и физическим типом совершенно потерял способность вести себя как народ? Возможно, я просто плохо смотрел или, еще вероятнее, — смотрел не туда, когда искал признаки групповой сплоченности у русских? При столкновении с другими этносами русские действительно ведут себя как в высшей степени рыхлая группа, неспособная ни к каким групповым действиям. Но значит ли это, что утеряна идентичность как таковая? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, нужно воспользоваться понятиями активации идентичностей и иерархии идентичностей.

Что чувствует русский, когда сталкивается с иностранцем? Это зависит от иностранца: с европейцем или американцем русский стремится показать наилучшее в русских, чаще всего это сводится к культуре. Приезжих с Запада водят по музеям, демонстрируют им архитектуру, абонируют им места на оперу и балет. С ними охотно говорят на западных языках, по мере возможности, и редко ожидают, что приезжающие в Россию говорят по-русски, хотя число носителей русского языка не меньше, чем, скажем, немецкого. Последнее время русские стараются произвести впечатление на европейцев и американцев до-

ступной им техникой и уровнем потребления. Новость о том, что «Москва самый дорогой город на свете», отчего-то сильнее сыграла на самолюбии русских в 2006 г., чем, скажем, марш национально-патриотических сил 4 ноября годом ранее. Казалось бы, что хорошего — жить в самом дорогом городе? Но нет — об этом говорили, как в свое время о полете Гагарина или советской атомной бомбе.

Если попытаться описать стереотипы поведения русских в контакте с человеком с Запада, то получится вот что: русские доказывают иностранцам с Запада (и себе в наименьшей степени), что они не хуже их, причем доказывают это в тех областях, которые традиционно считаются в России сильными сторонами Запада. Здесь весь петербургский период русской истории как на ладони: говоря простыми словами, русские при контакте с Западом хотят, чтобы их приняли наконец за западных людей. Так человек, которого злые языки в детстве уверяли в его собственной глупости, всю жизнь доказывает всем (и прежде всего себе), что он не дурак. (И это бытовое наблюдение, к слову сказать, имеет непосредственное отношение к формированию национальной идентичности в России.)

При столкновении с выходцем из Средней Азии или с Кавказа русские, как правило, резко снижают планку своих ожиданий. Будь тот же человек русским, он бы упал на самое социальное дно: он плохо говорит на русском, его познания, навыки, гигиена, — все это существенно отличается от уровня, принятого в России. Но для выходцев из Азии и с Кавказа мерка иная. В значительной степени это отношение покровительственное. Русских приятно удивляет, что «восточный человек» говорит по-русски, пусть и плохо, что он водит машину, пусть и плохо и с купленными правами, что он торгует. Торгует, как считают русские, лучше их самих. Так гордятся за своего ребенка или младшего родственни-

ка: «помню его совсем беспомощным, а сейчас он уже многое умеет, а кое в чем меня даже превзошел». Тут срабатывает советский период русской истории с его «дружной семьей народов», «коммунистическим интернационализмом» и «советским человеком» (читай — лишенным национальности).

Можно приводить примеры взаимодействий и с другими народами, в них окажутся свои особенности, но всегда будет одна общая черта. **Русские никогда, ни при каких условиях и ни с какими народами не испытывают желания захватить контроль над другим народом и не стремятся пользоваться его ресурсами.** Это резко отличает русских от всех других народов — всем именно это первым приходит в голову при контакте с другими этносами.

На то есть исторические причины, которые упомянуты выше. Русских попросту отучили от того, что свойственно всем народам. Именно поэтому нужно говорить о том, что **русская национальная идентичность не активируется или активируется неполно при контакте с другими этносами.** Она заблокирована в этом контексте, но это вовсе не означает, что она сошла к нулю.

В чем же она проявляется, в таком случае? Тут нужно обратить внимание прежде всего на *эмоциональную реакцию* русского на разного рода события с другими русскими. Вспомним серию осенних несчастий: взрывы домов в Москве и Волгодонске в 1999 г., гибель подлодки «Курск» в 2000-м, теракты на «Норд-Ост» в 2002-м и в Беслане в 2004-м. Или, например, летние пожары 2010-го. Все эти события активно освещались СМИ и вызвали в России глубокие переживания. В Интернете стихийно начинали собирать средства жертвам, и счета быстро переполнялись денежными переводами. Учитывая, что к концу 90-х годов все русские стали жертвами многочисленных мошенничеств, это говорит о многом. На время этих терактов люди за-

были об опасности быть обманутыми. Русские не просто сопереживали пострадавшим, русский человек переживал эти события, *как если бы они случились с ним самим*. Это очень важная особенность реакции на события, особенно учитывая то, что нам стало понятно из теории социальной категоризации. То, что люди оказались способны отождествить себя с другими людьми своего этноса, полностью или частично, говорит о том, что национальная идентичность довольно сильна у русских.

Я имел возможность наблюдать реакцию американцев на события 11 сентября. Среди них тоже поднялась волна национального чувства, но какая. Примерно треть машин в Вашингтоне в течение последующей недели вышла на дорогу с американским флагом и наклейками «united we stand» (мы вместе). Буш выступил с речью, в которой говорилось, что «на Америку напали!». Американцы готовились к драке, а еще точнее — к избиванию противника. Их реакция на теракт в корне отличалась от русской: ими двигало не сострадание к жертвам, а гнев и ненависть к тем, кто напал на них. Их реакция — пробуждение силы после вероломного нападения. Этот паттерн чрезвычайно силен в американской культуре, и он активно эксплуатируется политтехнологами в США. Американцы, так же как и русские, отождествляли себя с неким «американцем», но этот американец был не взорванный чеченцами ребенок, не расстрелянная ими женщина и не задыхающийся в темноте и холоде подводник. Они отождествляли себя с солдатом, убивающим врага, с политиком, отдающим приказ атаковать, на худой конец, с бизнесменом, который разграбит побежденный город. Все объяснимо: у Америки не было «петербургского периода» в истории, и американцы не построили «общества на основах коммунистического интернационализма». Пока не построили, впрочем. «Ра-

бота» в этом направлении уже с полвека ведется в Америке.

Вот что говорят о русской национальной идентичности некоторые социологические исследования. Посмотрим срез на рубеже 90-х и 2000-х, с теми двумя оговорками, что состояние идентичности русских находится в активном изменении и что область эта идеологизирована и объективные исследования в ней находятся под фактической цензурой. А. Смирнова озаглавила свою работу «Формирование национальной идентичности в России: легко ли быть русским?», что само по себе говорит о многом: термин «формирование» употребляется ею в том смысле, что в советский период у русских не было национальной идентичности, что де-факто, конечно, неверно — следует говорить о подавленной и подмененной идентичности, но функционально автор не далека от истины. В 2000 г. она опросила 159 человек из Ярославской области. В выборке представлены люди различного возраста, социального статуса и рода занятий. Используя стандартные методики самоописания, Смирнова получила ошеломляющий результат: только 25,5% определили себя как «русских», причем среди людей от 25 до 50 лет, то есть тех, кто наиболее зрел и активен, процент выраженности этнической компоненты в матрице самоидентификации ниже 10%. Это означает, что 9 из 10 трудоспособных русских в опросе определяют себя прежде всего как отцов, матерей и детей; женщин или мужчин; того или иного возраста; той или иной профессии, но не как русских.

В работе приводятся те ситуации, которые, по словам опрошенных, вызывают у них чувства принадлежности к своему народу: «я ощущаю себя русским, когда читаю А. Пушкина»; «смотрю старые советские фильмы»; «посещая московский Кремль, Троице-Сергиеву Лавру»; «слушая информацию о войне в Чечне»; «горжусь,

что мой народ победил в Великой Отечественной войне»; «когда пою русские народные песни»; «смотрю на Волгу»; «когда оскорбляют, даже если и защищаешь себя»; «гордость за достижения в космонавтике»; «когда получаю зарплату» и другие. Как справедливо отмечает автор, поводы для самоидентификации совершенно разные: они относятся к различным областям деятельности, историческим периодам. Отсутствие единых ситуаций, активирующих национальную идентичность, лишний раз свидетельствует о ее кризисе. Что особенно важно, эти ситуации несут различную эмоциональную окраску, включающую стыд: «когда оскорбляют, даже если и защищаешь себя». Гордость при этом относится исключительно к прошлому: до революционному и советскому периодам истории. Самым вопиющим результатом в этом исследовании стало то, что автор не обсуждает, видимо потому, что ей, как и опрошенным ею людьми, это не приходит вовсе в голову: русские в массе своей не ассоциируют свое этническое «я» с русским происхождением, то есть рождением от русских родителей. Именно это, а не Пушкин, Кремль, космонавтика и выдача зарплаты обеспечивает существование народа и, в свою очередь, существование Пушкина, Кремля, космонавтики и выдачу зарплаты, однако этот простой и очевидный факт ампутирован из сознания русских.

В другом исследовании 1997 г. (Е. Светлицкая) 93 опрошенных из разных регионов России выразили совершенно, казалось бы, невероятное сочетание мнений. С одной стороны:

«На вопрос: “Согласны ли вы с утверждением, что Россия прежде всего государство русских и для русских?” большинство опрошенных ответили отрицательно. В пользу такой позиции приводились три основных довода. Во-первых, исторически Россия сложилась как многонациональное государство; во-вторых, государство не

должно определяться национальным составом; в-третьих, респонденты выступили против любого рода насилия, тем более вызванного национальным фактором».

Сразу отмечу, что все три «довода» суть просто цифрового качества воспроизведение пропаганды СМИ. Бесконечное повторение одного и того же абсурда возымело действие. На самом деле Россия сложилась как *мононациональное* русское государство, Россия для русских вовсе не «определяется национальным составом», а всего лишь выражает элементарные демократические нормы представительства, зафиксированные в конституции, — в случае русских более 80% населения, а уж о «насилии» русских можно говорить, только впад в полный идиотизм: как будто русские выселяют, обращают в рабство, грабят и убивают другие народы, а не наоборот.

С другой стороны:

«Менее демократичны высказывания по поводу религии. Большинство полагает, что в России должна преобладать православная религия. При объяснении этой точки зрения мнения респондентов разделились. Некоторые считают, что подобное положение дел справедливо — так сложилось исторически. Другие объясняют свою позицию тем, что православие — это религия большинства, соответственно, она должна быть преобладающей, но не в ущерб другим религиям.

<...>

Подобная тенденция в мнениях прослеживается и по вопросу: “Согласны ли вы с утверждением, что Президент России должен быть русским?”. Большинство респондентов убеждены в правильности этой точки зрения. Правда, некоторые смягчили свои ответы (“да, желательно”, “да, хотелось бы”). В объяснении своих позиций по этому вопросу респонденты оказались удивительно единодушными: “Президент России должен быть русским, так как большинство населения Рос-

сии русское». Только незначительная часть опрошенных пояснила свое мнение, ссылаясь на исторические примеры, что у нас уже есть негативный опыт».

Перед нами поистине фантастическая картина. С одной стороны, люди считают, что государство, которое они построили и которое они ценой огромнейших усилий поддерживают, должно быть не их и не для них. То есть большинство среди народов, и собственные заслуги в этом случае не дает им право ровно ни на что. С другой стороны, эти же люди уверены, что раз их этнос составляет большинство, то и лидер государства должен быть его представителем. К тому же они не считают в большинстве зазорным установить доминирование своей религии — религии, но не этничности. Вся фантастика заключается в том, что сама логика этнического большинства у людей присутствует, есть все необходимые понятия для осознания собственных прав и интересов. Более того, логика эта срывает, когда речь идет не об этнической, а о религиозной идентичности. (Хотя, казалось бы, откуда взяться единодушию в этом вопросе после 70 лет государственного атеизма?) Все прекрасно, пока дело не касается этничности. Тут понятия растворяются, а логика дает полный сбой. В чем же дело? А дело в том, что у опрашиваемых деформированная идентификация! В этом одном месте она зажата. Место это: национальная русская идентичность.

Еще раз подчеркну, что блокировка национальной идентичности вовсе не означает ее отсутствие и даже не означает, что люди стремятся променять русскость на что-нибудь более приятное и удобное (Светлицкая):

«...опрошенные считают, что наиболее патриотичными являются американцы. Те же, кто считает россиян наиболее патриотичными гражданами, аргументируют свою позицию тем,

что “у нас больше духовности, а не материальности”. Однако, несмотря на довольно слабую позицию россиян в этом вопросе (с их же точки зрения) по сравнению с гражданами других стран, у большинства никогда не возникало желания изменить гражданство. Те же, кто задумывался над этим вопросом и хотел бы уехать из страны, приводили три основных причины: 1) связанные с частной жизнью (родственники за границей, замужество или женитьба, возможность реализовать себя в профессиональной сфере и т.д.); 2) возможность повысить свой материальный уровень; 3) репрессии по отношению к своей семье».

Далее настолько интересно, что я процитирую крупный отрывок из статьи Светлицкой, выделяя ключевые места:

«Эмоционально окрашенное отношение к России мы пытались выяснить с помощью ассоциативного метода. Оказалось, что в глазах самих россиян наша страна представлена рядом символов, которые несут в себе позитивную (или нейтральную) и негативную эмоциональную нагрузку. К первым относится целый класс символов, обозначающих природу (поля, леса, реки, хлеба и т.д.), отдельно выделяются и наиболее часто упоминаются береза, двуглавый орел, российский флаг, животные (медведь, та или иная птица), религия, архитектура и живопись, Георгий Победоносец. Ко вторым относится класс символов, включающий такие, как пьянство, водка, пьяный мужик и т.д. Существует и промежуточный класс символов, отражающий различные черты характера (как положительные, так и отрицательные).

Кроме восприятия России через символы, мы попытались выяснить, какой исторический или литературный персонаж олицетворяет для россиян их страну. Абсолютное большинство предпочло исторические персонажи, которые можно разделить на четыре группы: политики, полководцы, уче-

ные и писатели. Наиболее часто упоминаемая историческая фигура — Петр I: **“И великий, и кровавый. У него было желание что-то сделать, но такими методами... Хотел продвинуть Россию. Но средства... Погубил столько людей. Причем и себя не берег”**. Возможно, такое внимание к монарху вызвано не только хорошими знаниями истории и действительной ассоциативной связью между Россией и Петром I, но и тем фактом, что Петр I является одной из немногих исторических фигур, которые чаще всего упоминаются в школьных учебниках. Другой монарх, олицетворяющий Россию, — Иван Грозный, **“объединитель в глобальном смысле”**.

Среди писателей выделяются Л. Толстой и Ф. Достоевский. **“Толстой! Вот кто олицетворяет Россию. И внешне как Россия, тот же масштаб. Больше всего Толстой олицетворяет Россию со всем талантом и величием, нервозностью. Вон какая у него личная жизнь была скверная”**. **“А герои Достоевского: и убогие, и униженные, но в то же время самоотверженные”**.

<...>

Итак, каков же образ России, существующий у самих россиян? Прежде всего это нравственная сила, духовность, первозданность, красота, величие и могущество. Россия в глазах ее граждан обладает огромным, неисчерпаемым потенциалом — природным и людским. Россия — это широта души, самоотверженность, терпимость.

<...>

Однако этот образ крайне противоречив и несет в себе **элементы саморазрушения**. Наряду с описанием некоторого мощного, позитивного целого, включающего эмоциональную окраску, Россия в представлениях опрошенных неразрывно связана с пьянством, водкой, **“пьяным мужиком под забором”**, инфантильностью, дерзостью, неуправляемостью, неспособностью повлиять на свою судьбу».

Как тут не вспомнить перенос негативных качеств у детей. Не нашлось

подходящего объекта, удар пришелся по своим.

В этой же работе — подтверждение того, что гордость русские испытывают только за прошлое :

«Наибольшее величие страны связывается с ее прошлым и историческими фигурами: Петром I, Екатериной II, Иваном Грозным, Суворовым, Столыпиным, Ломоносовым, Кутузовым, победой в Великой Отечественной войне».

Ни одного современника! И еще одна любопытная особенность: отдельные фигуры выделяются только в дореволюционный период истории, а в советский перечисляются дела, но не личности. Объекты гордости (космические полеты, победа в войне) в массовом сознании были достигнуты коллективно. Логично предположить, что личность Сталина подвергается в этих опросах (само)цензуре. Это же видно и по фигурам, которые приводятся в статье как олицетворение страны. Все они из дореволюционного периода. Трудно сказать, чего здесь больше: активной лепки общественного мнения или его естественных особенностей.

Вернусь к национальной идентичности. Заблокированная идентичность находит себе выход в искаженном виде. Русская национальная идентичность на сегодняшний день связывает людей на основе культурного и технического наследия прошлых исторических периодов и — видимо, сильнее с точки зрения аффектации — на основе страдания, унижения и горя. Это и неудивительно, принимая во внимания последние три века русской истории и тот жесточайший запрет, который наложен в России на любые другие проявления национального чувства. Говоря сухим языком, **национальная идентичность у русских активизируется в значительной мере негативными переживаниями. В русском сознании свой (русский) стереотипован образом жертвы. Именно поэтому жизнерадостные люди и те, кто наде-**

лен жаждой власти (это редкий и важный для этноса талант) часто ощущают одиночество и неуместность в России. Их личные качества не соответствуют тому образу национального характера, который был навязан русским.

Я намеренно не вывожу здесь никаких рецептов на скорую руку для того, чтобы исправить положение дел. Чтобы понять, как вести себя дальше, нужно составить себе *полное* представление о реальном положении дел. Пока что мы сделали один шаг в этом направлении.

Этническая идентичность в условиях колонизации

Чтобы иметь возможность говорить объективно о процессах, происходящих с русской этнической идентичностью, полезно поискать их параллели у других народов. Это позволит отделить существенные детали от второстепенных и понять закономерности, которые привели к появлению тех особенностей у русских, которые мы наблюдаем сегодня. Самый беглый взгляд позволяет сказать, что национальная идентичность у русских на сегодняшний день имеет много общего с теми народами, которые длительное время находились под влиянием колонизации. С ирландцами, индусами, многими африканскими народами, сербами, многими латиноамериканцами, индейцами обнаруживаются черты сходства, которые никак нельзя отнести к общим истокам в культуре. Культуры у всех этих народов изначально разные, но все они претерпели деформацию под влиянием колонизаторов.

Больше всего материала в силу определенных политических причин о колонизированных африканских народах. В частности, существуют потрясающие свидетельства происшедшего в Алжире в 50-е годы, оставленные врачом-психиатром Францом Фаном. Работая в этой стране, он наблюдал последствия французской колонизации в сознании и образе мыслей ал-

жирцев. Вот какие методы, по его свидетельствам, использовали французские колонисты в Алжире помимо прямого физического насилия:

«Если рассмотреть те усилия, которые были направлены на культурное отчуждение, столь характерное для колониальной эпохи, становится понятно, что ничего случайного тут нет и что общий результат, к которому стремились при колониальном доминировании, заключался в том, чтобы убедить местное население, что колониализм явился просветить их тьму. Эффект, которого сознательно добивался колониализм, заключается в том, чтобы вбить в головы местного населения мысль о том, что если колонизаторы ушли бы, они тут же впали бы в варварство, деградацию и звероподобие».

Прямая аналогия в России: т.н. приглашение на царство «варягов» и его последствия в русском самосознании. Эта версия русской истории получила распространение в петербургский период, т.е. именно тогда, когда на русский престол действительно стали садиться иноплеменники с Запада. «Варяги», которых, согласно летописи, пригласили на царствие, были точно такими же русскими, как и жители Новгорода, но в русское сознание упорно вбивалась одна и та же мысль: русские сами не могут управлять собой, для этого им необходимо приглашать правителей. Многократное повторение этой лжи оказало свое воздействие. Теперь многие русские так считают, и, что еще существеннее, они действительно разучились управляться в руководстве своими силами. Важно при этом подчеркнуть, что раньше эта способность у русских была, она ослабла именно и только в результате *убеждения*. То, что такое — убеждение неперенный атрибут любой колонизации, можно предположить, сравнивая наблюдения Фанона об Алжире и нашу историю. Далее он пишет:

«Таким образом, это необычное поведение — высокая криминогенность

африканцев, тривиальность мотивов поведения, характер ссор, ведущих к убийству, и всегда очень кровавых — в глазах наблюдателей это поставило проблему. Предложенное объяснение, которое стали преподавать в качестве предмета в университетах, кажется, представляет собой в конечном счете следующее: структура головного мозга человека в Северной Африке определяет как лень местного населения, так и его интеллектуальную и социальную отсталость и его почти животную порывистость. Криминальные склонности северного африканца представляют собой материализацию определенной организации нервной системы в характере его поведения».

Здесь указывается еще на один колониальный метод обработки сознания. Колонизируемый народ убеждают, что он не просто не умеет управлять сам собой, но что и научиться никогда не сможет, что все дело в его природе. Это же самое на разные лады говорят русским сейчас. Чего стоят такие выражения, например, как «вековое русское рабство», «рабский менталитет» и прочее в том же духе. Те, кто говорит так о русских, пользуются хорошо испытанными методиками колонизации. Из этого, кстати, можно сделать вывод о том, как именно они относятся к русским. Не лучше, чем французы относились к алжирцам. Русские имеют дело не просто с ложью, а с целой системой методов по деформации сознания. Насколько она опасна, понятно из того, что многие русские на сегодняшний день разделяют эти представления, и в их сознании они никогда не пересматриваются. Более того, такие особенности самоидентификации (русские это, в т.ч. те, кто не может собой управлять), проникая в культуру, начинают самовоспроизводиться.

Идентичность, какой бы она ни была, обладает при любых ее качествах значительной консервативностью. Она сохраняется во времени и передается от поколения к поколению

в том виде, который она имеет на данный момент. Не случайно основным русским стихотворным произведением древности принято считать «Слово о полку Игореве». В нем говорится о поражении русского войска, хотя на деле в конце концов была достигнута победа в этой войне, и это, кстати, прямая параллель сербскому эпосу, несущему в себе те же мотивы поражения на Косовом поле в 1389 г. То, что проигравшие битву русский Игорь и сербский Лазарь стали, вопреки очевидной негодности на эту роль, национальными героями, говорит, конечно, не о духовной слабости этих народов, а об интеллектуальной и этнической несостоятельности образованного класса, фактически обслуживавшего чужие этнические интересы, вольно или невольно. Интересно, что цикл былин об Илье Муромце, в котором прославляется сила и русские победы, дольше всего сохранился в изустной передаче у поморов и казаков. И те и другие не знали крепостного права и находились в частом контакте с другими этносами: казаки — с народами, нападавшими на русских, а поморы — с датчанами, норвежцами, англичанами и другими европейцами, торговавшими с Россией через Архангельск. В обоих случаях контакты с другими этносами подразумевали конфликт интересов (в случае поморов — экономических). Именно эти две русские популяции, надо заметить, принялись в первую очередь истреблять русоненавистники, пришедшие к власти в 17-м году.

Сейчас можно говорить, что темы и соответствующие им образы неудачи, поражения, собственной неумелости и невезения стали у русских частью национального самосознания, которое транслируется не только на твердых носителях в виде книг по истории, но вошло в язык, образ мыслей, в особое чувство самоиронии и вкуса к самоунижению, характерные русским, сербам, ирландцам с их «ирландским везением», до недавнего времени —

индусам и многим другим народам, пережившим колонизацию. **Общее во всех колонизированных народах то, что они принимают точку зрения на себя колонизирующего народа и становятся воплощением той негативной идентичности, которую проецирует на них колонизатор.**

Случай американских негров также интересен в нашем контексте в силу того, что современная аффирмационная политика в США сделала возможным объективные исследования порабощения, его механики и влияния на идентичность. Современное состояние негров представляет результат порабощения одной расы другой, при котором разделение между рабами и хозяевами очевидно, что много послужило жестокости обращения с рабами и облегчало белым применение колонизационных методов. Начиная со второй половины XX в. стало выходить множество исследований психологии черных американцев. Оказалось, что она в ряде своих сторон сильно отличается от психологии белых, несмотря на то что рабство было отменено за век до этого. Воздействие колонизаторов закрепилось в черной субкультуре и во многом определяет ее и по сей день.

Целый ряд исследований показал, что представления о расе возникают у американских детей к трем годам и быстро нарастают после этого. При этом у черных это представление замедленно и имеет несколько характерных черт. Во-первых, черные дети часто предпочитают белых. Это проявляется в выборе белых кукол в игре и выборе белых в друзья. Во-вторых, черные неохотно признают, что они черные. В ответ на вопрос о том, черные они или белые, черные дети часто колеблются и дают неясные ответы типа «возможно, я немного черный». Ничего этого не наблюдается у существующих с ними бок о бок белых.

ным белым и черным участием оказались более чувствительны к проступкам других негров, но не белых. Они чаще выбирали себе в друзья белых. Авторы интерпретируют это как проявление самоненависти, для которой характерна критика тех, кто наиболее похож на тебя, и создание «далекого идеала», который, если свести его к практическим последствиям для этнопсихологии, является обожествлением хозяев-рабовладельцев.

Представление негров о других неграх критично и не соответствует представлению о себе. В работах американского черного писателя Ричарда Райта, например, 80% описаний негров отрицательные. Они вообще не соотносятся с тем, как Райт описывает самого себя.

Самоощущение негра в обществе характеризуется постоянным ожиданием насилия к себе со стороны окружающих при чувстве полной личной беспомощности. Черные подростки описывают окружающую их реальность как враждебную, что отличает их от белых сверстников. Подобное базовое самоощущение настолько часто встречается среди русских, что следует здесь остановиться подробнее. По моим наблюдениям, оно встречается чаще у тех, кто воспитывался в семьях с доминирующими родителями, особенно мамами. Такое воспитание было направлено на пресечение естественных импульсов ребенка, сковывание его двигательной активности и пресечение его освоения окружающего пространства, каковы бы ни были декларируемые родительские мотивы. Контроль над ребенком в таких семьях осуществлялся угрозами. Интересно тут вот что: и у русских, и у негров независимо друг от друга получил распространение определенный стиль воспитания. Это и есть на практике та деформация культуры, которая происходит у колонизированных этносов, и происходит она именно вследствие колонизационных практик.

В экспериментах подросткам от девяти до четырнадцати лет предлагалось описать своего героя. Этот метод исследования известен под названием ТАТ. В своих историях черные описывали героя, которого ненавидят, которому делают замечания, ограничивают или ранят. Все это в отличие от белых. В этой связи небезынтересно вспомнить многие советские фильмы, в которых герои постоянно отчитывают друг друга, делают замечания, и к этому еще вспомнить советские семьи, которые восприняли эту стилистику общения как нормальный фон жизни и воспитания детей. Все эти особенности колонизированных этносов по-прежнему с нами и сегодня.

Хорошо известна проблема неполных семей среди черных американцев. В разные годы от одной трети до половины и более всех черных семей оказывались неполными. Чаще детей воспитывает мать, а отец уходит после рождения ребенка из семьи. Так вот эта, закрепленная в черной субкультуре тенденция, возникла в период рабства. Тогда белые колонизаторы насильственно разделяли отца и «жену» с детьми. Во многих случаях браки черных рабов вообще не существовали как институт. Негры не имели права на венчание в церкви и, следовательно, на семью как таковую. Стоило двум из них начать встречаться и завести детей, как отца отправляли на другую плантацию или продавали. Многие случаи побега рабов на Юге США были связаны как раз с тем, что мужчины возвращались к своим семьям. Их ловили и наказывали. Зачем это было нужно колонизаторам, понятно. Ребенок, которого воспитала одна мать и который никогда не видел своего отца, слаб и легко управляем. В среднем его психология пассивна, у него заниженная самооценка и амбиции. О влиянии патерналистической депривации написано достаточно. Эти явления, опять же, имеют прямые параллели в недавней русской истории, в которой, в

частности во время войны, практически все взрослое мужское население было оторвано от своих семей.

Все это лишний раз свидетельствует: деформация этноса и его механизмов воспроизводства происходит в исторических масштабах быстро и ее действие не прекращается с исчезновением факторов деформации. Она включается в культуры этноса и самовоспроизводится.

Нужно подчеркнуть, что за всяким подобным изменением в культуре и в матрице идентичности стоит другой этнос, колонизирующий данный. Еще одним тактическим приемом по борьбе с русской идентичностью стало отрицание иерархии идентичностей. Людям внушают, что они связаны семейными связями, дружескими, профессиональными — какими угодно, только не этническими. При этом совершается нехитрый трюк: этническую идентичность *подменяют* на разные другие. Делают это обычно, навязывая ложную иерархию идентичностей: будто бы семейные связи или профессиональные важнее всех других, например. На деле же все перечисленные и многие другие виды социальной идентичности не противоречат этнической идентичности. Они ее дополняют, причем у здорового и жизнеспособного народа она занимает в иерархии идентичностей доминирующее положение.

Другая группа тактических приемов направлена на подмену национальной идентичности на другие виды идентичности, не несущие для колонизаторов опасности и зачастую даже играющие им на руку. Эти тактики нацелены прежде всего на тех, у кого не удастся разрушить иерархию идентичностей, кому необходимо гордиться своей страной, ставить перед собой великие цели и отождествлять свою жизнь с широким кругом людей. На роль национальной выдвигаются несколько других эрзац-идентичностей. Разберу лишь те, которые уже удалось навязать русским и

которые, таким образом, уже оказывают разрушительное воздействие на национальное сознание.

Советский человек — прежде всего человек, лишенный национальности. Конструирование этого понятия велось десятилетиями, и трудно ожидать, что последствия этой обработки удастся быстро преодолеть. Лишенное содержания, это понятие занимает место национальной идентичности и подрывает все оборонные механизмы этноса. На примере конфликтов русских и других этносов бывшего СССР хорошо видно, что разрушение идентичности проводилось только среди славянских народов. Все остальные сохранили этническую солидарность в полном объеме и как следствие получили полное преимущество в конфликтах с русскими. При таких конфликтах любая община на территории России действует как единое целое. Она не разбирается в том, кто прав и кто виноват, для всех членов общины есть только две категории — «свой» и «чужой». Своего нужно поддерживать, чужого подавлять. Совсем другое у русских. Зачастую видны не только отсутствие поддержки своим в конфликте, но и парадоксальная реакция: **поддержка чужого и подавление своих**. Отмечу, что это отнюдь не случайное явление. Оно, кстати, описано и у других колониальных народов.

Пенсионеры в современной России — это не только жертвы обмана, но и статисты в другом методе подложной идентичности. Разделение по возрасту и сильная идентификация со своим поколением — это еще один суррогат национальной идентичности. Кстати, тут мы имеем дело с социальной технологией, поставленной на конвейер и применяющейся не только в России. Вот что писал Конрад Лоренц в 1974 г., после молодежных бунтов и студенческих революций в Западной Европе и Америке. Цитата длинная, но она стоит того, чтобы ее привести:

«Тот факт, что нынешнее млад-

шее поколение, несомненно, начинает рассматривать старшее как чужой псевдовид, вызывает глубокое беспокойство. Это выражается в ряде симптомов. Конкурирующие и враждебные этнические группы имеют обыкновение вырабатывать себе или создавать ad hoc подчеркнуто различные костюмы. В Центральной Европе местные крестьянские костюмы давно исчезли, и только в Венгрии они полностью сохранились повсюду, где близко друг к другу расположены венгерские и словацкие деревни. Тамешние жители носят свой костюм не только с гордостью, но и с несомненным намерением досадить членам другой этнической группы. Точно так же ведут себя многие самочинно возникшие группы бунтующей молодежи, причем поразительно, насколько сильно у них, вопреки кажущемуся отвращению ко всякому милитаризму, стремление носить мундир. «Специалисты» различают разные группировки «битников», «теддибойз», «рокс», «модз», «рокеров», «хиппи», «бродяг» и т.д. по их нарядам с такой же уверенностью, как узнавали некогда полки императорской королевской австрийской армии.

Бунтующая молодежь стремится также как можно дальше отойти от поколения родителей в своих обычаях и нравах; традиционное поведение старших не просто игнорируют, но замечают в малейших деталях и во всем поступают наоборот. В этом состоит, например, одно из объяснений проявления половых излишеств в группах, в которых половая потенция, по-видимому, вообще снизилась. Только тем же усиленным стремлением нарушить родительские запреты можно объяснить случаи, когда бунтующие студенты у всех на глазах мочились и испражнялись — как было в Венском университете. <...>

Эмоциональное возбуждение тормозит разумное действие, гипоталамус блокирует кору. Ни к какой самой

извращенной эмоции это не относится в такой степени, как к коллективной, этнической ненависти, которую мы слишком хорошо знаем под именем национальной. Надо понять, что ненависть младшего поколения к старшим имеет тот же источник».

Социальная технология «молодежного бунта» — это прежде всего попытка создать ложную идентичность для людей в тот период развития личности, когда раз и на всю оставшуюся жизнь решается, кем и как они будут себя чувствовать. Если в юношестве они почувствуют себя в первую очередь русскими, народ будет непобедим, когда юноши вырастут. Этого и пытаются не допустить те, кто создает «молодежные моды», «течения» и «молодежную политику». Вся эта «пионерия» и «комсомол» современного общества нужны, чтобы привязать формирующуюся идентичность к самому нелепому, что только возможно, — к возрасту. Через 5–10 лет человек превзойдет те наборы переживаний, которые характерны для юноши, а идентичность с «молодыми» останется. Что получается на выходе этой технологии? Взрослые дети! Вместо того чтобы учиться у старших и постепенно забирать в свои руки их властные рычаги в обществе, целое поколение «бунтует» и «экспериментирует». В результате нарушена передача этнической традиции и знаний, создан искусственный конфликт между поколениями и выпущено в свет поколение, у которого все герои и модели для подражания не дают никаких реальных навыков успеха в обществе.

В более широком масштабе тот же принцип используется для противопоставления современности и «прошлого». Парадигма «прогресса» и «достижений современной цивилизации» переносит плоскость идентификации из родственных и этнических связей во временную область. Человек определяется как «современник», сопричастный «прогрессу», и противопостав-

ляется людям прошлого, то есть своим предкам, якобы стоявшим на более низкой ступени социального и технического развития, и если относительно техники это в общем правильно, то именно этот прием ставит человека на неизмеримо более низкую ступень социального развития, отождествляя его с фиктивными и пустыми конструкциями и заставляя «соревноваться» и противопоставлять себя пыльным скелетам из шкафа, в то время как враги действуют безнаказанно в настоящем.

По той же схеме вбивают клин между русскими в больших городах и провинции.

Русские и православные

Атаки на русскую национальную идентичность ведутся и в тех областях, где, казалось бы, русские твердо стоят на ногах. Русская Православная Церковь не раз играла объединяющую роль в русской истории и служила национальным идеалам не меньше, чем все другие институты русского общества, однако современное «православие» часто приходится брать в кавычки, настолько далеко оно отошло от традиции русского православного сознания. Несмотря на это именно православие в современной России выдвигается на первое место в качестве групповой идентичности русских, и зачастую оно занимает в сознании людей место этнической идентичности, как всего двадцатью годами ранее это место занимала идентичность советская. Фраза Достоевского «православный значит русский», понятая буквально, стала для многих людей, выброшенных после крушения Союза в океан бессмысленного и безымянного бытия, той соломинкой, за которую было так естественно ухватиться. К какому берегу, в результате этого дрейфа, прибило вчерашних советских людей? Чтобы лучше понять, что на самом деле собой представляет современное официальное православие в России, опишу те представления о рус-

ских, которые транслируются в рамках его доктрин.

Исторически современное православие претендует на роль основного этногенетического фактора. Современная Церковь насаждает представления о том, что в дохристианский период русского народа как такового не существовало, а был, так сказать, «сырой материал» славянских племен, из которого православие вылепило русский народ как таковой. То, что великокняжеский престол в Киеве существовал до крещения, то, что язычник Святослав полностью уничтожил мощнейший Хазарский каганат, угрожавший Руси и русским, то, что русские язычники совершали удачные набеги на греков и — самое главное — что русские смогли заселить огромную территорию и потеснить или ассимилировать десятки племен — эта версия истории не берет в расчет.

Точно так же она отмахивается от тех сложностей княжеского управления, которые возникли на Руси после принятия православия и которые привели в конечном счете к поражению в войне с татаро-монголами и последовавшей войне между русскими княжествами. В православной версии «истории» нет места никакой критике того, что привнесла с собой «греческая вера», и той зависимости от Константинополя, в которую была поставлена духовная жизнь до XVII в. В ней проводится резкое разграничение: все, что связано с православием, есть добро, а все, что связано с язычеством и атеизмом, есть зло. Это и понятно: именно так народ и должен относиться к своей идентичности, но в случае православия есть серьезное противоречие, которое буквально бросается в глаза всякому, кто задумывался на эту тему.

Дело в том, что православие не является исключительно русской верой. «Православный» значит еще грек, грузин, серб и вообще любой, пожелавший креститься и ходить в православную церковь. Это бы еще полбеды, но

русские — это надо признать — были великими народом до принятия православия и после отказа от него в 1917-м. Тут, правда, уместно напомнить, что отказ был далеко не по своей воле, но в конечном счете что это меняет? СССР был атеистическим государством, что не помешало русским, составлявшим его этническую основу, проявить себя во всей мощи великого народа. Это элементарно, но это приходится проговаривать: *русский далеко не обязательно значит «православный»*.

Всякий раз, когда пытаешься объяснить эту простую до очевидности мысль православным русским, встречаешь полное непонимание. «Православный это и есть русский» — вот характерный ответ. Перед нами результаты типичной индоктринации, которая отключает у человека логику и конструирует его личность так, что он начинает чувствовать зависимость между своим «я» и абсолютной непогрешимостью определенных положений. Происходит это потому, что у человека никакой другой личности и нет, идеология и становится его единственной личностью. Как и всегда, в данном случае происходит использование заложенных в человеке психических механизмов с деструктивной целью. В нормальном состоянии на этом месте в структуре личности находится этническая идентичность. Человек считает себя самим собой в той мере, в какой он принадлежит народу, и поэтому, в частности, любая, даже словесная атака на этнос принимается им как агрессия по отношению к нему самому. Но стоит на это место запрограммировать не этническую, а православную идентичность, как человек начинает с той же энергией защищать православие. Весь вопрос — что ему, этому человеку от такого усердия и что народу от такой замены?

Вот некоторые наблюдения о современной православной идентичности. Во-первых, современная православная идентичность отключает у челове-

ка логику и здравый смысл, по крайней мере в том, что касается ее самой (это весьма характерно для индоктринации). Во-вторых, современные православные не только заменяют этническую идентичность конфессиональной. Многие, кроме того, активно избегают русской идентичности. Это уже известные реакции индивидуальной мобильности и отчасти попытка переопределить свою группу так, чтобы создать выгодное для нее сравнение с другими. Тут все стало на свои места: известно, что подобные реакции характерны для тех, кто изначально слабо связывает себя с первичной группой, в данном случае с этнической. Эти люди есть везде и всегда, такова их природа. Они всегда легко переходят из своей группы в другую.

В качестве отступления оговорю, что в этом есть свой биологический смысл. Когда-то основными группами были не народы, а племена, которые имели тенденцию становиться замкнутыми матримонильными общностями, из которых трудно было выйти замуж или жениться в другое племя. Такая замкнутость обеспечивала тесную сплоченность племени (все были в каком-то колене родственниками), но создавала проблемы, связанные с инбридингом, несущим опасность вырождения. В то же время известно, что те племена, которые исследовались на процент аутбридинга, на деле никогда полностью замкнутыми не были. Процент аутбридинга (связанный с браками вне племени), составлял 10–20% и выше. Тут, правда, нужно заметить, что соседние племена были близкородственными, как правило, и реальное генетическое родство между ними было значительно выше, чем с любым случайным племенем. Они образовывали круги генетической близости, которые впоследствии и складывались в народы. Можно предположить, что те, кто легче других отделялся от группы, служили своего рода челноками для новых генов. Они могли обеспечивать приток

новых генов в замкнутые, если не считать этих челноков, племенные группы.

Так или иначе, заметно, что в православные первым делом хлынули те из советских людей, кто слабо ассоциировал себя с обществом, начиная от комсомольских работников до диссидентов и богемы. Это те самые социально мобильные люди, которых любая популяция программирует в себе на генетическом уровне. И только со временем в Церковь за ними пошла масса русских. Идентичность необходимая вещь: она требуется любому человеку, и без нее жизнь попросту невозможна.

В качестве курьеза приведу здесь образец мыслей современных православных в конце XX в. Вот что вполне серьезно пишет о русских директор крупнейшего издательства, патриот и православный, имя которого я решил не приводить здесь:

«Русские. Сверхнарод общего Мира, сверхнарод Жизни. Уникальный внеисторический сверхнарод. Главной задачей проекта является общая для жизни и на Земле и на Небе цель — сохранение в человечестве человечности, то есть способности наполнить духовное тело Богом, вне зависимости от главенства на Земле текущего проекта. Единая Небесно-Земная жизнь человечества должна продолжаться в проекте вне зависимости от состояния разделенности Неба и Земли. Критически важным для проекта является сохраняющаяся связь с Небом и Богом. Именно эта связь дает возможность адаптироваться к любому из незавершенных глобальных проектов сверхнародов или видоизменить его в русской части человечества. Адаптация становится возможной благодаря способности очистить свое естество от его содержимого — “вымести свой дом”. Далеко не всегда удается наполнить “пустой дом” Богом, но способность “вымести дом” хотя бы оставляет для этого хоть какую-то возможность».

На первый взгляд это нечто, вы-

ходящее за рамки психических норм. Читая эти строки, можно заключить, что их автор сильно увлекается мистикой, и возможно, это увлечение завело его слишком далеко: он повредился рассудком. Однако тот же человек в то же самое время принимал вполне здравые решения в своем издательстве, чей оборот составляет многие миллионы долларов. Версия помешательства, таким образом, отпадает. Возможно, впрочем, что он просто напился и нес глупости. Но эти глупости вполне определенного рода, в них многое архетипично. Итак, перед нами *фантазия*, совершенно оторванная от реальности, и фантазия особого рода. Это попытка русского, искренне переживающего за свой народ, уйти из реальности, в которой русских унижают все кому не лень. Человек этот, как вообще многие одаренные русские, *создает* другую реальность, в которой его и вообще русских *никто не обижает*. Он изобретает фантазмагорические цели — «наполнить духовное тело Богом, вне зависимости от главенства на Земле текущего проекта», которые никому, кроме забытых русских, не то что неинтересны, а попросту непонятны, и в этом хармсианском мире «добивается успеха».

Такое поведение обусловлено двумя факторами: во-первых, человек (и этнос в целом!) стремится к свершениям и тому чувству исполненности и самоуважения, которое приносят крупные достижения. Он уходит от прямой конкуренции с соперниками и дает себе волю в сфере фантастической — здесь его «цели» и «действия» раздуваются до «вселенских» пропорций, насколько гигантских, настолько же и комичных с точки зрения других этносов. **Это модель поведения шута, который путает свой шутовской и реальный миры.** Второй причиной, ведущей к подобному бегству из реальности, нужно назвать воспринимаемую невозможность изменить положение дел. Неважно, насколько это так на са-

мом деле — человек убежден, что ничего никакими усилиями изменить в положении своего народа нельзя. Автор смирился с таким положением дел, более того, оно в его искаженном понимании **справедливо**. Это может показаться невероятным, но у русских, как и вообще у многих длительно угнетаемых групп, возникает сознание справедливости угнетения. «Мы большего не заслуживаем», — думают люди и учат этому своих детей из поколения в поколение.

Справедливости ради следует добавить, что такого рода эквилибристика с этнической идентичностью и подмена ее религиозной не исчерпывает всех направлений современного православия. Если рассматривать не официальные церковные источники, то найдется весь спектр от либеральных до правых националистических взглядов, связываемых с православием. Это внушает надежды, т.к. между православием и русской (или любой другой) национальной идентичностью нет противоречия. Достаточно лишь расставить их по своим местам, чтобы каждая из них заработала на благо народа и не во вред ему.

Национализм без национальности

Среди тактик борьбы с национальной идентичностью следует, пожалуй, особо выделить подмену понятия «национальный». Этот прием отличается от подмены национальной идентичности на другие виды идентичности. К нему прибегают, когда колонизаторам не удается остановить национальный подъем. Как это выглядит на практике? Поскольку именно этот прием сейчас начали применять в России, опишу именно этот частный случай.

Материалом для построений, как правило, служат изыскания в области национализма Эрика Хобсбома, Эрнста Геллнера и Энтони Смита. Эти авторы занимались тем, что создавали такие модели национализма и соответствующей ему национальной идентич-

ности, которые можно было бы вписать в парадигму мультикультурализма. Для этого понадобилась стерилизация национализма, по той очевидной причине, что национализм совместить с мультикультурализмом не представляется возможным уже хотя бы потому, что национализм подразумевает развитие национальных начал, а мультикультурализм приведение их к наименьшему общему знаменателю, т.е. к разрушению. Либо строить, либо разрушать — тут уж что-то одно. Так вот, Хобсбом, Геллнер и отчасти Смит толковали национализм так, чтобы он стал годен к употреблению в современном западном обществе: по их работам можно читать курсы студентам, писать рефераты, ссылаться на них в публицистике — все это безо всякого риска затронуть суть явления, при довольно простом описании его исторических форм. Интеллектуальный продукт этих авторов, препарированный и обескровленный, предназначен для профанного употребления: от него вреда никакого, как, впрочем, и пользы.

Пользуясь трудами этих авторов, политики раскалывают понятие нации и национализма и утверждают, что есть якобы *«этнический национализм»* и кроме него какой-то другой, например, основанный на гражданстве. Далее *«этнический национализм»* отправляется на задний план как отсталая форма, а гражданский легким движением руки превращается в *«единственно верный»*. Таким образом создается более или менее правдоподобный макет национальной идентичности, в котором остается название, но изъято все существенное содержание.

Начать с того, что *«этнический национализм»* — это тавтология. Никакого другого, кроме этнического, и быть не может, т.к. речь идет в конечном счете о биологических явлениях, связанных с этносом как популяцией. Кроме того, говорить о том, что

может существовать еще и *«гражданский национализм»*, значит отбрасывать всю историю человека разумного и утверждать, что явления масштаба национальной идентичности могут возникать произвольно за одно мгновение (в масштабах биологического и даже исторического времени). Гражданский национализм никак не учитывает генетическое родство людей, живущих на одной территории. Между тем не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы заметить разницу между корейцем, живущим на Дальнем Востоке, и русским. Она очевидна, поскольку это люди разных рас, но одного гражданства. Отказаться от этих очевидных различий, сделать вид, что их не существует, во имя какой-то другой общности и предлагает *«гражданский национализм»*, т.е. *«национализм»* которой никто никогда на деле не наблюдал.

Эти шаткие конструкции часто пытаются поддержать оптическими иллюзиями из истории, самая распространенная из которых — участие разных народов СССР в войне с немцами. Во-первых, факты зачастую говорят об обратном: на каждого нацимена, воевавшего на стороне русских, найдется другой, перешедший на сторону немцев. Во-вторых, даже то, что часть из народов воевала совместно с русскими, ничего не говорит об их готовности идентифицировать себя с русскими в рамках одной государственности. Чего стоит эта идентификация — стало, в частности, ясно с распадом СССР. Так, стало быть, никакой общей идентичности и не было: была выгода от участия в распределении ресурсов в свою пользу, а как только ее не стало — не стало и *«идентичности»*. Так вот, *«гражданский национализм»* — это та же конструкция, только по-другому названная. Вот и весь *«гражданский национализм»* — шарик лопнул после СССР, лопнет и в РФ, если надувать именно воздушные шарики. Американские негры демонстрируют ровно то же самое по отношению

к белым американцам, ирландцы — по отношению к англичанам, баски — к испанцам, курды — к иракцам, абхазцы — к грузинам и так далее — везде ясно, что этническая идентификация на порядки сильнее гражданской.

В то же время в пределах одного этноса можно наблюдать, что национальное самосознание возникает, когда люди начинают ощущать себя единым народом и гаснет, как только единство расщепляется. Америка наглядный тому пример: поглощать огромные потоки иммигрантов эта страна могла только до тех пор, пока они шли в основном из Европы и пока актуализировалась концепция «одной нации под Богом», каковой считали себя американцы до второй половины XX в. Важно подчеркнуть, что поток европейских иммигрантов, по некоторым данным — на 60% немцев, представлял собой популяцию, которые смешивались длительное время в Европе, и поэтому их ассимиляция в рамках единой американской нации не составляла большого труда. Более того, те из иммигрантов, которые более всего отличались генетически от англосаксов, т.е. от основы американцев как нации, а именно ирландцы и итальянцы, всегда составляли самые тесные и изолированные общины.

Когда же Америка открыла шлюзы для неевропейцев и в нее хлынули азиаты и латиноамериканцы, а прежняя концепция нации была пересмотрена и наскоро заменена на «плавильный котел», американское общество моментально проявило первые признаки болезни в виде распада семьи и эрозии

базовых протестантских ценностей, стремительно перерождающихся сейчас в свои прямые противоположности. По-другому и быть не могло: любая империя создается одним и только одним народом, а то, что она включает в себя и другие, говорит не о синтетической природе империй, а об избытке сил, в т.ч. и емкости идентичности ее основного народа, способного, благодаря этому избытку, контролировать дополнительную территорию и ресурсы.

Возвращаясь к русской национальной идентичности, приходится признать, что на нее длительное время оказывается давление, направленное на разрушение и подмену, и что это давление в значительной степени достигло своей цели: русская идентичность была разрушена. При всей серьезности означенных проблем, однако, нет никаких причин считать, что русские обречены на роль вечных неудачников. Параллели с другими колонизированными народами ясно указывают, что деформация идентичности под действием колонизаторов — это, кроме прочего, взведенная пружина, которая может в любой момент разогнуться. Первым и необходимым шагом к этому всегда становится критическая масса людей, *совершивших революцию во взглядах*, т.е. отказавшихся от унижительного взгляда на себя и свой народ и отвоевавших себе, таким образом, право на позитивную национальную идентичность. Таких людей среди русских с каждым годом больше и больше.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ГОНКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ:

СЕКРЕТ ЛИДЕРСТВА

Статья третья

Интеллигенция, книга, прогресс

Перед нами прошло в предыдущем тексте несколько примеров, позволяющих говорить об огромной роли печатной книги в судьбе как малых, так и больших народов и даже в судьбах целых мегацивилизаций. Лицо мира, судьбы всей антропосферы изменялись в зависимости от взаимоотношений этих цивилизаций, а едва ли не главным фактором этих перемен, как выясняется, была печатная книга.

Одно из наиболее важных обстоятельств истории книгоделания вообще и книгопечатания в частности состоит в его взаимной связи с процессом становления и развития интеллигенции как особого сословия (впоследствии класса). Данная тема достойна монографического исследования, превышающего мои возможности, поэтому ограничусь здесь постановкой проблемы и кратким очерком ее.

Книга — предмет вполне бесполезный для неумеющего читать, вдвойне бесполезный — для нежелающего уметь читать.

Потребность в чтении, в книге надо заслужить, а то и выстрадать. Она не дается от рождения каждому.

Для того чтобы книга стала главным фактором прогресса и даже мирового господства, должна была вначале возникнуть среда, книгу потребляющая, в книге нуждающаяся, книгу создающая и осваивающая.

Но и этого мало. Бывают читатели и читатели. От того, что Полиграф Шариков прочел переписку Энгельса с Каутским, в судьбах мира не дрогнуло ничего. А от того, что Володя Ульянов прочел Чернышевского и Маркса, перевернулся весь мир. Это значит, что для того чтобы книга проявила всю свою силу, должна быть не просто читающая среда, но особая категория людей, претворяющая знания и идеи в жизнь. Должны быть профессиональные, специально обученные работники умственного труда (таково наиболее общее определение интеллигенции).

Отношения интеллигенции с книгой (и с другими носителями информации, конечно) — это и есть главный фактор прогресса, двигатель истории, залог грядущих перемен в жизни всей антропосферы¹.

Отношения эти сводятся к тому, что интеллигенция вызвала книгу к жизни, создала ее, но затем попала от книги в зависимость, после чего алгоритм уже взаимных отношений установился простой: рост численности и качества интеллигенции влечет за собой рост тиражей и репертуара книг, что, в свою очередь, расширяет круг интеллигенции, вовлекая в него пу-

¹ В отдельных случаях соединение интеллигенции определенного толка с определенного же толка книгами образует взрывчатую смесь, способную в исторически ничтожный срок произвести прямо-таки колоссальную работу.

тем чтения все новые слои. Таким образом, общественное влияние книги и интеллигенции неуклонно возрастает в постоянном взаимодействии, являя собой некое подобие двойной спирали, устремленной в бесконечность.

Так процесс должен протекать в норме. Сбой в одной из его составляющих, будь то производство интеллигенции или производство книг, подрывает возможности цивилизационного развития, прогресса, приводит к застою.

Некоторые моменты истории этого важного процесса я хотел бы осветить.

Кстати, о благе эксплуатации

Несомненно, специалисты умственного труда появляются еще на стадии дописменной. Это жрецы, музыканты и сказители, врачи, художники и т.д. Развитие этих профессий ставило проблему передачи специальных познаний, чему на первых порах соответствовала устная традиция.

Важно осознать факт: появление первобытной интеллигенции (если угодно, протоинтеллигенции) формировало потребность в передаче информации, а не наоборот. Спрос предшествовал предложению, выражаясь политэкономически.

Результатом явилось возникновение школы и письменности: таким было ответное предложение, адекватное спросу.

Революционные достижения в этих сферах, давшие старт гонке цивилизаций, связаны с переходом к рабовладению, в защиту которого необходимо сказать несколько слов.

Трезвомыслящему историку крайне обидно сознавать, что рабовладение как таковое оклеветано в тысячелетиях, притом по соображениям безобразно иррациональным². В то время

как на самом деле мы обязаны именно рабовладению всем, что любим и чем гордимся в человеческой истории: наукой и культурой. Все лучшее, что создано homo sapiensом, что хоть как-то вообще оправдывает его существование на Земле, создано только благодаря тому, что в некий момент у неких людей появилась возможность содержать раба, который, делая физическую работу, обеспечивал досуг своим хозяевам, а они могли использовать этот досуг для умственного труда.

Стоит задуматься над фактом: если история европеоида насчитывает, по современным данным, около 50 тысяч лет, а история науки и культуры, по большому счету, — всего около 7 тысяч лет (совпадая с возникновением рабовладельческих обществ), это означает лишь одно: не знавшее рабовладения общество 43 тысячелетия топталось примерно на одном месте, не способное к дальнейшему развитию. Ученые отмечают даже, что на протяжении многих тысячелетий имел место не прогресс, а регресс крома-ньонца, поскольку древние стоянки, как ни странно, уступают древнейшим по ассортименту и качеству изготовления изделий из камня, рога, кости и дерева. Хотя потом снова наблюдается технологический подъем.

Так, в безнадежно отсталом, почти застойном существовании протекло шесть седьмых истории белого человечества (а многие небелые народы вообще не вышли из этого состояния: австралийцы, тасманийцы, новозеландцы, папуасы, племена бассейна Амазонки, Центральной Африки и мн. др.). Медленно-медленно накапливались

работать для насущного хлеба, важно в высочайшей степени: вся высшая умственная работа выполняется ими, а от такой работы главным образом зависит материальный прогресс всякого рода, не говоря уж о других высших преимуществах» (*Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой подбор. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1908. С. 105, 123).

² Все это понимал еще Дарвин: «Рабство... вовсе не считалось преступным до очень недавнего времени, даже у наиболее цивилизованных наций»; «Существование многих образованных людей, которым не приходится

хозяйственные технологии, повышающие производительность труда и позволяющие сохранять запасы. Но в один прекрасный день человек научился производить и сохранять больше, чем мог потратить сам со своей семьей. И тогда включился механизм эксплуатации человека человеком, после чего всего лишь за одну седьмую своего существования сообщества европеоидов и монголоидов взлетели до звезд в прямом и переносном смысле, попутно создав вообще все, что мы ценим в антропогенной сфере жизни. Досуг — и отделение умственного труда от физического: вот наиболее драгоценное детище рабовладения.

Рабовладение со временем сменится феодализмом, потом капитализмом и т.д. — но суть останется навечно: эксплуатация человека человеком как основа разделения труда.

Какое отношение имеет это к школе и книге? Самое прямое.

Как известно, само слово «школа» происходит от греческого термина, означающего досуг, свободу от физических занятий³. И это так знаменательно!

Здесь мы должны вернуться к нашей теме и раскрыть связь школы и книгодедания.

Для этого мы вновь обратимся все к тем же трем великим, вечно соперничающим, цивилизациям, более всего близким нам по времени и месту своего развития. А значит, более доступным для исследования.

Китай

Если верить древним письменным источникам, первые школы в Китае появились в 3-м тысячелетии до н.э.

Это были двоякого рода училища: «сюй» и «сян». В школах сюй учили военному делу, в частности стрельбе из лука и т.п. А школы сян были заме-

чательным социальным изобретением, позволявшим решить одновременно проблему двух непростых возрастов: юности и старости. Сян располагались в своего рода домах для престарелых, которым поручалось обучать и наставлять молодежь. Таким образом, знания и жизненный опыт передавались новым поколениям, жизнь стариков обретала смысл, а их пропитание становилось заслуженным.

Но были ли то школы в полном смысле слова? Пожалуй, нет: в них не было ни системы, ни обязательного набора предметов, ни учебных программ. Грань между воспитанием и обучением еще не была четко проложена, и устная передача опыта и знаний вполне могла удовлетворять процессу такого научения.

Настоящая школа появляется в эпоху Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.); для ее обозначения использовалось слово «сюэ» (учить, учиться). Тогда в Китае процветало рабовладение, а сословно-классовые границы были очень жестки; в сюэ могли учиться лишь дети свободных и состоятельных людей, которым надлежало знать шесть искусств: мораль, письмо, счет, музыка, стрельба из лука, управление лошадью.

На смену эпохе Шан-Инь пришла эпоха Чжоу (XI–III вв. до н.э.), но и в этот период в школах обучались лишь дети из высокопоставленных слоев — в столице (го-сюэ) и менее родовой знати — в провинции (сан-сюэ).

В плане истории информатики это был период относительно широкого освоения иероглифического письма. Ибо ко времени возникновения первых школ им владели лишь т.н. «пишущие жрецы» — весьма малочисленные грамотеи, передававшие свое священное знание только по наследству, оберегая от профанов. Школы сюэ пробили важную брешь в стене жреческой замкнутости, и письменность стала обязательной принадлежностью высших сословий.

Как мы помним, поначалу иерогли-

³ В Европе школьную традицию ведут от Афин, где в начальной школе и гимназиях преследовались общеобразовательные цели.

фы вырезались на черепаших панцирях и костях различных животных. В VIII в. до н.э. для письма стали использовать бамбуковые пластины, на которых писали преимущественно соком лакового дерева с помощью заостренной бамбуковой палочки, а также шелковую ткань и тушь.

Такова была материальная основа обучения в древнейшем Китае. Ее ограниченность во многом соответствовала ограниченному контингенту обучаемых. Но вскоре изменение границ массовой образованности повлекло за собой большие перемены и в технологии письма.

Все это было связано с личностью Конфуция (551–479 до н.э.) и его концепцией образования, по которой Китай живет уже две с половиной тысячи лет. Недаром гениальный мудрец считается божественным покровителем науки и образования.

Конфуций, если можно так выразиться, пришел вовремя. Дело в том, что Китай как общественная система значительно, на многие столетия, обогнал весь мир. В то время как наиболее передовые народы на Земле строили великие рабовладельческие цивилизации, в Китае уже во второй половине 1-го тысячелетия до н.э. начался активный переход от рабовладельческого (а местами и общинного) строя к феодальному. Появились феодалы-землевладельцы, но появились и огромные массы лично свободных крестьян. Те и другие нуждались в воспитании.

Конфуций создал свою, соответствующую времени, школу, где, по преданию, прошли обучение до 3 тыс. учеников. Его теории и практики заложили основу всеобщего среднего образования в Китае.

Педагогические взгляды Конфуция дошли до нас в трактате «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), запечатлевшем беседы философа с учениками. В главе «Об учении» излагаются задачи и программа девятилетнего образования и

воспитания. Последователи Конфуция за четыре столетия составили трактат «Книга обрядов» (IV–I вв. до н.э.), где школьное образование признается необходимым для любого человека: «Думай о том, чтобы постоянно пребывать в учении».

В недолго длившийся, но исторически очень значительный период династии Цинь (221–207 до н.э.) в Китае сложилось централизованное государство на базе окончательно утвердившегося феодального землевладения. Это повлекло за собой изменение системы образования: впервые она стала централизованной. Оттоле и вплоть до начала XX в. эта система состояла из двух основных типов школ — казенных школ Гуань сюэ и частных школ Сы сюэ. Начальное образование китайцев стало более-менее стандартным и массовым. Тогда же было впервые осуществлено упрощение и унификация иероглифической письменности, что также способствовало расширению круга грамотных.

Ко II в. н.э. конфуцианство во всем Китае стало незыблемой основой педагогики. Для того чтобы воплотить завет Конфуция «государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном», необходимо было всем и каждому дать соответствующее его будущему жизненному пути воспитание и образование.

Торжество заветов мудреца выразилось в первую очередь в том, что школа превратилась в важную отрасль государственной политики, а образованность получила широкое распространение. Именно тогда в китайском народе — сверху донизу — сложился культ знаний и учения, а престиж учебного поднялся как нигде высоко. Стало невозможно сделать карьеру, получить самонаименьший пост, не сдав соответствующего экзамена, а это было доступно только человеку, имеющему хотя бы школьное образование. Такой системы не было нигде в мире. (Напомним попутно, что сравнительно недав-

но, в начале XIX в. М.М. Сперанский попытался убедить Александра I в необходимости ввести экзамен на все чиновные вакансии, и это стало одной из причин его опалы и ссылки в Нижний Новгород.)

В эпоху Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) в Китае стала формироваться трехступенчатая система образования, состоявшая из начальных, средних и высших учебных заведений. В системе государственных школ появились первые высшие школы, как специально для знати — Школа сынов государства (Го Цзы Сюэ), так и общегосударственная императорская высшая школа Тай сюэ, заслуживающая имени университета того времени. Они создавались центральными властями для обучения детей из богатых семей. В каждой такой высшей школе могло обучаться до 300 человек. Высшие школы процветали, их количество стало расти.

Учили, разумеется, только мальчиков (с восьми лет), но независимо от происхождения. Обязательным минимумом было обучение чтению, письму и счету. Дополнительные программы зависели от состоятельности родителей: кто мог — оплачивал учителя, обычно из студентов, а кто не мог — отдавал ребенка в бесплатное городское или сельское малое училище. Там одних учили ухаживать за грядками и полем, а других — этикету, приему гостей, верховой езде и стрельбе из лука. По китайским установлениям, на государственные нужды нельзя было у людей отбирать ничего, составляющего жизненную необходимость человека. Государство не мешало, а помогало людям жить, и за обучение детей из народа плата не взималась.

В четырнадцать лет детей правителей, сановников, ученых и врачей, а также выделившихся блестящими способностями детей простонародья направляли в Высшие училища, где учили постигать начала вещей, очищать свои желания, исправлять и совершенствовать себя и управлять людьми.

Понятно, что потребность в письменных принадлежностях и в обучающей литературе возросла настолько, что прежние технологии не могли ее удовлетворить.

Надо ли удивляться, что именно в период династии Хань появилась и сразу широко распространилась бумага и первые деревянные печати, что позволило осуществить подлинную революцию в средствах обучения и открыло прямую дорогу к созданию китайских рукописных, а там и печатных книг.

В дальнейшем, в течение III–X вв., система просвещения в Китае благоприятно развивалась и регламентировалась: был распisan учебный год, порядок учебы, каникул, экзаменов. С 606 г. к государственным экзаменам допускались все, независимо от происхождения. Спрос на талант и ученость рос в государстве непрерывно.

Как известно, конфуцианство — не религия, скорее свод нравственных и житейских правил. Поэтому было бы неправильно делить китайскую ученость на светскую и церковную. Знание канонических конфуцианских книг осталось главным требованием к экзаменуемым, но оно вовсе не превращало студента в оторванного от жизни богослова. А кроме того — наряду с этим требовалось знать арифметику, историю, географию и юриспруденцию, владеть искусством каллиграфии, уметь вести беседу и сочинять в рифмованном виде литературные произведения!

В период правления династии Суй (581–617) сеть государственных учебных заведений, особенно высших, заметно расширилась. А следующая династия — Тан (618–907) и вовсе считается золотым веком китайской интеллигенции, веком расцвета литературы и искусства.

Завоевание Китая монголами не внесло никаких роковых изменений в систему образования, напротив, только разнообразило ее. В конце XIII — середине XIV в. при монгольской ди-

насти Юань (1279–1368) действовала обширная сеть учебных заведений (ок. 25 тыс. в 1289 г.), добавилось множество монгольских школ и даже специальная академия для монгольской аристократии. Возникли специализированные математические, медицинские, астрономические и др. школы.

В правление династии Мин (1368–1644) значительное увеличение сети элементарных учебных заведений сделало грамотность почти всеобщей. В Пекине и Нанкине были созданы новые высшие учебные заведения специально для подготовки кадров высшей администрации. Особая высшая школа, где предлагалась программа из тридцати курсов, была учреждена для обучения детей императорской фамилии.

Благоприятнейшие для просвещения времена привели китайское книгопечатание к небывалому расцвету. Как мы помним, именно в эпоху Мин опытный печатник уже изготавливал в день до 1500 двухстраничных листов, и к XVI в. полностью сложился классический вид китайской печатной книги.

Вместе с тем, как это бывает в истории, в ту же эпоху величайшего процветания и культурного подъема в китайском обществе наметились признаки стагнации и надлома. Система производства интеллигенции впала в затяжной кризис, о причинах которого я здесь не сужу (возможно, к ним относится т.н. «кризис перепроизводства интеллигенции» — опасное явление, не раз отмеченное в истории).

Проявления кризиса были таковы. Излишняя мелочная регламентация засушила и формализовала живой процесс познания и совершенствования. От экзаменуемых больше не требовалось знания важнейших наук (арифметики, истории, географии и т.д.), экзамены требовали лишь пустой зубрежки. Появилась поговорка: «Чтобы выдержать экзамен, нужно обладать резвостью скакуна, упрямством осла, неразборчивостью вши, выносливостью верблюда».

Видный публицист Ванг Шу Ен (1472–1528) писал о недоверии, которое стала вызывать традиционная школа, лишившаяся творческого начала: «Учителя наших детей не делают ничего иного, как учат повторять громким голосом фразы и письменно воспроизводить учебник. Они... выказывают свою неспособность вести детей по пути добродетели... Сами же дети смотрят на школу как на тюрьму, куда отказываются войти. Они видят в своих учителях злодеев и врагов и не желают с ними встречаться».

Последовавшее за сим завоевание Китая маньчжурами окончательно ввергло китайское общество в застой, продлившийся вплоть до начала XX в. Вопросами национальной модернизации в отсутствие национальной элиты некому стало озаботиться. (В противоположность Японии, закалившей свой национальный характер в ходе трехсотлетней самоизоляции и с честью вышедшей потом на путь модернизации под водительством своих природных лидеров.) Это коснулось и системы образования, так и не дождавшейся чаемых перемен. Страна все больше погружалась в ложную самодостаточность, отказываясь адаптировать достижения мировой мысли.

Как мы помним, этому периоду соответствует застой и в книжном деле Китая.

Зависимость книгоделания от состояния системы образования, таким образом, на примере Китая вполне очевидна. Стагнация второй привела к стагнации первого.

Страны ислама

В отличие от Китая, в арабском мире все начальное образование было подчинено религиозным задачам. Главный предмет был — изучение арабской грамоты ради того, чтобы читать и учить Коран. А дабы ученик мог не только читать, но и писать, проводились диктанты. Ни в городах, ни в селениях не было школ, кроме частных религиоз-

ных (китаб), которые до XII в. даже не имели особых помещений; занятия проходили в мечетях, реже — в доме или лавке. При этом местные духовные и светские власти держали под строгим контролем все содержание обучения на предмет соблюдения канонов ислама.

Обучение было платным, но о плате (как правило, невысокой) учитель договаривался непосредственно с родителями ученика. Это свидетельствует, с одной стороны, о понимании населением необходимости образования, а с другой — о том, что халифат (в отличие от имперского Китая) не воспринимал эту задачу как свой долг и пустил дело просвещения на самотек, отдав обществу всю инициативу в данном вопросе.

Научившись читать и писать, юноша (а в некоторых странах и девушка) мог претендовать на второй (высший) уровень образования в просветительских кружках — фикхах и каламах. Но и тут занятия обычно проходили в мечетях и были платными. Учитель сидел на застланном коврами полу в центре, а по кругу рассаживались ученики. Таких кругов в огромных мечетях столичных городов могло одновременно рассаживаться несколько десятков.

Второй уровень образования подразумевал постижение, кроме богословских дисциплин (изучение преданий о жизни пророка Мухаммеда, мусульманское право, арабская филология, риторика и собственно богословие), также и светских наук. Таковыми считались: этикет, каллиграфия, логика, математика, астрономия, медицина и другие естественные науки. Основным авторитетом в этой области наук для мусульман служил Аристотель, чьими идеями пронизывалось все обучение.

Особо стоит отметить мусульманскую Испанию, где в X веке народное просвещение было поставлено на широкую ногу при Абдурахмане III (912–961) и Галеме II (961–976). В одной

лишь Кордове насчитывалось около восьмидесяти учебных заведений, в том числе несколько высших школ, но школы и библиотеки открывались также и по всей стране. Причем ученики многих китабов получали одежду и еду, а занятия изящной словесностью дозволялось посещать и женщинам. Высшие школы, помимо Кордовы, славились в Толедо, Саламанке, Севилье.

Учебный процесс состоял по большей части в том, что ученик читал заранее подготовленный преподавателем текст, а тот комментировал его по ходу чтения или читал лекцию, тематически связанную с прочитанным. Прочие студенты конспектировали то и другое.

Такой метод преподавания требовал большого расхода бумаги для записей и конспектов (с бумагой в арабском мире уже с IX в. проблем не было), но зато позволял обходиться малым количеством источников (книг), поскольку одному чтецу внимали многие слушатели одновременно. Как мы помним, каллиграфия была развита в мире ислама необычайно, а потому для средневековой системы образования книг в общем-то хватало.

Что касается университетов на Востоке, то правильнее было бы говорить о высших школах и заведениях университетского типа, которыми становились отдельные, наиболее выдающиеся медресе (по-арабски: «место, где изучают»), а также так называемые «дома мудрости». Эти дома, первый из которых появился в Багдаде при халифе Мамуне (786–833), предназначались для встреч и дискуссий наиболее выдающихся местных интеллектуалов. Сюда приходили обмениваться мнениями известные ученые, здесь накапливались богатые собрания рукописей, вырастали целые библиотеки, действовали лекционные залы.

Багдадский Дом Мудрости сравнивали с платоновской Академией, сюда были собраны выдающиеся ученые со всего халифата, в том числе из Сред-

ней Азии и Ирана. При Доме Мудрости существовала библиотека «Хизанат ал-Хикма». Помимо философских и богословских задач, перед учеными ставилась задача перевода на арабский язык индийских и древнегреческих трудов по астрономии, математике, медицине, алхимии, философии и т.д. Глава переводчиков Дома Мудрости Хунайн-ибн-Исхак ал-Ибади, владевший четырьмя языками, перевел на арабский не только Платона и Аристотеля, но и труды знаменитых основоположников греческой медицины.

Мусульманские университеты появились намного позже китайских, но заметно раньше европейских и служили для тех образцами. Самое первое медресе было открыто в Марокко в 859 г. В Багдаде первое медресе была создано в 1055 г, но самым знаменитым стало багдадское медресе Низамейи, основанное в 1067 г. политическим деятелем аль-Мульком. К XIII в. многие медресе уже работали во всех исламских странах, в том числе в Бухаре, Самарканде, Среднем Поволжье, Башкирии и др.

Характерно, что в отличие от Китая эти исламские университеты изначально открывались и существовали на средства богатых меценатов (в том числе на личные средства правителей) и имели статус *частных* учебных заведений.

Правда, со временем халифат стал брать многие расходы на себя, обеспечивая студентов жильем, продовольствием, небольшим денежным пособием, выплачивая жалованье преподавателям. Иногда власти полностью финансировали медресе, как это было в Басре, Исфагани, Герате, Мерве и других городах. Но в общем и целом это были негосударственные заведения.

Учебники для них зачастую создавались крупными учеными. Так, Бируни создал пособие для обучения математике, астрономии и географии под названием «Вразумление началам

звездочетства». Медицину изучали по энциклопедии, составленной ибн Рушдом, по трактатам Авиценны. И т.д.

Как видим, развитие образования на мусульманском Востоке выглядит как естественная потребность самого общества, а не осознанная цель государства. Оно возвращало потребность в чтении, в книге не меньшую, если не большую, чем в Европе.

Конечно, огромное количество переписчиков и каллиграфов отчасти удовлетворяли своими трудами этот спрос, но не могли обеспечить сохранность знаний и преемственность традиций в должной мере. К примеру, упомянутый выше Дом Мудрости в Багдаде был разрушен 12 февраля 1258 г. взявшими город войсками монгольского хана Хулагу, а все сберегавшиеся в нем книги оказались попросту выброшены в реку Тигр⁴. Поскольку среди рукописей было немало уников, потеря оказалась невосполнимой.

Тем более жестоким выглядит противоречие между этой высокой потребностью и запретом на книгопечатание, введенным Селимом Грозным в 1517 г. В результате спрос исламской интеллигенции на печатную книгу так и не был удовлетворен вплоть до XX в., что привело к недоразвитию и дефективности самой интеллигенции и как следствие — к деформации всей надстроечной сферы Оттоманской империи и ее наследников.

Мусульманское общество создало многочисленную интеллигенцию с большими интеллектуальными и духовными запросами, но государственная машина Османов воспрепятствовала удовлетворению этих запросов. Напрашивается сравнение с непропорционально крохотными ножками-копытцами китайских аристократов, бесчеловечно изуродованными жест-

⁴ Поистине, действует закон кармы, неотвратимого воздаяния! Как не припомнить тут уничтожение Александрийской библиотеки арабами за шесть веков до того...

ким бинтованием с самого рождения и лишенными нормального развития. Такими ножками интересно любоваться, вот только стоять и ходить на них слишком трудно: опора мала.

Приведенные сведения лишь добавляют новые печальные подробности к истории захирения исламской цивилизации, проливают дополнительный свет на естественные причины этой глобальной трагедии. А сам факт захирения позволяет вновь подчеркнуть мысль о необходимости соответствия процесса книгоделания — процессу формирования интеллигенции.

Европа

Итак, в Китае сбой (ошибки) в системе государственного воспроизводства интеллигенции повлек за собой торможение в развитии книгоделания. А в странах ислама, наоборот, запрет на книгопечатание трагически отразился на процессе негосударственного воспроизводства интеллигенции, снизив ее творческий потенциал. То и другое роковым образом сказало на результатах гонки цивилизаций.

Европа счастливо избежала обеих опасностей и выбилась в лидеры.

Как школа, так и традиции письменности всем европейским народам достались в наследство от Римской империи, точнее даже — от того не имеющего твердых границ исторического и духовного явления, которое мы называем *Rex Romana*. Но и то, и другое постепенно менялось. Причем первоначальные изменения испытывала школа, а они влекли за собой изменения в письменной традиции. В паре «школа — книга» первая всегда была ведущей, а вторая — ведомой.

В раннесредневековой Европе к концу III — началу IV в. на смену античной школе устанавливаются три типа новой, христианской начальной школы: приходская, епископская и монастырская. Они различались как уровнем образования, так и степенью светскости, их количество неуклонно

росло с ростом городов и монастырей.

Базой для обучения были, естественно, книги, скриптории, библиотеки. Но они появляются не враз, обвально, и даже не синхронно с указанным разделением школы. В те времена изготовление текстов еще не было поставлено на поток и было делом одиночек. Однако значительные сдвиги в книгоделании все же происходят уже в IV столетии: пергамент, изобретенный во II в. н.э., начинает вытеснять папирус из сферы книгоделания, и одновременно происходит связанная с этим важнейшая реформа книжной технологии: книга-свиток заменяется книгой-кодексом.

По мере увеличения числа грамотных кадров спрос на книгу возрастает.

Ответом на этот спрос явились специальные мастерские — скриптории, начиная с самого первого, созданного Кассиодором (487–575) недалеко от г. Сцилаце на берегу Тарентского залива. О масштабах его деятельности легко судить по тому, что некоторые изготовленные там рукописи сохранились до наших дней. Следующий крупный центр книгоделания — Луксейский монастырь, основанный в Бургундии в 590 г. ирландским монахом Колумбаном (550–615). Данный скрипторий прославился в Европе настолько, что в начале VII в. королева Батильда учредила монастырь в Корби близ Амьена и пригласила туда знаменитого Колумбана и луксейских монахов-переписчиков. В результате образовался новый крупный скрипторий, где были созданы сотни рукописных книг. Тот же Колумбан, великий просветитель своего времени, в 613 г. отправился в Италию, где успел основать еще один монастырь со скрипторием — Боббио. Впоследствии библиотека при этом монастыре стала знаменитейшей во всей средневековой Европе. В VIII–IX вв. ирландские монахи, продолжатели дела Колумбана, создали иные монастыри по берегам рек Маас и Рейн, а к концу XI в. и в Регенс-

бурге, Бамберге, Нюрнберге. При монастырях неизменно возникали скриптории. Эта традиция без особых изменений дожила до Гутенберга.

Работы монахам-переписчикам хватало. К примеру, при Карле Великом (747–814) во всей Франкской империи был установлен принудительный характер школы для всего населения. Правда, при его преемниках он был благоразумно отменен. Однако расплодившиеся в большом количестве монастырские школы, как внутренние, для клириков, так и внешние, для населения, остались и продолжали действовать.

Новый поворот наметился с конца XIII в., когда свободные города и «братья общей жизни» (своего рода средневековые коммуны) стали учреждать свои собственные школы, а также, что очень важно, начали появляться платные начальные школы частных лиц. Все они требовали книг, учебников, пособий.

А между тем указанное расширение школьного образования в немалой степени объясняется тем, что в Западной Европе уже в XI–XII вв. возникла высшая школа, ставшая мощным стимулом к образованию, к развитию школы вообще. Первые университеты появились в Италии (Болонья, 1088; затем Неаполь, 1244, и высшая медицинская школа в Салерно), во Франции (Парижская Сорбонна, 1215, хотя фактически ранее, и в Монпелье, 1289), Англии (Оксфорд, с XII в., и Кембридж, 1209), Испании (Саламанка, 1218), Португалии (Лиссабон, 1290), Чехии (Пражский Карлов университет, 1348), Польше (Краков, 1364), Австрии (Вена, 1365), Германии (Гейдельберг, 1386), Бельгии (Лувен, 1425), Швеции (Упсала, 1477), Дании (Копенгаген, 1479).

Университеты не знали ни сословных, ни имущественных, ни возрастных или каких-либо иных ограничений и непрерывно пополняли своими выпусками ряды средневековой интеллигенции. Так, к Парижскому универси-

тету одновременно бывало приписано до тридцати тысяч студентов, включая даже стариков.

Неудивительно, что университеты обычно вырастали из монастырских школ или возникали как кампусы у монастырских стен. Ведь именно монастырские скриптории и библиотеки давали человеческую и материальную базу для преподавания. Но это обстоятельство вовсе не предопределило клерикальный характер книгоделания, как можно было бы предположить.

Численный и качественный рост системы образования (мы, как видно, можем говорить уже именно о системе), особенно высшего, не только влек за собой все возрастающий спрос на книгу, но и определял ее репертуар. Ибо с XIV в. основной (!) поток студентов уже устремлялся на овладение не церковными, а светскими профессиями: вплоть до начала пятнадцатого века теологи составляли всего около 40% выпускников, а в дальнейшем и того меньше. Первый (для многих и последний) этап обучения длился 3–4 года на низшем факультете семи свободных искусств, где изучались: грамматика, риторика и логика (тривиум), арифметика, геометрия, музыка и астрономия (квадривиум). Музыка преподавалась как отрасль математики или физики. Далее шли высшие факультеты — богословский, юридический и медицинский.

Огромная жажда знаний во много раз перекрывала скромные возможности скрипториев. Когда Гутенбергом было изобретено европейское книгопечатание, невероятный книжный бум, о котором писалось в предыдущей главе, своими количественными параметрами, а главное — необъятным репертуаром отразил тот колоссальный спрос на книгу, который был порожден неуклонным накоплением грамотной и высокообразованной по тем временам аудитории. Существовая в латентном виде, этот спрос создал, однако, такой мощный информационный вакуум, что заполнить его мог лишь столь же мощ-

ный информационный взрыв — а иначе эпоху инкунабул и не назовешь! Технический гений Гутенберга объясняет, как стал возможным такой взрыв, но только история школы, в том числе высшей, может объяснить, почему он произошел.

Россия

Розгою Дух Всесвятой
дети бити велит.

«Азбуковник»

В допетровской Руси картина была существенно иной. Ее исследование позволяет в очередной раз ставить вопрос о гораздо большей духовной близости русских к Востоку, чем к Западу. Эта крамольная для моего русского современника мысль давно уже стала привычной для меня. Ниже расположены новые аргументы в ее пользу.

Во-первых, как мы уже знаем, книжный репертуар как рукописной, так и печатной русской книги был более чем на 90% религиозным. **Вероцентризм**, если позволительно так выразиться, — фундаментальная характеристика русского менталитета, абсолютно роднящая его с цивилизациями Востока.

Во-вторых, такого явления, как книжный бум, Древняя Русь, как и средневековый Восток, не знала: книгопечатание развивалось куда более плавно, словно нехотя, а не таким феноменальным качественно-количественным скачком, как в Европе XV в. Конечно, сам факт тиражирования книг менял общую картину русского книжного рынка XVI–XVII вв., но далеко не так радикально, как на Западе в эпоху инкунабул. Начальный период книгоиздания в Европе XV века можно обрисовать словом: «дорвались!». Начальный период книгоиздания в Османской империи XIX в. лучше постигается через слово «прорвались!». Но на Руси XVI века начальный период книгопечатания хочется скорее назвать словом «нарвались!», настолько Иван Федоров выглядит в русской истории

нежеланным гостем и настолько мизерные перемены в русской духовной жизни обеспечило поначалу его наследие. Русский книжный бум и информационный взрыв однажды все же состоится, но в далеком будущем — через двести лет.

То и другое не лучшим образом характеризует специфику древнерусской образованности.

Важнейшим тормозящим обстоятельством было отсутствие на Руси университетов и частных платных школ, в т.ч. высших. Хотя в принципе всемирное православие вовсе не было противником светского образования. Между прочим, самым первым европейским университетом, основанным еще Феодосием Вторым в 425 г., за 600 с лишним лет до Болонского университета, считается именно Константинопольская высшая школа.

Однако, как ни печально, но на образование в Древней Руси сей факт никак не повлиял, эту византийскую традицию наша страна не переняла, и даже отделений эллинской высшей школы в русских городах не было. Производство интеллигенции на Руси шло стихийно, от случая к случаю, самотеком, государство не принимало в нем никакого участия и не тратило ни копейки на просвещение своих подданных. Это положение вздумал было изменить Ажедмитрий I, который намеревался основать университет, а также «обещал повелеть учредить школы в городах и деревнях, подобно существующим повсеместно в Польше, дабы юношество, которое в Московии воспитывают глупо и невежественно, было направлено на путь истинный»⁵. Этому намерению не суждено было сбыться, и правительственная инициатива замерла еще почти на сто лет.

Зато нельзя никак обойти молчанием роль церковных сфер и особой рус-

⁵ *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 144.

ской ментальности в области взаимных отношений феномена интеллигенции с феноменом книги.

Приходится с сугубым вниманием отнестись к пессимистическому наблюдению, сделанному в коллективной монографии «Русская доктрина»: «Когда сегодня удивляются, почему Русь не пережила подъема, аналогичного Ренессансу и Эпохе географических открытий, забывают, что Русь переживала в этот момент свой подъем и вложила в монастыри столь же огромные средства, что Запад вложил в океанское мореплавание. Пока Запад осваивал Новый Свет, русские осваивали Небесный Иерусалим»⁶.

Отличное наблюдение, просто гениальный тезис, но самоубийственное признание! Что подметил наблюдатель? Колоссальные русские инвестиции ни во что, в пустую мечту, омертвление капитала в чудовищном размере, в масштабах всей страны. А каким оказался итог этого? Мы на века сделали заложниками догоняющей модели развития, мы упустили свой шанс на Возрождение, утратили темп развития и вынуждены были, надрывая последние жилы, «догонять и перегонять Запад». И надорвались-таки, так и не догнав, и рухнули, «ломая крылья, теряя перья», на самое дно, а теперь вынуждены и далее все терять, все отдавать, выторговывая себе этим мирную передышку, ибо горе побежденным!

Поистине, естественная, «природная» религиозность русского национального сознания, доходящая до клерикализма, вьезшаяся во все поры жизни общества, пропитавшая все клетки допетровской русской мысли, оказалась по своей деструктивной силе сопоставима с татарским нашествием. Равно как и достопамятное засилие церковников, с их жесткой цензурой, в духовно-интеллектуальной сфере. Книжный репертуар домонгольской

Руси формировался почти исключительно под религиозные потребности аудитории.

Как известно, ордынская власть покровительственно отнеслась к институту Русской Православной Церкви и использовала ее как инструмент адаптации аборигенов к инородному владычеству, к игу. Диалектический парадокс состоит в том, что как сама по себе власть Орды, так и сопротивление игу, опиравшееся во многом на идею защиты православной веры от поганых, с двух сторон стимулировали упомянутый клерикализм. Таким образом, иго оставило русским в наследство двоякий ущерб: как непосредственно от татарского разорения, так и, опосредованно, от церковного тоталитаризма. Инерция процесса едва не привела в XVII в. к установлению теократии и к торжеству доктрины «священство выше царства». История русской книжности и русского образования до Петра I служит этим тезисам наглядной иллюстрацией.

Вышепоименованный вероцентризм дорого встал русскому народу.

Для очистки совести зададим себе первостепенной важности вопрос: может быть, русский народ зато освоил-таки Небесный Иерусалим? И тогда потери были не напрасны, а расходы оправданы?

Увы, на этот вопрос исчерпывающе ответила Октябрьская революция...

На фоне этих мрачных размышлений каким зловещим выглядит тот факт, что сегодня стремительно обнищавшая, расточившая свой экономический потенциал, накопленный чудовищными жертвами советского периода, Россия вновь сотнями и тысячами строит храмы и монастыри, тратя на то неслыханные суммы, но закрывая по причине нищеты НИИ и КБ, лишая пристойного содержания библиотеки и музеи, калеча свою систему образования, посадив на убогий паек интеллигенцию, отнимая у себя надежду на успех, на полноценное будущее!

«В настоящее время Русская Православная Церковь (РПЦ) насчитывает более 19 тыс. приходов, около 450 монастырей, являющихся ее духовными и культурными центрами, около 40 высших духовных школ — академий, семинарий, богословских институтов и университетов»⁷. Кто подсчитает, сколько средств, вынутых из карманов и без того ограбленной страны, отражает эта статистика?

Неужели история повторяется? Как будто вновь включился некий таинственный механизм самопожирания. Как будто мы вновь бежим по порочному кругу, из которого нет выхода...

И некоторые пытаются нас уверить, что русские — европейская нация!

Быть европеоидом еще не значит быть европейцем.

Но вернемся к истории русской школы. Пусть клерикальная по духу, она все же давала ученикам начатки знаний, развивала мышление русского народа. Как написано в книге «Стоглав» (собрание постановлений Стоглавого Собора, проходившего с участием Ивана IV и представителей Боярской думы в 1550–1551 гг.): «А прежде сего училища бывали в Российском царствии, на Москве и в Великом Новгороде, и по иным градам многие грамоте, писати и пети, и чести учили. Потому тогда и грамоте гораздых было много, но писцы и певцы славны были во всей земле и до днесь».

Трудно сказать, до каких исторических глубин достигает эта характеристика, но по предыдущему повествованию о берестяных грамотах, эпиграфических памятниках и пр. мы можем предполагать, что высокий уровень элементарной грамотности стабильно поддерживался в Древней Руси на всем протяжении ее существования от начала кириллической письменности. В тексте «Стоглава» проскальзывает даже ностальгия по некоему «тогда», когда грамотных «было много».

Мы знаем вполне достоверно, что грамотность и книжность не была сословной привилегией феодальной знати. Иван Калита, например, не имел своей библиотеки; Дмитрий Донской, как указывает летопись, был «книгам не учен». Были, однако, и князья-библиофилы, начиная с Ярослава Мудрого (среди них сыновья Дмитрия Донского Юрий Звенигородский и Галицкий, Андрей Можайский и Белозерский, за книжные знания получивший похвалу св. Кирилла Белозерского; двоюродный брат того же Дмитрия Владимир Андреевич Храбрый владел собственной библиотекой, и т.д.).

Интересные данные приводит А.И. Соболевский, исследовавший множество древних грамот XVI и XVII вв., обращая особое внимание на наличие подписей. Способность поставить личную подпись, по его мнению, свидетельствовала о грамотности. Он нашел, что: 1) белое духовенство было поголовно грамотным; 2) среди черного духовенства неграмотные встречались, но в небольшом количестве; процент грамотных был больше 70; 3) высшее боярство Севера было грамотным не менее чем на 80%; 4) грамотных среди помещиков северных районов страны было больше 65%; 5) среди новгородских помещиков в конце XVI — начале XVII в. грамотных было около 55%; 6) среди псковских помещиков — более 65%; 7) судя по грамоте об избрании на царство Бориса Годунова 1598 г., среди придворных чинов грамотных было больше 78%. В целом более 50% крупных и мелких землевладельцев Московской Руси независимо от их местожительства были грамотны.

Еще выше процент грамотности был среди предпринимателей. «Ряд грамот, подписанных купцами в конце XVI–XVII в., говорит о том, что купечество в подавляющем большинстве было грамотным. Челобитная московских торговых людей 1646 г. подписана 163 из 168 человек (96%). О высоком процен-

⁷ Там же. С. 117

те грамотных среди торговых людей говорят памятники литературы Московской Руси. Так, Домострой считал грамотным всякого торгового человека XVI в. Среди посадских людей грамотных было не менее 20%. Грамотные крестьяне в XV–XVII вв. вообще не были исключительным явлением; вероятно, их процент не опускался ниже 15. Слабее грамотность была распространена в среде служилых людей — стрельцов, пушкарей, казаков и др., но и в этой группе населения часто встречались грамотные люди»⁸.

Характеристика древнерусской образованности приводит на ум известное изречение: чем шире культура, тем тоньше ее слой. Если говорить о древнерусском образовании как о некоей системе, то приходится установить твердо: оно не выходило за рамки начального.

Этот принципиальный момент был определен отцами вышеупомянутого Стоглавого Собора, которые «уложили, в царствующем граде Москве и по всем градам тем же протопопом и старейшим священником и со всеми священники и дьяконы кийждо во своем граде, по благословению своего святителя избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков женатых и благочестивых, имущих в сердцы страх божий, могущих и иных пользоваться, и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тех священников и у дьяконов и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священники и дьяконы и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей на учение грамоте и на учение книжного писма и церковного петия псалтырного и чтения налойнаго. И те бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своих учеников страху божию и грамоте и писати и пети и чести со всяким духовным наказанием, наипаче же всего учеников бы своих брегли

и хранили во всякой чистоте и блюди их ото всякого растления, наипаче же от скверного содомского греха и рукоблудия и ото всякия нечистоты, чтобы им вашим брожением и поучением, пришед в возраст достойным быти священнического чину. Да учеников же бы есте своих во святых церквах божиих наказывали и учили страху божию и всякому благочинию псалмопению и чтению и пению и канарханию по церковному чину. А учили бы есте своих учеников грамоте довольно, сколько сами умеете. И силу бы им в писании сказывали по данному вам от бога таланту ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши все книги учили, которые соборная святая церковь приемлет, чтобы потом и впредь могли не токмо себе, но и протчих пользоваться и учить страху божию о всех полезных, также бы учили своих учеников чести и пети и писати, сколько сами оне умеют, ничтоже скрывающе, но от бога мзды ожидающе, а и zde от их родителей дары и почести приемлюще по их достоинству» (Глава 26).

Некоторые ученые предполагают, что отцы Стоглавого Собора не изобретали ничего нового, основываясь на существовавшей практике. Но приведенный текст скорее показывает нам попытку Церкви основательно взять в свои руки все дело образования, и именно с тем, чтобы готовить профессионально подготовленную и нравственно выдержанную смену нынешнему клиру (развращенность коего послужила одной из главных побудительных причин созыва самого Собора). И не более того. Результатом явилось сугубое закрепление клерикального характера русского начального образования. А поскольку ни среднего, ни высшего образования еще и не предполагалось в то время, то можно заключить о клерикализации Собором русского образования вообще. О том, как данное положение отразилось в начальном русском книгоиздании XVI–XVII веков, написано выше.

Видимо, капитан Жак (Яков) Маржерет, авантюрист и наемник, отметившийся в России с 1600 по 1611 год⁹, не без оснований писал в своих воспоминаниях о русских так: «Можно сказать, что невежество народа есть мать его благочестия. Они ненавидят науки и особенно латинский язык. Не имеют ни школ, ни университетов. Одни только священники обучают юношей чтению и письму; этим, однако, только немногие занимаются»¹⁰. История русской книги и образования, увы, не противоречит данному свидетельству.

Итак, независимо от того, что собой представляла русская школа более раннего периода, с середины XVI в. она стала именно такой: лицо духовного звания (не выше священника) у себя на дому учило местных детей за плату натурой, взимавшуюся с родителей. Он исполнял при этом установленный законом, а потому как бы государственный долг, но в меру личного понимания дела и вне всякой поддержки и контроля государства. К XVII в. эта система полностью отстроилась и действовала повсеместно на общих основаниях.

Конечно, становление этой системы автоматически влекло за собой спрос на книгу, который не мог удовлетво-

ряться лишь за счет богослужебной литературы, как бы велика ни была роль пресловутой «Псалтири». В частности, существовали специальные «Азбуковники», как рукописные, так и печатные, содержащие начальные знания по многим предметам. Их изучению посвятил себя в XIX в. журналист и писатель Даниил Лукич Мордовцев¹¹, особо обративший внимание на то, что в Древней Руси патриаршего периода на общих основаниях учились дети людей «всякого чина... и сана, славных и худородных, богатых и убогих, даже и до последних земледельцев».

Отметим, что никаких сословных ограничений или преимуществ дети дворян или священников тогда еще не имели.

Как то и закладывалось Стоглавым Собором, учение в целом подчинялось клерикальным задачам: в частности, ученики были обязаны ходить в церковь не только по праздникам и воскресеньям, но даже и в будни, после окончания занятий в училище. Занятия в школе начинались и заканчивались молитвой.

Однако все же церковной сферой обучение не ограничивалось. «Азбуковники» после первоначального образования предполагают изучение «семи свободных художеств», куда входили, согласно средневековому общеевропейскому установлению: грамматика, диалектика, риторика, музыка (имелось в виду церковное пение), арифметика, геометрия (т.е. «всякое землемерие», включая географию и космогонию) и даже астрономия («звездознание»). В более позднее время, ближе к концу века, в отдельных училищах изучали стихотворное искусство по Симеону Полоцкому, сочиняли силлабические двуступишия. Примеры тому име-

⁹ Память о себе авантюрист оставил, по словам князя Дмитрия Пожарского, такую: «Яков Маржерет, вместе с польскими а литовскими людьми, кровь крестьянскую проливал и злее польских людей, а в осаде с польскими и с литовскими людьми в Москве от нас сидел, и награбився государские казны, дорогих узорочей несчетно, из Москвы пошел в Польшу... Московскому государству зло многое чинил и кровь крестьянскую проливал, ни в которой земле ему, опричь Польши места не будет». Однако в наблюдательности и знании местных реалий авантюристу не откажешь.

¹⁰ *Маржерет Жак*. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века... С. 21–22.

¹¹ См. его «Русские школьные книги» // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. 1861. Кн. 4; также: *Мордовцев Д.А.* О русских школьных книгах XVII века. М., 1962.

они придут к лучшим мыслям и в своей религии. У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью»¹³.

Но указанные усилия не привели к заметным сдвигам в книжном репертуаре и общем направлении развития просвещения, остававшегося сугубо клерикальным. Ничего в этом отношении не изменило и создание Московской Славяно-греко-латинской академии, венчающей систему образования допетровской Руси. Об этом ярко свидетельствует хронология ее создания, которую я обозначаю лишь пунктиром:

— в марте 1681 г. сподвижником Иерусалимского патриарха Досифея иеромонахом Тимофеем учреждена «типографская школа» при казённых типографских палатах, ради исправления и печати новых богослужебных книг нового обряда, но просуществовала она недолго;

— в 1685 г. в Богоявленском монастыре с теми же целями новую типографскую школу открыли братья Иоанникий и Софроний Лихуды;

— в 1687 г. это школа переехала в собственное здание при Заиконоспасском монастыре, построенное повелением патриарха Иоакима, где была объединена с учрежденной там Симеоном Полоцким школой Сильвестра Медведева. «Спасские школы» — таким общим наименованием назывались они тогда.

На их основе и возникла под эгидой патриархии Эллина-греческая академия, официальной датой основания которой считается именно 1687 г. Главной задачей ее была подготовка высокообразованного священства: преподавали грамматику, пиитику, риторику, логику и физику на латинском и греческом языках, но первостепенное значение уделялось изучению греческого языка. Прохождение курса

длилось 13 лет: четыре низших класса («фара», «инфима», «грамматика», «синтаксима»), два средних («пиитика» и «риторика»), два высших («философия» и «богословие»). Такое же подразделение унаследовали в дальнейшем все духовные семинарии России.

С 1701 по 1775 г. академия именовалась Славяно-латинской, а с 1775 по 1814 г. — Славяно-греко-латинской академией. Затем она была переведена в Троице-Сергиеву лавру и преобразована в Московскую духовную академию.

* * *

Подведем итог.

Как видим, ни русская школа, ни русская книга в допетровскую эпоху не могли удовлетворять требованиям современности, обеспечивать цивилизационный рост.

Впрочем, отдельные достижения русской мысли в области практической механики и особенно архитектуры (взять хотя бы шедевр фортификационных сооружений — неприступный Соловецкий кремль) позволяют предполагать определенное инженерное образование, полученное отдельными специалистами явно за рамками описанной выше школы. Но таковые достижения носили внесистемный характер и лишь подтверждали общее правило.

Замкнутая в рамках религиозной мысли грамотность, образованность и книжность Древней Руси делали страну вовсе неконкурентоспособной по сравнению с Западной Европой и Китаем и ограниченно конкурентоспособной со странами Востока и Юга.

Преодоление этой негативной ситуации требовало в первую очередь радикальной перестройки системы образования и революционных изменений книжного рынка.

Именно этим и замечательна допетровская Россия, особенно XVIII век.

¹³ Там же. С. 441.

ИВАН РУСАКОВ

ДЕКОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КАК «ДОРОЖНАЯ КАРТА»

МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья вторая

После того, когда можно будет убедиться, что процесс социализации проекта деколлективизации стал необратимым, можно приступать к следующему этапу. Необходимо актуализировать главный русский вопрос — вопрос о земле. Вернее, проблему возможности свободного и прозрачного доступа к операциям по купле-продаже земли (любой земли: сельхозназначения, населенных пунктов, резерва, муниципальной... любой) для основной массы населения нашей страны. Ведь и сейчас теоретически можно купить или продать участок земли. А вы попробуйте. Как мы уже упоминали, для оформления права аренды необходимо от 150 до 420 дней, для оформления купли-продажи необходимо от 60 до 210 дней. Все это — без учета отсутствия ясных механизмов и понятных публичных правил (про проблемы ценообразования я вообще умалчиваю). Фактически в общепринятом понимании рынок земли у нас отсутствует. Если нет свободного и прозрачного, одинаково всеми трактуемого механизма реализации своих рыночных прав, если не сложились правила, не говоря уже о правовой традиции, значит, на таком рынке, в этом обществе действуют институциональные ограничения и как следствие — реализу-

ются практики различного рода привилегий — административных или финансовых. Все это называется меркантилизмом, или, говоря языком «незамутненного марксизма», — последней стадией разложения феодализма, со всеми сопутствующими социальными и цивилизационными рисками для этого общества.

Один из классических путей преодоления отсталых феодальных практик «сверху» — проведение земельной реформы, которая всегда является важным, структурообразующим процессом. От того, каким образом и какой общественной ценой будет решен земельный вопрос, зависит не только то, как будет развиваться сельскохозяйственное производство, но и уровень и динамика развития общества и государства в целом, при недопущении разрушительных импровизаций «снизу».

«Способность общества определять и в рамках общей системы правовых норм создавать институты, обеспечивающие соблюдение имущественных прав на землю, а также на другое недвижимое имущество, является неперенным и решающим условием общественно-экономического развития... На протяжении всего исторического процесса эти факторы, наряду с установлением имущественных прав внешними правителями, обу-

славливают эволюцию систем прав на землю и другие активы. Исторический опыт показывает, что *способ* (курсив мой. — *И.Р.*), который применяется при наделении членов общества правами на землю, на много лет вперед определяет развитие экономики и человека»¹.

Почему практически во всех научных и публицистических трудах, посвященных развитию западной европейской цивилизации, является само собой разумеющимся, что институты частной собственности позволили там построить общественную систему, где не только правящий класс, но и все остальное общество равно наделено естественными правами и может пользоваться плодами институтов расширенного рыночного порядка в равных возможностях? Почему восточная европейская цивилизация, в лице России, не может пойти таким путем? Кто сказал, что это невозможно в нашей стране в принципе?

Мы должны признать как факт: ни наличие достаточно распространенного и незамутненного (по сравнению с нынешними временами) религиозного сознания русского народа начала XX в., ни патриархальный быт и образ жизни большей его части с особой патерналистской моралью (по сравнению с сегодняшней постсоветской общественной моралью), ни уровень самой культуры, недаром названной «культурой Серебряного века» (по сравнению с сегодняшней — остаточной советской и истерично «западной») — не удержали ту русскую, имперскую цивилизацию от краха. Что может удерживать наше общество от внезапно (согласно теории «черных лебедей») изменившейся социальной конъюнктуры — внутренней или внешней, какие социальные «тормоза» или «автостопы» удержат ситуацию под контролем? Некоторые известные ученые и акаде-

мические эксперты утверждают: после надлома витальных сил русского народа в XX в. в России невозможны потрясения уровня уже произошедших. Согласен. В то же время долговременный тренд ползучей общественной деградации общества, страны и государства — это более реально и по «плечу». Смогут ли удержать общественную стабильность (не будем обманываться насчет развития) современные правящие «чекисты» посредством «ручного управления» и построения «энергетической сверхдержавы»? Готов держать пари, что нет.

Если они не удержали вместе со своими старшими «товарищами» ту советскую власть (с теми же подходами), какая надежда, что они удержат эту *неосоветскую* власть во второй раз? Какие гарантии? К сожалению, нет таких гарантий, и любая их выдача в советской (или в имперской) «аранжировке» — это просто обман.

Остается единственный путь — путь Просвещения и социальной модернизации общества. Модернизации, при которой самые широкие слои населения стали бы реальными участниками социальных изменений, а не только возбужденными потребителями у переполненных прилавков, когда *не менее четверти населения страны освоило бы новые практики и эти производительные силы и создало бы запрос на новые общественные институты, а затем и сформировало бы их.* В том числе, наконец-то — гражданскую нацию, а не вымученную «новую историческую общность — советский (российский) народ». В этой новой социальной реальности получателями общественных материальных и духовных благ стали бы граждане, а не государство в виде все возрастающего количества чиновников, казарм, присутственных мест, дипломатических нот, госкомпаний, авианосцев и прочей державной имперской фанатерии. Я сейчас приведу убийственные цифры, они хоть и датированы 1995 г., но

¹ *Дейнигер К.* Земельная политика в целях развития и сокращения бедности. М., 2005. С. 9.

**Распределение национального богатства США по формам собственности
1929–1995 гг. в млрд долл. в ценах 1992 г.**

Год	Частный сектор	Гос. и муницип. сектор	Семейная собств.	Всего	ЧС%	ГиМС%	СС%
1929	1530	446	1552	3528	43	13	44
1940	1459	739	1607	3805	39	19	42
1960	2390	1903	2950	7243	34	30	36
1973	3969	2837	4884	11690	34	24	42
1982	5359	3204	6309	14872	36	22	42
1995	7280	4147	9132	20559	35	20	45

Составлено по: «Improved Estimates of Fixed Reproductive Tangible Wealth 1929–95» by A. Katz, S. Heman in Survey of Current Business. May 1997. P. 69.

своей актуальности не потеряли и до сегодняшнего дня².

Семейная собственность в американской статистике — это прежде всего домовладение с земельным участком, которые не используются в предпринимательских целях. Можно как угодно относиться к Америке, к ее внешней политике, к ее ценностям и стандартам, но из приведенной таблицы видно, что в течение всех этих десятилетий семейный сектор превосходил и частный, и общественный и по удельному весу, и по темпам роста в материальном национальном богатстве США. У «проклятых американских империалистов», т.е. у американского правящего класса, менялись президенты (а иногда их и убивали), партии, происходили войны и мировые кризисы, «маккартизм», «отбрасывание коммунизма», «рейганомика», молодежные бунты менялись на неоконсерватизм и «чайную» партию... — как видно, политическим импровизациям американского правящего класса нет предела и конца. Одно только незыблемо, согласно приведенным цифрам: благосостояние американского народа, выражающееся не в словах о химерах

«справедливости, равенства и братства» или в демагогии о «суверенной демократии» и «поднятии с колен», а в реальной жизни; благосостояние, выросшее из возможности для самих граждан творить свою судьбу через реализацию естественных прав на собственность, свободу и равенство перед законом. Каждый раз, когда вы будете слышать, о том, что Америка — «империя зла», помните об этих цифрах.

Как бы это ни было прискорбно, для части образованного населения России (живущих очередными химерами), ни «Газпром», ни «Ростехнологии» и даже «Сколково» не дадут общественного и личного богатства российским гражданам, пока сами граждане не смогут его себе сами создать через деколлективизацию, через реформу собственности, через самозанятость, малый и средний бизнес. Для этого нужно очень мало, но чрезвычайно много, по меркам нашей страны: политическая воля, торжество правовых норм и политической конкуренции — для правящего класса; просвещение и реальный доступ к институтам частной собственности — для народа.

* * *

Мне, как и всем, неоднократно приходилось слышать и читать: частная

² Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 170.

собственность?! — да забудь, не позволит русская ментальность, в основе которой — русская духовная культура с ее православной «закваской». Если вы в Интернете наберете словосочетание «собственность и православие», на вас обрушится вал публикаций со ссылками на Священное Писание, на русских святых, монахов и религиозных философов. Там очень доходчиво или довольно заумно объяснят: да, вот такой мы особый народ, и «стяжание» в виде обладания частной собственности для русского человека невозможно, и более того — грешно, опасно, и нет на него благословения «русского неба». Правда, все время не покидает мысль: а как же русская эмиграция, прекрасно интегрирующаяся в любой европейской стране без потери русской идентичности; а как же предпринимательские страты начала XX в., сплошь состоящие из прямых потомков русских социальных низов; а как же великая русская дворянская культура (сейчас это просто русская классическая культура), возвращенная в частных дворцах и имениях, владельцы которых имели непосредственные отношения с бесконечными вексельными и закладными?

В конце концов, вообще-то Церковь — организация очень строгая, внутренняя иерархия там «покруче» чекистской, и от лица Церкви мало кто имеет право самостоятельно говорить. Так вот, чтобы была полная ясность, все эти интернетовские воцерковленные говоруны пишут от себя лично и свое мнение вольно или невольно прикрывают именем самой Церкви.

Какая же позиция непосредственно самой РПЦ к частной собственности и существует ли она в принципе? Оказывается, есть такой документ, и называется он «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принят этот документ совсем недавно — в 2000 г. на юбилейном Архиерейском соборе. Есть там глава VII, которая называется «Собственность». И черным по белому там написано вот что.

«В то же время Священное Писание признает право человека на собственность и осуждает посягательство на нее...

Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм. При каждой из них возможны как греховные явления — хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ...

Вообще отторжение и передел собственности с попранием прав ее законных владельцев не могут быть одобрены Церковью. Исключением может быть такое отторжение собственности на основе соответствующего закона, которое, будучи обусловлено интересами большинства людей, сопровождается справедливой компенсацией. Опыт Отечественной истории показывает, что нарушение этих принципов неизбежно приводит к социальным потрясениям и страданиям людей...

Имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден ли или не угоден он Богу...

Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним»³ (курсив мой. — И.Р.).

Как мне кажется, это и есть главный социальный смысл собственности — использование ее «на благо себе и ближнему». В самой РПЦ в конце XV в. даже развернулся спор между т.н. «стяжателями» и «нестяжателями» в вопросе: должна ли сама Церковь быть крупным земельным соб-

³ www.mospat.ru «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.»

ственником? Победителями вышли, кстати, «стяжатели», и к концу XVII в. монастыри контролировали треть земельного рынка и очень часто выполняли функции банковской системы. Мне уже приходилось упоминать, как в то конкретное историческое время, при том сложившемся порядке вещей — какую положительную социальную роль сыграли эти институты монастырского землевладения.

«Теологические позиции Церкви исходят из евангельской притчи о винограднике и о радивом и нерадивом виноградаре. Согласно ей, собственность целиком связана и обусловлена тем, насколько трудолюбиво и успешно виноградарь обрабатывает свой виноградник. Если перевести эту притчу на современный экономический язык, то собственность на землю (которую Церковь признает) является функцией рационального и эффективного ее использования. Таким образом, должно быть двуединство — собственность и эффективность ее использования. Если оно осуществляется, то собственность существует, если не осуществляется, то оснований для нее нет. Это очень важный теологический принцип, из которого вытекают серьезные последствия, обуславливающие характер частной собственности и ее связь с эффективным использованием земли, которое и порождает возможность самой частной собственности»⁴.

Попробуем из этих заключений, в том числе из «Концепции РПЦ», сделать некие рациональные выводы.

— Можно и не обладать собственностью, но решение ваше должно быть добровольным, основанным на духовном выборе и никто не может его осуждать, и это будет угодно Богу.

— Можно и обладать собственностью, но за это надо нести ответственность и использовать собственность эффективно и добросовестно на «бла-

го себе и ближнему», и это будет тоже угодно Богу.

— Вместе с тем «Церковь предостерегает от чрезмерного увлечения материальными благами, осуждая тех, кто обольщается «заботами, богатством и наслаждениями житейскими»⁵.

Безусловно, земля принадлежит Богу и человек имеет право ею владеть только тогда, когда он эффективно и добросовестно ее использует. И это мнение не интернетовских «воцерковленных» говорунов, а самой Церкви.

Приведите аргументы против, но только на рациональном уровне. Интересно их услышать, а раз их нет, давайте поосторожней с сентенциями о русской ментальности.

* * *

Автор является сторонником концепции (которую он излагал и на страницах «Вопросов национализма»), что исторические перипетии существования русской цивилизации на границах с Востоком (Великая Степь) вкупе с целенаправленной политикой российского правящего класса, связанной с ограничениями на обладание институтами частной собственности в собственных интересах, сформировали особый исторический и социальный опыт для большей части населения нашей страны, где частные институты являются чем-то абстрактным и не затрагивающим текущую повседневность наших граждан.

В первой части нашего материала уже давалась немногочисленная количественная статистика по владельцам частной собственности в современной России. Вот еще цифры.

В 2010 г. впервые за многие годы количество индивидуальных предпринимателей и фермеров, прекративших свою деятельность, на 12% превысило количество вновь начавших экономическую деятельность. В том же 2010 г.

⁴ Назаренко В.И., Шмелев Г.И. Земельные отношения и рынок земли М., 2005. С. 103

⁵ www.mospat.ru «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви».

прекративших деятельность экономических организаций зафиксировано 45,3% от общего числа зарегистрированных. В этих цифрах ключевой является динамика данного показателя: 2003 г. — 4,63%; 2004 г. — 8,1%; 2005 г. — 9,56%; 2006 г. — 21,39%; 2007 г. — 31,47%; 2008 г. — 37,29%; 2009 г. — 41,75% (газета «Ведомости» от 24.06.11). Не правда ли, впечатляющая динамика «вставания России с колен» и «консолидированного движения вперед»? В этом же номере газеты устами бывшего заместителя председателя Верховного суда РФ В. Радченко заявлено, что за эти годы по экономическим статьям в лагеря ушло более 100 000 человек, и только в нескольких процентах дел присутствуют реальные потерпевшие. Почему эта преступная практика не называется преследованием по признаку социальной группы? Как мне кажется это вполне соответствует пресловутой 282-й статье.

Как наше правительство в ясном уме и здравом сознании собирается совершенствовать рыночную экономику, называя это «Стратегией-2020», когда просто на глазах деградирует ее фундаментальный институт — частная собственность, а та, что еще существует, по-феодалному условна и зависит не от эффективного ее использования, а от наличия административного ресурса?

Всякому побывавшему в США бросается в глаза обилие национальных флагов на домах обывателей, а что безусловно удивляет, так это нескрываемый патриотизм и поддержка своего правительства самыми обычными гражданами. На наивные вопросы к бывшим нашим согражданам, а ныне добропорядочным американцам: как же так, я же своими глазами видел документальные фильмы Мура про «фаренгейт», а по российскому ТВ — протесты против войны в Ираке? — отвечают: да это есть, но... очень мало и редко, и заметьте, в отличие от ваших «несогласных» — их не разгоняют. Опять

наивный вопрос: так в чем же причина такого патриотизма? Не менее простой ответ — *каждый американец реально в своей личной жизни сталкивается с тем, что государство реально заботится о благосостоянии своих граждан и его благосостоянии конкретно.* Если ты добропорядочный гражданин, то внимательное, в твоих интересах, отношение к тебе лично государства, начиная от полиции, чиновников муниципалитета и заканчивая налоговыми инспекторами — это уже *реальный социальный опыт нескольких поколений.* Теперь внимание, господа: а как может быть по-иному, ведь *основные собственники страны — это ее граждане,* не предприниматели и пресловутые глобальные ТНК, не муниципалитеты (не прости, Господи) федеральная власть, и даже не масоны, а именно общество, т.е. — средний класс, и он контролирует 45% национального богатства США. Все правильно: ты имеешь собственность, ты платишь налоги... ты и заказываешь себе правительство, отвечающее твоим интересам, и никакого... особого пути. Только интересы. Так может быть, *это и есть — общенародное государство,* которое так долго «искали» коммунисты, а сейчас пытаются «найти» леволиберальная, рефлексующая интеллигенция?

Каким образом собственность оказалась «общенародной» в Америке, как это произошло? Почему в России государство постоянно насилует общество и народ, принуждая людей обслуживать пресловутый — государственный интерес, а не свой собственный? Давайте опять обратимся к истории...

* * *

Россия. Начало XIX века. На троне Александр I, царь, считавший себя либералом и стремившийся распространить идеи просвещения в крепостном обществе, и прежде всего в среде дворянства. В ноябре 1802 г. ему было представлено прошение тако-

го же молодого и либерального дворянина, сына известного фельдмаршала, графа Сергея Румянцева, который всего-навсего просил отпустить на волю 199 крепостных с семьями и с землей, как вольных землепашцев. Вопрос был поставлен в Государственном совете и получен отрицательный отзыв: члены Совета, сами крупные землевладельцы, усмотрели в такой практике попытки потрясения... основ своей собственности. Государь настоял на своем, и закон состоялся, он так и назывался — «О свободных хлебопашцах», каждый дворянин мог освободить своих крестьян, и даже с землей. Итого с 1803 по 1825 г. примерно в 161 случае помещики отпускали крестьян с землей, из них в семнадцати случаях — бесплатно. Всего получило свободу с землей по этому закону чуть более 47 000 душ (из более чем десяти миллионов владельческих крестьян) мужского пола, но ненадолго.

Милый многим русским консервативным патриотам царь Николай I исправил либеральное кокетство молодости своего старшего брата, и вольные хлебопашцы были признаны государственными крестьянами и, конечно, на государственной земле. Так, очень просто, одним росчерком пера. Наверное, самый выдающийся чиновник николаевских времен (без иронии), граф Киселев, решительно занялся устройством жизни государственных крестьян, живших на основах обычного права, которое предусматривало условное владение землей крестьянами, но совершенно не исключало мену, продажу, наследование этой земли внутри своего общества или общины. Киселев сделал очень много полезного для России, но он был безусловно продуктом своего времени и свои улучшения начал с... усреднения и перераспределения земли между крестьянами, так как он это считал правильным и самое главное — справедливым. И обычное право, естественно, не имеющее кодификации, но имеющее традицию,

было не то что поправно, его просто... не приняли во внимание.

Между прочим, с конца XVIII в. это была уже вторая коллективизация российских крестьянских земель, и в очередной раз никто не удосужился спросить мнение самих крестьян, а нотариусы им были и не положены. И по незабвенным заветам «Шариковых во дворянстве» землю поделили поровну. Дальнейшие идеи Киселева в крестьянском вопросе были просты — крестьяне должны быть лично свободными, но на государственной земле, и сделать это можно было, выкупая у помещиков крестьян с землей, которых они заложили в кассах Государственного банка. Для особых любителей общественных нравов времен Николая I вынужден сообщить в порядке, так сказать, дополнительной информации: в те благословенные времена русских людей крестьянского сословия можно было не только продавать, как домашнюю скотину, но и поступать с ними более гуманно, т.е. всего лишь закладывать в банк, получая под них векселя, закладные, и оформлять купчие в случаи необходимости. Такие кредитные опции, под живой залог русских людей, широко предлагал Государственный банк в любом своем отделении, и размах был впечатляющий. «В 1843 г. в Государственном банке и сохранных кассах было заложено 5 575 515 душ. В 1852 г. число заложенных душ возросло до 5 843 735, а к 1 января 1856 г. до 6 028 794. Сверх того, в приказах общественного призрения было заложено на сумму 100 000 000 руб. по приблизительному расчету современников около 1 000 000 душ; между тем как по девятой ревизии всех крепостных людей мужского пола числилось 10 708 856»⁶. Вот их за долги и хотел выкупить граф Киселев, но денег, как и сегодня, на что-нибудь «людское»

⁶ Коммерсант—Власть. 28.02.11. Рубрика «Архив и исторические страницы».

в бюджете, как всегда не хватало, все силы были отданы на строительство империи, еще не «энергетической сверхдержавы», но уже усиленно интегрирующей Кавказ в Россию, и уже Шамиль — Кадыров того времени — получал имение в Калужской губернии и, конечно, с русскими крестьянами. Так что выкуп не состоялся.

Царствование Александра II стало переломным моментом в истории России, по крайней мере, в истории русского народа или, если быть еще более точным, — в истории русского крестьянства. Александр II даровал помещичьим крестьянам личную свободу, а вернее, *вернул* ее русскому народу, еще при жизни назвавшего его Царем-Освободителем. Разве не завещанием по решению «проклятых» русских вопросов для русской Власти, и нынешней в том числе, звучат слова императора: *«Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой отменяться, снизу»*. Точка. Подпись: Александр II.

19 февраля 1861 г. о реформе было объявлено, и 27 миллионов наших сограждан наконец получили личную свободу. В России русских рабов больше не стало. Бывших крепостных теперь нельзя было продавать, переселять и т.п., они получили ряд личных прав — свободу вступать в брак, самостоятельное заключение гражданских сделок и ведение судебных дел, беспрепятственное занятие промышленностью и торговлей, право отлучаться с места своего проживания, переходить в другие состояния.

Помещики оставили за собой право полной собственности на свою землю, передав крестьянам лишь их дома, скот и некое нормированное количество «их» земли. Напоминаю, вся удельная, негосударственная земля делилась на две части: собственно дворянскую, на которой крестьянин отрабатывал барщину, и т.н. крестьянскую, на которой крепостной работал на себя и от

прибыли с которой платил все подати. Исторически произвольно земля делилась помещиком «в свою сторону», крестьянский надел и его жилище также принадлежали помещику.

Теперь в разных губерниях прошло перераспределение, определявшее новую норму земельного надела, закрепленного за крестьянином; во многих случаях эта новая норма уменьшала количество земли против привычно считавшегося у крестьян своим. *Земля передавалась не лично крестьянам в собственность, а сельским обществам — общинам, так сказать, на «баланс» из расчета тягла; средний переданный надел, уже позже по факту рассчитанный, равнялся 3,3 дес. на мужскую душу. Крестьяне, безусловно, не имели денег на выкуп своей земли, и правительство пришло на помощь как крестьянам, так и помещикам, профинансировав выкупную операцию. Крестьяне должны были вносить в виде «выкупных платежей» по 6 копеек за рубль в течение 49 лет, после чего ссуда считалась погашенной. Выкупные платежи крестьяне должны были платить всем «миром», по принципу круговой поруки; в среднем это составляло 27,5 руб. за десятину, годовой платеж — 1,62 руб. в год за десятину. Эти платежи лежали тяжелыми финансовыми гирями на крестьянском бюджете, ограничивали возможности «стороннего» кредитования, давали многочисленные поводы для административных ограничений, способствовали локальным крестьянским банкротствам внутри общины. Таким образом, благодаря Великим реформам русские крестьяне получили свободу, но не получили собственность, — вплоть до столыпинских преобразований (отмена общинного прикрепления) социально-экономическое положение российских крестьян соответствовало условиям существования советских колхозов конца 60-х гг. XX века.*

* * *

Столыпин ставил перед собой не узко экономические задачи, а широкие политические — *по созданию нового интегрированного и равноправного гражданского общества для всего населения империи на основе обладания правами частной собственности.* Напоминаю, согласно правовым нормам того времени, будь то в Западной Европе, Америке или России, равными гражданскими правами обладали только мужчины, владельцы частной собственности или получившие, как минимум, гимназистское образование. По планам Столыпина, законопроект о местном самоуправлении должен был позволить крестьянам, владельцам частной собственности, получить право на участие в выборах в местные органы самоуправления и интегрироваться с другими собственниками из других социальных слоев и создать новое «ядро будущей мелкой земской единицы». *Таким образом, собственность становилась социальным символом и гарантом возможности роста гражданской зрелости крестьянского населения и закладывала возможность формирования единой общегражданской нации буржуазного типа.* Другими словами, создавалась возможность постепенного движения по направлению, которым прошли все европейские нации, к построению гражданского общества, основанного на праве, а не на традиции. Этот вектор и был задуман и обозначен всем комплексом мероприятий, продуманных лично Столыпиным.

К величайшему сожалению, Столыпину не удалось убедить ни царя, ни членов Госсовета в необходимости предоставления возможности, при определенных условиях, передачи земельных наделов крестьян в полную частную собственность, даже самым лучшим из них. Многие специалисты и историки совершенно игнорируют тот факт, что основной элемент всех преобразований, скрепляющий и цементирующий всю политику реформ, — из-

менение отношения к собственности русского крестьянина — был из нее исключен. Русский крестьянин получил право «личной» собственности, но не право «частной» собственности на свою наделную землю.

Большинство наших граждан, а также и большинство российских авторов, пишущих на данную тему, даже не понимают смысла этих понятий и различий между ними. *Частная собственность* подразумевает полную ответственность за результаты своего труда, включая и потерю этой собственности, но и предоставляет право владельцу, по собственному усмотрению и разумению, полностью распоряжаться этой собственностью или результатами ее эксплуатации, включая и ее продажу, и это право может быть ограничено только законом. Это означает, что крестьянин самостоятельно принимает решение, как распоряжаться своей наделной землей, вплоть до ее продажи, и это решение принимает исключительно сам владелец земли. *Личная собственность*, пусть даже и наследственная, в нашем случае трактовалась как необходимость проведения всех операций с землей исключительно только крестьянами между собой и только через Крестьянский банк, который по своему усмотрению (государственной необходимости) устанавливал правила финансовых и земельных операций и определял цену этой земли. Таким образом, крестьянская наделная земля не могла быть отчуждена лицу другого сословия, могла быть заложена и продана за долги только через Крестьянский банк, завещана исключительно по обычному праву. Государственные землемеры и агрономы в силу собственных представлений о необходимости решали за крестьян, что и где сеять и пахать, а затем и реализовывать через систему кооперативов, которые были главными каналами получения государственных субсидий, которые, кстати, достигали 4% государственного бюджета.

Таким образом, «ставка на самого сильного и трезвого», т.е. на отрубника и хуторянина, иными словами, на фермера — частного собственника у Столыпина не состоялась. Эти первые фермеры так и не получили законодательных и гражданских прав частной собственности на свои земли, они так и не смогли владеть своей наделенной земельной недвижимостью наравне с иными собственниками из других социальных слоев. Первые русские фермеры не могли реализовывать и защищать свои интересы в «мелкой земской единице» местного самоуправления; социальной интеграции в политическое пространство страны земледельцев — частных собственников не произошло. Право частной собственности не было предоставлено, земская реформа не состоялась, Столыпину не позволили ее провести. Замышляемая единая русская политическая нация так и не смогла начать процесс оформления своей гражданской позиции. Видимо, в том числе и эта проблема «разорвала» империю в 1917 г., как отсутствие русской гражданской нации, «замещаемой» «новой исторической общностью — советским народом», «разорвало» и советскую империю в 90-х гг. XX века.

* * *

Советский период рассматривать не будем, с ним все ясно, давайте посмотрим, как в Америке исторически решались вопросы частной собственности на землю.

По первой переписи населения в 1790 г. в новых американских штатах насчитывалось 3,9 млн. жителей, и проживали они в основном на узкой полоске земли вдоль Атлантического побережья океана на глубину 500–600 км вплоть до Аллеганских гор. Всего за 70 лет, к 1860 г. население молодой и динамичной страны стало составлять уже более 31 млн. человек, и границы ее теперь простирались вплоть до Тихого океана. По решению Конгресса

США две трети приобщенной территории — 1,4 миллиарда акров составляли государственный земельный фонд. Еще один из «отцов-основателей» США Т. Джефферсон полагал, «что из всех видов собственности земля является наиболее ценной, и ее нужно сделать доступной народу». В новой стране, в отличие от континентальной Европы, земля впервые в христианской истории могла свободно покупаться и продаваться, и что самое главное — эти операции были полностью освобождены от любого вида сословных ограничений. Поначалу в стране действовал закон о продаже земель государственного фонда, составленный исключительно в интересах богатых собственников, первичная продажа от государства (по минимальной цене) осуществлялась только очень большими участками, не менее 640 акров (примерно 250 га) с требованием уплаты в казну в течение месяца. Затем земля нарезалась небольшими участками и поступала в свободную, неограниченную продажу. В дальнейшем, под давлением избирателей, Конгресс был вынужден постепенно снижать максимальный размер продаваемой государственной земли, и уже к 1841 г. он составил 40 акров (примерно 16 га), и скваттерам (переселенцам, самозахватом освоившим земельные участки на новых территориях) было предоставлено преимущественное право на покупку участков по минимальной цене.

Освоение новых территорий шло двумя маршрутами: с юга — богатыми плантаторами (и они быстро «прикупили» будущие Теннесси, Алабаму и Миссисипи); небогатые фермеры и переселенцы пошли северным путем, знаменитой «Тропой Орегона», и оседали в Огайо, Индиане, Иллинойсе, Миннесоте. Это как раз о них затем снимались ковбойские боевики — вестерны; стиль кантри — это тоже о них; знаменитая повозка стала символом героического труда в преодолении трудностей и опасностей — Великого освое-

ния и, конечно, борьбы с индейцами. Социальный состав переселенцев был предельно однороден — *европейские бедняки*, бывшие крестьяне, рабочие и ремесленники с небольшим вкраплением образованных авантюристов, в карманах у которых практически невозможно было обнаружить лишние деньги. Число скваттеров, которые не имели средств для легального приобретения земли, достигало 70%, в то же время профессиональные земельные спекулянты непрерывно скупали лучшие земли на новых территориях, и в основном они были выходцами с Юга. Назревал общественный конфликт.

В середине XIX в. как раз происходило зарождение современной двухпартийной политической системы США, в это время в Демократической партии верховодили выходцы с «глубокого Юга», т.е. рабовладельцы-плантаторы и финансовые воротилы с Уолл-стрита, кстати, с тех пор (и по сию пору) *исторически американский финансовый истеблишмент группируется вокруг Демократической партии*. К Республиканской партии примыкали сторонники различного рода свобод: фрисойлеры, нативисты, аболиционисты, а также представители промышленности и промышленного капитала. Молодая Республиканская партия решительно выступила на стороне скваттеров и предложила передать бесплатно большую часть государственного земельного фонда в распоряжение любого, кто готов осваивать землю. Так родилась *Великая Республиканская партия — партия свободы, партия труда, партия, стоящая на страже интересов простых американцев*. По большому счету это деление живо и по сей день, для большинства российских граждан это довольно странно, ведь советские люди, воспитанные лживой советской пропагандой, всегда считали американских демократов чуть ли не тайными коммунистами (пресловутый клан Кеннеди), хотя на самом деле это были сторонники са-

мых вульгарных либеральных общественных течений (кстати, именно они открыли «ящик Пандоры» современного *юрродствующего расового равноправия* и легализации мексиканской эмиграции) и неограниченных банковских финансовых операций (привет сегодняшнему финансовому кризису). Республиканцы же всегда стояли на страже традиционных ценностей, как религиозных и семейных, так и за гарантии неуклонного выполнения естественных человеческих прав: свободы и институтов частной собственности. Если демократы «бились» за права профсоюзов, то республиканцы боролись за снижение налогов; одним были близки финансисты и адвокаты, другим — промышленники, предприниматели и фермеры.

Конечно же, республиканцы были непримиримыми врагами коммунизма, и «кремлевские старцы» боялись *американских республиканских идей* как огня, ведь эти принципы не оставляли никаких шансов (без всяких атомных бомб, как это и произошло) в реальной жизни никакому социализму, ни развитию, ни с «человеческим лицом», ни имперскому — вообще никакому «особому пути» (отсюда и такая «любовь» к демократам у советской власти). Не зря боялись. Именно при республиканцах была «свернута шея» глобальному коммунизму. Именно поэтому все волны советской или российской эмиграции тотально голосуют за Республиканскую партию, все, кто реально жил в «советчине» или при «суверенной демократии», сталкиваясь с реальным американским капитализмом, понимают лживость советской и «чекистской» пропаганды. Смешно сегодня читать в русско-американском Интернете уже родные американские, от демократической партии недоумения: как же так, мы, демократы, бьемся за льготы для эмигрантов, а русские голосуют за республиканцев. Вот так, господа, и рождаются легенды о русской всемирно непонятой душе. Как

мне кажется, для решения этой коллизии надо пригласить американскую Демократическую партию вступить в... Общероссийский Народный Фронт, там их быстро научат настоящей демократии, и все вопросы сразу снимутся.

Несколько десятилетий (!) шла борьба в Конгрессе между сторонниками передачи земли из государственного фонда в собственность бесплатно, любому, кто хотел ее обрабатывать, и сохранения традиционного порядка вещей — за деньги и большими участками. Только после победы Республиканской партии и ее кандидата А. Линкольна на президентских выборах 1860 г. появилась реальная возможность, для проведения земельной реформы. И только в разгар Гражданской войны и во многом благодаря ей, ибо войска северян на 50% состояли из сельских жителей, был принят Гомстед-акт, по которому каждый гражданин США достигший 21 года и не воевавший на стороне Юга, мог получить из земель общественного фонда участок земли размером 160 акров (65 га) после уплаты регистрационного сбора в 10 долларов. Поселенец, приступивший к обработке земли и начавший возводить на ней строения, получал бесплатно право собственности на эту землю по истечении пяти лет, участок мог быть оформлен в собственность досрочно при уплате 1,25 доллара за акр.

Принятие Гомстед-акта стало реализацией главного предвыборного лозунга Республиканской партии — «свободная земля, для свободного труженика». Реализация этого *небывалого в истории человечества закона* позволила освоить гигантские просторы западной части североамериканского континента миллионами бедняков из Европы, в это время переживающей настоящий демографический кризис «человеческого перепроизводства». Помните про «призрак коммунизма, бродящего по Европе»; как знать, если бы не этот эмиграционный «насос», ка-

кой бы вал революционных потрясений прокатился по Европе. Если кто забыл, в России начала XX в. та же проблема привела в конце концов к октябрьскому перевороту, стране не хватило исторического времени на реализацию столыпинских идей, в том числе о массовом переселении русских из *перенаселенной Центральной России* (да, были, оказывается, и такие времена) на Кулунду и Алтай (включая и ныне казахский). Хотелось бы еще раз отметить: *впервые в истории мировых цивилизаций* правящим классом данной страны была дарована собственность трудовому народу, причем парламентским путем. Этот факт не имел аналогов еще почти сотню лет, пока те же американцы (и, что очень приятно, под руководством русского эмигранта Ладыженского) реализовали эти принципы в Японии, Южной Корее и Тайване (вспомним, сейчас это передовые и богатейшие страны). Вспомним и наших большевиков-коммунистов, обманом и кровью взявших власть и построивших в нашей стране «азиатский социализм» тотального обобществления, и сегодняшний наш уровень цивилизационного не развития, а разложения.

Буквально в течение нескольких лет более 2 млн. семейств получили землю; в конце концов только сорок процентов фермеров первой волны смогли удержать и развить хозяйство, а это 800 тыс. семейных ферм. Они-то и заложили основы великой «американской мечты», став в конце концов реальными частными собственниками. Не может ни один социальный феномен базироваться на историях нескольких десятков миллиардеров (Рокфеллеров, Морганов, Карнеги и т.д.), только сотни тысяч жизненных историй из самой гущи народа могут создать настоящую традицию, настоящую мечту, когда «кто был никем, тот становится — всем». *Без талмудического обмана, как в России, а в реальности господства жизненных установок белого христианского большинства.*

Можно еще долго описывать, как этот закон стимулировал сельскохозяйственную деятельность и экспорт зерна, а это в свою очередь — промышленность, и т.д. и т.п., как это отразилось на мощи американского государства. Важно другое: давайте прочтем и примем как надлежащий пример.

Стивен Уигрен, историк: «Закон “Гомстед-акт” велик не только тем, что дал всем равный шанс на экономическую независимость. Противники закона думали, что он наплодит нищих, а он создал средний класс. Величие этого закона в том, что он создал собственников из неимущих» (www.Archive.svoboda.org).

У. Магдол, сенатор от Небраски: «По всей вероятности ни один другой закон не способствовал в такой огромной степени становлению демократии в нашей стране. В результате проведения в жизнь этого акта нация получила возможность создавать небольшие семейные фермы, которые в течение всего времени являются экономическим и общественным оплотом Америки» (www.Amerika-xix.Org.ru).

Действие Гомстед-акта было приостановлено только в 1984 году.

* * *

Итак, нами была рассмотрена историческая ретроспектива двух подходов в решении земельных вопросов — российская и американская. Два мира — две системы (какая точная характеристика!), и оба пути выбирали правящие классы двух стран, если быть честным до конца. Выбирали же они не между хорошим и отличным, а между неизбежным и возможным; да, госпожа История импровизировала. Сегодня — очередной выбор. И надо всегда помнить — *везет тем, кто везет.*

В нашей стране земельная реформа как реализация прав всего законопослушного населения России на право доступа к рынку земли, особенно земельных участков сельхозназначения, должна предваряться *большой об-*

щественной дискуссией, с использованием всех накопленных медиаресурсов государства, а организационные затраты правящего класса на пропаганду и разъяснение этой исторической необходимости, а затем кропотливой законотворческой работы, должны быть соизмеримы с уровнем обсуждения проблем выдвижения нового президента и угроз различного рода «оранжевых» революций и «призраков манежных площадей». *Последние неминуемы, если не начать процесс ликвидации саморазлагающихся советских феодальных общественных практик, так карикатурно возрождаемых современным правящим классом.*

Мои предложения для обсуждения:

— законодательные нормы, регламентирующие куплю-продажу земли, должны ориентироваться не на англосаксонскую модель (хотя лично мне она нравится больше), а на центральноевропейскую, например, на законодательство Германии. Немцы сами шестьдесят лет назад «выходили» из социализма Гитлера, у них накоплен прекрасный опыт;

— законодательные нормы должны особым способом защищать первоначальных собственников земли — наших крестьян и их потомков в первом поколении, живущих в городах. Без этого важного дополнения понятие *справедливо* не будет работать, значит, и не будет внутреннего согласия большинства населения нашей страны на проведение реформы, своего рода общественного договора;

— правом владения землей должны обладать только граждане России и бывшие граждане СССР, чьей исторической Родиной является Россия (т.н. русскоязычные). Нельзя допустить, чтобы сегодняшние гастарбайтеры имели возможность укоренения в нашей стране. Лидерство в политкорректности в этих вопросах давайте предоставим более благополучным странам;

— законопослушные граждане РФ имеют право свободно покупать, про-

давать, наследовать, завещать, закладывать свои и приобретенные участки, отчуждать свою земельную собственность, если иное не оговорено прямыми нормами права.

Это системные вопросы, и их надо обсуждать до погружения в детали.

Далее, наверное, самый главный вопрос: наши граждане имеют в коллективно-долевой собственности не менее 107 млн. га земли, и эти земельные угодья являются составной частью современных сельскохозяйственных предприятий, бывших совхозов и колхозов. Встает традиционный русский вопрос — что делать? Существует радикальная либеральная позиция, как это ни является парадоксальным, полностью совпадающая с патриархально-архаичной: «Взять и все поделить поровну». Давайте подумаем и порассуждаем.

1. Существующий неудачный опыт проведения земельных реформ в Иране, Сальвадоре, Чили, Египте состоит не только в различных формах последующего обобществления земель, под разными предложениями и в разных формах, но самое главное — в этих реформах первичным было перераспределение уже действующей собственности, без расширения круга обладателей земли. Это всегда приводило к предсказуемому результату — падению уровня товарности сельского хозяйства.

2. Опыт аграрного постсоветского реформирования сельскохозяйственного производства в Центральной и Восточной Европе, проходивший во многом как политически мотивированное мероприятие по разрушению коллективной формы собственности и возвращению частнокапиталистических отношений в общественную жизнь, продемонстрировал резкое сокращение уровня сельскохозяйственного производства. Надо ли это нашей стране, где социальная жизнь и без этих либеральных «утех» и так еле теплится в сельской местности?!

3. Тот же опыт показал неготовность большого количества восточно-европейских крестьян к крупным изменениям своей судьбы по принятию рисков самостоятельного ведения хозяйства, а также недостаток знаний и навыков участников рыночных отношений. Это в странах, где социализм господствовал чуть более сорока лет, что же говорить о России, где коллективизация происходила в более варварских формах и просуществовала на 15–20 лет дольше.

4. Российский опыт организации фермерских хозяйств продемонстрировал, в отличие от начала и середины XX века: для ведения современного индивидуального сельскохозяйственного производства требуется немалое количество финансовых и материальных средств, особенно на первоначальном этапе. Систему оптимального отбора на кредитование на этапе массового «стартапа» невозможно создать в принципе, банкам необходимо время для идентификации эффективных и неэффективных производителей.

Даже на уровне обыденного сознания становится понятным: чем эффективней было предыдущее сельскохозяйственное предприятие, тем быстрее при приватизации его растащат в прямом смысле слова, и никакие уговоры не подействуют на бывших коллективных собственников. Как поступить? Мне кажется, надо идти от жизни: то, что работает и генерирует прибыль, пускай живет и процветает, в конце концов, *собственность (любая по форме) должна генерировать общественное благо*, а если есть благо, зачем вмешиваться, все решит «невидимая рука».

Итак, предложения.

— Необходима выработка юридических критериев, по которым ныне действующее успешное сельскохозяйственное предприятие не попадает под критерии земельной реформы. Напри-

мер, в течение последних пяти лет оно должно быть хотя бы два года с прибылью до налогообложения и без учета гашения прошлых задолженностей перед государством. Критерии могут быть и иные, главное, предприятие должно создавать *новую стоимость*. Также должны быть предусмотрены определенные правила, особо регулирующие процедуру банкротства в целях недопущения под разными предложениями искусственного разорения. Предприятия могут функционировать, как сегодня, в виде акционерных обществ, и земельные паи будут являться вкладами, на которые могут начисляться дивиденды, или могут быть «народными» с теми же принципами.

— Встает вопрос: если предприятие успешно и эффективно использует земельные доли своих собственников, а человек захотел покинуть предприятие в целях создания своего фермерского хозяйства, — как поступать? Мне кажется, один из выходов из такого положения — выпуск *именных государственных бонов*. Работник вышел из общества, где его доля составляла 20 га, получает на это количество боны, а это дает право на приобретение земли у государства (бесплатно) и организации фермерского хозяйства в другом месте (с возможностью закладывать эту землю в банках). Через 5–10 лет, согласно закону, земля переходит в полную частную собственность фермера, именные боны «гасятся».

— Если сельскохозяйственное предприятие обрабатывает только часть земли, находящейся у него на балансе, а остальная часть не участвует в сельскохозяйственном обороте не менее пяти лет, то эту землю можно передать, согласно закону, в собственность работникам предприятия, исходя из пропорции их долей.

— Те предприятия, которые разорены или распались (а это, между прочим, не менее трети всех сельскохозяйственных обществ России), попадают под действие закона о собственно-

сти. Земля распределяется между бывшими работниками (или их наследниками в первом поколении) из законодательной нормы, например, не менее 30 га на семью, сельскохозяйственное оборудование, если оно даже и не годно, по определенной методике распределяется так же, как и недвижимость в виде зданий и сооружений. Предложения явно не очень оригинальные, варианты могут быть разные, надо все обсуждать. *Хуже, чем сегодня, точно не будет*, если кто видел сегодняшние заброшенные бывшие усадьбы и отделения разорившихся колхозов, разбросанные по вымирающим деревням, меня поймет. Если и после этих мероприятий земля будет в нераспределенном остатке, по суду она должна или национализироваться, или ставится на баланс ближайшего сельского муниципального образования, *бесхозной земли не должно быть в принципе*.

— Необходимо снятие всех ограничений на использование земли и перевод ее в иную категорию земель. Кто хочет заниматься сельским хозяйством, пусть занимается, кто хочет строить турбазы, пусть строит, кто хочет строить заводы и фабрики, пусть строит при соблюдении всех санитарных и экологических норм. Ограничения по свободному использованию могут быть только у особо ценных земель, например, пойменных, они являются достоянием всего общества и должны иметь строго целевое сельскохозяйственное назначение.

Необходимо обсудить и принять и такие принципиальные вопросы: будут ли ограничения по размеру участков, находящихся во владении физических и юридических лиц; как будет осуществляться наследование земель — с дроблением или без него; формулы примирительных процедур; технологии залогов и отчуждений; формы и способы существования сельскохозяйственных кооперативов; какие государственные органы будут осуществлять государственный контроль. Безусловно, нема-

ловажным вопросом являются формы налогообложения и размеры налогов. Надо помнить, что земельные налоги, практически незнакомые в современной России, являются финансовой базой развития местного самоуправления. Будут ли какие-либо льготы при распределении земель государством? И еще множество вопросов, которые можно обсудить за пару лет, пока будет реализовываться программа декollektivизации. Если будет принято политическое решение и начнется реальный процесс ликвидации феодальных земельных ограничений, лишний год ничего не испортит, он только детализирует проблемы и позволит внести во множество законов, сопровождающих земельную реформу, большее количество прямых норм права.

* * *

Параллельно с решением вопроса о земле появятся реальные предпосылки для решения главного социального вопроса — *преодоления жилищного кризиса*, который в моем понимании гораздо страшнее нынешнего экономического кризиса. Он нами унаследован от феодальных практик социализма и так же лубочно характеризует современный меркантилизм.

Поэтому не должно казаться странным, что Институт проблем правоприменения обнаруживает: одним из препятствий экономического развития России и основной причиной завышения цен на базовые блага, в т.ч. и на жилье, являются институциональные ограничения, связанные с доступом к земле, строительству и кредиту, т.е. доступом к институтам собственности. *Источником же этих проблем является государство в лице ответственных чиновников и определяется административной рентой* и процессом ее извлечения «государственными слугами» в виде доступности и легкости в прекращении деятельности любого экономического агента, связанного со строительством.

Подлинный переход от традиционного общества, реальное преодоление многоукладности в социальной «ткани» общества невозможны там, где в очереди на жилье стоит 4,5 миллиона семей, срок ожидания — 15–20 лет, где требуется для удовлетворения жилищной потребности увеличить жилищный фонд почти на 50%, где образованный и культурный человек в зрелом возрасте вопрошает: «Как такое возможно, я всю жизнь честно работаю и не могу заработать себе на жилье?» Такое общество совершенно не стабильно, оно обречено на социальные потрясения, оно постоянно находится в состоянии иррациональности и всего в нескольких шагах от хаоса.

Невозможно преодоление жилищного кризиса без массового малоэтажного строительства, в то же время эта проблема не решается без либерализации рынка купли-продажи земли, в том числе и для тех, кто может строить за свои деньги или через коммерческую ипотеку, и тем более для бюджетного малоэтажного жилья.

Совершенно нет необходимости изобретать колесо там, где реальный опыт устоялся, не мудрствуя лукаво необходимо взять немецкое законодательство о строительстве и просто его скопировать, поскольку там можно найти ответы на все вопросы. Там очень четко прописано, что такое государственный и муниципальный интерес, что такое социальное жилье и признаки его классификации, что делать с частными землями при массовой социальной застройке (разграничено понятие «владение» и «пользование»). И самое главное — полностью (именно полностью) необходимо скопировать их *государственную ипотечную программу*. Она настолько эффективна, что тот ипотечный кризис, который бушует во всем западном мире, практически обошел Германию стороной.

Безусловно, для проведения такой программы необходимо бюджетное финансирование. Если вы помни-

те, в нашей стране существует «Фонд будущих поколений», куда стекаются деньги от налогов на добычу нефти, и его денежные средства размещены на счетах западных банков. Вот он и решит этот вопрос, ведь будущие поколения должны где-то жить. Давайте проведем небольшой расчет: при малоэтажном социальном строительстве, где земля выделена государством бесплатно, коммуникации — за муниципалитетом, и не надо говорить, что это громадные суммы. Просто скучно писать, что для этого не потребуются строить новые ТЭЦ и электростанции, «осваивать» сотни километров траншей теплотрасс — современные технологии научились решать эти вопросы; их надо просто освоить через частные компании под строительный подряд. Как неоднократно сообщали специалисты, квадратный метр такого жилья будет стоить около 20 тыс. рублей. Для простоты расчета возьмем дом площадью 100 м², итого — 2 млн рублей готовый дом. Государственная ссуда под 5% годовых, а не «путинских» 14%, и возврат средств не более 3% от суммы с процентами, на 30 лет. Через 10 лет (для недопущения спекуляций) можно гасить ссуду досрочно. В любом случае после расчета дом и земля переходят в частную собственность домохозяина. Если на первом этапе годовую программу рассчитать как 50 тыс. домов, затраты составят не более 100 млрд рублей в год или 3,3 млрд долларов из «Фонда будущих поколений» — не Бог весть какие деньги. Госкорпорации обходятся в десятки раз дороже.

Пусть по этой программе получателями ссуд станут исключительно люди, добросовестно отдававшие свой долг государству, например, отставные военные, участники боевых действий, сотрудники милиции, бюджетники, преподаватели государственных институтов. По этой же схеме можно запустить и программу, где кредитором может выступать государственный «Сбербанк», на тех же условиях, по

спискам очередников уже местных муниципалитетов, объем программы — также не менее 50 тыс. домов. Итого в год: 100 тыс. домов и 10 млн кв. метров жилья по государственной ипотечной программе, затраты всего — 200 млрд рублей в год. Чиновники, по словам нынешнего президента, воруют ровно в пять раз больше (!). Я вас уверяю, в первый же год этой программы цены уже на коммерческое многоэтажное жилье упадут как минимум наполовину, и предлагаться на рынок эти квартиры уже будут не под самоотделку, а как во всем мире — даже с кухонной мебелью.

Моделей реализации государственных ипотечных программ может быть множество, в том числе и с облигационными займами, и с организацией строительства собственными руками, такие программы обходятся где-то на 30% дешевле. Страны открытого доступа накопили очень богатый опыт по реализации программ строительства социального малоэтажного жилья, надо только отказаться от очередного «особого пути» и попыток государства переиграть предпринимателей в искусстве зарабатывать прибыль на земельных спекуляциях, чем сегодня по благословлению г-на Путина занимается г-н Браверманн в какой-то мутной государственной земельной конторе. Предприниматели все равно победят, как бы это ни было обидно для «вождей» современного правящего класса. В мире немало разработано технологий, позволяющих строить быстро и качественно, эксплуатировать экономно и жить уютно. Все это к нам принесут наши российские предприниматели, государству лишь необходимо создать законодательные условия и через государственную ипотеку сформировать конечный спрос. После расчета по ипотеке с государством дом и земельный участок переходит в частную собственность владельца. Постепенно «невидимая рука» рынка, ведомая юридическими формулировка-

ми и российскими «Феа Мэями», преобразует наши городские деревянные «шанхай» в зоны комфортного проживания. За частоколом наших бетонных окраин появится одноэтажная Россия в виде современных поселков, местами сливающимися с бывшими дачными обществами. И это все не сон Веры Павловны. *Если это удалось в Германии, Ирландии, США, Японии, Южной Корее, Испании, Финляндии и других европейских и азиатских странах, почему это не может состояться в нашей стране?*

Конечно же, может, но почему этого не происходит, несмотря на всю риторику о строительстве социального государства? Просто все это *противоречит экономическим интересам сегодняшней политической власти*, особенно региональной. *Земля — универсальный и показательный ресурс, который полностью контролирует правящая бюрократия*, даже добыча и использование природных ресурсов регламентируется множеством прямых норм закона, современный же Земельный кодекс в нашей стране тоньше любого порнографического журнала. *Власть распоряжается землей не согласно писаному закону, которого нет, а с помощью ручного управления, старого советского феодального обычного права и азиатской традиции*. Не отдельные чиновники, а сама система власти, ее базовые установки сформированные с начала 2000-х, сделали невозможным строительство доступного жилья, современное городское раз-

витие, привлекательный инвестиционный климат и, как следствие, достойную жизнь российских граждан. Когда стоит вопрос о власти, для современного «силового» правящего класса вопрос об эффективном управлении стоит даже не на втором месте, а гораздо ниже. «Сегодня во многих развивающихся и бывших социалистических странах законы о собственности перестали отвечать потребностям и запросам большинства населения. Как может претендовать на легитимность правовая система, если за ее пределами остается 80% населения? Необходимо изменить эту постыдную ситуацию... это триединая задача: необходимо выяснить, что собой представляют реальные отношения собственности, интегрировать их в рамках легального закона и выдвинуть политическую стратегию, способную обеспечить успешность реформ»⁷.

Сегодня та общественная сила, которая сможет перевести на политический язык вопросы деколлективизации частной собственности на землю в интересах большинства населения страны и предложит механизм преодоления жилищного кризиса, сможет в конце концов диктовать политическую повестку дня современной России.

⁷ Э. де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2004. С. 154

Димитрий САВВИН

НАЦИОНАЛИЗМ: ЭТНИЧЕСКИЙ, ИМПЕРСКИЙ ИЛИ ЭТНИЧЕСКИЙ И ИМПЕРСКИЙ?

К вопросу об одном мнимом противоречии

В настоящее время значительная (и надо признать, едва ли не наиболее активная) часть русского националистического интеллектуального сообщества активно пропагандирует своего рода «догоняющую» модель русского национализма. Главная идея этой модели такова: в России никогда не существовало русской нации — такого же типа, как в Европе. И ее еще предстоит выстроить (популярная концепция нацистроительства).

Неизбежным следствием такого рода мировоззрения является попытка критического осмысления русской истории как минимум за последние несколько сот лет — ибо поименованное «отставание» необходимо объяснить. И тут в очередной раз срабатывает «догоняющий» характер вышеназванной концепции национализма. Даже не ориентиром, а эталоном в данном случае выступает современная европейская националистическая мысль. Одной из характерных особенностей которой в свою очередь является ее более или менее ярко выраженный антиимперский императив. Такие понятия, как Нация и Империя, рассматриваются в рамках данной логики как взаимоисключающие.

Подобное мировоззрение, сформировавшееся в силу ряда объективных причин (о которых ниже еще пойдет речь) и сближающее национализм с

регионализмом до степени смешения, несет в себе, однако же, некоторые существенные противоречия. Например, данной концепции полностью соответствует идеология и практика шотландских сепаратистов. Но вот идеи британского национализма в принципе не могут быть объяснены исходя из неизбывного антагонизма Нация — Империя. С одной стороны, Британия в данном случае — это исторически имперское начало. С другой — британский национализм также является объективной реальностью. И подобные примеры не единичны.

Очевидно, что Империя и Нация в некоторых случаях могут существовать и развиваться как минимум вне взаимоисключающих схем.

Ответ на вопрос о том, как именно это может происходить, является для русской националистической мысли принципиально важным. Русская история на протяжении последних пятисот лет — это история в значительной степени имперская. Либо в той имперской традиции, которая была сформирована русской историей, содержится некое национальное начало, которое и следует развивать, либо строительство нации нужно начинать с чистого листа. И тогда русский национализм парадоксальным образом превращается в отрицание исторического пути русского народа

и становится, объективно, антирусской силой.

Дополнительную актуальность данному вопросу придает также и наличие у сторонников русского «догоняющего» нациестроительства оппонентов, придерживающихся абсолютно идентичных с ними взглядов на русскую историю, но делающих из них противоположный вывод. Если национализм европейского типа для исторического русского народа неприемлем, то с ним нужно решительно, раз и навсегда, покончить. Именно на этой точке зрения стоит то течение, которое (условно) можно назвать евразийским. В итоге сейчас выстраивается в сущности одномерный полемический дискурс: нациестроительство с чистого листа, противостоящее некоему евразийскому ордынско-имперскому интернационализму — при том, что у нас нет решительно никаких оснований сводить исторический опыт развития русской нации к подобной альтернативе.

Кровное родство как источник права и национально-этнической идентичности

Для русской монархической мысли (конкретно — для ее наиболее яркого выразителя Л.А. Тихомирова) одним из фундаментальных методологических принципов является то, что разные типы общественно-политического устройства на протяжении большей части исторического развития человечества не сменяли друг друга, а сосуществовали — в одном времени и по соседству. Если встать на эту точку зрения, то получится, что монархия и «власть народа» (демократия, республика) являют собой не эволюционно сменяющиеся, «от менее совершенного к более совершенному», формации, а два разных русла, по которым тысячелетиями шло развитие человеческого общества. В основе каждого потока лежит свое понимание права на власть — право монарха и право наро-

да. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что идея, лежащая в основе той и другой концепции права, одна.

А именно, это естественный для всякого человеческого сообщества *принцип кровного родства и наследования*. Наиболее очевиден он на уровне семейных и родоплеменных отношений. Однако и при дальнейшем развитии общества он остается если не единственной основой выстраивания социальных конструкций, то, безусловно, доминирующим фактором.

При рассмотрении социальной структуры древних Афин, Рима (то есть тех цивилизационных очагов, которые дали миру понятия демократии и республики) и Спарты совершенно очевидно то, что их право так или иначе базировалось на кровном родстве и наследовании. Это отразилось и в названиях соответствующих институтов — спартанская *Герусия* или римский *Сенат* в переводе на русский есть не что иное, как «совет стариков». Римская элита — *патриции* — это люди, «знающие своих отцов». То есть потомки тех, кто некогда основал Рим. (Аналогично — греческие *архонты*.)

Соответственно, в Древней Греции и Риме *монархия* — это частный случай общего наследственного права, которое является базисным для данного понимания государственности.

И в целом в настоящий момент у нас нет оснований считать, что подобная концепция является достоянием исключительно отдельных стран Средиземноморского региона. Насколько можно видеть, почти для всех народов основой легитимности исторически являлась кровная принадлежность. Самый яркий пример — это ветхозаветный Израиль, определявший себя как сынов Авраама, Исаака и Иакова. При этом, например, наследственное священство (колена левитов) у израильтян появилось намного раньше, чем институт монархии.

С развитием социальных отноше-

ний и формированием специфического культурного облика родственные связи и принцип наследования начинали играть все меньшую роль. Однако само понимание источников и природы права оставалось неизменным. Общность культуры, быта, социально-политических интересов неизменно должна была дополняться также и кровной общностью. И расширение круга лиц, имевших определенные права, почти всегда давалось очень болезненно.

Очень наглядно это демонстрирует история Древнего Рима. Еще Сервию Туллию пришлось пойти против принципа наследования и кровного родства, заменив родовые трибы (то есть племена) территориальными и введя плебеев в состав римской общины. В конце концов все эти реформы закончились его гибелью. Следующим этапом стала борьба плебеев за доступ к политической власти (знаменитые плебейские сецессии). И опять же, лишь после длительного противостояния плебс смог существенно расширить свои права (институт трибунов и т.п.).

Противостояние плебеев и патрициев, завершившееся (примерно к III в.) окончанием всякой правовой дискриминации плебса, было своего рода процессом нациестроительства. Хотя сам термин «национализм», как правило, используется применительно ко времени позднего Средневековья (эпоха Реформации), у нас есть все основания считать римлян, по окончании патрицианско-плебейского противостояния, сложившейся нацией. Мы видим общество, все социальные слои которого осознают себя в качестве единого политического субъекта — причем именно этому субъекту и принадлежит право на власть. При этом также очевидно его этническое единство. В сущности, Римское государство этого периода — это государство, выстроенное строго по принципу этнического национализма.

Нечто подобное можно сказать и про Израиль эпохи царей, и про Древнюю Грецию. Причина этого, в сущности, проста: правосознание общества, переросшего родоплеменной уровень, исходило из тех же посылов, что и ранее. А именно, источником всякого права было кровное родство и наследование. Соответственно, этнос характеризуется не общностью веры, культуры и быта (хотя все это присутствовало и было, так сказать, само собой разумеющимся) — этнос (народ) рассматривался именно как некое кровное, генетическое единство. Такое восприятие этничности и строящееся на ней правосознание будут типичны для всей последующей римской республиканской (и значительной части имперской) истории. Весьма показательна в этом отношении «Энеида» Вергилия (бывшая своего рода идеологическим манифестом ранней Империи): римляне, Дом Юлиев в первую очередь, представляются в ней как потомки беженцев из разрушенной Трои, возглавляемых Энеем. Интересно и то, что случившееся еще во времена республики покорение Греции также предстает в данном контексте как своего рода кровная месть — потомки троянских изгнанников покарали эллинов, лишивших их родной Трои.

Этнический национализм древности и античности (который и будет подразумеваться ниже под этническим национализмом) — это идеология социума, который, объективно, вышел за пределы родоплеменной общности, но при этом осознает себя (вне зависимости от наличия или отсутствия к тому оснований) как родственную, почти семейную общность. Это чрезвычайно устойчивое мировоззрение — в силу своей естественности. И столь же устойчивы и государства, которые строятся на этой основе.

Яркий пример этого опять же является собой Римская республика. Соединение патрицианской и плебейской элиты в единый нобилетет и выработ-

ка единой, римской (национально-этнической) идентичности стали основой, позволившей сформировать эффективную государственную машину. Подчинение Италии и три пунические войны вывели Рим в бесспорные региональные лидеры и проложили ему дорогу к подчинению всего Средиземноморья. Ко II в. до Р.Х. это стало очевидной реальностью. Но тогда же Римское государство столкнулось с новой проблемой: этнический национализм, бывший до того одним из важнейших факторов эффективного развития римской экспансии и формирования государства, превратился в свою противоположность, начав объективно работать на распад римской державы.

Будучи более высокой формой осознания социально-политических отношений, чем общинно-семейное мировосприятие родоплеменного периода, этнический национализм, как духовно-идеологический ресурс развития государства, также имел свой лимит. Он был эффективен до тех пор, пока нация (точнее, национальная элита), сформированная по этническому принципу, могла контролировать все государственное пространство. Естественно, что созданная на основе этнического национализма государственная машина была ориентирована на то, чтобы служить политической нации, границы которой определялись римским гражданством. Соответственно, все остальное население подвластных Риму территорий оказывалось, так или иначе, лишь одним из ресурсов национального процветания. Или, выражаясь точнее, объектом более или менее законного ограбления и систематической эксплуатации. До тех пор, пока численный разрыв между римской нацией и остальным населением римской державы был не слишком большим, система была относительно стабильна. Естественно, чем больше был разрыв, тем меньше было стабильности.

То, что римский этнический наци-

онализм в новых условиях исчерпал себя как идеология государственного развития и экспансионизма, наглядно продемонстрировала Союзническая война (91–88 гг. до Р.Х.). Италийские города (союзники Рима) желали, как некогда плебеи, получить доступ к власти, что выражалось в требовании о предоставлении римского гражданства. Римский Сенат отказал — и причины этого шага заключаются отнюдь не в слепом консерватизме патрицианской знати. Ибо распространение гражданства на все свободное население Италии угрожало размыванием исторической римской идентичности.

В конце концов война вынудила Рим удовлетворить требования италийцев. Однако принципиально проблема не была разрешена. Если интегрировать все латинские племена в пределы римской национально-этнической общности (звучит несколько необычно, но в политико-культурном отношении это было именно так) было еще возможно, то с остальными народами римского государства, имевшими чуждые Риму корни и верования, это сделать было просто нереально. Отсюда — политический кризис поздней республики (гражданская война, диктатура Суллы и т.п.), бывший, по сути своей, *кризисом римской идентичности*.

В конце концов выход был найден в эллинистической государственной системе и имперском национализме.

Идея государства-космополиса и имперский национализм Александра Македонского

Римский имперский идеал по своему происхождению римским не является — им человечество обязано одному из самых выдающихся политических мыслителей в мировой истории, Александру Македонскому. Огромные державы силой оружия создавались неоднократно — и до, и после него, но все они (как, кстати, и римское государство республиканского периода) строились на основе идеи этнического на-

ционализма. В частности, огромное персидское царство Ахеменидов, которое стало основой Империи Александра, было именно такой державой. То есть оно было создано персами и для персов.

В противовес этой, уже описанной идеологии, коренящейся в естественном для человека понимании кровного родства и наследования как источнике права, Александр выдвинул иную идею: всемирного государства, государства-космополиса. Оно должно было объединять все народы мира под единой властью, перед которой все эти народы должны быть совершенно равны. Это было новое и уникальное явление в истории политической мысли — как верно заметил Ф. Шахермайр, «Александр самостоятельно создал свою важнейшую идею космополитизма, обосновав ее и пытаясь полностью реализовать». И в этом он превзошел не только современников (включая и его великого учителя, Аристотеля), но и несколько поколений, живших после него.

Идее кровного родства и вытекающего из него правосознания Александр решил противопоставить идею всеобщего единства людей в одном всемирном государстве. Естественным образом встал вопрос о власти: традиционный, «кровный», ее источник был нивелирован: ведь обыкновенно царь был первым среди лучших людей своего народа, но когда твой народ — это все народы мира, то права македонского владыки оказываются сомнительными. Эта проблема была решена благодаря тезису о божественном происхождении Александра, вследствие чего его властные полномочия были в принципе вынесены за пределы понимания их в рамках кровного родства и наследственного права. При этом здесь также важен следующий нюанс — идея божественного происхождения собственной этнической элиты была присуща многим народам. Но Александр был провозглашен божеством египет-

скими жрецами, добавив к этому идею, что он является при этом и сыном Зевса — выйдя, таким образом, за пределы какой-то определенной племенной языческой религиозности.

Таким образом, если раньше он действовал как лидер своего этноса (македонян), в интересах которого он и должен был строить свою политику, то теперь его власть приобретала характер однозначно анагогический (в терминологии Ю. Эволи) и общемировой.

Идея создания имперской государственности (универсальности-космополиса) естественным образом выдвинула следующую задачу: создание новой, имперской нации. К ее решению Александр подошел в целом логично, решив прежде сформировать новую имперскую элиту. Для этого он сознательно стал уравнивать персидских, греческих и македонских сановников в правах и решил связать всех их кровными узами — посредством брака (подав в этом деле пример, женившись на персидской царевне Роксане, а потом еще на двух других). Следствием этого стало знаменитое бракосочетание в Сузах: по повелению Александра дочери знатных персов были выданы замуж за его приближенных. В итоге должна была появиться новая имперская элита — и буквально, и фигурально. Следующим этапом должно было стать создание единой, имперской армии, которое шло двумя путями — традиционным и не очень. Первый предполагал постепенное включение иранских отрядов в армию Александра. Второй — временные браки македонян и греков с азиатскими женщинами, которые поощрялись. Возвращаясь на Родину, воины должны были оставить эти свои новые семьи на Востоке. Сыновей же предполагалось воспитывать в греко-македонских традициях за счет государства, а по достижении определенного возраста зачислять на воинскую службу.

Формально курс Александра на формирование единой имперской на-

ции был верен. Однако после его смерти большинство браков, заключенных в Сузах, распалось. Рухнула также и его держава — основа будущего космополиса, первая в истории человечества подлинно имперская государственность. Однако на ее месте наследниками-диadoхами было образовано несколько государств, в пределах которых зародилась новая уникальная культура эллинизма и продолжилось развитие имперской идеи.

От этнического к имперскому: государства диadoхов и Римская Империя

Среди правителей, наследовавших Александру Македонскому, не было ни одного человека, способного подняться до уровня его политического гения. В этой ситуации естественной была консервативная, реакционная политика — с одной стороны, сохранить полученное наследство, с другой — от малопонятных ценностей Империи-космополиса вернуться к чему-то знакомому и традиционному. Что и произошло, и определило одну важную антиномию эллинистических государств.

По Шахермайру, диadoхи, с одной стороны, «поддерживали идею Александра об уравнивании всех народов Востока» (то есть стремились сохранить созданную им систему), но при этом *«считали, что нужно вернуться к прежнему, националистическому курсу Филиппа, а тем самым к мировоззрению Аристотеля, считавшего греков народами-властителями»* (курсив мой. — Д.С.). Восточные же народы должны довольствоваться положением подданных». Таким образом, вместо так и несостоявшейся имперской нации и имперского национализма произошел откат к национализму этническому. Самое же важное заключается в том, что эта модель оказалась, во-первых, гораздо более устойчивой, чем та, которая была создана Александром, а во-вторых, она объективно ра-

ботала на реализацию целей, которые были Александром обозначены.

Государственная схема, выстроенная на основе этнического национализма, была понятной и дееспособной. При этом, однако же, сразу начался процесс своеобразного симбиоза — взаимной ассимиляции разных этносов. Прежде всего, выработалось устойчивое греко-македонское единство (явление, в Европе немыслимое, но быстро реализовавшееся на Востоке). Затем в этот процесс начали вовлекаться и азиатские элиты. В конечном итоге это могло бы привести к формированию имперской нации, о которой мечтал Александр. Однако в силу ряда причин в государствах диadoхов этот процесс не был завершен. А первым государством, которое сумело его реализовать, стала Римская Империя.

* * *

Кризис римской идентичности (римского этнического национализма, см. выше), который ознаменовала Союзническая война, мог быть преодолен лишь двумя путями. Один — регрессивный — предполагал возвращение к полисной системе, замыкание в рамках города-государства и соответствующей идентичности. Естественно, путь этот был тупиковым. Второй неминуемо означал расширение границ идентичности, чему, в свою очередь, препятствовал принцип этнического национализма. Римская элита высказалась в пользу второго пути, а способ его реализации был выбран также максимально простой — через механическое копирование эллинистической монархии. Образом идеального правителя являлся, конечно, Александр Македонский.

Именно эту схему и попытался — очень откровенно и прямолинейно — осуществить Гай Юлий Цезарь, великий полководец, но весьма посредственный политический мыслитель. Механистичность копирования эллинистического образца стоила ему жиз-

ни. Его пасынок, вошедший в историю под именем Октавиана, сумел учесть ошибки своего предшественника, и именно ему было суждено заложить фундамент Римской Империи — систему принципата. Среди ее важных особенностей для нас особо интересные следующие.

1. Римский этнический национализм. Принципат Октавиана, будучи чем-то промежуточным между диктатурой и монархией, был тщательно замаскирован под республику. Официально Октавиан считался лишь республиканским чиновником, занимавшим несколько должностей (принцепс Сената, консул и трибун — почетный титул Императора никаких полномочий вообще не давал) — но должностей ключевых, делавших его власть чуть менее чем абсолютной. Соответственно, власть официально принадлежала «Сенату и народу Рима», что всячески подчеркивалась. Именно римская нация, а не «первый среди равных», была хозяйкой Империи.

2. Начало формирования имперской идеологии на основе этнического национализма и эллинистических образцов. Первое очень ярко было выражено в «Энеиде» Вергилия (которой Октавиан придавал очень большое значение):

Ромул род свой создаст, и Марсовы
 прочные стены
 Он возведет, и своим наречет он
 именем римлян.
 Я же могуществу их не кладу
 ни предела, ни срока,
 Дам им вечную власть. И упорная
 даже Юнона,
 Страх пред которой гнетет и море,
 и землю, и небо,
 Помыслы все обратит им на благо,
 со мною лелея
 Римлян, мира владык, облеченное
 тою племя.

Здесь мы видим, впрочем, лишь претензию на мировое господство, что

само по себе имперской идеей (идея космополиса) не является. Имперский элемент на раннем этапе был выражен весьма слабо, и он приносился не на уровне теории, а через практику управления, через ориентацию на эллинистическую систему, несущую в себе имперское начало.

3. Наличие развитых национальных гражданских институтов. В этом состояло характерное отличие римской системы от эллинистических монархий Александра и диадохов. Греческое общество, безусловно, сформировало достаточно мощные гражданские институты (которые были одним из основных образцов для римлян). Однако процесс имперского строительства Александр осуществлял на Востоке, что позволяло ему игнорировать (судя по всему, сознательно) гражданские традиции Греции, с которыми его отец и он сам в свое время принуждены были считаться. Правда, переориентация диадохов от имперского национализма Александра на национализм этнический позволила в ряде случаев, в местах компактного проживания греко-македонского населения, воспроизвести некоторые традиционные греческие гражданские институты. Но они были локализованы границами колоний и принципиального влияния на конструкцию и дальнейшее развитие эллинистических государств не оказывали, будучи своего рода привилегией, которую автократор даровал избранной группе своих подданных. Несомненно, эллинистическая монархия стояла гораздо ближе к восточной деспотии, чем к чему бы то ни было еще.

Этот момент чрезвычайно важен потому, что он позволяет четко разграничить условно древний и античный этнический национализм от того этнического национализма, который будет сформирован впоследствии и в Европе окончательно проявится уже в период Средневековья. Безусловно, и держава Ахеменидов, и все государства диадохов были «завязаны» на

этническую идентичность — и в этом отношении, вслед за Шахермайром, мы можем назвать их националистическими. Но во всех этих социально-политических конструкциях либо полностью отсутствуют, либо сведены к минимуму все элементы, которые можно трактовать как формы (или хотя бы основу) гражданского общества. Азиатская деспотия, как и эллинистическая монархия, базируясь на идее этнического национализма, объективно тяготеет к тому, чтобы всякое право и всю власть фокусировать в одном лице — монархе. И следует признать, что, с точки зрения государственного развития, подобная система была весьма эффективной и явно превосходила полисную демократию Греции или Рима.

Особенность Римской Империи заключалась в том, что гражданские традиции здесь были не вынесены на периферию и тем самым нейтрализованы (как это было в державе Александра), а сохранялись в самом ее сердце — имперской столице. При этом трагическая судьба Юлия Цезаря заставила Октавиана всячески подчеркивать республиканский дух новой государственности. Таким образом, 1) концепция эллинистической монархии и 2) этнического национализма дополнялась новым элементом — 3) идеологией гражданского общества. Этот аспект чрезвычайно важен — ведь именно сочетание последних двух факторов породило европейские национализмы периода позднего Средневековья, прямыми преемниками которых являются современные демократии Европы.

4. Эллинистическая идея монарха-божества. Со времен Октавиана римским Императорам усваивается титул Августа, а вскоре становится традиционным их посмертное обожествление.

В совокупности мы видим наличие ряда социально-политических конструкций и сил, которые на первый взгляд являются взаимоисключающими. Однако последующее развитие

Империи показало, что ситуация было не столь однозначной.

Императорская власть, стремясь стабилизировать государство, была вынуждена постепенно идти на предоставление прав римского гражданства уже и не латинским народам, то есть вводить их в состав политической нации. Знаковым событием стало вхождение в состав римского Сената представителей галльского племени эдуев во времена императора Клавдия I. Постепенно список народов, которым предоставлялись все гражданские права, расширялся и логически завершился эдиктом Каракаллы (*Constitutio Antoniniana*) 212 г., даровавшим римское гражданство всем свободным жителям Империи.

На первый взгляд, мы здесь видим формирование имперской нации по Александру Македонскому, только лишь растянутое во времени. Все жители государства-космополиса становятся его равноправными гражданами, а этнический национализм сменяет национализм имперский.

Действительно, в пределах римской ойкумены сложилась устойчивая идеология имперского национализма, которая продолжала скреплять (по крайней мере, Восточную Римскую Империю) еще на протяжении многих столетий. Можно ли сомневаться в том, что Император Юстиниан или его соратник, великий полководец Велизарий, всю свою жизнь стремившиеся возродить Империю, не были имперскими националистами? И для своих подданных они были несомненными ромеями — при том, что первый был этнический славянин, а второй — армянин (армяне вообще будут играть заметную роль в военной элите Византии). Перед нами — пример политической нации, вхождение в которую принципиально не зависело от этнического (кровного) происхождения человека. Определяющим фактором была культура (римский национальный дух, если угодно, менталитет) а

впоследствии и христианское вероисповедание. Это было реализацией идеала Александра Македонского, но реализацией совершенно иным путем, чем тот, который был им намечен.

Александр — впервые в истории — выдвинул (де-факто) концепцию «плавильного тигля», в котором должен был образоваться некий синтез из различных этнических компонентов. Его затея потерпела столь же оглушительное фиаско, сколь и аналогичные мультикультурные опыты в современной Европе и США. Римская же Империя выработала принципиально иную модель формирования имперской нации — на основе эталона римского этнического национализма. Рим задавал политические, социальные, экономические и культурные стандарты. Соответственно, готовность того или иного этноса войти в состав политической римской нации обуславливалось степенью его романизации.

Именно по этому же пути двигались и диадохи, вставшие на позиции македонского этнического национализма, однако им эту эволюцию завершить не удалось. Полностью весь процесс впервые был осуществлен лишь в Римской Империи.

Соответственно, имперский национализм следует рассматривать как производное от национализма этнического. Именно последний является твердой основой для созидания имперской государственности, а имперский национализм (как и имперская политическая нация) формируется на его базе. Не за счет растворения изначальной этнической идентичности и синтеза ее с другими этническими культурами (как это мыслил Александр Македонский), а посредством приобщения к ней других этносов формируется полноценный имперский национализм — таков вывод, который может быть сделан на основе римского опыта имперского строительства.

Христианизация Империи как условие сохранения и развития имперской нации

Как известно, политическая нация является таковой лишь в том случае, если она выступает как субъект права. В рамках этнического национализма вопрос о власти решался в рамках понимания ее как наследственного, кровнородственного права, частным случаем которого была монархия. Эллинистическая же монархия давала принципиально иной идеал — монарх здесь был живым богом, и его власть носила однозначно трансцендентный, аналогичный характер. Соответственно, его власть (как до того в восточных деспотиях) была абсолютной, и именно она и только она являлась источником всякого права. А нация из политического субъекта превращалась в объект политического процесса и переставала быть нацией как таковой.

Это противоречие было заложено в самой концепции имперского национализма; в державе Александра Македонского оно просто не успело проявиться за отсутствием времени (в общем и целом схожая ситуация была и в государствах диадохов). Что же касается Рима, то здесь историческое развитие Империи как всеохватывающего, универсального космополиса выявило этот антагонизм совершенно отчетливо. Чем более укреплялась монархия эллинистического образца, тем более декоративными становились гражданские институты республиканского периода. Правовое сознание постепенно сменялось восточной идеологией полного послушания воле обожаемого владыки. В конце концов это привело к созданию системы домината (при Императоре Диоклетиане). Император становился «Господином» (Dominus) — в Риме так называли своего хозяина рабы. Таким образом, абсолютная власть Императора была закреплена и символически, и официально. Сенат превратился де-факто в городской совет, а старые — граждан-

ские — должности, которые по обычаю занимали Императоры (например, должность трибуна), утратили всякое значение.

Империя как универсальность стремилась вместить в себя все и вся, не оставляя никакого неконтролируемого пространства — религиозного, культурного, политического, социального и экономического. Гражданским институтам, которые позволяли существовать нации как политическому субъекту, в этой схеме места не оставалось.

Для того чтобы нация сохранила свою политическую субъектность, необходима была некая сила, которая бы изъела из сферы влияния государства какую-то, пусть даже и самую малую, часть жизни общества. Такой силой и стала Христианская Церковь.

Чуть более подробно об этом вопросе я уже писал на страницах «Вопросов национализма» (см.: Старообрядчество как модель развития русского гражданского общества // 2010. № 2. С. 66–68). Поэтому здесь отмечу лишь самое главное: Церковь, благодаря медиоланскому эдикту Св. Императора Константина, утвердила в общественном сознании особую систему ценностей, принципиально независимую от государственной власти (сфокусированной в монархе) — чем, пусть и не очень четко, но все-таки ограничивались пределы этой власти и создавалось пространство для развития гражданского общества. В свою очередь, принципы соборного управления, восходящие к Апостолам и закрепленные созывом I Вселенского Собора, блокировали (пусть и не всегда эффективно, но тем не менее) попытки императорской власти вернуть абсолютный правовой статус через подчинение себе Церкви.

Христианизация Империи породила новый правовой субъект — православное сообщество, народ Божий, ищущий воли Духа Святого, которая может быть выражена через соборный разум Церкви. При этом воцерковле-

ние Империи неминуемо вело к тому, что границы православного общества и римской имперской нации со временем полностью совпали. Что же касается церковных соборных институтов, то, несомненно, современная историография еще не оценила по достоинству их вклад в развитие гражданских традиций Европы. Между тем, именно на Поместных и Вселенских соборах была отработана процедурная и процессуальная практика, которая впоследствии станет нормой в европейских парламентах. В качестве примера, можно указать на Халкидонский собор (451 г.). «Он продолжался более трех недель... Всего прошло 7 пленарных заседаний. Это был первый Собор, протоколы заседаний которого полностью сохранились. Необходимо отметить отличную организацию Собора. Он стал прототипом все соборов (а возможно, и парламентов)... четкость и формализованность работы была в некотором роде нововведением в истории Вселенских Соборов. Ее не было ни в Никее (325 г.), ни в Константинополе (381 г.) — на заседаниях этих Соборов не велось даже официальной стенограммы... В отличие от предыдущих соборов, в Халкидоне были выслушаны различные точки зрения, зачитывались протоколы Разбойничьего собора, собирались комиссии для рассмотрения и разбора спорных вопросов, разрабатывались и предлагались на всеобщее рассмотрение проекты резолюций, причем некоторые из них отвергались Собором» (Дворкин А.А. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2003. С. 266).

Следует отметить, что круг вопросов, подлежащих компетенции церковных Соборов, был весьма велик. При этом Св. Императором Юстинианом была введена однозначная законодательная норма: канон имел силу закона, если же закон противоречил канону, то считался утратившим силу (131-я новелла).

Очевидно, что именно Церковь стала в Империи тем пространством, где могло успешно развиваться гражданское сознание и формироваться новые гражданские институты. *Христианизация римского мира сохранила римлян как политическую нацию, при этом сохранив и развив имперский идеал и имперскую государственность.*

* * *

В итоге можно тезисно обозначить следующие особенности соотношения этнического и имперского национализма в их историческом развитии.

— Этнический национализм является наиболее естественной концепцией построения государственности и лежит в основе всякого стабильного имперского строительства. И именно идеология этнического национализма обуславливает, в большинстве случаев, формирование гражданских институтов.

— Имперский национализм является следующей стадией развития этнического национализма. Переход на нее, в свою очередь, обусловлен экспансионистским развитием государства (которое обычно начинается на основе идеологии этнического национализма). Имперская идентичность тождественна этнической в религиозном, культурном и социально-политическом плане, но приобщиться к ней можно не только по принципу кровного родства и наследования, но и каким-либо иным путем. Таким образом, устойчивый имперский национализм в действительности является своего рода расширительной надстройкой этнического национализма.

— Имперское начало, как начало всеохватывающее и универсальное, объективно противостоит гражданскому обществу. Однако Восточной Римской Империи его удалось преодолеть посредством концепции симфонии властей (см. выше), соединившей одно универсальное начало (Империю) с другим (Церковь). Наличие

двух центров силы создало возможность для существования двух политических субъектов, одним из которых и стала римская имперская нация — она же православный народ Божий.

Разрыв имперской национальной эволюции в России

Развитие русского гражданского общества и русского национализма обзорно уже было описано мной в вышеупомянутой статье «Старообрядчество как модель развития русского гражданского общества». Здесь же необходимо отметить лишь несколько аспектов, важных для рассмотрения предмета данной работы.

Со времен Ивана III русское государство начинает в своем развитии ориентироваться на греческую имперскую традицию. Весьма примечательно, что именно в этот период, наряду с имперскими амбициями, начинает бурно развиваться и русское национальное гражданское сознание, знаменосцем которого, бесспорно, был прп. Иосиф Волоцкий. Это была эпоха расцвета русского национализма — причем национализма именно этнического.

Рядом российских историков, а равно и их зарубежных коллег, еще в XIX в. была выдвинута идея европейско-азиатского синтеза, который якобы сформировался на Московской Руси вследствие монголо-татарского ига. В XX в. в России это вылилось в концепцию так называемого евразийства. Однако при изучении русской истории и культуры того времени нетрудно заметить, что русскому человеку XV–XVII вв. была свойственна настоящая культурная татарофобия, остатки которой сегодня еще можно наблюдать в некоторых, наиболее консервативных, старообрядческих согласиях. Показательно, что данное явление проявлялось даже на бытовом уровне. Так, русский человек носил сапог на каблуке — без каблука нельзя, ибо так будет «по-татарски». По тем же соображениям и косово-

ротка носится навывпуск (ибо в порты ее заправляют «татары»). Еще в 80-е гг. XIX столетия в деревнях, где жили последние беспоповцы-поморцы, никто бы никогда не назвал коня или кобылу татарским словом «лошадь», а пса или суку — татарской «собакой». И подобная фобия, учитывая стержневую для русской истории конфронтацию с Великой Степью, совершенно естественна. Культурным же эталоном для русской элиты — вплоть до бытовых мелочей — оставался константинопольский императорский двор (о чем достаточно подробно писал еще И.Е. Забелин). Естественно, определенное восточное (и татарское в частности) влияние имело место, однако оно в целом было слабым. Что же касается «авторитарного стиля» московских царей, то совершенно очевидно, что образцы для подражания они черпали в византийских хрониках, а отнюдь не в «Сокровенном сказании монголов». И если здесь и было восточное влияние, то опосредованное, восходящее через эллинистическую монархию еще к Ахеменидам, но никак не к Каракоруму и Золотой Орде.

Но при этом также нельзя не отметить того факта, что с XV в. начинается процесс активной интеграции знатных татарских родов в русскую элиту. Однако — и тут мы видим полнейшее сходство с аналогичным процессом в Римской Империи — условием подобной интеграции была русификация. Подобно тому, как римляне давали представительство в Сенате и гражданские права наиболее романизированным этносам Империи, русская власть XV–XVII вв. вводила в состав русской элиты наиболее обрусевшие (и, само собой, православные) инородческие знатные семейства.

Таким образом, мы можем констатировать, что имперский русский национализм развивался естественным путем — так же, как в свое время в Римской Империи. Несомненно, этот путь был наиболее многообещающим в

стратегической перспективе. Но он не был реализован вследствие западнического проекта Царя Алексея Михайловича, который до логического завершения довел его сын, Петр I.

То, что Петр I провозгласил (по сути дела, сам себя) Императором, имело очень важный символический смысл. Дело в том, что еще Иоанн IV Грозный, по благословению предстоятелей Поместных Православных Церквей, принял царский титул (то есть, в сущности, титул императорский) и был признан всем православным Востоком наследником константинопольских автократоров. Собственно, русская имперская государственность именно с этого акта и началась. Соответственно, петровское решение присвоить себе императорское достоинство (которое УЖЕ имело несколько поколений его предшественников) выглядит абсурдно. Но оно очень точно отражает смысл его программы (бывшей продолжением программы его отца): создать Россию заново.

Естественное формирование имперской нации как «надстройки» этнического национализма было отвергнуто Петром I, стремившимся, подобно Пол Поту, «писать на чистом листе». Петр на русской почве фактически решил устроить нечто вроде «бракосочетания в Сузах» Александра Македонского: а именно, «гибридизировать» русскую этническую элиту со спешно созданной новой элитой из иноземцев. В результате на российской почве зародилось дворянство как сословие-диктатор и сословие-паразит — во многом чуждое русским традиционным ценностям и самым фактом своего существования разрушающее начавшую было активно формироваться русскую нацию.

Петровский эксперимент оказался в целом все-таки более удачным, чем эксперимент Александра, однако апробированная некогда в Сузах концепция «плавильного тигля», который должен был сформировать имперскую

нацию, продемонстрировала свою несостоятельность и на этот раз. В итоге русский народ оказался разделен трагедией церковного раскола XVII столетия, а дворянство, узурпировавшее государственную власть, становилось все более чуждым абсолютному большинству русских людей. Русский имперский национализм оказался недо-развитым и отчасти уродливым именно потому, что его естественное развитие — на стадии этнического национализма — было прервано «реформами» Алексея Михайловича и Петра I. К сожалению, полностью компенсировать эту историческую «недоношенность» русского империализма не смогли даже такие выдающиеся Императоры-националисты, как Александр III и Николай II.

Резюме

Исторический опыт имперского строительства — от времен Александра Македонского до падения последней великой Империи белого человека — Британской, вполне однозначно свидетельствует о том, что имперский национализм и Империя отнюдь не являются антагонистами этнического национализма. Напротив, они являются естественным следствием его развития. (Ведь и тот же британский национализм был не чем иным, как превосходной степенью национализма английского, о чем не раз было откровенно заявлено его носителями и апологетами — например, Сесилом

Родсом в его «Символе веры».) Имперская стадия — это неизбежность, ожидающая всякий успешный этнос или суперэтнос; и сегодня это называют глобализацией. Противопоставление имперского и национального не имеет под собой сколько-нибудь существенных оснований.

Крах имперского (глобализационного) проекта возможен в основном по двум причинам: 1) перенапряжение сил и 2) размывание той идентичности (изначально этнической), которая лежит в основе Империи. Катастрофа 1917 г. в России никак не была связана с первым, но в значительной степени была обусловлена вторым. Прерванное развитие этнического русского национализма сделало имперский национализм петровского периода внутренне противоречивым, неполноценным и ослабленным. И этот трагический опыт сегодня необходимо учитывать.

В настоящее время, когда речь идет буквально о физическом выживании русского народа, имперская идея — в ближайшей перспективе по крайней мере — просто неактуальна и даже вредна, ибо немедленная ее реализация неизбежно приведет к распылению сил. Новый русский имперский проект, устойчивый и конкурентоспособный, может родиться только естественным путем — как «надстройка» этнического национализма. Но пока не закончен фундамент, глупо начинать строить второй этаж.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

I. ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ —

ЛИШНИЕ СЛЁЗЫ

Ксения Касьянова (В.Ф. Чеснокова). О русском национальном характере. М.: Академический проект — Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.

В предисловии к данному изданию автор, известный социолог и культуролог Валентина Чеснокова, выступившая под псевдонимом Ксения Касьянова (далее: КК), пишет:

«Предлагаемый читателю сборник состоит из двух частей. Первая часть — это книга о русском национальном характере, написанная в 1982 году. Она имела некоторое хождение в “Самиздате”, а в 1995 году была опубликована в качестве отдельной книги. Готовя ее к публикации, я не меняла текста. И теперь, по прошествии 20 лет, также ничего не меняю... Что же касается самих черт характера, то, по мнению автора этой книги, они если и меняются, то крайне медленно, на протяжении многих поколений, — и никакие политические и экономические кризисы не могут на этот процесс повлиять» (с. 3).

Итак, если поверить автору, основное содержание работы не требует ни изменений, ни опровержений. Так ли это?

Мне кажется, что сделанные почти тридцать лет назад наблюдения и выводы культовой, признаем это, книги КК нуждались в серьезной корректировке даже в дни ее создания, а теперь и тем более. Но главное: в этих коррективах остро нуждается современное русское движение, для которого книга КК продолжает оставаться единственным в своем роде, наиболее авторитетным источником, опорой для прогнозов и теоретических построений. (Считается, что она вполне исчерпала

проблему, поставила смысловую точку; вот и многоуважаемый академик Игорь Шафаревич ссылается на нее в своем интервью «Вопросам национализма» (№ 1).)

Правильно пишет КК: «национальный характер — это представление народа о самом себе», которое «имеет поистине судьбоносное значение для истории». Но ведь такое судьбоносное представление надо время от времени сверять: какую именно судьбу оно нам готовит? Не устарело ли? Не требует ли уточнений? Вот такую сверку я и попытаюсь провести.

Итак, какие мы, русские — всегда и сегодня?

I. Комплекс КК

На основании социологических исследований КК рассказывает нам об основных чертах нашего характера, которые можно, вылуцив из обширного текста, выстроить в список из шестнадцати пунктов.

1. Первейшим нашим свойством она называет *терпение* — каковое есть «основа нашего характера». Оно «проявляется в большом и в малом, и даже в самом мельчайшем... В нашей культуре терпение как модель поведения есть, безусловно, ценность, т.е. именно критерий выбора и оценки» (с. 123–125).

«Терпение для нас — не способ достичь “лучшего удела”, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу другого, других, мира вообще — это принципиальная ценность, без этого нет *личности*, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения» (с. 127).

Весьма категорично. Откуда же берется это основное русское качество?

«Постоянная “память о смерти” и готовность к страданиям и есть основание той кроткой и смиренной личности, идеал которой занимает такое высокое место в нашей этнической культуре... “Деликатное терпение го-

стя” и есть стержень мироощущения, на котором основывается наш основной “социальный архетип”» (с. 133–134).

2. «В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается... Апокалиптичность мышления, внеисторичность его» (с. 135).

Причем это означает ориентированность отнюдь не на сиюминутность, на текущий, сегодняшний день — нет; но на Вечность.

3. «Народ, крепкий в своей древней культуре, всегда считает тягу к наслаждению, к эйфории чем-то греховным. Поэтому в стереотипы культурного поведения нашего этнического комплекса не входит яркая мажорность, проявление веселости, уверенности в себе» (с. 138).

4. Инерционность собственных установок, «которая в разговорном языке попросту называется упрямством».

5. «Эмоциональная невоспитанность». Наш человек, «придя в состояние гнева или веселости, становится совершенно “безудержным”, и всякие попытки остановить его вызывают только новые всплески разбушевавшихся чувств» (с. 139).

6. «Наша религия и наша культура в полном соответствии друг с другом ведут нас к свободе дорогою смирения» (с. 234)¹.

7. По шкалам «целеустремленность»

¹ В предыдущих «размышлениях о книге» (ВН. № 4), посвященных работе Сергея Сергеева «Пришествие нации?», приводятся остроумные аргументы ее автора в пользу гипотезы о том, что миф о смиренном русском человеке был выдуман славянофилами, которые «в пироге русской истории сумели оценить лишь тесто, но вовсе не заметили дрожжей» (с. 74). Но, думается, у Касьяновой не меньше оснований для правоты, ведь она пишет именно о «тесте» — господствующем типе.

и «деловая установка», разработанными американскими социологами, выясняется, что «мы, конечно, менее целеустремленные и деловые люди, чем американцы». А шкала «достижительность» на нашей выборке вообще не работает, поскольку «те качества и способы, которые предусмотрены в данной американской шкале, в нашей культуре для достижения целей являются irrelevantными», что позволяет «сформулировать гипотезу, что в нашей культуре существуют собственные архетипы целеполагания и целедостижения, непохожие на западноевропейские» (с. 186).

«Мы выработали такую культуру, которая как бы говорит нам: “добиваться личных успехов — это не проблема... а ты поработай на других, постарайся для общего дела!”». Что и является фактором, объективно снижающим достижительность.

Итог: «и оказывается наш соотечественник человеком, который вечно суется в какие-то другие дела, а свои собственные не делает. Но это только со стороны так кажется. На самом деле он “устраивает” свою социальную систему в соответствии с определенными, известными ему культурными стандартами, а в хорошо отрегулированной социальной системе его собственные дела должны сами устроиться какими-то отчасти даже таинственными и неисповедимыми путями» (с. 191–192).

Наблюдение настолько абсурдное и вместе с тем точнейшее (я лично знал и знаю таких людей), что граничит со злой насмешкой. КК пытается смягчить ее цитатой из архисерьезного стихотворения Анны Ахматовой:

Земной отрадой сердце не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому,
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим крошечным
супостатом...

Я лично не одобряю подобную позицию и не приму ее никогда и ни за что, и люди такого склада меня раздражают, но как не признать ее глубоко русской по сути! Она выводит нас на «вершинный акт самовыражения» в русской культуре —

8. Самопожертвование. «Недаром все исследователи нашей истории конца XIX — начала XX в. в один голос утверждают, что русской интеллигенции в высочайшей степени была свойственна жертвенность: социалисты, террористы, либеральные марксисты, материалисты, народники, толстовцы, политики, критики, литераторы, инженеры, врачи — все отличались этим качеством. И, может быть, за всеми их доктринами, теориями, программами, партийными спорами, уставами, фракциями и т.д. все время, как натянутая струна, вибрировало это чувство: невозможность жить в этой ситуации бессмысленности и несправедливости и желание пострадать, пожертвовать собой... И с тех пор до сего времени на нашем небе постоянно эти кометы. Мы без них не живем, они стали как бы частью нашего постоянного окружения. Казалось бы, пора уже привыкнуть и перестать реагировать. Но слишком это чувствительно, когда живой человек приносит себя в жертву. Уж очень это сильнодействующее средство, и мы все еще достаточно культурны, чтобы воспринять этот сигнал соответствующим образом» (с. 203).

Ну, положим, в нашем обществе готовность принести себя в жертву я вижу в основном лишь у юных русских партизан — скинхедов (т.н. «бритоголовая Русь»). Именно они неложно свидетельствуют: КК права, это свойство в русских еще живо. А значит — живы и сами русские как народ с мощной самобытной культурой, со стойкими архетипами.

9. В тесной связи с установкой на самопожертвование состоит следующая характеристика: «установка на социальное отклонение», характеризующая

«готовность человека нарушить общепринятые нормативы... не веря в их ценность, не ощущая их непреложной необходимости» (с. 212–213). В том числе русская готовность на «преступление границ дозволенного в погоне за удовольствиями, за немедленным удовлетворением желаний, за острыми ощущениями и переживаниями» значительно выше, чем у американцев: более трети против менее четверти.

Это приводит нас к жестокому внутреннему разладу, конфликту между нашей сокровенной сутью (генотипом, по КК) и воспитанием, культурой. Что выражается в высоких показателях у русских по шкале «внутренней неадаптированности», т.е. «неумения достигнуть внутренней гармонии» (с. 213).

10. В сравнении с американцами (т.е. западноевропейцами, считает КК) у русских выявляется высокая степень «враждебности и взволнованности». Она «порождает комплекс внутренних состояний, характерных для т.н. “религиозного фундаментализма”» (с. 218). И это несмотря на то, что в статистической выборке «верующие люди присутствуют, по отнюдь не составляют большинства, а основной контингент состоит из людей, имеющих о религии весьма слабые и путаные представления, что неудивительно в стране, где не только полностью отсутствует религиозное образование, но постоянно и сознательно предпринимаются усилия, направленные на затруднение доступа к какой бы то ни было объективной информации об этой сфере жизни» (с. 219).

Но вопросы, связанные с религией и ее влиянием на национальный характер, мы отложим на потом.

11. Для русских (в сравнении с людьми Запада) высоко характерен т.н. «судейский комплекс» — это именно “комплекс”, т.е. целый набор различного рода качеств. Для нас это означает, по-видимому, прежде всего “*правдоискательство*”, т.е. стремле-

ние установить истину, и затем — это стремление установить объективную истину, не зависящую от меня, от моего существования и потребностей, наконец, в-третьих, это — стремление найти истину *абсолютную*, неизменную, не зависящую от обстоятельств, не имеющую степеней. И, найдя, измерять затем ею себя, свои поступки и чужие действия, весь мир, прошлый, настоящий и будущий» (с. 251). «Наша генотипическая эпилептоидная черта — дикое упрямство — вообще-то весьма смягченное культурой, в этих исключительных случаях, когда речь идет о соответствии поступка с абсолютной истиной, проявляется во всем своем величии» (с. 252).

12. При этом, судя по шкалам «самодостаточность» и «самокритицизм», нам гораздо труднее, чем западноевропейцам, «оставаться со своим мнением в одиночестве, кроме того, мы проявляем большую неуверенность в себе» (с. 252).

13. Субъективность и иррациональность в суждениях как следствие «судейского комплекса», в связи с чем «людей других культур очень часто раздражает наше бесконечное копание в намерениях и предположениях, своих и чужих: что подумал человек сначала, что потом, как он принимал решение, на что при этом обращал внимание, а что упустил из виду и т.д. Какое это имеет значение? Вот перед нами результат, и из него нужно исходить... Но нам, эпилептоидам, важен совсем не результат, а чистота и ясность схемы действия; правильность связей между ценностью и выбором средств для ее реализации и т.д. Этот наш “судейский комплекс”, конечно, своеобразное преломление религиозных христианских принципов: постулат о свободе воли ведет к примату нравственной сферы в области принятия решения и поступка... И сколько ни обучаемся мы материалистическому подходу по “Краткому курсу”, по “Истории партии”, по марксизму-

ленинизму и “научному коммунизму”, в обыденном сознании мы всегда остаемся волюнтаристами и при анализе поступка идем не от ситуации и состояния человека, а от его намерения, установки, от признаваемых им ценностей, т.е. от смысла совершенного им поступка, и по этому смыслу определяем его отношение к объективной истине. Именно этот архетип — “судейский комплекс” — по-видимому, играл и играет в нашей культуре “негэнтропийную” роль: он активно и последовательно противодействует тенденциям к распаду ценностно-нормативных этнических представлений. Он всегда толкает нас к осмыслению ситуации, наведению ясности в своих и чужих линиях поведения, к выявлению смысла» (с. 267–268).

Никакая наука тут русским помочь не в силах, ибо «для науки истина — синоним достоверности, а отнюдь не соответствие высшему смыслу и справедливости» (с. 269) — так итожит КК перспективы данной коллизии. И в таком ракурсе ситуация сразу становится безвыходной, поскольку знать высший смысл чего-либо людям не дано априори, а справедливость есть понятие классовое и национальное.

14. Противоречивое свойство: с одной стороны, «стремление к уединенности», «отказ от социальной активности», а с другой — «потребность в принадлежности к социальной группе» (с. 285)². Это противоречие, по

² Мне довелось постичь эту истину в сравнении, участвуя в мощной, 1,3-миллионной, демонстрации против войны в Ираке, но... в Париже. Люди, съехавшись даже с далеких окраин, шли, свободно выражая собственную волю, никем не понуждаемые, с самодельными плакатиками, флажками и листовками. Шли, потому что так ощущали свой гражданский долг, так демонстрировали свою гражданскую позицию, и это было для них естественно и привычно, хотя вообще-то повод представляется не самым близким к шкуре среднего француза. Я был восхищен,

КК, снимается у русских в стремлении к задушевной дружбе, когда мы так проникаемся представлениями о мыслях и чувствах других членов данной группы и о группе как целом, что, можно сказать, фактически делаем их частью своего Я и идентифицируемся с ними в своем самоощущении» (с. 292).

15. Престиж личности, ее авторитет, ее высокий статус в глазах общества у русских прежде всего связан с ее умением и готовностью отказываться от себя: «полная бескорыстность и строгое (иногда даже педантичное) соблюдение моральных правил — и обеспечивают человеку высокий личностный статус. Они для окружающих — показатель того, что он делает не свое, т.е. не личное дело. Это дело — наше общее, а следовательно, мы обязаны ему содействовать. Поэтому мы все “придерживаем” свои личные дела, “пропуская его вперед”. Это культурный архетип» (с. 318).

КК приводит замечательный своей убедительностью пример: «Какую бы книгу о Ленине вы ни открыли, вы обязательно встретите там упоминание о его “спартанской обстановке”, о его “аскетических привычках” в быту, о том, как он отказывался от присылаемых продуктов в пользу детей и т.п. Цель — показать, что для себя ему ничего не было нужно. Прием классический и всегда действующий безотказно. У простого читателя, особенно женского пола, обязательно на глаза навернутся слезы; подумайте, такой человек, а жил в такой комнатке, а ведь если бы захотел, мог бы иметь все... И пойдя объясняй ей потом, что он в политике не сильно разбирался и что-то так напорточил, что мы до сих пор не можем разобраться. Какое это все имеет значение для оценки челове-

ка, ведь он от всей души хотел, чтобы было как лучше. И вот это-то ему и засчитывается в его личностный статус» (с. 320).

О той же черте характера свидетельствует шкала «эго-сверхконтроль», которая показывает, что русские склонны стараться «в пользу долга, т.е. образцов не юридических, а моральных, заложенных в нашем сверхэго. Это же утверждает и шкала альтруизма» (с. 375).

16. Стремление решать буквально все, не только личные, вопросы неформально, не по закону, а «по человечеству» (по обычаю, по личным отношениям), а желательно еще и по совести.

«Все мы не знаем и знать не хотим своего собственного государства, говорилось уже в начале этой работы. То, что не знаем, — в общем объяснимо, скажем, отсутствием информации, специального образования по этому вопросу, сложностью самих кодексов, но то, что не хотим знать, всеми этими причинами объяснить нельзя... Образовывают нас, образовывают, лекции нам читают, проекты Конституции выносят на наше обсуждение, приглашая участвовать в творении собственной государственной системы. И все зря. Хотя нельзя сказать, что мы не проявляем желания принимать участия в этом творении. Только мы действуем архетипически. Мы идем обычно снизу, от фактов, которые нас задевают или возмущают. Эмоции — безошибочный показатель ценностного отношения» (с. 353–354).

Рассказ об этом загадочном свойстве русских КК завершает весьма выразительным текстом: «Вздыхнет современный опытный князь и скажет: “Когда же вы, черти, будете свои собственные законы знать и уважать? Это все — *все* — сделано по закону, все справедливо. Вы могли этого требовать открытым судебным процессом. Но вы этого не знаете. Когда же настанет такое время, что на Руси будут знать свои права и законы?” — “Тогда,

шокирован и подумал, что никогда ничего подобного мне не суждено увидеть в Москве: нет той черты национального характера...

князь, когда на Руси не останется русских совсем» (с. 355–356)³.

* * *

Все перечисленные характеристики русского народа получены с помощью тестирования, проведенного в ходе специальных исследований как в России, так и в США, что, по-видимому, придает им относительно объективный характер. КК заканчивает свое исследование довольно уверенно:

«Завершив свои описания, бросим общий взгляд на целое. Есть ли в нем что-либо, чего мы не знали бы в себе раньше по своему внутреннему опыту? По-видимому, нет. Когда все эти данные тестов разложены перед нами, мы безошибочно узнаем в них себя: и это в нас есть, и это... И все это отдельными частями было уже много раз описано. Ну, а что же вырисовывается в целом?»

В целом перед нами предстает культура очень древняя и суровая, требующая от человека очень сильного самоограничения, репрессии своих непосредственных внутренних импульсов, репрессии своих личных, индивидуальных целей в пользу глобальных культурных ценностей. Все культуры в какой-то степени построены на таком самоограничении и на такой репрессии, без них нет культуры вообще. Но здесь важна также и сама *степень*. В нашей культуре эта требуемая от человека *степень* необычайно высока» (с. 380).

Я бы оценил книгу не так однозначно.

С одной стороны, признаюсь, книга позволила мне лучше понять многое во мне самом как в русском интеллигенте (причем как в целом, так и по частям:

³ В свете этой мысли приходится задуматься об адекватности нынешнего президента Медведева, юриста, сетующего на всеобщий правовой нигилизм в России и мечтающего, что все у нас можно исправить, если жить «по закону». Но как же быть, если «правовой нигилизм» есть исконный русский архетип?

отдельно — в русском, отдельно — в интеллигенте), по всей сумме совпадений и несовпадений моих личных установок с «комплексом КК» (ККК).

С другой стороны, читая, я с поразительной очевидностью не раз и не два мысленно видел хорошо знакомых мне людей: то собственного отца, всю жизнь ревностно служившего науке ради долга перед человечеством⁴; то русских партизан, таких, как Никита Тихонов, готовых мужественно идти на смерть и на каторгу ради прав и интересов своего народа; а то и совсем юную девушку, Анечку Голубятову из Ельца, красивую и умную, посвятившую себя тяжелейшей работе с дефективными детьми. А как человек, имеющий некоторое представление о русской классической литературе, я должен засвидетельствовать значительное сходство прописанной в ней русской души с картиной, нарисованной КК.

Но вот, с третьей стороны, меня чем дальше, тем больше тревожило смутное ощущение какой-то большой лжи, закравшейся в книгу, возможно, против воли ее автора. Это во-первых. А во-вторых, во мне все росло чувство, что мы имеем дело с явлением, которое хочется снабдить ярлыком «уходящая натура». В подставленном нам зеркале я в итоге не узнал вполне ни себя, ни преобладающий тип моего русского современника. То есть сам ККК еще

⁴ Именем профессора Севастьянова недаром названа улица в Калининграде, где он работал завкафедрой теории корабля. Вот некоторые из его принципов: «Я ненавижу собственность; все зло в мире от слова “мое”»; «Мне ничего не нужно, кроме рабочего стола, чистой рубашки и книг по специальности»; «Интеллигент — это тот, кто при любых обстоятельствах предпочитает духовное материальному»; «Жить для себя неинтересно и пошло. Ты должен найти в жизни то, что выше тебя, и этому служить» (для него этим были: народ, страна, человечество). И т.п. И он действительно жил по этим принципам.

встречается, причем даже среди молодежи, но он все реже и непопулярнее. Идет явная мутация архетипа.

Я бы преподнес главный нерв проблемы так: что в наши дни осталось от того комплекса свойств, на который указала КК, и какая судьба ждет это оставшееся?

Взять хотя бы главное, базовое свойство русского человека, которое КК определила как терпение. Случайно ли наше время породило уничижительный и точный термин: *терпила*? И установку: кто терпит, тот быдло, ничего иного не достойное. Терпеть, по понятиям цветущей современности, — «*западло*» (простите за низкий стиль, но так выражается эпоха). И подобных перелицованных смыслов наберется уже немало. Полюса русской нравственности меняются местами?

Сегодня, когда в русском движении намечился долгожданный разворот от традиционализма к новаторству, оставить без ответа вызов многих веков, аккумулированный в авторитетной книге КК, было бы неправильно. Мы не сможем до конца расстаться с традиционализмом, пока не разберемся досконально с заложенными в ней идеями и установками.

Для этого нужно в первую очередь взглянуть на книгу в контексте ее времени.

II. Марксизму вопреки, наперекор стихиям

По признанию КК, «книга писалась в конце 70-х годов и окончательно была завершена в 1983 году», после чего отправилась, прикрытая звучным псевдонимом, путем Самиздата к читателю. Она прежде всего есть памятник и образец советской диссидентской субкультуры самого высокого — научного — уровня⁵. На таком уровне оп-

понировать Советской власти могли и осмеливались лишь считанные единицы. Это был дерзкий и умный вызов советской пропаганде и общественнознаанию — социологии и футурологии, т.н. «научному коммунизму».

Диссидентским духом книга пропитана насквозь. Она написана хоть и на серьезных научных материалах, но с позиций воинствующего идеализма и православной церковности, что было наиболее характерной особенностью именно для русской полуподпольной патриотической оппозиции (основная диссидентская масса была и не русской, и не патриотичной).

Высоко характерны источники, опорные библиографические ссылки в книге, на которых КК строит свою концепцию. Это, во-первых, польские социологи и психологи (прочитанные в подлинниках Флориан Знанецкий, Юзеф Халасиньский, Бронислав Малиновский, Антони Кемпинский). А во-вторых — православные духовные авторитеты и религиозные мыслители (Святое Писание, святые отцы, Климент Александрийский, епископ Феофан, Добротолубие, Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, житие св. Сергия Радонежского, Алфавит духовный св. Димитрия Ростовского, поучения аввы Дорофея, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Ф. Степун, П. Флоренский, о. Александр Ельчанинов, архиепископ Антоний Блум, архиепископ Сергей Голубцов).

Зачем понадобилось обильное цитирование ученых поляков? Оно травмировало официальную советскую науку, причем двойко: по причине благополучной встроенности коллег в мировую (читай: западную) науку и по причине их сугубой приверженности идеалистической традиции — как адептов той науки и как представителей самой католической в мире на-

⁵ На с. 269–271 автор весьма достоверно описывает общественную атмосферу, в которой задумывалась и писалась ее книга, фрондерские настроения в кругах интеллигенции,

определяющую роль русской религиозной философии и вообще духовно-религиозных исканий в эпоху 1970-х и т.д.

ции. Никакого иного мотива не видно, пиетет, с которым отнеслась к этой группе источников КК, показался мне малообоснованным⁶. Поляки ничего не прояснили в предмете книги, наоборот, многое запутали.

Вот ярчайший пример путаницы: «В своей монографии, озаглавленной “Современные нации”, Флориан Знанецкий выдвигает идею о том, что нация создается группой интеллектуалов данного этноса, своего рода умственной аристократией данной эпохи, которая и вырабатывает комплекс культурных ценностей, долженствующий лечь в основание кристаллизующейся национальной культуры. Этот тезис в последние десятилетия получил развитие, в частности в работах польского социолога Юзефа Халасиньского, где он иллюстрируется конкретным историческим материалом. Эту концепцию мы и попытаемся изложить ниже, пользуясь материалом нашей отечественной истории» (с. 15).

Нас, критически анализируя неслыханно более популярных Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума и их эпигонов⁷, не может ни удивить, ни увлечь подобное провинциальное исповедание веры конструктивизма, отрицающего объективную природу этносов и наций. Но когда мы видим, что отечественный автор столь ответ-

ственной книги о русском национальном характере кладет в ее основание столь безответственную теорию, это заставляет вздрогнуть от недоброго предчувствия. Если краеугольный камень ненадежен, то что же это будет за здание? Увы, сей камень именно таков.

Прочитав название первой главы «Нация как особый этап развития этнической общности», я было возрадовался: ведь это точная и, главное, современная формулировка. Однако тут же оказалось, что и в правильную формулу можно втиснуть ложное содержание. Как сказано выше, работа КК заострена против официальной советской науки, в частности против сталинского определения нации, и это правильно. Но делается это с позиций наивного идеализма, восходящего к «авторитетной» формуле Эрнеста Ренана: «нация — это ежедневный плебисцит» (1882). Между тем данная формула была призвана оправдать перед миром неоправданное самоназвание именно и только французской «нации», являющейся на деле согражданством по форме и этническим конгломератом по содержанию. Она поражает своей нелепостью и бессмысленностью, когда речь заходит о подлинных нациях, выращенных из единого этнического ядра, каковы, например, русские, выращенные из славян, или немцы, выращенные из германцев.

Ренан (чья бешеная популярность в эпоху наших прадедов, связанная в основном с его дерзкой библеистикой и христологией, должна бы уж, кажется, завянуть), вообще в большом фаворе у КК, как, впрочем, и у всех конструктивистов. В другой работе, также вошедшей в книгу, она вновь с восторгом цитирует его: «Великое братство людей со здоровой душой и горячим сердцем создает моральное сознание, называемое нацией». И на этом слабеньком основании КК резюмирует для непонятливых: «Нация — это моральное сознание. Масса книг

⁶ Польская социология в 1970-е гг. была вообще в моде. Но КК настолько прониклась полонофильством, что даже в пересказе евангельской притчи поименовала динарий — пенязем (впервые знакомясь с Евангелием на польском?), а в качестве серьезного аргумента использовала детективный роман Иоанны Хмелевской и беллетристику Элизы Ожешко.

⁷ См. критический разбор конструктивизма, например, в кн.: 1) *Сергеев Сергей*. Пришествие нации? (М., 2010); 2) *Авдеев В.Б., Севастьянов А.Н.* Раса и этнос (М., 2007, 2008), а также в статьях *А.Н. Севастьянова*: Шорных дел мастера // Наш современник. 2007. № 7; Учиться, учиться и учиться... национализму // Вопросы национализма. 2010. № 4 и др.

и работ написана на эту тему, но, пожалуй, более четкой, а главное, более правильной формулировки вы нигде не встретите».

Более *неправильной*, сказал бы я...

Еще один авторитет — это искусственно выращенный в пробирке парижской Сорбонны черный африканец Леопольд Сенгор⁸, председатель Федеральной ассамблеи Федерации Мали, чей крайне неудачный политический опыт⁹ должен бы заставить усомниться в его мудрых теориях: нация-де — «есть воля к созиданию». Об «умном негре» КК узнала от Халасиньского и потому, видимо, поверила в него заочно.

Я не стану более задерживаться на перечислении идейных наставников КК (сюда входят и Х. Ортега-и-Гассет, и Э. Дюркгейм с его: «общество основывается... прежде всего на идее, которую оно само о себе создает»¹⁰, и т.п.), скажу только следующее.

Проблемы, имеющие в подоплеке естественнонаучную составляющую (а таковы все без исключения этнологические проблемы, включая национальный характер), в принципе не могут решаться методами спекулятивной философии, они находятся полностью вне ее компетенции. Тут нужна квалификация другого сорта, котируются расология, этнология и антропология

с генетикой, этология и этнопсихология прежде всего. Вот почему работа КК кажется архаической и даже анахронической.

С позиций дня текущего, работа КК свидетельствует о подспудном росте, внутри позднесоветской интеллигенции, и конечном торжестве религиозного мировоззрения над коммунистической теорией и практикой. Но для нас, сегодняшних, это лишь ирои-комическая схватка вчерашнего дня с позавчерашним, которую постмодернистское сознание вообще склонно обозвать Новой Батрахомиомахией. Увы, эта бесплодная борьба, в принципе не могущая иметь перспективы, отняла у нас впустую огромное количество сил и материальных возможностей, подорвала шансы русских на реванш, модернизацию. Победа позавчера над вчера ничего нам не дала, кроме необходимости «ревизии аксиом» (С. Сергеев), наконец-то осознанной. Такой процесс ревизии имеет глубокую ретроспективу и напрямую затрагивает книгу о русском национальном характере.

Дело в том, что КК подняла проблему, включающую более чем тысячелетнюю предысторию, имеющую психотерапевтический аспект и требующую применения психоанализа.

III. Подавленный инстинкт — гарантия невроза

Книга КК написана в основном на базе данных социологического тестирования, проводившегося в СССР и США по одной схеме, а потому позволяющей, в сравнении нашего человека с человеком Запада, выявить его не только абсолютные, но и относительные характеристики.

Не все устраивает в этой методике, в частности:

1) социально не дифференцированный подход. Удивительно, но социолог В. Чеснокова «забыла» о такой банальности, как социальная психология, которая подсказывает: ментальность

⁸ Основатель философии «негритюда» — теории расового превосходства негроидов.

⁹ Федерация, созданная французской политикой, поставившей на Сенгора, объединила бывшие французские колонии (Мали, Сенегал, Верхнюю Вольту и Габон), но развалилась менее чем через год и, что характерно, именно по этническим, племенным границам. Сенгор со своей волей к созиданию остался президентом лишь Сенегала. Что лишний раз позволяет подчеркнуть: нацию нельзя создать по произволу, она живет сама по себе, по имманентным законам этнополитики.

¹⁰ Цитата из труда с характерным названием: «Элементарные формы религиозной жизни».

человека во многом определена его социальным статусом; у разных классов одной нации будут свои существенные отличия. Грубо говоря, у русского кулака один русский национальный характер, у русского сельского бедняка — другой, у рабочего — третий, у интеллигента — четвертый (о нем разговор впереди) и т.д. Это не значит, что у них не может быть вообще ничего общего, но дифференцировать надо;

2) обследование не этнических русских, а лишь русскокультурных, что граничит с подменой объекта. Правда, судя по всему, процент настоящих русских был достаточно репрезентативным, поэтому я предлагаю считать обнародованные КК данные объективными.

Однако ошибется тот, кто сочтет, что «комплекс КК» — это и есть сердцевина ее работы, главная суть. Нет, суть в другом. Она изложена в главах «Эпилептоидный тип личности», «Религиозный фундаменталист» и «Репрессия как глобальная модель ответа на ситуацию». Именно здесь идет речь о самом сокровенном, важнейшем, здесь русскому характеру дается оценка не враздробь, по пунктам, а в целом. Именно здесь делается попытка объяснить и оправдать этот характер (ибо он нуждается в оправдании).

1. Эпилептоидная личность

Что же представляет собой русский характер с точки зрения психиатрии? Суммировав весь комплекс, мы получаем, по уверению КК, «эпилептоидный тип личности».

Что сие значит? Это ведь уже не характеристика; это — диагноз.

КК цитирует словарное определение эпилептоида: «Эпилептоидная личность — человек раздражительный, эгоистичный, некооперабельный, апатичный, упрямый и отличающийся необузданным нравом».

Эпилептоиды относятся к циклоидам, а «циклоид — человек, подверженный сильным колебаниям со-

стояния, настроения и активности» (по Кречмеру). «Уныние и депрессия в одни периоды, душевный подъем и сверхактивность в другие», — разъясняет американский словарь по психологии и психиатрии (1959).

КК ставит вопрос: «Можно ли описывать наш этнический характер в терминах акцентуированной личности эпилептоидного типа?». И сама отвечает: «В общем, чувствуя свой этнический тип изнутри, мы вынуждены будем сказать, что что-то от эпилептоида в нем есть; замедленность и способность задерживать реакцию; стремление работать в своем ритме и по своему плану; некоторая “вязкость” мышления и действия (“русский мужик задним умом крепок”); трудная переключаемость с одного вида деятельности на другой; взрывоопасность также, по-видимому, имеет место» (с. 147).

Она подчеркивает, что эпилептоид проявляется как болезненное обстреление, как «отвлечение черт эпилептической личности, т.е. больной, а в болезни с человека спадают культурные наслоения и на свет выходит в более или менее чистом виде *генотип*¹¹, т.е. нечто наследственно-природное. Существует много генотипов. Вот есть и такой — эпилептоидный. При слабой выраженности составляющих его черт он пластичен и поддается культурной обработке и регуляции. Только в болезни он становится сильным и жестким, отмечая все попытки его как-то смягчить и преобразовать. Можно выдвинуть осторожную гипотезу, что в какие-то достаточно древние времена, когда оформлялись наши “социальные архетипы”, процесс этот происходил на популяции с довольно хорошо выраженными чертами эпилептоидного генотипа, — и так получилось, что наши культурные параметры этим генотипом заданы» (с. 148).

¹¹ Термин «генотип» употребляется КК не антропологически, а в значении «врожденный национальный характер».

КК еще уточняет свою гипотезу: «Тот “портрет”, который снимается тестом на современной популяции, не есть чистый генотип, а есть *продукт длительного взаимодействия между природой и культурой*. Культура в этом процессе противостоит генотипу. Ее задача не отражать и не закреплять его, а приспособлять к среде, к окружению, некоторым образом “обрабатывая”, культивируя его. Дело генотипа — создавать затруднения, дело культуры — их преодолевать» (с. 149).

Запомним эту главную мысль автора: эпилептоидность русского характера есть результат конфликта русской природы — не в смысле ландшафта, а в смысле натуры (генотипа, по КК) — с русской культурой.

В этом конфликте КК явно стоит не на стороне натуры («создает затруднения»), а на стороне культуры («помогает их преодолевать»).

У меня на этот счет прямо противоположное мнение. То есть, русская эпилептоидность, безусловно, есть результат вмешательства культуры (русской ли?) в наш природный генотип, который некогда был цельным и непротиворечивым, но ныне эту цельность утратил и находится в разладе с самим собой. К добру ли такая победа культуры над натурой, изнашивание генотипа? По-моему, нет.

Впрочем, слово «культура» многозначно. Какое значение вкладывает в него КК? Какая именно зависимость превращает нас в эпилептоидов?

2. Религиозный фундаментализм

Вот параллельная характеристика русского человека со стороны КК, но уже из области не только психиатрии, скорее из политологии: религиозный фундаменталист. Именно так называется шкала, фиксирующая определенные «психологические состояния и некоторое общее мироощущение», по которым русские выбирают максимальное количество баллов. Что же

это за состояния и мироощущение? КК расшифровывает:

«Эти состояния характерны именно для “религиозного фундаменталиста”, т.е. для человека, стремящегося весь свой образ жизни подчинить выполнению каких-то чрезвычайно важных для него моделей поведения, которые имеют для него исключительно большое значение сами по себе. И в связи с этим все его мироощущение пронизано сильной напряженностью и острым ощущением греха. Он предъявляет к себе высокие требования, он очень старается им соответствовать. Но чем строже он соблюдает все правила, тем сильнее в нем чувство неудовлетворенности, внутренней неустроенности, беспокойства и напряженности. Чем более ригористично выполняет он все предписанные способы поведения, тем сильнее в нем чувство греха» (с. 221).

«В этом суть дела: люди *могут* жить по-евангельски, и “религиозный фундаменталист” (даже если он имеет весьма слабое понятие о религии в собственном смысле слова) именно к этой цели и стремится, соблюдая все предписания и правила. Но он этой цели почему-то не достигает, и отсюда его мироощущение, пронизанное глубокой неудовлетворенностью, чувством греха, беспокойством и даже страхом» (с. 222).

«Было бы неправильно предположить, что у “религиозного фундаменталиста” нет глубинной религиозной установки. Она в нем, безусловно, есть: он искренне хочет соответствовать очень высоким религиозным идеалам. Все дело в том, что установка эта не глобальная. Наряду с ней в “религиозном фундаменталисте” на уровне сознания, а иногда и подсознательно, существуют еще и другие установки, не совпадающие с первой. И они требуют к себе внимания, претендуют на осуществление, противодействуют и сопротивляются установке религиозной. Они ее *ограничивают*. Фактически посредством религиозных форм

поведения “фундаменталист” постоянно ведет борьбу с самим собой» (с. 223).

Резюме критика: *перед нами типичный закоренелый невротик с тяжелым комплексом неполноценности и вины.*

КК убедительно продемонстрировала: вот в чем причина постоянного внутреннего раздражения в душе обычного русского человека, вот в чем корень его перманентного невроза, с которым он, может, и рад бы, да не знает как расстаться, вот где скрыта разгадка его эпилептоидности!

Читатель может озадачиться: советские люди 1970-х годов в массе своей — атеисты в официально атеистическом СССР. Не странно ли подозревать в них религиозный фундаментализм? На это КК отвечает так:

«Именно потому и являемся “фундаменталистами”, что не имеем веры в Бога, т.е. глобальной религиозной установки. Мы не имеем удовлетворительного религиозного обоснования нашей морали, а потому ко всем моральным правилам относимся именно по принципу “религиозных фундаменталистов”: мы хотим им соответствовать, мы их прилежно соблюдаем, но одновременно ощущаем их как закон, как внешнее, в лучшем случае как самоограничение, но все-таки, ограничение. Что же они в нас ограничивают? Ответ очень прост: они ограничивают нас самих, естественного природного человека в нас» (с. 224)¹².

Вот мы и еще приблизились к истине на большой шаг: естественный, природный человек — вот кого мы, русские, постоянно, но скрыто и непроизвольно подавляем в себе. Вот кто в ответ бунтует в нас, проявляясь странными поступками, непредсказуемой и неумной взрывчатостью! Ибо «этот внутренний разлад, разлад на

уровне стремлений, порождает постоянное чувство неудовлетворенности, которое в соответствии с опять-таки усвоенными в процессе обучения моделями обращается вовне, на ту среду, которая “заедает”, мешает человеку жить, связывает его, чего-то от него требует» (с. 225).

По мнению КК, «человек не желает гармонизироваться путем воссоединения с природой и подчинения ее закономерностям. Он хочет законодательствовать» (с. 247). Ибо природа якобы «не направляет наших представлений» (с. 250; мнение, полностью опровергнутое этологией).

Исходя из этих постулатов, КК предлагает такое разрешение коллизии:

«Было бы совершенно неправильно советовать ему <фундаменталисту> на манер современных психологов и психиатров перестать принуждать себя и следовать естественному внутреннему импульсу. Он верно оценивает этот внутренний свой импульс как противоречащий тому идеалу, которому он хочет следовать. Поэтому он его и репрессирует. И эта постоянная внутренняя борьба лишает “религиозного фундаменталиста” естественной свободы поведения и мироощущения» (с. 224).

Поэтому, считает КК, для того чтобы перестать быть невротиками, эпилептоидами, фундаменталистами, «нам необходимо поставить перед собою в качестве сознательных идеалов те глубинные ценности, которые существуют в нас на уровне наших “социальных архетипов”. И одна из этих глубинных ценностей, которая наиболее сильно “подавляется” идеалами и эталонами, пришедшими в наше сознание из других культур, это самоотказ и аскеза. Нужно осознать и признать ценность аскезы, самоограничения, жертвенности, для того чтобы наши “социальные архетипы” освободились от коросты выросших на них различных, часто весьма путаных рациональ-

¹² Как видно, мы еще в 1970-е годы духовно, мысленно выпрыгнули из социалистической парадигмы, но только не вперед, а назад.

ных наслоений, а наши оценки своих и чужих поступков на уровне не только чувства, но и слов стали для нас самих прозрачными и ясными, стали однозначными. Но для этого, в свою очередь, необходимо разобраться в том, зачем нужно отказываться от удовольствий и самоограничиваться. Такое осознание принципа, вытекающего из всей совокупности наших архетипов, означало бы придание им *смысла*» (с. 225–226).

По правде говоря, я придерживаюсь совершенно противоположных взглядов. По своим убеждениям (если угодно — по вере) я — натуралист, и полагаю, что истинно и добро лишь то учение, которое не противоречит законам Природы, а находится в соответствии с ними. Все религии, все заповеди мира я поверяю законами Природы: соответствуют — хороши, а нет — плохи. Ведь Природа совершенна, она создана и подарена нам Богом, а потому не может ошибаться, как не ошибается и сам Бог. Законы Природы — суть истинные заповеди Божьи, данные нам без посредников и толмачей. За попытку отвергнуть, «преодолеть», изнасиловать Природу человек каждый раз неизбежно и жестоко расплачивается. В извечном конфликте между Природой и Культурой (которую Фрейд недаром определял как систему запретов, ограничивающих инстинкт) мы — если, конечно, намерены жить на Земле — должны быть однозначно на стороне Природы.

Природа — это Жизнь. Разлад с жизнью не может быть целью жизни, как ни старается нас в этом убедить КК.

А касьяновский невротик-эпилептоид, невротик-фундаменталист в моих глазах есть жалкий Буриданов осел в мире нравственности, лишенный воли к выбору, чей вечный слоган «зелен виноград», хоть он и умирает от духовного голода и физической нереализованности, ежедневно испытывая танталовы муки.

3. Что мы в себе репресслируем

Глава о религиозном фундаментализме — ключевая в книге. Она позволяет правильно понять ключевую же нашу проблему: минимум сорок тысяч лет дохристианского существования наших предков, от появления кроманьонца до крещения Руси, — и одна тысяча лет христианства у русских: чья возьмет? Как будет протекать эта борьба? Что мы, русские, в ней приобретаем? Что потеряем?

Многое сегодня говорит о том, что нам предстоит тотальная ломка тех «социальных архетипов», а проще говоря — черт национального характера, о которых пишет КК. От «ревизии аксиом» наш путь неизбежно проляжет к ревизии идеалов.

И прежде всего нам предстоит прекратить перманентную, жестокую, но бесплодную войну с Божьим миром, который самому Создателю показался «хорош весьма» (Быт. 1, 31). Как вовне себя, так и в себе самих.

Кое-что о том, как эта война ведется, нам поведала КК. Она постулирует: «Человек оказывается перед выбором. Он должен решить для себя: хочет ли он “встроиться” в природные закономерности и удовлетвориться систематическим удовлетворением постоянно растущих потребностей в этой сфере своей жизни или он хочет законодательствовать и следовать за Христом, что включает в себя в качестве неперемennого условия “отвержение себя”» (с. 245–246).

Так нам гарантируется война с собой.

Но одновременно нам гарантируется и война с Божьим миром, который, по словам КК, «в нашем русском понимании гармонизируется не столько красотой, сколько нравственностью» (с. 257). Христос, как известно, именно по собственным нравственным основаниям не только объявил войну миру сему, но даже прямо заявил: «Я победил мир» (Ин. 16, 33). И добавил: «Кто не со Мною, тот против Меня» (Мф. 12,

30). Если мы, отвергнув себя, последуем ему — а ничего другого русским, если верить КК, не остается — то воевать с Божьим миром придется и нам.

Довольно странно обсуждать подобную перспективу в научной рецензии на научную монографию, но такая логика работы.

Основной метод войны подсказывает КК самим названием главы: «Репрессия как глобальная модель ответа на ситуацию». Относя русскую культуру к репрессивным, она поясняет: «Словарь свидетельствует, что “репрессия — это исключение из осознанного понимания некоторых видов психологической активности или содержаний, причем таким способом, который индивид применяет бессознательно. Это исключение может осуществляться посредством: недопущения в сознание, изгнания из сознания, препятствования возвращению в сознание”». И добавляет: «Это механизм, посредством которого некоторым инстинктивным процессам постоянно запрещено возникать в сознании». И, наконец, максимально внятно расшифровывает, ставя последние акценты: «В том и другом случае [репрессия и суппрессия¹³] происходит воздержание от реализации инстинктивного влечения, *если* оно не соответствует определенным, признанным эталонам» (с. 120–122).

Чем оборачивается для личности такое тотальное торжество репрессии над инстинктом? Но это же азбука психиатрии: типично невротическим поведением, невротическими реакциями — скованностью, нарочитой сдержанностью, подавленностью (переходящей в подавленность). Которые периодически, по мере превышения пределов допустимой психологической концентрации, прорываются взрывами: скандалами, выяснениями отношений, истериками, уходами в широком смысле слова (эскапизмом)

и т.д. Иными словами, эпилептоидностью в самом нездоровом варианте.

Все это однозначно свидетельствует о том, что вовсе не новые мотивы и стремления века сего приходят в столкновение с древней архетипической матрицей русской культуры (читай: православия). Все строго наоборот: не столь уж древняя (всего-то тысячу лет) и не столь уж русская культура тщетно пытается подавить древние архетипы русского народа и его инстинкты. Которые, несмотря на это, остаются живы, и, хоть изуродованы-покалечены, а нет-нет да и пробиваются с нездешней силой из-под спуда. Это полностью признает и сама КК: «Мы мягки, кротки, терпеливы и готовы на страдания не по природе своей, а по культуре. Это культура ведет нас путем воздержания и самоограничения вплоть до самопожертвования. Природа же наша отнюдь не такова. Она склонна к бурным и неконтролируемым эмоциональным взрывам» (с. 141). Тем не менее данная культура преуспела настолько, что создала из русских массовый патологический тип, опасный для самого себя и своей будущности.

А какова же наша истинная, «докультурная» (на самом деле с многотысячелетней культурой, хотя и не христианской) природа? Я не могу на этих страницах углубляться в поиск наших подлинно древних, исконных архетипов, отчасти это сделано мною в другом месте¹⁴.

Здесь я хотел бы лишь заявить этот непростой вопрос, а далее указать на самые слабые места в аргументации КК.

IV. Нам нужна новая духовная идентичность

Во-первых, все самые главные, самые заветные идеи автора (о репрессивном характере русской культуры

¹³ Разновидность репрессии — подавление.

¹⁴ Интересующихся отсылаю к материалу «Два письма о русском национальном характере» // Национальная газета. № 3(53), 2002.

и о русском человеке как эпилептоиде и религиозном фундаменталисте) обосновываются, помимо опросов, именно тем массивом святоотеческой и русской религиозно-философской литературы, о котором я упоминал. Это вполне укладывается в традицию русского патриотического диссидентства 1970-х. Однако сама КК объясняет свой выбор по-другому: судя по количеству рукописных списков, сочинения Исаака Сирина, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника «были на Руси самыми читаемыми текстами» (с. 390), а потому-де и сформировали пресловутые архетипы.

Однако сегодня про эти имена никто у нас даже не слышал, кроме глубоко воцерковленных людей. Вот вы, читатель, изучали когда-нибудь поучения аввы Дорофея?

В наши дни, увы, под сомнением стоит актуальность не только этих экзотических авторитетов, но и всей великой классической русской литературы¹⁵. Печально (мне как филологу-русисту — вдвойне), но, видимо, та страна, которую Вадим Кожинов и Владимир Бондаренко именовали «страной слова», кончается на наших глазах.

И вот, в контексте общего вполне зримого процесса, когда русское движение сознательно избавляется от всей ноши традиционализма, включая русскую религиозную философию, попытка КК апеллировать к вечным и неизменным якобы ценностям «русской культуры», да еще со ссылками на авторитет аввы Дорофея *etc.*, не выглядит ни убедительной, ни продуктивной.

¹⁵ Ультраклерикальные русские националисты (например, Г.М. Шиманов) этому только поражаются, считая литературу профанацией религиозного начала, но наиболее трезвомыслящие испытывают тревогу. См. об этом, например: *Сергей Сергеев. Имитация культуры // Сергей Сергеев. Пришествие нации? М.: Скимень, 2010.*

Во-вторых, мне как младшему современнику КК не кажется убедительным и стремление выдать русский народ 1970–1980-х годов за высокоидейный и высоконравственный, сберегший в сердце истинные архетипические ценности и пронесший их сквозь все семьдесят лет Советской власти. Я бы еще согласился, что некоторые рудименты этих ценностей дошли до 1980-х, но не более того.

Ярче всего об этом свидетельствует сам крах социализма, каковой не рухнул бы, будь наш народ так высокодуховен и идеалистичен, как хотелось думать КК. В действительности, однако, народ не хотел работать ни ради высоких моральных ценностей строителя коммунизма, ни из чувства долга перед ближним, ни ради самосовершенствования, духовности и свободы личности. Он как был, так и оставался весьма грубым материалистом по жизни и желал трудиться на себя¹⁶. И КПСС,

¹⁶ Российские марксисты жестоко ошиблись, переоценив идеализм и бессеребренность русского крестьянина, составлявшего перед революцией 86% населения. Интеллигенция напрасно перенесла на народ свои собственные качества. Между тем есть потрясающий исторический факт, раскрывающий кто есть кто. Незадолго до революции русские педагоги провели анкетный опрос среди учащейся молодежи (охвачено было более пяти тысяч учащихся в возрасте от семи до шестнадцати лет; три тысячи — гимназисты, одна тысяча — ученики городских коммерческих училищ и одна тысяча — сельских школ). Речь шла о шкале ценностей, о лестнице приоритетов. Результат потрясает откровенностью: материальный успех гимназисты и ученики городских училищ поставили лишь на последнее, восемнадцатое место, но сельские ученики — на второе (*Миронов Б. Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 2. С. 324.*) Таков народ. Такова дистанция, всегда отделявшая его от интеллигенции. Коммунисты не пожелали этого знать, и коммунизм рухнул.

чтобы склонить его работать на общество, пошла навстречу его притязаниям, вместо того чтобы вовсе вывести их за рамки обсуждения. Тут-то все в СССР и посыпалось.

Рассуждая о нашей великой духовности и жажде высшей, абсолютной справедливости, КК как-то проглядела реальный процесс жизни. Народ оказался проще, примитивней, приземленней, чем ей казалось. Особенно поколение, родившееся в 1930-х гг., не воевавшее, но чье полное лишений детство пришлось на нечеловечески трудные годы и чья жажда компенсации была отчаянной, необузданной. Эти люди сильно разложили даже традиционно живущую идеальными представлениями интеллигенцию.

Чтобы сохранить социалистический путь развития, нужно было неуклонно и ежедневно заставлять весь народ, как простой, так и интеллигенцию, жить *по идеалам*, как жил мой отец и еще немногие одиночки. Но, как выяснилось вскоре после смерти Сталина, это можно было делать только силой, только страхом, только палкой. На это ниспровергатели культа личности пойти не могли. В итоге восторжествовал вульгарно земной принцип материального стимулирования труда, онтологически несовместимый с социализмом.

Концепция КК вызывала бы более доверия, если бы русские, расставшись с высокоморальным коммунистическим идеалом светлого будущего человечества, вернули бы себе (пусть выдуманный Достоевским и К^о) статус народа-богоносца. Но — нет; сегодня можно утверждать однозначно, что русский народ в целом от коммунизма ушел, но к христианству не вернулся¹⁷.

¹⁷ См. об этом, например: Религия и вера в нашем обществе. 25–26 ноября 2006 г. // Мониторинг общественного мнения. 2007. №1 (январь–март). С. 73–74.; Петухов В. Перспективы трансформации. Динамика идейно-политических предпочтений россиян // Свободная мысль — XXI. 2005. №6. С. 63

Хотя в поле зрения обозревателя попадает порой даже такой курьез, как православный социализм (М. Антонов, Г. Шиманов, А. Молотков), но это, мягко говоря, отнюдь не мейнстрим в русском движении. Сегодня можно утверждать, что в книге КК волея-неволей отразилась не только эпоха увядания коммунистической идеи, но и затухание православия — через обострение его противоречий с текущей жизнью.

К сожалению, на мой взгляд, наблюдаемый рост родноверия обещает лишь временное выздоровление в смысле освобождения от невротической эпилептоидности. Но этого недостаточно для выработки новых архетипов и даже для реконструкции наиболее надежных старых.

А между тем нам как воздух нужны новые архетипы и новая духовная идентичность. Возможно — новая религия, адекватная эпохе, ее вызовам, угрозам и посулам.

В частности, в русском обществе не выработано модели нравственного противостояния новой, постсоветской жизни, новому строю, новой власти. (О том, чтобы эту функцию взяла на себя сервильная РПЦ¹⁸, не приходится даже мечтать.) Такой модели, которая была бы наглядна, публична и современна, т.е. не отталкивала бы своей изжитостью, исчерпанностью. Нужна не только новая мораль, но и новые сильные, привлекательные примеры нравственности, и не в рамках субкультуры только (например, скинхедов), а общенационального масштаба.

(табл. 2); Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008; Бызов А.Г. Русское самосознание и социальные трансформации // <http://www.apn.ru/publications/comments11079.htm#comments>

¹⁸ Давно стал притчей во языцех симбиоз процветающего Московского Патриархата и Кремля, воспринимаемый как антинародная и антирусская власть, дважды — социально и национально.

От старого нужно уходить без сожалений. Если наша былая цивилизационная идентичность кончилась (все на свете когда-нибудь кончается), не стоит горевать, ибо у нас есть в запасе идентичность куда более высокого порядка — биологическая, по крови. В отличие от цивилизационной, биологическая идентичность подлежит верификации, может быть надежно удостоверена, имеет объективный характер, и, главное, она всегда при нас. Мы все, в ком течет русская кровь, — родня. Правда, этот медицинский факт требует массового осознания и валоризации.

Тут надо понимать одну важнейшую зависимость. Сохраним кровь — новая цивилизация сама приложится. (Как говорят в народе, были бы кости — мясо нарастет.) А не сохраним — и старая выжить русским не поможет, нас просто не станет, и идентификационный ярлык лепить будет не на кого. Разве что на каких-нибудь «россиян», до которых нам дела нет.

Над этой проблемой трудиться нам — интеллектуалам-националистам.

А с расщепленным сознанием русского невротика-эпилептоида пора расстаться, и непрерывное самовоспроизводство этого типа прекратить. И чем скорее, тем лучше: долгие проводы — лишние слезы.

V. Нотка оптимизма

Отдельным пунктом должен выделить такой контраргумент. КК пытается характеризовать русских как народ в целом, словно бы вослед знаменитой доктрине Леонида Брежнева (на деле — авгура научного коммунизма Михаила Руткевича) о советском народе как обществе социальной однородности. Но в действительности даже в советские годы, когда по уровню жизни мы не сильно отличались друг от друга (во всяком случае, не до степени *классового* различия), русский народ был внутренне решительно не-

однороден. По очень простой причине: к 1989 г., согласно переписи, в РСФСР процент интеллигенции дорос до 30% от всего населения. А это означало, что интеллигенция превратилась в класс; а этот класс онтологически не отождествляется с людьми физического труда, хотя те и другие вместе составляют единый этнос, народ. Имеющий, якобы, по Касьяновой, общую нравственную матрицу.

Единство это, однако, немедленно рассыпается в прах, именно когда заходит речь об идеях, идеалах, базовых архетипах и т.д., что наглядно свидетельствует о том, что никакие социальные архетипы не носят врожденного характера, не наследуются фатально, и вышеуказанная общенародная матрица отсутствует как таковая.

Присяжного интеллигентоведа эти решительные выводы не удивят. В свое время я писал (и в наши дни готов сугубо подтвердить):

«В процессе обучения, то есть овладения специфической классовой культурой, человек умственного труда окончательно расходится с человеком труда физического: они обретают разный язык, разные идеалы, разный классовый опыт, разную мифологию. Разные книги читают, разные песни поют, по-разному воспринимают искусство и религию, по-разному понимают справедливость. По-разному идентифицируют себя, обретают разные исторические и социальные корни: народ мечтает о всемирном братстве людей труда, интеллигенция — о всемирной “ученой республике”...

Будущий интеллигент растет не в изоляции: вокруг него люди. Идентифицируя себя с той или иной группой, слоем, классом, он сознательно вбирает в себя, выстраивает в себе характерные черты этой группы, этого слоя, класса и отталкивает, изживает в себе характерные черты тех групп и классов, с которыми чувствует свою неоднородность и антагонизм. В итоге в нем аккумулируются не только

родовые свойства и качества интеллигента, но и своего рода антисвойства, антикачества, которыми он обязан критическим наблюдениям за людьми физического труда. Среди народных свойств, негативно оцениваемых интеллигенцией, назову, в первую очередь, безразличие ко многим духовным ценностям и предпочтение им ценностей материальных, недисциплинированность, иррационализм, коллективизм, недооценку самостоятельного значения умственного труда и учебы, знаний, наплевательское отношение к себе, своим способностям и здоровью, демократическим свободам и т.д. Таким образом, народ — образец неподражания для интеллигенции. Многие ее достоинства суть его преодоленные недостатки»¹⁹.

Что из этого следует?

Подчеркну и присягну: нормальный интеллигент более-менее сознательно выстраивает себя как «не-народ», отталкиваясь от обобщенного образа человека из простонародья, человека физического труда. И вся интеллигенция, таким образом, в целом более-менее сознательно и целенаправленно переделывает себя в «антинарод». Это корневой, глубинный момент, позволяющий радикально возразить Касьяновой, позволяющий проделать огромную, несовместимую с жизнью дыру в ее популярной концепции. Ибо нельзя сегодня рассуждать об архетипах русского народа недифференцированно: слишком много «развелось» интеллигенции — и теперь уже трудно сказать с уверенностью, кто тут, собственно, русский народ: люди физического (как считалось испокон веку) или же умственного труда.

Диалектический парадокс состоит в том, что народ как целое все же су-

ществует и будет существовать, но теперь уже только в единстве и борьбе этих двух противоположностей, ибо, как известно, «инь» не может быть без «ян», черное без белого, свет без тьмы и наоборот. Поэтому надо признать: в народе (в смысле — этносе), в т.ч. русском, несомненно существует некий общий комплекс архетипов, только существует он не в одном, а как минимум в двух вариантах: прямом и обратном, негативном и позитивном.

Не случайны настойчивые обвинения в предательстве по адресу интеллигенции со стороны «народа» и его ярых заступников: эти люди, обвинители, просто ничего не понимают в ее природе. Не случайны также и не менее настойчивые попытки интеллигенции переделать, перелицевать народ, вывернуть его наизнанку, заставить поменять плюсы на минусы. То и другое — абсолютно бесполезное, глупое и бесплодное, но и абсолютно предопределенное занятие. Нам не переделать друг друга, и в том наше счастье, ибо, разрушив свои антиподы, мы разрушим с ними самих себя, разрушим этнос, народ как таковой. Но такие попытки никогда не прекратятся.

Однако: как дальше жить с такой раздвоенностью? Преодолима ли она?

До революции интеллигенция пыталась заразить народ своими идеями, идеалами и задачами, «разбудить» его. Усилия были тщетны: народ аккуратно сдавал пропагандистов-народников в полицию. А когда он наконец проснулся, разбуженный пушками Первой мировой и грохотом рухнувшего трона, то немедленно показал интеллигенции такое свое лицо, что она остолбенела, и такие свои идеи, идеалы и архетипы, которых она не приняла. На массовое осознание пропасти между народом и интеллигенцией как новым классом ушло добрых лет шестьдесят. Но оно все же состоялось, и в годы, когда Касьянова писала свою книгу, мы уже

¹⁹ *Севастьянов А.Н.* Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса. М.: Книжный мир, 2009. С. 72–75. К перечисленным недостаткам надо бы добавить еще немало.

зачитывались «Вехами», переписывая в заветные тетради пророческие слова о правительственных штыках, одних только защищающих интеллигенцию от ярости народной.

А чем платил нам в 1970–1980-е гг. народ (здесь: люди физического труда)? Сама КК наблюдательно отметила: «Оттесненная на последнюю линию обороны интеллигенция отчаянно и героически воюет, защищая самые элементарные свои права, без которых она просто не может существовать, — права, обеспечивающие ей *возможность думать*. Основное же население — народ (включая сюда и образованные слои, чуждые политики и не входящие в состав интеллигенции) — безмолвствует, взирая на эту схватку. Эту расстановку сил можно интерпретировать как неприятие народом и государственной идеологии, и концепций, вырабатываемых интеллигенцией, поскольку и первая, и последние игнорируют обстоятельство первостепенной важности, обуславливающее восприятие народом любой идеологии или учения, — *они не затрагивают иерархии ценностей*, скрытой в коллективных представлениях, связанных с «социальными архетипами», а потому на них и не отзываются *нравственные чувства* носителей этих архетипов» (с. 99).

Промелькнувшие с той поры три десятилетия многое изменили. С одной стороны, на фоне банкротства всех основных идеологий XX века — либерализма, фашизма, коммунизма — набирает баллы национализм, который по самой своей природе обращен ко всей нации в целом и потому способен служить объединяющим фактором. С другой стороны, онтологическая оппозиция людей умственного и физического труда проявляет себя и тут, обеспечивая разделение на национал-демократов и национал-социалистов (от имени последних выступает специальная фракция интеллигенции,

имеющая в основном неинтеллигентную базу).

Спрашивается, осуществима ли в данных условиях мечта Касьяновой: «Функция интеллигенции как условия — сплотить нацию на основе единства представлений. Но прежде это единство и сами эти представления должны быть выработаны» (с. 22)?

Все вышесказанное заставляет в этом усомниться. Те некоторые воззрения русскокультурной интеллигенции, что выведены в книге КК под видом общерусских, на эту роль явно не годятся, значительная часть нации их уже не принимает. Отчасти сие признала и сама КК в статье, написанной спустя десять лет после выхода прославившей ее книги: «Время же идет, и социальные архетипы, основа нашего этноса, постепенно бледнеют и стираются. Другими словами, задача формулировки национальной идеи, способной нас всех сплотить, становится все сложнее и труднее»²⁰.

Дело осложняется еще и тем, что сама интеллигенция в принципе, по природе своей, не способна к объединению на базе каких-либо общих идей и идеалов²¹. Ибо каждый интеллигент своей особенной головой понимает их по-разному.

Все же отчаяние неуместно. Я уверен, что и на этот раз интеллигенция, сохраняющая с конца 1980-х за собой роль общественного гегемона и вполне еще способная быть одновременно духовным мотором и главной движущей силой национальной революции, справится с поставленной задачей.

Надо только помнить одно. Если что и сплотит нацию, то уж никак не идеалы и архетипы, а исключительно лишь общая кровь, общие права и интересы.

²⁰ Ксения Касьянова. Представляем ли мы, русские, собой нацию? // О русском национальном характере... С. 451.

²¹ См. об этом подробнее: Севастьянов А.Н. Диктатура интеллигенции... С. 27–28.

II. ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО?

Г.М. Шиманов. Записки из красного дома. М., 2006. — 644 с.

Диссидентское движение в СССР во всем его многообразии еще ждет своего историка. Но можно быть уверенным, что фигура православного социалиста Геннадия Михайловича Шиманова (1937 г.р.), убедительно отразившаяся в изданном им самим однотомнике, не останется незамеченной. Оригинальный мыслитель, страстный и бескомпромиссный подвижник, искренний и яркий рассказчик, Шиманов в былые времена удостоивался персонального упоминания в статьях Вадима Кожина и митрополита Иоанна (Снычева), не говоря о множестве статей и книг, вышедших в 1960–1980-е гг. за рубежом. Однако сегодня его имя знают немногие даже в русском движении, в идеологах которого он числился еще в те поры. Почему же? На этот вопрос отвечает его книга.

Шиманов умудрился быть диссидентом среди диссидентов. И даже еще парадоксальнее: если вообще русские националисты представляли в диссидентском движении особую фракцию, своего рода изгоев (поскольку основная масса диссидентов отличалась не только антисоветизмом, но и русофобией), то Шиманов резко противостоял главному — православно-монархическому — направлению внутри этой фракции. Он, во-первых, не был монархистом, а к кумиру русской фронды тех лет Николаю Второму относился сурово и нелюбезно: «Всешутейшие соборы, великокняжеские бордели и помещичий разврат в усадьбах и вокруг усадеб завершились

достойно безответственным и равным предательству отречением от власти Императора Николая II в минуту самую решительную для Русского Государства» (с. 143). Во-вторых, он искренне исповедовал и проповедовал идеалы социализма, что для диссидента вообще было несвойственно. Православная оппозиция коммунистической теории и социалистической практике была одним из краеугольных камней диссидентства, а тут...

В действительности сочетание православных идеалов с коммунистическими вовсе не нонсенс, а вполне естественное дело — так считает и доказывает Шиманов, перемножая одну утопию на другую в цикле «Десять статей о русском социализме». Он убежден, что идеи социальной справедливости имеют корень в Евангелии и писаниях святых отцов²². Вслед за Достоевским он указывает, что «коммунизм произошел из христианства, из высокого воззрения на человека» (с. 421). Слишком, нереально высокого, добавил бы я. Отсюда и стремление к социализму, апология его.

Главный аргумент Шиманова — из сферы морали: «Что же касается социализма, то столь же очевидно, что в случае всеобщей нравственной Евангелизации социалистическая система достигла бы величайшего расцвета, ибо все стали бы добросовестно работать, справедливо распределять и умеренно потреблять. Ясно, что это привело бы к невиданному росту общественного богатства. Основное *нравственное* различие между капитализмом и социализмом как раз в том и состоит, что капиталистический способ производства *экономически* нуждается в грехе (алчности предпринимателей и

²² Шиманов цитирует Иоанна Златоуста: «Бог не сделал одного богатым, а другого бедным». На что можно возразить: Он сделал одного умным, сильным, инициативным, а другого — глупым, слабым, инертным; а богатство и бедность лишь следствие того.

развращенности потребителей), а социалистический способ производства *экономически* нуждается в добродетели (честность, бескорыстие, справедливость)» (с. 404).

Однако, позвольте, кто же строит на песке? Поскольку греха всегда в избытке, а добродетели в недостатке, получается, что социализм попросту нежизнеспособен, капитализм намного лучше учитывает природу человека, а потому и побеждает.

Увы, так оно и есть. Причина исторического поражения и христианства, и социализма — неверная трактовка Природы вообще и природы человека в частности. Грешит этим непониманием и Шиманов, когда берется рассуждать о человеке, его чувствах и стремлениях. Он, например, мечтает:

«Альтернативой обществу эгоистов было бы такое общество, члены которого сознательно ограничивали бы свои личные и семейные материальные потребности действительно необходимым и думали бы не столько о себе, сколько о Боге и Божьем мире. В этом случае они были бы открыты не к химерам быстротекущей жизни, а к ее подлинным глубинам и вечным ее ценностям. И потому были бы здоровее духовно и телесно. И благоуханнее. В таком обществе людям было бы стыдно обладать внешними преимуществами перед другими людьми — и более вкусной пищей, и более дорогой одеждой, и более богатыми домами, и всякими иными удобствами. В том обществе ценились бы не частные богатства и умение их нажить, а добрые дела и добровольная нищета, этот знак сокрушения о совершенных грехах» (с. 440).

Ясно, как божий день, что такого общества Шиманов нигде не видел и не увидит, но почему бы не помечтать! Однако советский эксперимент доказал неопровержимо: массовый альтруизм может быть только принудительным. Он так далек от Бога, как ничто иное...

* * *

Философия Шиманова очень помогает нам понять суть социализма. Отбросить личную заинтересованность в результатах труда: вот чего, оказывается, требует *прежде всего* доктрина социализма. Именно этого добивалась от нас Советская власть, но так и не добилась, потому что *это противоречит природе человека*. И тогда она включила фактор материальной заинтересованности, чем обрекла себя на гибель, потому что *это противоречит природе социализма*.

Ратуя за социализм, Шиманов, что характерно, предлагает нашему нищему, обобранному, насильственно люмпенизированному народу избрать себе путь аскезы — жестокая шутка! (Хорошо хоть не предлагает трудовые армии. Впрочем, социалисты всегда начинают гладью, а кончают гадью... Что, если прислушаемся к их рецепту?)

Шиманов все верно говорит о бесправии русских, но как бы не замечает того, что бесправие — результат бессилия. А бессилие происходит именно от невладения деньгами, главной силой современности, и СМИ — второй по значению силой, производной от первой. Но, оказывается, и не надо стремиться к овладению деньгами — это не по-христиански. Капитализм — бяка, жидовская выдумка. Отрицая частную собственность, проклиная деньги и ссудный процент, православный социалист уподобляется индейским жрецам, заклинающим своих воинов даже не прикасаться к огнестрельному оружию захватчиков-конкистадоров, чтобы не прогневать богов. И в этом — главный парадокс Шиманова. Если следовать его идеям, то у русских никогда не будет сил, а значит и прав.

Евреи отлично умеют выжимать из своих капиталистов деньги на общие еврейские нужды. Пора и нам учиться. А еще бы лучше, коли русские капиталисты сами начали финансировать русское движение. Как объяснить Шиманову и иже с ним, что Иван Кали-

та нам сегодня гораздо нужнее, чем Иоанн Златоуст?!

Зато сам Шиманов отлично объяснил нам, на чем держится двойная утопия православного социализма. Она зиждется, с одной стороны, на неправильном понимании человеческой природы, а с другой — на тотальном неприятии этой непознанной и потому пугающей природы. И на вызванном этим страхом и неприятием стремлении сию природу переделать в корне: заведомо провальное намерение.

Шиманов ярко показал, что стремление к социализму — есть мечта о возврате в золотой век первобытной общины, где все «по справедливости». Мечта, которая уже пять тысяч лет живет в человечестве, с момента массового социального расслоения таких общин. Эта мечта неотделима от бытия дельта- и омега-групп (так называют их социологи; у православных своя терминология: труждающиеся и обремененные). Но она не может быть свойственна альфа- и бета-группам, поднявшимся над общим убогим уровнем жизни. А ведь, между тем, нация — это все вместе, сильные и слабые, умные и глупые, инициативные и инертные, богатые и бедные...

Возможно, социально дефективное (слабое, неумное, инертное) абсолютное большинство примирится даже с военной демократией вместо первобытной общины. Мечтают же у нас о возвращении вождя-Сталина! В крайнем случае — с рабовладельческим строем (при одном условии: рабы только инородцы; именно на это недавно повелись немцы при Гитлере). Но ни феодальная, ни, тем более, капиталистическая формация для них уже неприемлемы, поскольку, видите ли, нарушают «великий принцип» свободы, равенства и братства. А настоящий, таимый глубоко в душе идеал для этого большинства, как уже говорилось, это первобытная община (не случайно Шиманов очень много места

уделяет очередной излюбленной утопии: общинному устройству русского народа).

Почему же мечта о социализме так живуча именно у русских? Потому что, хотя рабовладение в Древней Руси как таковое и было²³, но не было рабовладельческого строя, рабовладельческой цивилизации, как в Египте или Риме. Квазирабовладельческий строй возник у нас на базе феодализма только в XVIII в. (своеобразная историческая реверсия), очень поздно и длился недолго. При этом рабами были не покоренные народы, как во всем мире искони положено, а свои же русские люди²⁴. А параллельно в низших классах всегда существовал строй общинный — в полном или редуцированном виде — даже до отмены крепостного права, а местами и до революции. После же революции он возродился в колхозах, совхозах и многообразных коммунах. Таким образом, наше запоздалое историческое развитие, слишком малый и слишком негативный опыт эксплуатации человека человеком, наше неумение поработать другие народы — все это консервирует общинную психологию у русских, поддерживает тягу к вполне первобытному по сути социализму.

Однако! Ностальгия по общине, след которой столь свеж в памяти народа, может быть еще сильна в низших классах и даже в среднем классе. Но было бы ошибкой возводить эту тягу к социализму («взять все и поделить») в ранг национальной мечты.

Шиманов — справедливо! — представляет как величайшую опасность для нас «состояние гражданской вой-

²³ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: С.-Петербургский университет, 1996.

²⁴ Об этом см.: *Сергеев Сергей*. Дворянство как идеолог и могильщик русского националстроительства // Вопросы национализма. 2010. № 1.

ны в русском народе», которая «не закончилась в 1921 году, а лишь изменила свою внешность, оказалась загнанной внутрь» (с. 644).

Все верно. Но: если так сильно не хочешь гражданской войны — сейчас же перестань агитировать за социализм. «Кажись, это ясно», — как говаривал Пушкин.

Шиманов перестать не может. И напоминает при этом эскулапа, всем больным от всех болезней прописывающего одно средство. Коммунистам, либералам, фашистам, демократам, националистам — всем клистир: православный социализм!

Мечты доктора Шиманова о социализме сами по себе не страшны. Страшно другое — ложные жизненные установки, если они признаны в массовом масштабе.

«Свобода, равенство, братство. Вот без чего нельзя жить», — признается Шиманов (с. 593), и это его интимное признание зловеще. Самая зловредная ложь всех времен и народов; самый подлый обман, заливший кровью весь земной шар; вся скверна мира, воплотившаяся в этом смертоносном заблуждении; то, с чем жить на самом деле нельзя, можно только быстро сдохнуть, — все это, оказывается, для Шиманова — идейный наркотик. Псевдооснова жизни. После этого, конечно, встаешь в тупик, как и о чем с ним говорить, спорить... Но, как видим, приходится.

* * *

Мечтает Шиманов и о том, чтобы сделать РПЦ хоть чуточку русской, хоть немножечко национальной. Пусть не как иудаизм для евреев (что, на мой взгляд, было бы лучше всего), но хоть немного поближе к русскому народу. Он заклинает и вопрошает:

«Симбиоз РПЦ и русского народа это необходимое условие общего их существования. Общего их спасения.

Какая это простая мысль. Казалось бы, самоочевидная. Но почему же тог-

да в Русской Православной Церкви не слышно ни слова о русском народе? О происходящем его уничтожении? Почему в Русской Православной Церкви нет ни одной храмовой молитвы о спасении и возрождении русского народа? Такая молитва, помимо ее прямого и главного назначения, правильно ориентировала бы русских мирян. Напоминала бы им, что они русские и что у них есть свое русское дело в миру. Соединяла бы их в начаток возрожденного русского народа. И привлекала бы в РПЦ ныне рассеянных русских людей, разрозненных и дезориентированных именно по той причине, что нет в ней молитвы о русском народе. Нет в ней слова и мысли о русском народе. Ведь это же факт, что нет и не может быть у русского народа иного объединяющего духовного центра, кроме Русской Православной Церкви. А она не объединяет его и не хочет о нем молиться.

Но, может быть, РПЦ, будучи окруженной враждебными ей силами, боится молиться о русском народе? отступилась от него, видя его травлю и уничтожение? и надеется на то, что до нее очередь не дойдет?.. В этом случае она лицемерит, говоря о своей свободе после крушения Советской власти. И ее заявления подобного рода не более, чем повторение в новых условиях известной декларации митрополита Сергия.

А если она свободна, но равнодушна к судьбе русского народа, то в чем же тогда причина этого равнодушия?» (с. 469).

И далее Шиманов убедительно аргументирует свои претензии:

«Богословы, возможно, выявят и значение нации в этом мире, и социальные ориентиры, помогающие народам строить их национальные дома. Но сегодня они к этому явно не готовы. О чем свидетельствуют, помимо многого другого, т.н. “Основы социальной концепции РПЦ”, выработанные за последние года и утвержденные на

Архиерейском соборе в августе 2000 г. Об этих «основах» достаточно сказать, что русский народ в них даже не упомянут, а по отношению к капитализму и социализму выказано одинаково благодушное безразличие. Вот тебе и ориентиры» (с. 472).

Самое парадоксальное, что предпринимает в данной связи автор, это попытка связать воедино русский национализм, социализм (синоним интернационализма) и христианство (синоним космополитизма). Однако, поскольку ждать от РПЦ дрейфа ни к русскому национализму, ни к социализму не приходится, надеяться остается только на себя. Его итоговое умозаключение в конце цикла статей о социализме таково: «Единственный правильный ответ на работу сынов дьявола — самоорганизация русского народа вокруг Русской Православной Церкви» (с. 482). Довольно неожиданный вывод после всех вышеприведенных сомнений, не правда ли? Тот ли это центр притяжения?

Шиманову очень трудно агитировать за социализм (якобы русский идеал общественной жизни) и православие (якобы национальную русскую религию), но он делает это упорно, даровито и подвижнически. Стоически перенося боль от ударов о подводные камни и мели, отвечая парадоксом на парадокс, верой на скепсис. А иногда с невинным видом противоречит сам себе: «Священство должно быть вне политики, как политики большой, так и политики миниатюрной» (с. 476). Посмел бы он такое посоветовать раввинам!

Впрочем, у Шиманова есть перлы и почище: «Правильно понятый национализм — это, как уже сказано, путь к единству всего человеческого рода» (с. 516). Чтоб я сдох! — как говаривал Штирлиц... Если православный социализм есть утопия в квадрате, то национализм, понятый по Шиманову, — утопия в кубе. Какое может националисту быть дело до человечества, до этой чи-

стой воды фикции?! Настоящий националист прежде всего как раз и убежден в фиктивности понятия «человечество»...

Признаться, с национализмом у Шиманова никогда не было и нет ясности по самым важным, основополагающим моментам. Еще в 2000 г. он писал:

«Что такое национальная идеология и зачем она нужна, из каких идейных узлов она состоит и как ее выработать? НЕИЗВЕСТНО. Какова роль религии в этой национальной идеологии? НЕИЗВЕСТНО. Что должно стать нашей мировоззренческой основой — Православие, неоязычество, атеизм или что-то еще? НЕИЗВЕСТНО. Социализм или капитализм? НЕИЗВЕСТНО. Монархия, парламентская республика или какое иное политическое устройство? НЕИЗВЕСТНО. Надо ли русским создавать свои общины по месту жительства? НЕИЗВЕСТНО. Кто русский и кто не русский, какие должны быть критерии? НЕИЗВЕСТНО. Как нам строить свои отношения с другими народами России и остального мира? НЕИЗВЕСТНО. Нужно ли русским свое национальное государство и, если да, то каким оно должно быть? НЕИЗВЕСТНО» (с. 556).

О чем говорят вопросы, мучающие Шиманова? Они в первую очередь свидетельствуют о плохой — из рук вон! — координации в русском движении. Правая рука у нас не ведает, что делает левая — и наоборот. Отсутствие центра, отсутствие единой организации, общей газеты и т.д. сказывается скверным образом на состоянии умов. Вечно у нас своя своих не познаша. Мы не читаем, не изучаем с карандашом в руках, не обсуждаем, не пропагандируем друг друга. К тому времени, как Шиманов опубликовал свои вопросы, основные ответы уже были получены, а сейчас они существуют уже в сугубо отточенном, законченном виде. Но беда в том, что ни Шиманов не брал в руки, скажем, «Национальную газету», где годами «перетирались» все

эти темы²⁵, ни я, ее главный редактор в 1997–2008 гг., не брал в руки «Молодую гвардию», где печатался Геннадий Михайлович. Это урок всем нам: мы должны, обязаны пестовать горизонтальные связи, обязаны вдумчиво читать друг друга...

* * *

Книга Шиманова большая, увлекательно написанная, по-юношески задорная, горячая, задевающая. В ней есть еще с чем поспорить (например, письма «К русской учительнице» и «В Аргентину», поражающие тотальным непониманием русской литературы, ее именно национально-воспитующего значения), но — и с чем согласиться восторженно, например, «О тайной природе капитализма», «Большие провокации (марксизм, гитлеризм и “Протоколы сионских мудрецов”»)» и др. Шимановскую статью о семье — «Гнездо человечь» — я издал бы массовым тиражом как учебное пособие, выдавал бы в ЗАГСх всем подающим заявление на брак.

Есть и просто умные, хорошие мысли, например:

«Нас приучили шарахаться от русского национализма, как от какой-то скверны. Нам продолбили голову, уча, что мы — державная нация, поэтому нам не к лицу свой русский национализм. Нам нельзя, подобно другим народам, заботиться в первую очередь о себе. Наш долг думать сразу о всех и затыкать собою все дыры в общем доме, в котором русским не оставлено даже угла. Так воспитали нас наши враги, потому что именно в русском национализме правильное отношение русских людей к своему народу.

Национализм — это любовь к своим, верность своим, работа на своих

и защита законных интересов своих сородичей. В национализме здоровое понимание основы всякой общественности — деление людей на своих и чужих. Понимание того, что это деление и разное отношение к своим и чужим придумано не какими-то злоумышленниками, оно установлено Творцом. Любить заповедано не чужих, а своих, потому что люди в их нынешнем грехопадном состоянии способны любить чужих, как правило, лишь за счет своих. По отношению к чужим достаточно справедливости и уважения, если они этого уважения заслуживают. Чужим можно даже помогать, если эта помощь не в ущерб своим. Но помогать чужим, когда они обворовывают и выживают из жизни твой собственный народ, значит соучаствовать в его убийстве...

Свои — это естественная и потому единственно здоровая духовная среда для всякого человека. В славянских языках само слово “свобода” происходит от корня, означающего “пребывание среди своих”. Поэтому разрушение твоего народа — это разрушение твоей свободы, разрушение твоего нравственного лица. У кого его нет, тому и горя мало. У того и нет заботы о своем народе. Но разрушение твоего народа — это прежде всего и больше всего духовная катастрофа для твоих детей, обреченных жить в больном мире и дышать его гнилым воздухом с самого их появления на свете. Кто этого не понимает, тот не понимает ничего. При любых знаниях. А кто понимает, тот засыпает с мыслью о своем народе и просыпается с мыслью о нем. И это естественно.

Национализм сродни семейному сознанию, потому что нация в идеале это большая семья...

Вот как хорошо понимают значение русского национализма враги русского народа и как плохо понимают его значение т.н. патриоты. То есть люди, подменяющие любовь к своему народу любовью к родине, а русскую на-

²⁵ Предлагаю читателю посетить интернет-сайты: nationalka.ru, а также sevastianov.ru, где можно без труда найти огромный массив наиболее актуальной русско-националистической литературы.

циональную проблематику — общероссийской проблематикой. Будучи, по дурной российской традиции, пангосударственниками, патриоты предельно политизируют общественную проблематику, не оставляя в ней места для фундаментальных для жизни нации тем (осмысление которых как раз и питает здравую национальную политику). В результате работа по самоорганизации русского народа подменяется у них работой по созданию разнообразных политических химер» (с. 366–367).

Прекрасно сказано! А если и есть что добавить, то Шиманов это сам и делает:

«Патриотизм идеологически всеяден. В нем нет организующих нацию идей, они подменены в нем идеей служения своему государству или своей партии, которые решают, что хорошо, а что плохо. И в чем истинное благо России... Связь Русской земли с русским духом в патриотизме уже надломлена, а потому рано или поздно должна оборваться. Своя земля оказывается и своей, и не своей. И святыней, и проходным двором для кого угодно. Постепенно она перестает быть святыней и становится проходным двором. А затем и окончательно чужою. Поэтому она сегодня у нас так заброшена и замусорена. Такую землю не жалко покинуть. И ее покидают. Кто раньше, кто позже.

Превращение Русской земли в нерусскую заложено в патриотической идее, но оно не бросается в глаза. Оно обнаруживается в основном практически, оставаясь в теории замаскированным “любовью к родине”. Воспитанным в патриотизме трудно понять, что патриотизм в российско-советском его варианте — это ловушка для простодушных. Это инструмент антирусской политики в руках правящих космополитов» (с. 370–371)²⁶.

Браво!

Надеюсь, читатели, если сумеют достать малотиражную книгу Шиманова, получат не только пищу для ума и импульс к яростной полемике, но и ощущения литературного гурмана от острого, пряного, вполне экзотического текста.

²⁶ Обращаю внимание: цитируемая статья Шиманова написана в 1998 г., как раз когда из-под пера автора этих строк вышло небольшое родственное по духу эссе «О патриотах и националистах». В то время мы не были даже знакомы ни лично, ни через публикации. Думается в данной связи, что было бы правильно этим годом датировать принципиальное расхождение названных дискурсов, явившееся результатом ожесточенной дискуссии, длившейся не менее трех лет. Хочется верить, это итог окончательный, пересмотру не подлежащий.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мартин Терри. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. — 855 с.

Выход русского перевода книги Терри Мартина — долгожданное событие. В русском переводе этот фундаментальный труд наконец-то сделался доступным для каждого российского читателя. На мой взгляд, без ознакомления с этой книгой невозможно не только адекватно воспринимать советскую историю, но и понимать реалии современной Российской Федерации, чьи границы (внутренние и внешние) и федеративное устройство были заложены именно в тот период и на тех принципах, о которых пишет Т. Мартин.

Монография профессора Гарвардского университета Терри Мартина, посвященная ранней советской национальной политике, увидела свет сравнительно недавно, в 2001 г.¹, и практически сразу же стала классическим исследованием, сформировавшим новую парадигму в области изучения национального вопроса в СССР. До этого на Западе уже имелась многочисленная литература о советской национальной политике, над которой трудилось целое поколение экспертов-советологов в 1960–1980-е гг. Но практически вся эта литература была сильно идеологизирована и писалась в основном для того, чтобы обвинить Москву в ущемлении прав национальных меньшинств. Поэтому западные эксперты пытались доказать, что советские власти проводили политику тотальной русификации с целью слить многочисленные эт-

носы и национальности СССР в единый русскоязычный «советский народ», тем самым вызывая недовольство народов, желающих сохранить свою национальную самобытность. Рисуя эту схему, западные авторы исходили из того, что советская власть занимается нациестроительством в привычном, европейском смысле этого слова: а именно, что посредством ассимиляции и культурной унификации советское руководство планирует построить мононациональное государство, которому бы соответствовала единая гомогенная советская нация.

Но такое восприятие советской национальной политики в корне неверно: советская власть, вместо того чтобы строить единую советскую нацию (например, на базе русской культуры и русского языка), последовательно и кропотливо разводила различные этносы по «национальным комнатам» советской коммунальной квартиры, если воспользоваться метафорой Юрия Слезкина, чья статья² во многом предвосхитила книгу Т. Мартина и активно цитировалась в 1990-е, подготовив поворот в понимании советской национальной политики. Исследование Мартина впервые, с привлечением обширной фактологии (архивные материалы, редкие газетные и журнальные публикации 1920–1930-х), продемонстрировало всю специфику советской империи, которая не вписывается в привычные европейские рамки. «Одним из самых поразительных свойств советской национальной политики 1920-х гг. была ее непримиримая и бескомпромиссная враждебность ассими-

¹ *Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.*

² *Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.*

ляции, даже ассимиляции совершенно добровольной» (с. 48). Какой поразительный контраст с европейской практикой nation state! Советская власть культивировала этническую специфику различных групп населения, щедро наделяла их собственными национальными территориями (от национальных республик до национальных сельсоветов), национальными языками и национальным образованием (вплоть до того, что родителей *заставляли* отдавать детей в школы с преподаванием на родном языке), вместо того чтобы строить единую нацию-государство. Для европейского сознания это непредставимо: это как если бы руководство Франции создавало бы на своей территории провансальские, бретонские и пр. национальные республики и *заставляло* бы местное население изучать провансальский, бретонский и другие местные языки. Более абсурдную ситуацию сложно представить. И тем не менее, именно в этом и состояла политика советской власти, которая просто не укладывалась в голове у многочисленных советологов прошлого.

В русском переводе книге дали название «Империя “положительной деятельности”», что, на наш взгляд, не очень точно передает ее смысл. Словосочетание «The Affirmative Action Empire», которым озаглавлен труд Т. Мартина, стоило бы перевести как «Империя позитивной дискриминации». Сама переводчица Ольга Щёлокова предлагает вариант «Империя позитивных действий»³, что, на наш взгляд, ничем не лучше того названия, которое дал книге выпускающий редактор. Это спор не только о словах, но о сути всей концепции. Аффирмативное действие — западный термин, обозначающий политику, направленную на создание льготных условий для групп населения, ранее подвергавшихся дискриминации, с целью возместить причинённый им ущерб. Например, в

рамках политики аффирмативных действий в США для цветного населения и сексуальных меньшинств был введён ряд квот при приёме в учебные заведения и на работу. Таким образом, создается дискриминация наоборот («позитивная дискриминация»): доминировавшее большинство просят «потесниться», а в привилегированное положение ставятся угнетавшиеся до этого группы граждан.

Для большевиков бывшими угнетателями в царской России являлись великороссы, а бывшими угнетёнными — нерусские. Поэтому «позитивная дискриминация» по-советски была направлена именно против русских, а привилегированные условия создавались для всех нерусских, вне зависимости от степени их культурного развития (от узбеков до финнов). Отсюда принципиальный вопрос, который влияет и на стратегию перевода: подвергались ли русские в СССР дискриминации в результате «позитивных действий» советской власти?

Т. Мартин отвечает на этот вопрос утвердительно и приводит соответствующие факты: этнических русских в Средней Азии и на Украине увольняли с работы в госаппарате, чтобы заместить их нерусскими (с. 193, 497), у русских крестьян и казаков на Северном Кавказе, в Казахстане и Средней Азии изымали землю в пользу националов (с. 88), русские деревни в Татарстане облагались большим налогом (с. 87), татарские студенты получали стипендии на 10–15% больше, чем русские (с. 240) и т.д. Эти факты прямой дискриминации русских были впоследствии устранены, но на протяжении всего советского периода русские оставались дискриминированы по такому важнейшему параметру, как наличие собственной национальной государственности в составе Союза. У всех крупных народностей СССР были свои национально-территориальные образования (за исключением немцев, у которых собственную республику отня-

³ <http://regenta.livejournal.com/524815.html>

ли в 1941 г.), и только русские были лишены своей «русской республики».

Как показывает Т. Мартин, это было сознательной политикой советских властей. «Русские в Советском Союзе всегда были “неудобной” нацией — слишком большой, чтобы ее проигнорировать, но в то же время и слишком опасной, чтобы предоставить ей такой же институциональный статус, какой был у других крупных национальностей страны» (с. 542). Консолидированная русская республика, резко преобладающая по численности, территории и ресурсам над другими национальными территориями, мгновенно бы разбалансировала СССР, создав центр власти, альтернативный общесоюзному. Поэтому «больше всего Сталин боялся отдельной русской республики» (с. 545), «Ленин и Сталин очень хорошо понимали, что русские представляют для советского единства исключительно опасную угрозу, и именно поэтому настояли на том, чтобы русские не имели ни собственной полноправной национальной республики, ни всех прочих национальных привилегий, которые были даны остальным народам СССР» (с. 542).

Между тем наличие собственной национальной государственности в составе СССР, как это показывает пример Украины, было эффективным механизмом защиты национальных интересов «титულიной нации» не только на самой территории республики, но и за ее пределами. Так, руководству Украины удалось наладить украинское образование (путем экспорта преподавательских кадров и учебников, давления на общесоюзные органы) в Сибири и на Дальнем Востоке, лоббировать создание украинских национальных советов (с. 396–491) в приграничных территориях РСФСР.

Одним из важных факторов национальной политики большевиков, о котором пишет Т. Мартин, был «пьемонтский принцип»: советская власть надеялась создать благоприятные условия для национально-культурного разви-

тия в приграничных территориях и тем самым завоевать расположение национальностей, проживающих за пределами советских границ, и в конечном счете, под лозунгом объединения разделенных народов, распространить на них советское влияние. Так, Молдавская АССР была ориентирована на жителей румынской Бессарабии, Карельская АССР — на Финляндию, Белорусская и Украинская ССР — на польские территории с белорусским и украинским населением. Однако «Украинская ССР брала на себя роль Пьемонта не только в отношении украинцев, живущих за пределами Советского Союза, но и в отношении украинцев, живущих в России» (с. 389).

В 1924 г. произошло беспрецедентное расширение Белоруссии, которой передали 16 уездов с 2 миллионами населения (руководствуясь тем, что там проживало значительное число белорусов). «Русское руководство оказавшихся под угрозой Витебской и Гомельской губерний РСФСР развернуло среди населения этих губерний активную кампанию по противодействию этому» (с. 379), но безуспешно. Вдохновленная примером Белоруссии, Украина стала претендовать на территории, входящие в состав Брянской, Курской и Воронежской губерний РСФСР, ссылаясь на наличие там значительного украинского меньшинства. Требования Украины из-за изменений политической конъюнктуры на общесоюзном уровне так и не были удовлетворены, однако в результате пограничных споров между Украиной и РСФСР «русские региональные руководители ощутили, что у них нет своей республики и республиканской партии, которая бы защищала их интересы столь же активно, как и Украинская республика защищала национальные интересы Украины» (с. 549). Границы национально-территориальных образований в СССР прочерчивались без учета русских национальных интересов, что в долгосрочной перспективе

имело пагубные последствия: распад СССР в 1991 г. лишь завершил то отторжение русских территорий (в пользу Казахстана, Белоруссии, Украины), начало которому положила советская национальная политика.

«Символы идентичности, которые поддерживали советские власти, были поразительно похожи на те, которые дороги независимым националистам всего мира: национальный фольклор, одежда, кухня, революционные герои, “прогрессивные” исторические события и классические литературные произведения» (с. 258). Большевики, пытаясь упредить развитие национализма среди нерусского населения и сделать советскую власть «родной» в глазах национальных меньшинств, активно развивали национальное образование, предоставляли националам льготный доступ к руководящим должностям («коренизация»), прочерчивали внутренние границы по национальному признаку. В результате была создана система национальных территорий, просуществовавшая до самого распада СССР и давшая начало независимым национальным государствам (русские, не имея в составе СССР русской республики, после распада СССР своего национального государства, соответственно, не получили).

Т. Мартин подробнейшим образом рассказывает об эволюции советской национальной политики. В середине 1930-х, на волне общей централизации и борьбы с «буржуазными националистами», советская национальная политика отчасти была пересмотрена, но отнюдь не упразднена. Например, «тотальная украинизация была отменена, но и русификация Украины не началась» (с. 483). «Программа положительной деятельности перестала быть публичной» (с. 507), но никто ее опять же не отменял. Русская культура (в советской ее интерпретации) была реабилитирована, но русские так и не получили собственной республики. В русских областях были лишь свернуты на-

циональные советы (преимущественно украинские и белорусские), в результате чего РСФСР негласно «была разделена на русские территории, где национальные меньшинства не имели особого статуса, и нерусские автономные республики и области РСФСР» (с. 559), «к середине 1938 г. в русских областях РСФСР остались только русские школы» (с. 563). Но при этом «РСФСР так и не стала официальной представительницей русских национальных интересов» (с. 568).

«В империи позитивной дискриминации русское национальное самосознание сознательно притуплялось для того, чтобы укрепить единство многонационального советского государства» (с. 403). Как это напоминает современную Российскую Федерацию! Это и неудивительно: фундамент Российской Федерации был заложен именно советской властью. Поэтому книга Терри Мартина столь важна и актуальна: в ней рассказывается о том, как закладывались основы современной российской государственности, краеугольным камнем которой является «позитивная дискриминация» русских в пользу институализированных нерусских меньшинств.

Александр Храмов

Вишленкова Елена. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. — 381 с.

Книга профессора Елены Вишленковой посвящена визуальной репрезентации «русскости» в XVIII — первой трети XIX в. Автор анализирует многочисленные гравюры, литографии, лубки, живопись, статуэтки, изображения на посуде, игрушки простонародья и пр. в попытке понять, как конструировался образ русского народа в глазах элит и простонародья и какие измене-

ния этот конструкт претерпевал. Изображение — особенно в рассматриваемую эпоху — не было вторичным иллюстративным приложением к тексту. Оно во многих случаях являлось первичным и жило самостоятельной жизнью. Так, «многие издательские проекты начинались с изготовления гравюр» (с. 55): рисунки могли кочевать из издания в издание, а подписи и комментарии к ним лишь составлялись и переписывались постфактум.

Имперские элиты листали сборники гравюр, изображавших народы России с запада на восток — от лопарей до камчадалов — и проникались ощущением величия и многообразия своего государства. Не менее важную роль играли визуальные образы в жизни неграмотного крестьянского населения. Копеечные лубки массово продавались на ярмарках, висели в избах. Не имея доступа к тексту, только путем обращения к рисунку крестьянство могло вырабатывать в себе зачатки групповой идентичности, осознавать свою принадлежность к русскому народу.

Интервал времени, рассматриваемый в книге, выбран неслучайно. Именно в начале XIX в. произошел перелом — эпоха Просвещения сменилась эпохой наций. Люди XVIII в. имели представление о многообразии народов. Но в просвещенческий век классификации и ранжирования всего и вся (см. М. Фуко) народы воспринимались не как субъекты политического действия (=нации), а всего лишь как объекты классификации, наряду с растениями или минералами. Так, в 1776 г. И.Г. Георги издал гравюры Х. Рота в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов...», широко разошедшемся среди образованной публики и долго служившем в качестве наглядного справочника по имперской этнографии. «Энциклопедия Георги построена в соответствии с методологией естественных наук, которую сформулировал Карл Линней», — цитирует Вишленкова Р. Уортмана (с. 56). «Образы представлены

взору рассматривающего их зрителя подобно образцам флоры в гербарии, а текст их описания включал элементы систематизации по внешним признакам и видам» (там же).

Русский народ в этом «гербарии» был представлен по остаточному принципу. «Георги не искал в России русского народа. “Россианами” он назвал тех жителей империи, кто еще не был распределен по прочим группам» (с. 61). Если прочие окраинные народности были четко очерчены именно в качестве народностей, то русские как единая народность выделены не были. Соответственно, не было и их единой визуальной трактовки. Место русских на страницах сборника Георги занимали сословные и территориальные группы: «Калужский купец», «Валдайская баба», «Российский крестьянин». Эта ситуация вполне сочеталась с абсолютистским устройством Российской империи: источником суверенитета в ней (как, впрочем, и в других государствах того времени) был не народ, а монарх. Несмотря на то что Екатерина II «заявляла о себе как о *русской* императрице <...>, русская идентификация верховной власти не сопрягалась с конкретной группой подданных. При наличии у тех, кто называл себя (или кого называли) “русскими” или “русаками”, разных вариантов костюма, языковых диалектов и социальной сегрегации было совершенно непонятно, кого и на каких основаниях следует относить к собственно “русским”» (с. 69).

Но постепенно русский народ начал становиться более четко очерченной реальностью, которая в перспективе могла претендовать на то, чтобы стать полноценной нацией. Перелом же, отделивший эпоху наций от эпохи Просвещения, в России (как, впрочем, и в остальной Европе) произошел во время наполеоновских войн. Французская нация в лице своей призывной армии вторглась в страны старого династического порядка и наносила поражение за поражением европейским монар-

хам. Нация оказалась настолько эффективным средством мобилизации и модернизации, которое впервые пощастливилось испробовать французам, что элиты других стран поняли: французской нации надо противопоставить свою собственную.

В разгромленной и оккупированной французами Пруссии заговорили о немецкой нации, в России, когда колонны Наполеона неуклонно продвигались к Москве, заговорили о русской нации. Образ русского народа из статичной картинки в «имперском гербарии» трансформировался в образ народа, ведущего партизанскую войну против чужаков. Российские элиты стали апеллировать к единому русскому народу и противопоставлять его французам. «В текстах многоголовому чудищу — наполеоновскому войску — противостоял единый и неделимый герой, “Руской народ”» (с. 169). Карикатуры из патриотического журнала «Сын Отечества» и афишки московского градоначальника Ф.В. Растопчина расходились по России в многочисленных, изготавливаемых кустарным способом лубках. На лубках с французами сражалась не регулярная армия, а старостиха Василиса с вилами и крестьянин Сила Богатырев с топором.

После окончания наполеоновских войн Александр I, стремившийся в Священном союзе реанимировать донациональный династический порядок в Европе, хотел отойти от демократичной (сражающееся простонародье) и националистичной визуализации прошедших событий. Прошедшая война стала изображаться при помощи античных аллегорий, образ русского народа, противостоящего французам в лице крестьянства и городских низов, был вытеснен со страниц журналов и фактически попал под запрет. Но джинна национального самосознания уже выпустили из бутылки. Перелом произошел — и образ нации стала пробиваться уже в других сферах, например, в академической живописи. Так, русский

народ предстал на картинах А.Г. Венецианова, обратившегося к созданию портретов простых крестьян. Предшествующее развитие навыка мыслить и воображать нацию «подготовило восприятие крестьянских портретов венециановцев в качестве символов “русскости”» (с. 298). Работы Венецианова были доступны не только элитам — их массово тиражировали в литографиях. «Популярность венециановских образов в 1820-е гг. сопоставима только с успехом военных карикатур» (с. 244).

Автор завершает книгу рассмотрением дискуссии издателей «Отечественных записок» (1818) П.П. Свинына и «Журнала изящных искусств» В.И. Григоровича о русской национальной живописи. «Дилемма — соотносить ли границы “русскости” с территориальными границами империи или поставить их в зависимость от социального статуса, уровня культуры или границ этничности — обнаружилась и в конструировании “русской школы” в искусстве» (с. 287). Свинын, по мнению Вишленковой, локализовал «русскую школу» живописи в границах Российской империи, а Григорович «сопрягал ее с историей этнической группы, а не государства» (с. 289).

«Способность грамотных и неграмотных зрителей видеть в графическом образе не единичного человека, а группу людей, идентифицировать ее в качестве “русской”, соотносить себя с ней формировалась годами» (с. 263–264) — вот основной посыл книги, и с ним сложно не согласиться. Исследование истоков формирования визуального образа русской нации тем более важно, что, как отмечает во введении сама Вишленкова, в социогуманитарных исследованиях произошел крен в сторону изучения окраин, а «“центр” и “русский вопрос” как самостоятельные проблемы применительно к истории Российской империи сейчас почти не изучаются» (с. 11).

Александр Храмов

АВТОРЫ НОМЕРА

Галкина Елена Сергеевна

историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Глисон Грегори

(р. 1947), Ph.D., профессор университета Нью-Мексико (США), профессор в области изучения проблем евразийской безопасности Центра Джорджа Маршалла

Илляр Пьер

(р. 1954), профессор международных отношений Высшей школы внешней торговли (ESCE), доктор политических наук (Париж, Франция).

Крылов Дмитрий Мстиславович

(р. 1969), Ph.D., генетик, публицист. Научные интересы: этнобиология и этнопсихология. Создатель концепции автономных и гетерономных этносов. Автор множества научных и публицистических статей.

Крылов Константин Анатольевич

(р. 1967), философ, публицист, общественный деятель, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», президент Русского общественного движения, автор книг «Нет времени» (2006), «Прогнать чертей» (2010).

Лабаури Дмитрий Олегович

(р. 1982), историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета (Екатеринбург), автор монографии «Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии (1894–1908)» (2008).

Морозов Евгений Филиппович

(р. 1948), полковник в запасе, геополитик, публицист, редактор «Русского геополитического сборника».

Неменский Олег Борисович

(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Саввин Димитрий Владимирович

(р. 1984), историк, публицист. Автор ряда статей по русской церковной истории и по современным проблемам политической и церковной жизни.

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011) и др.

Сусов Антон Александрович

(р. 1981), публицист, общественный деятель, координатор Русского гражданского союза.

Холмогоров Егор Станиславович

(р. 1975), историк, публицист, главный редактор интернет-сайтов «Русский обозреватель» и «Новые хроники», автор книг «Русский проект: Реставрация будущего» (2005), «Русский националист» (2006), «Защитит ли Россия Украину?» (2006).

Храмчихин Александр Анатольевич

(р. 1967), политолог, заместитель директора Института политического и военного анализа, автор книги «Русские на войне» (2010).

SUMMARY

The seventh volume of «Issues of nationalism» begins with the set of articles devoted to the problem of the combination of state territorial unity and unity of nation on an example of modern Russia. Historians, political scientists, public figures discuss models of imperial unitarism, national democratic federalism, East slavic unity.

The theme of the volume is «Nationalism and revolution». The conference with participation of historians, political scientists, public figures was devoted to the essence and motive force of national revolution. Main questions they asked «Why national revolution had not taken place in Russia? Is national revolution possible? Which forms can it take?» Historian Oleg Nemensky analyzes results of «velvet» revolutions in the Eastern Europe in his article. Political scientist Pavel Svjatenkov tries to understand whether it is possible to consider «orange» revolutions on the post-Soviet territory as national?

The section «Institutes of the national state» is devoted this time to army. Publicists Evgenie Morozov and Alexander Hramchihin discuss consequences of modern military reform, geopolitical priorities of Russia and necessary measures for restoration of power of its military forces from different points of view.

Reflections of american scientist Gregory Gleason on the specificity of foreign policy in USA and of french scientist Pierre Hillard about consequences of «Kosovan precedent» for geopolitics of the Balkans are presented in the section «Translations»

Historian Dmitry Labauri tells about ways of functioning of national mythology on an example of the Bulgarian national movement at the end of the 19th — beginning of the 20th century.

«Issues of nationalism» continues the publication of chapters of «The Ethnopsychology Alphabet» book by ethnopsychologist Dmitry Krylov.

Publicist Alexander Sevastyanov complets a cycle of articles «Race of civilizations: a leadership secret»

Publicist Ivan Rusakov continues to develop the concept of decollectivization of property in Russia as main precondition for creation of Russian national state.

Historian Dimitry Savvin tries to prove theoretical possibility of «ethnic imperial nationalism».

Alexander Sevastyanov reflects on a problem of Russian character and ideologem of an orthodox socialism in connection with K.Kasjanovoj and G.Shimanova's books.

The volume ends with reviews on new books by Alexander Hramov.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 – 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 04.10.2011.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8-964-551-49-52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8-916-950-61-43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8-964-580-19-92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.